

Игорь Пыхалов

Великая оболганная война

www.rus-crisis.ru

«Великая оболганная война»: Эксмо-Пресс; М.; 2005

Аннотация

Последние два десятилетия в сознание жителей нашей страны упорно внедряются штампы и стереотипы, призванные «дегероизировать» Великую Отечественную войну. Как «общеизвестный факт» преподносится учёба в Советском Союзе Геринга и Гудериана. Редкий из нынешних фильмов о войне обходится без заградительных отрядов, расстреливающих отступающих красноармейцев. В каждую очередную годовщину Ленинградской блокады российские СМИ вспоминают благородного маршала Маннергейма, якобы спасшего город на Неве от уничтожения. Эти и другие популярные военные мифы подвергнуты критическому разбору в книге Игоря Пыхалова.

Рассчитана на широкий круг читателей, которым небезразлична недавняя история своей страны.

Предисловие автора [5]

Глава 1. Ковался ли в СССР фашистский меч? [9]

Глава 2. Была ли «обезглавлена» Красная Армия? [43]

Глава 3. Миф о кавалерии [67]

Глава 4. Надо ли стыдиться «пакта Молотова-Риббентропа»? [85]

Глава 5. Воевал ли Советский Союз на стороне Гитлера? [116]

Глава 6. Советско-финляндская война: поражение или победа? [149]

Глава 7. Советско-германское экономическое сотрудничество [184]

Глава 8. О чём докладывала разведка? [227]

Глава 9. Судьба перебежчика [279]

Глава 10. Впал ли Сталин в прострацию? [284]

Глава 11. Мифы Ленинградской блокады [304]

Глава 12. Правда и ложь о советских военнопленных [318]

Глава 13. Заградительные отряды: вымысел и реальность [355]

Глава 14. Штрафные батальоны [390]

Глава 15. О наших потерях [440]

Глава 16. «Винтики» [458]

Использованная литература [463]

Примечания

Список иллюстраций

Предисловие автора

Любой уважающий себя народ обязательно имеет свои святыни. Для народов страны, носившей когда-то гордое имя СССР, а до этого называвшейся Российской Империей, такой святыней является память о Великой Отечественной войне. Здесь и скорбь о погибших, и гордость за одержанную победу, и понимание справедливости того дела, за которое сражались наши бойцы.

Тем не менее, последние два десятилетия в общественное сознание упорно внедряются штампы и стереотипы, призванные «дегероизировать» ту великую войну. Чего только не узнаёшь сегодня, глядя на экран телевизора или листая страницы массовых изданий! Оказывается, Геринг и Гудериан вместе с сотнями немецких лётчиков и танкистов учились в Советском Союзе. Весь офицерский корпус Красной Армии погиб во время чистки 1937–1939 годов, после чего получившие свободу рук Ворошилов и Будённый насоздавали огромное количество кавалерийских дивизий. Советские разведчики сообщали ценнейшие сведения о предстоящем гитлеровском нападении, однако угодливо поддакивающий Сталину генерал-лейтенант Голиков клал их донесения под сукно. Перебежавший на нашу сторону в ночь на 22 июня немецкий солдат-коммунист был немедленно расстрелян как провокатор. После начала войны не ожидавший нападения Сталин впал в многодневную прострацию. В жертвах блокады виновато советское руководство, отказавшееся сдать Ленинград немцам. К счастью, город был спасён командовавшим финской армией благородным маршалом Маннергеймом, который отказался наступать на Ленинград с севера. Освобождённые из немецких концлагерей советские военнопленные в полном составе отправлялись на Колыму. Отступающие подразделения Красной Армии расстреливались из пулемётов заградительными отрядами НКВД...

Список подобных «сенсаций» можно продолжать очень долго. Некоторые из них родились ещё во времена пресловутой «оттепели» 60-х годов прошлого века. Другие являются результатом перестроечных «разоблачений». Однако, как выясняется при ближайшем рассмотрении, все они не соответствуют действительности.

Внедрение ложных представлений о недавнем прошлом нашей страны отнюдь не случайно. Чтобы превратить народ в быдло, следует прежде всего лишить его святынь, исторической памяти, национальной гордости. Поэтому в идеологической борьбе против России оплёвывание истории Великой Отечественной войны занимает сегодня одно из центральных мест. На смену официозному советскому взгляду, который, к сожалению, зачастую отличался лакировкой действительности, активно формируется новый «чёрный миф» о событиях тех лет. Один за другим снимаются лживые сериалы вроде «Штрафбата» или «Московской саги». Чего только не оболгали за последние годы доморощенные «разоблачители», касаясь темы Великой Отечественной войны!

Данная книга посвящена разбору подобного «военного фольклора». Она не претендует на сенсационность, бо́льшая часть приведённых в ней фактов уже публиковалась. В связи с этим у кого-то могут возникнуть недоуменные вопросы: стоит ли повторять общеизвестные истины? Так, один мой знакомый, увлекающийся военной историей, как-то спросил меня: *«Зачем ты пишешь о кавалерии? Ведь и так все знают, что перед войной она сокращалась»*. Действительно, те, кто серьёзно изучает развитие советских Вооружённых сил накануне Великой Отечественной войны, знают и о том, что кавалерия сокращалась. Однако миллионы телезрителей «знают» прямо противоположное. Поэтому, увы, приходится вести речь о вещах, очевидных для специалистов, но неизвестных широкой массе читателей.

Ещё один момент, которого я хотел бы здесь коснуться. Среди пишущих на темы, связанные с недавним прошлым, зачастую считается модным соблюдать нарочитую отстранённость, так называемый «объективизм». Дескать, надо представить по рассматриваемому вопросу все точки зрения, потому что истина лежит где-то посередине.

Но во-первых, истина находится посередине далеко не всегда. Предположим, один из спорящих утверждает, что дважды два четыре, в то время как его оппонент настаивает, что дважды два – восемь. Вопреки логике поклонников «объективизма», на самом деле дважды два будет не шесть, и даже не пять, а именно четыре. Поэтому если, например, авторский коллектив под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева в результате многолетней обработки архивных данных приходит к выводу, что во время Великой Отечественной войны советские Вооружённые силы потеряли 8,6 млн человек, а какой-нибудь обличитель «преступного коммунистического режима», вроде Солженицына, утверждает, что потери составили 44 млн, причём не утруждая себя исследовательской работой, а взяв эту цифру с потолка или высосав её из пальца, то эти мнения отнюдь не равноценны. Одно дело домыслы, и совсем другое – научные результаты, базирующиеся на нормальной источниковой базе.

Во-вторых, не надо лицемерить, господа «объективисты». Ваша «альтернативная точка зрения» на события Великой Отечественной войны ежедневно озвучивается телевидением, тиражируется на страницах крупнейших газет. И что характерно, когда о советском периоде русской истории говорят или пишут откровенную «чернуху», ревнители «объективизма», как правило, воспринимают это совершенно нормально, не требуя осветить тот же самый вопрос с других позиций.

Поэтому должен сразу предупредить – никакого «объективизма» в данной книге не будет. Разумеется, всё изложенное в ней основано на фактах. Однако при этом у меня имеется собственное мнение по рассматриваемым вопросам, и я не стесняюсь его высказывать.

Завершая это небольшое вступление, хочу выразить искреннюю признательность Владимиру Боброву, Евгению Дригу, Александру Колпакиди, Юрию Нерсесову и Валерию Щербине за предоставленные материалы, а также ценные советы и замечания.

Глава 1. Ковался ли в СССР фашистский меч?

Считая СССР «империей зла», наши доморожденные поклонники Запада упорно пытаются приписать советской власти все мыслимые и немыслимые преступления. В частности, им кажется весьма соблазнительным обвинить большевиков в развязывании 2-й мировой войны. Однако сделать это далеко не просто. Ведь как ни крути, а в позорном Мюнхенском сговоре, окончательно развязавшем руки Гитлеру, СССР не участвовал, в войну вступил почти через два года после её начала, и, что немаловажно, не он напал на Германию, а Германия со своими сателлитами напала на Советский Союз. Чтобы убедить людей, будто чёрное – это белое и наоборот, надо приложить немало усилий.

В 1992 году вышла книга Юрия Дьякова и Татьяны Бушуевой с кричащим названием «Фашистский меч ковался в СССР». С их подачи и, разумеется, с деятельной помощью российской прессы представление об СССР как «кузнице гитлеровской армии» настолько укоренилось в общественном сознании, что превратилось в господствующее мнение. Нынешние СМИ к месту и не к месту рассказывают о том, как немецкие лётчики и танкисты проходили подготовку у нас в стране, называют громкие имена гитлеровских военачальников, вплоть до Геринга и Гудериана, якобы обучавшихся в советских училищах.

Между тем уже само название книги Дьякова и Бушуевой заставляет усомниться в добросовестности её авторов. В самом деле, 1922–1933 годы – это время Веймарской республики, Гитлер пришёл к власти лишь в 1933 году. Ни один из приведённых в книге документов не указывает на помощь Сталина Гитлеру и НСДАП. Так откуда же взялся «фашистский меч», якобы выкованный сталинскими кузнецами?

Пытаясь связать концы с концами, Дьяков и Бушуева делают вид, будто рейхсвер, то есть армия Веймарской республики, с которой сотрудничали советские военные, и гитлеровский вермахт суть одно и то же: *«Мало кто из историков знает о том, что германский вермахт (рейхсвер) в обход версальских запретов набирал силу на нашей земле»*. Подобный довод вряд ли выглядит убедительным. Действительно, вермахт был создан на основе рейхсвера. Однако мало ли кто из кого вырос! Все убийцы и бандиты когда-то были детьми, но ни один добросовестный педагог или психолог не возьмётся предсказать, что вот этот малыш станет преступником. А в середине 1920-х годов, когда запускались советско-германские военные проекты, разглядеть в рейхсвере будущий фашистский вермахт было не легче, чем заподозрить в милом ребёнке потенциального бандита. Тогдашняя Германия являлась вполне благопристойной демократической республикой. В стране действовала мощная компартия, что вселяло надежды на грядущую социалистическую революцию. С другой стороны, НСДАП выглядела всего лишь группой безобидных чайников.

Вообще, в истории международных отношений найдётся немало случаев, когда бывший друг неожиданно становился непримиримым врагом. Если брать свежие примеры, то можно вспомнить щедро вооружавшийся Соединёнными Штатами Иран, в котором после свержения шаха Пехлеви утвердился антиамериканский режим.

Таким образом, вопрос о кузнице, в которой ковался «фашистский меч», а также о том, чем именно занимались немецкие военные на нашей территории, явно заслуживает более пристального рассмотрения.

Кому у кого учиться?

Скажите, уважаемый читатель, а Вам не кажется удивительным, что именно мы в 1920-е годы учили немцев премудростям танкового дела и боевого применения авиации, а не наоборот? Понятно,

что по меркам 1980-х, когда Советский Союз оставался сверхдержавой с ещё не разрушенным «реформами» военно-промышленным комплексом, это совершенно нормально. Однако для первой трети XX века подобная ситуация выглядит, мягко говоря, странной и нелепой. Всё равно, как если бы американские инженеры с заводов Форда ездили стажироваться в автомобилестроении куда-нибудь в Гвинею-Бисау.

В самом деле, в 1913 году Германия по уровню промышленного развития занимала второе место в мире (после США), в то время как Россия представляла собой отсталую аграрную страну. Наиболее наглядно разница между ними проявилась в 1-й мировой войне, потребовавшей от каждого из основных государств-участников максимального напряжения сил. Так, если Германия во время войны произвела 47,3 тыс. боевых самолётов, то Россия – всего лишь 3,5 тыс. При этом, как отмечал эмигрантский историк генерал-лейтенант Н. Н. Головин:

«В ещё более печальном положении находилось удовлетворение потребностей Русской Армии в авиации. Производство авиационных моторов в мирное время в России отсутствовало, если не считать отделения завода Гнома в Москве, дававшее не более 5 двигателей этого рода в месяц. Вследствие этого снабжение нашего воздушного флота авиационными моторами могло основываться главным образом на привозе из-за границы. Но наши союзники, занятые чрезвычайным усилением своих воздушных войск, очень скупо уступали нам эти двигатели» .

Впрочем, после начала войны производство авиационных моторов в России значительно увеличилось. Так, в течение 1916 года на российских заводах было изготовлено 1398 моторов. Однако этого оказалось недостаточно:

«Выписанные нами французские самолёты лежали частью на Мурмане, частью во Франции; аппараты, выстроенные в России, за неимением к ним моторов загромождали склады и заводы. Когда же в июне месяце 1916 г. прибыли, наконец, в отряды французские аппараты, то они оказались совершенно устарелыми, и мы оказались не в состоянии бороться в воздухе с неприятелем на равных шансах. Большинство воздушных боёв между немецкими “Фоккерами” и нашими аппаратами оканчивается не в нашу пользу, и длинный список доблестно погибших наших лётчиков растёт ежедневно» .

«Брусилов, Каледин, Сахаров, – записывает в июне в своих воспоминаниях Председатель Государственной думы М. В. Родзянко, – просили обратить самое серьёзное внимание на авиацию. В то время как немцы летают над нами как птицы и забрасывают нас бомбами, мы бессильны с ними бороться...» .

Ещё хуже, чем с авиацией, обстояло дело с танками. Точнее говоря, этот вид вооружений в дореволюционной России не производился вообще. Первый отечественный танк «Борец за свободу тов. Ленин», скопированный с трофейного французского «Рено», был выпущен заводом «Красное Сормово» в Нижнем Новгороде 31 августа 1920 года, он являлся головным в серии из 15 машин, принятых на вооружение РККА в мае 1921 года. После чего в советском танкостроении последовала пауза вплоть до лета 1927 года. В Германии же начиная с октября 1917 года было выпущено 20 тяжёлых танков А7V, принявших участие в боях 1-й мировой войны, а также несколько опытных образцов других моделей.

По наличию квалифицированных кадров мы также явно проигрывали в сравнении с немцами. Если в Германии обязательное среднее образование было введено ещё в 1871 году, то в России накануне революции свыше 70 % взрослого населения оставалось неграмотным. В 1913 году высшие учебные заведения Российской империи окончили 10 тыс. человек, в том числе всего лишь 1800 инженеров.

Так кому у кого следовало учиться и кто кого мог чему-либо научить?

Мотивы сотрудничества

Согласно Версальскому договору от 28 июня 1919 года, который подвёл итоги 1-й мировой войны, на побеждённую Германию налагались жёсткие военные ограничения. Немецкая сухопутная армия не должна была превышать 100 тыс. человек, в том числе не более 4 тыс. офицеров. Генеральный штаб распускался и создание его впредь запрещалось. Всеобщая воинская повинность отменялась, армия должна была комплектоваться путём добровольного найма. Запрещалось иметь на вооружении тяжёлую артиллерию свыше установленного калибра, танки и военную авиацию. Состав Военно-морского флота ограничивался 6 броненосцами, 6 лёгкими крейсерами, 12 контрминоносцами и 12 миноносцами, причём устанавливались нормы тоннажа для каждого вида разрешённых судов. Постройка и приобретение подводных лодок запрещались.

Серьёзные трудности испытывала в то время и Советская Россия. Разорённая Гражданской войной и интервенцией, она фактически находилась в международной изоляции. Между тем для технически отсталой России сотрудничество с промышленно развитыми государствами было жизненно необходимым: следует помнить, что до революции наша страна ввозила не только сложные машины и механизмы, вроде станков и паровозов, но и такую «высокотехнологичную продукцию», как косы, серпы, плуги, бороны и т. п.

В этой ситуации две державы-изгоя вынуждены были протянуть друг другу руки. 16 апреля 1922 года во время Генуэзской конференции Германия и Советская Россия подписали Рапалльский договор, сразу вызвавший истерику со стороны «мирового сообщества». Дьяков и Бушуева тоже его не одобряют:

«Был ли другой выбор в Рапалло? Документы свидетельствуют: немцы подписали договор потому, что другого выбора у них не было. У Советской России выбор был: она могла бы заключить договор с Западом. Однако предпочтение было отдано пакту с немцами» .

Здесь авторы откровенно держат своих читателей за дурачков, не знающих общеизвестных исторических фактов. Действительно, можно было договориться и со странами Антанты. Собственно, с этой целью и была созвана Генуэзская конференция. Однако при этом в качестве обязательного условия от большевистского руководства требовалось признать царские долги и долги Временного правительства, принять на себя ответственность за все убытки от действий как Советского, так и предшествующих ему правительств или местных властей, а также вернуть иностранным владельцам все национализированные предприятия.

О том, как могло бы выглядеть гипотетическое соглашение с бывшими «союзниками», можно судить по опубликованному в английской газете «Дейли геральд» от 30 августа 1920 года тексту тайного договора, который генерал Врангель от лица «восстановленной России» заключил с французским правительством. В обмен на поддержку «чёрный барон» признавал все финансовые обязательства России и её городов по отношению к Франции, вместе с набевшими по ним процентами. При этом русские долги конвертировались в новый заём под 6,5 % годовых, который следовало погасить в течение 35 лет. Уплата процентов и ежегодного погашения гарантировалась:

«а) передачей Франции права эксплуатации всех железных дорог Европейской России на известный срок; б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Чёрного и Азовского морей; в) предоставлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и в Кубанской области в течение известного количества лет, причём за исходную точку берётся довоенный экспорт; г) предоставлением в распоряжение Франции трёх четвертей добычи нефти и бензина на известный срок, причём в основание кладётся добыча довоенного времени; д) передачей четвертой части добытого угля в Донецком районе в течение известного количества лет» .

В качестве же меры контроля «при русских министерствах финансов, торговли и промышленности в будущем учреждаются официальные французские финансовые и коммерческие канцелярии, права которых должны быть установлены специальным договором» .

Мало того, что эти унижительные условия грубо попирали суверенитет России. Следует иметь в виду, что довоенные российские внешние займы брались под 3–5 %, по состоянию на 1 января 1913 года средняя ставка по ним составляла 4,25 %. Теперь же обнаглевшие «лягушатники» собирались повысить процентную ставку по невыплаченным кредитам до 6,5 %, то есть более чем в полтора раза.

В отличие от бывших «союзников» соглашение с немцами было заключено на основе урегулирования всех спорных вопросов путём взаимного отказа от претензий. При этом Германия признавала национализацию немецкой государственной и частной собственности в РСФСР.

Таким образом, выбор в пользу Запада, за который ратуют авторы «Фашистского меча», означал необходимость уплаты долга в 18,5 миллиардов золотых рублей – пять с половиной годовых бюджетов Российской империи образца 1913 года. И это не считая стоимости национализированных предприятий.

Также непонятно, почему союз с немцами выглядит в глазах Дьякова и Бушуевой чем-то постыдным, в то время как союз с Англией и Францией – естественным и правильным. Напомню ещё раз: тогдашняя Германия была вполне респектабельным демократическим государством. К тому же она традиционно являлась главным торговым партнёром России. Несмотря на военное поражение, Германия оставалась могучей индустриальной державой с развитым машиностроением, энергетикой, химической промышленностью. Сотрудничество с ней могло дать нам всё необходимое для восстановления разрушенного народного хозяйства.

С другой стороны, не следует забывать, каким было истинное отношение стран Антанты к своим русским «союзникам». Наиболее цинично и недвусмысленно его выразил 8 декабря 1918 года в своём

дневнике посол Великобритании во Франции лорд Френсис Берти:

«Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к чёрту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами» .

Рапалльский договор не содержал каких-либо военных статей. Тем не менее основы для взаимовыгодного советско-германского сотрудничества в этой области были очевидны. Немцы нуждались в полигонах, где можно гонять танки и самолёты подальше от зорких глаз победителей, мы – в немецком опыте производства и применения современных видов вооружения. В результате в середине 1920-х годов на советской территории были созданы такие совместные объекты, как авиационная школа в Липецке, танковая школа в Казани и две аэрохимические станции (полигона) – под Москвой (Подосинки) и в Саратовской области под Вольском.

Авиационная школа в Липецке

Соглашение о её создании было подписано в Москве 15 апреля 1925 года, а уже летом школа была открыта для подготовки лётного состава.

Каков же был вклад каждого из партнёров в это совместное предприятие?

Начнём с личного состава. В соответствии с соглашением персонал школы включал в себя:

С немецкой стороны – *«1 руководитель авиационной школы, 1 лётчик-инструктор, 1 пом. его (условно), 2 мастера, 1 оружейный мастер, 1 пом. мастера. Для заведования заводскими складами и находящимися материалами: 1 зав. складом»* .

С советской стороны – *«1 пом. руководителя авиационной школы во всех вопросах, возникающих в связи с работой школы, 20 мастеров для обслуживания аэродрома, из которых: 14 техников-механиков, 2 столяра, 1 седельщик, 1 маляр, 1 кузнец, 1 сварщик»* .

Как видим, липецкую авиашколу возглавлял немецкий офицер. В 1925–1930 гг. этот пост занимал майор Вальтер Штар (Walter Stahr), в 1930–1931 гг. – майор Максимилиан Мор, в 1932–1933 гг. – капитан Готлоб Мюллер (Gottlob Muller).

Преподавателями лётного дела также были немцы – вначале всего двое, однако по мере разворачивания учебного процесса их количество существенно увеличилось, общая же численность постоянного немецкого персонала достигала 60 человек. Как отмечает историк Сергей Горлов: *«Организация и управление школой находились полностью в руках немцев и подчинялись единому плану подготовки лётного состава рейхсвера, разработанному в 1924 г. штабом ВВС в Берлине»* .

От нас в школе имелся помощник руководителя, а также 20 человек аэродромной obsługi. При этом, как было оговорено в соглашении, расходы по их содержанию немцы брали на себя.

Разумеется, советская сторона обеспечивала охрану объекта. Однако расходы по её содержанию также несли немцы. Кроме того, немцы должны были оплачивать обслуживающего авиационную школу советского врача, а также привезти с собой всё необходимое санитарное оборудование (носилки, перевязочный материал и т. п.).

Перейдём теперь к материальной части. В соответствии с соглашением мы предоставляли аэродром в Липецке, а также передавали *«находящийся в Липецке свой бывший завод для использования его в качестве помещения для хранения самолётов и авиационных принадлежностей и в качестве жилого помещения для предполагаемого персонала авиационной школы и управления складами»* . И то, и другое бесплатно. Кроме того, мы должны были выполнить *«работу по постройке помещений для авиационной школы, перестройке или восстановлению складов и квартир»* . Однако эта работа оплачивалась германской стороной.

«Самолёты, авиационные принадлежности, а также и другой, необходимый для устройства аэродрома и складов материал» предоставляли немцы за свой счёт. Они же оплачивали и все транспортные расходы, в том числе и перевозку по советской территории от Ленинградского порта до Липецка.

Основу парка учебных машин школы составили истребители «Фоккер D-XIII». Фирма «Фоккер» была основана в 1913 году в Германии голландским лётчиком и авиаконструктором Антони Германом Герардом Фоккером. После подписания Версальского договора её оборудование было срочно вывезено в Голландию. Во время Рурского кризиса 1923–1925 гг., вызванного оккупацией этого «промышленного сердца» Германии французскими и бельгийскими войсками, немецкое военное

министерство нелегально закупило 100 «фоккеров» разных моделей. Официально заказ выполнялся для ВВС Аргентины. В итоге часть из этих самолётов оказалась в липецкой школе – в июне 1925 года 50 упакованных в ящики «Фоккер D-XIII» были отправлены морским путём из Штеттина в Ленинград.

Следует сказать, что на тот момент «Фоккер D-XIII» был довольно-таки современной машиной. По сравнению со стоявшим тогда на вооружении советских ВВС «Фоккер D-XI» он имел гораздо более мощный двигатель (450 л.с. вместо 300 л.с.) и значительно лучшие лётные качества.

Помимо «фоккеров», в Липецк поступали и другие машины. Так, летом 1926 года туда были доставлены 8 двухместных разведчиков «Хейнкель HD-17». Эти самолёты проектировались и строились фирмой «Хейнкель» по заданию рейхсвера специально для липецкой авиашколы и были предназначены для подготовки лётчиков-наблюдателей. К концу 1929 года в школе имелось 43 «Фоккер D-XIII», 2 «Фоккер D-VII», 6 «Хейнкель HD-17», 6 «Альбатрос L-76», 6 «Альбатрос L-78», 1 «Хейнкель HD-21», 1 «Юнкерс А-20», 1 «Юнкерс F-13».

По этому поводу Дьяков и Бушуева пишут следующее:

«Однако советская сторона постоянно настаивала на поставке более совершенных, первоклассных машин. Поэтому к 1931 году в распоряжение школы поступили 4 HD-17 и 2 “Фоккер Д-7”».

Как мы только что убедились, пара «Фоккеров D-VII» в Липецке действительно имелась. Только вот «первоклассной машиной» этот созданный ещё во время 1-й мировой войны самолёт давно не являлся. И уж конечно не был «более совершенным» по сравнению со своим младшим собратом «Фоккером D-XIII». Кстати, «Фоккер D-VII» был прекрасно известен советским лётчикам, поскольку на вооружении ВВС РККА стояло несколько десятков истребителей этого типа.

Понятно, что занятым разоблачением ужасов сталинизма авторам «Фашистского меча» заглянуть в авиационный справочник было недосуг. Однако догадаться, что более новые модели самолетов имеют большие порядковые номера было не так уж сложно.

И подобный «ляп» в книге далеко не единственный. Вообще, непонимание авторами исследуемого ими материала иногда просто поражает. Вот, например, пишут они, что в целях конспирации липецкая школа проходила в документах как «4-й авиаотряд тов. Томсона» и тут же в примечаниях поясняют: *«Имеется в виду Лит-Томсен»*. То есть, по версии Дьякова и Бушуевой, «товарищ Томсон» – это немецкий полковник Герман фон дер Лит-Томсен (Hermann von der Lieth-Thomsen), курировавший совместные советско-немецкие проекты. Между тем всё гораздо проще. Дело в том, что, помимо авиашколы, на Липецком аэродроме продолжал базироваться 4-й авиаотряд советских ВВС, входивший в состав сперва 40-й, а затем 38-й эскадрильи. В 1931 году его командиром стал некий А. Томсон.

Самое интересное, что на страницах «Фашистского меча» приводится подписанный Томсоном рапорт о имевших место в школе лётных происшествиях, датированный 16 июля 1933 года. Между тем фон дер Лит-Томсен вернулся в Германию ещё в 1928 году.

Приходится признать, что оголтелый антисоветизм вредно сказывается на умственных способностях. Оно и понятно, ведь так хочется лишний раз уличить большевиков в цинизме и беспринципности – вот, дескать, борцы за дело угнетённых, а готовы даже немецкого барона «товарищем» именовать.

В соответствии с условиями соглашения, советская сторона должна была обеспечивать школу горючим, которое оплачивалось немцами по себестоимости. Вооружение и боеприпасы привозили с собой немцы.

В целом объект в Липецке обходился рейхсверу в среднем в 2 млн марок ежегодно. В отдельные же годы расходы были существенно большими (в 1929 г. – 3,9 млн, 1930 г. – 3,1 млн), и это без учёта затрат на создание необходимой инфраструктуры. Между тем согласно подготовленной в январе 1929 года начальником IV Управления Штаба РККА (военная разведка. – И.П.) Я. Берзиным секретной справке расходы, связанные с капитальным строительством на липецком объекте, составили в 1925 году 120 тыс. руб., в 1926 – 230 тыс. руб., в 1927–1928 гг. – 750 тыс. руб.

А какая выгода была нам от этой затеи? Вот что писал об этом Сталину заместитель председателя РВС СССР И. С. Уншлихт 31 декабря 1926 года:

«На декабрь 1926 г. с нашей стороны прошли тренировку на истребителях 16 военлётков, техническую подготовку по детальному изучению, уходу и эксплуатации мотора Нэпир-Лайон – 25 постоянных механиков и 20 переменных. В мастерских при школе сгруппирован кадр рабочих до 40 человек высокой квалификации, которые под руководством немецких инженеров производят различные работы по дереву и металлу. Тренировки в школе проходят над осуществлением выполнения различных новых тактических приёмов. Изучение тактических новшеств для нас очень ценно, так как

тактические приёмы различных видов авиации изучаются немецкими инструкторами школы путём пребывания в Америке, Англии и Франции.

По отзывам наших компетентных товарищей, школа своей работой даёт нам:

- 1) капитальное оборудование культурного авиагородка;*
- 2) возможность в 1927 г. поставить совместную работу со строевыми частями;*
- 3) кадр хороших специалистов, механиков и рабочих;*
- 4) учит новейшим тактическим приёмам различных видов авиации;*
- 5) испытанием вооружения самолётов, фото, радио и др. вспомогательных служб даёт возможность путём участия наших представителей быть в курсе новейших технических усовершенствований;*
- 6) даёт возможность подготовить наш лётный состав к полётам на истребителях и, наконец;*
- 7) даёт возможность путём временного пребывания в школе наших лётчиков пройти курс усовершенствования.*

Все это даёт нам возможность заключить, что совместная работа по авиации в указанном направлении приносит нам несомненную пользу и желательно дальнейшее сотрудничество» .

Итак, подведём некоторые итоги. Как мы выяснили, начальником липецкой авиашколы был офицер рейхсвера, обучение вели немецкие инструкторы по немецким программам, советская сторона предоставляла только вспомогательный персонал, труд которого оплачивался немцами. Материальная база – немецкая, доставлена за немецкий же счёт. Немцы оплачивали все постройки и перестройки, а также эксплуатационные расходы. Учились немецкие и советские курсанты. Таким образом, вопреки расхожему мифу не мы обучали немцев, а немцы на свои деньги готовили у нас своих и наших лётчиков. А заодно и наших механиков, поскольку уровень технической культуры у последних был, прямо скажем, невысок.

Как пишет в своих мемуарах знаменитый немецкий авиаконструктор Э. Хейнкель:

«С разрешения тогдашнего правительства рейхсвер оказывал содействие в реорганизации армии Советской России. Эта страна нуждалась в тех достижениях, которые имела Германия в техническом отношении. Авиационным отделом в рейхсвере заведовал Вильберг. Он совершил поездку в Россию для изучения возможности обучения там лётчиков на самолётах, тайно построенных в Германии» .

Насколько велик вклад липецкой школы в создание германских ВВС? За всё время её существования (как и другие совместные проекты, она была закрыта в 1933 году, после прихода к власти Гитлера) в ней было обучено или переподготовлено 120 немецких лётчиков-истребителей и 100 лётчиков-наблюдателей. Много это или мало? Для сравнения: к 1932 году Германия сумела подготовить в нелегальных военных авиашколах в Брауншвейге и Рехлине около 2000 будущих пилотов люфтваффе.

Попутно следует развеять популярный миф, будто в Липецке обучался такой крупный (во всех отношениях) деятель Третьего рейха, как будущий рейхсмаршал Геринг, который, если верить нынешним российским СМИ, даже обзавёлся там любовницей. На самом деле подобная ситуация была совершенно невозможной. Во-первых, будучи активным участником знаменитого «пивного путча» 1923 года, Геринг после его подавления бежал за границу, был заочно осуждён германским судом и объявлен государственным преступником. Таким образом, его появление на объекте, официально курируемом рейхсвером, представляется весьма сомнительным. Во-вторых, когда после поражения Германии Герингу как одному из прославленных асов 1-й мировой войны предложили вступить в армию Веймарской республики, он отказался по идейным соображениям: *«Я отклонил предложение вступить в рейхсвер, так как с самого начала находился в оппозиции к республике, которая была создана революцией. Я не мог бы сочетать это со своими принципами» .*

Танковая школа в Казани

Согласно Дьякову и Бушуевой договор о её организации был подписан в Москве 2 октября 1926 года. Впрочем, в той же книге приводится и другая дата его заключения – 2 декабря 1926 года, причём данное противоречие никак не комментируется. Возможно, договоров было два, либо, что более вероятно, перед нами очередной «ляп» авторов «Фашистского меча». Тем более что Горлов в качестве даты подписания договора тоже указывает декабрь 1926 года.

Принципиальные условия, на которых создавалась казанская школа, были аналогичны липецким.

Немецкий личный состав включал в себя следующие штатные должности: *«1 заведующий, 1 заместитель, 1 инженер, 1 заведующий производством, 1 врач, 1 мастер, 1 заведующий складом, 3*

учителя (артилл., пулемётн., радио); 5 учителей (инструкторов) для обучения езде. 16 учеников (перемен.[ных] до этого числа)» .

Советская сторона была представлена в школе вспомогательным персоналом:

а) при руководстве: 1 помощник.

б) технический персонал: 1 столяр (мастер), 2 столяра (подмастерья), 1 слесарь (мастер), 4 слесаря (подмастерья), 1 маляр (мастер), 6 шофёров, 1 механик, 1 жестяник, 2 маляра (подмастерья), 1 паяльщик, 1 электромонтёр, 1 седельник.

в) хозяйственный персонал: 1 курьер, 1 экономка, 1 кухарка, 3 служащих, 1 сторож (дворник).

г) персонал охраны: 7 человек» .

Итак, как и в Липецке, начальник и преподаватели – немцы. Более того, в договоре прямо оговорено: «Руководство школой находится в руках ВИКО (немецкая сторона. – И.П.). Руководитель вырабатывает программу занятий, принимая во внимание пожелания КА (Красная Армия. – И.П.). В помощь руководителю школы КА назначает помощника руководителя школы, который вместе с тем является представителем КА» . При этом советский персонал полностью оплачивается немцами: «КА предоставляет в распоряжение ВИКО соответствующий технический личный состав для охраны, а также рабочих. „...“ ВИКО несёт расходы по содержанию всего указанного состава, по ставкам профсоюзов, а также расходы по содержанию помощника руководителя школы в соответствии со ставками, принятыми КА. Тарификация сотрудников производится на основе дополнительного соглашения» .

Размещалась танковая школа в бывших казармах 5-го Каргопольского драгунского полка, где ей были выделены три конюшни и жилые помещения. Кроме того, она получила право пользоваться (совместно с частями Красной Армии) учебным полем и стрельбищем, а также полигоном, находившимся в 7 км юго-восточнее казарм, и путями сообщения между ними.

Согласно договору «все расходы по устройству и содержанию танковой школы» возлагались на германскую сторону. Они включали в себя оплату «по себестоимости» выполняемых советской стороной работ по ремонту и перестройке передаваемых помещений, включая подключение к силовой электрической сети, а также текущие расходы, связанные с оплатой коммуникационных услуг и электроэнергии, приобретением металла, учебных пособий, горючего и сырья. Кроме того, немцы должны были заплатить 125 тыс. руб. за переезд частей и военно-учебных заведений РККА, располагавшихся в освобождаемых для школы помещениях.

Содержание и расквартирование обучавшихся в школе советских курсантов, израсходованные ими в ходе учёбы горючее и боеприпасы, а также «расходы за большие повреждения по вине КА» оплачивались нами. Можно предположить, что пункт насчёт «больших повреждений по вине Красной Армии» был внесён в договор на основании опыта функционирования липецкой школы, где в результате аварий по вине советских курсантов только в 1926–1927 гг. выбыло из строя как минимум шесть самолётов.

Учебные танки предоставлялись немцами. По предварительным расчётам, на первых порах их следовало иметь три штуки.

Открытие казанской школы было назначено на июль 1927 года. Планировалось, что к этому времени будут закончены все строительные работы и доставлено имущество для практических занятий. Однако этот срок оказался нереальным. В самом деле, если в Липецке уже имелся готовый аэродром, то здесь предстояло приспособить конюшни под размещение танков. В результате подготовительные строительные работы были завершены лишь к лету 1928 года. Потратив, по данным советской военной разведки, 1,5–2 млн марок, немцы отстроили школьное помещение, мастерские, оборудовали учебное поле.

Практические занятия начались после того, как весной 1929 года из Германии прибыли 10 танков. В целях конспирации в документах они именовались «тракторами»: 2 больших трактора «Даймлер-Бенц», 2 больших и 2 лёгких трактора «Крупп», 2 больших и 2 лёгких трактора «Рейнметалл». Сначала в течение 4 месяцев был обучен преподавательский состав, после чего началась подготовка немецких и советских курсантов.

Вплоть до закрытия в 1933 году школа успела сделать три выпуска немецких слушателей: в 1929/30 гг. – 10, в 1931/32 гг. – 11 и в 1933 году – 9 человек. Разумеется, Дьяков и Бушуева не могут удержаться, чтобы в очередной раз не заняться передёргиванием, сообщая, что в Казани якобы обучалась целая «плеяда танкистов, среди которых было 30 офицеров» . После чего у неосведомлённого читателя возникает впечатление, что помимо 30 офицеров в казанской школе было обучено Бог весть сколько (возможно, несколько сотен) немецких солдат и сержантов. Между тем все без исключения немецкие курсанты носили офицерские звания – капитанов и обер-лейтенантов.

С нашей стороны в школе прошли обучение 65 человек начсостава танковых и мотомеханизированных частей РККА. Большинство из них были строевыми командирами и преподавателями бронетанковых вузов, меньшая часть представляла инженерный состав.

Итак, картина полностью аналогична той, что мы видели в Липецке. Начальником казанской танковой школы был офицер рейхсвера – в 1929 году этот пост занимал подполковник В. Мальбрандт (Malbrandt), в честь которого, кстати, проект и получил кодовое название «Кама» (Казань + Мальбрандт). В 1929–1932 гг. эту должность занимал Людвиг Риттер фон Радльмайер (Radlmayer), в 1932–1933 гг. – полковник Йозеф Харпе (Josef Harpe).

Кстати, Дьяков и Бушуева в очередной раз ошибаются, утверждая, будто «начальником [казанской] школы был генерал Лютц, в 1933 году занимавший пост начальника мотомехвойск рейхсвера». На самом деле генерал-майор Освальд Лютц (Oswald Lutz) в 1931–1933 гг. возглавлял инспекцию № 6, или «автомобильную инспекцию», Военного министерства Германии, которой подчинялась и казанская школа, т. е. фактически являлся командующим будущими танковыми войсками Германии.

Преподавали в школе немцы, мы предоставляли только вспомогательный персонал, труд которого оплачивался немцами. Материальная база немецкая, доставлена в школу за немецкий счёт. Немцы несли все расходы, а они были немалые: в 1929 году затраты германской стороны составили 1,5 млн марок, в 1930 году – 1,24 млн марок. Мы оплачивали только содержание советских курсантов, потраченные ими горючее и боеприпасы, а также случившиеся по их вине серьёзные поломки.

Таким образом, как и в случае с лётчиками, получается, что не мы обучали немцев, а немцы на свои деньги готовили у нас своих и наших танкистов.

Пару слов следует сказать и о распространённом мифе, будто в казанской школе обучался знаменитый Гудериан, о чём при каждом удобном случае сообщают своим читателям расплодившиеся в последние пятнадцать лет многочисленные разоблачители «преступлений сталинизма»:

«В школе учился будущий генерал-полковник вермахта, будущий командующий танковой армией в 1941 году на советско-германском фронте, будущий автор трудов о применении танковых войск Г. Гудериан»

«И была ещё основанная в 1926 году танковая школа “Кама” – сокращённое название от города Казани и фамилии первого начальника школы полковника Мальбранта. В ней также прошли обучение сотни (что я говорил! «Плеяда танкистов» стремительно разрастается. – И.П.) немецких военных. В их числе будущие командующие танковыми группами Гейнц Гудериан и Эрих Хёпнер, многие известные командиры нацистской Германии» .

К сожалению, на крючок этой байки попадают и добросовестные исследователи. Например, Владимир Петров и Юрий Тихонов, разоблачая в своей статье миф о якобы обучавшемся в СССР Геринге, пишут, что тот не учился в липецкой школе «в отличие от известного фашистского генерала Гудериана, обучавшегося в аналогичной немецкой танковой школе под Казанью». А всё дело в том, что вопрос насчёт Геринга они изучили лично, в том числе с помощью документов, хранящихся в архиве Липецкого управления ФСБ, а о Гудериане судят с чужих слов.

Между тем Гудериан в Казани никогда не учился. Он лишь приезжал туда с инспекцией летом 1932 года вместе со своим начальником генералом Лютцем.

Кстати, насчёт обучения в СССР тех или иных полководцев Третьего рейха. Если верить Дьякову с Бушуевой, то они ездили к нам целыми табунами: «В 1931 году в Москве проходили дополнительную подготовку будущие военачальники периода Второй мировой войны: Модель, Горн, Крузе, Файге, Браухич, Кейтель, Манштейн, Кречмер и другие» .

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что все эти персонажи направлялись к нам не на учёбу, а в кратковременные командировки в советские военные части либо на манёвры. Так, майор Модель две недели находился в 9-й стрелковой дивизии в Ростове, капитан Горн – две недели в 10-й кавалерийской дивизии в Прохладной, капитан Крузе – 10 дней в 7-м артиллерийском корпусе в Павлограде, полковник Файге – 6 дней на манёврах Московского военного округа, полковник Браухич, подполковник Кейтель и капитан Кречмер – 4 дня на манёврах Белорусского военного округа.

Химический объект «Томка»

Договор о проведении совместных аэрохимических испытаний был подписан 21 августа 1926 года. Советская сторона предоставляла свой полигон и должна была обеспечить необходимые условия работы. Немцы брали на себя обучение в течение опытов советских специалистов. Однако если в авиационном и танковом проектах упор делался на подготовку кадров, то в области военной химии

советско-германское сотрудничество преследовало в основном исследовательские задачи. Обе стороны могли получать образцы всех применявшихся и разработанных при проведении совместных испытаний приборов и их чертежи. Кроме того, договором предусматривалось, что все протоколы испытаний, чертежи, фотоснимки будут выполняться в двойном количестве и равномерно распределяться между сторонами. Техническое руководство опытами находилось в немецких руках, административное – в советских.

В конце сентября 1926 года началась практическая работа. Первоначально испытания проводились под Москвой на полигоне «Подосинки». Было проведено около 40 полётов, в ходе которых с различных высот выливалась жидкость с физическими свойствами, аналогичными иприту. Опыты доказали техническую возможность применения авиацией иприта против живых целей, для заражения местности и населённых пунктов.

Как отмечал заместитель Председателя РВС СССР И. С. Уншлихт в уже цитированном выше письме Сталину от 31 декабря 1926 года:

«Касаясь результатов, необходимо сказать, что испытания эти принесли нам уже большую пользу. Помимо того, что они дали нам неизвестный для нас ранее метод разбрызгивания, мы получили сразу весь, вполне проработанный материал и методику работы, так как с каждым из их специалистов работал наш специалист и перенял весь их опыт на ходу. В результате этого наши специалисты, соприкоснувшись на практике с более высокой технической подготовкой немецких специалистов, в короткий срок научились весьма многому.

Наши материальные затраты, по сравнению с немцами, незначительны. Заканчивающаяся первая часть испытаний стоила нам, не считая оплаты наших специалистов, около 20 тыс. рублей. Им же эти испытания обошлись, вероятно, в несколько сот тысяч рублей, так как все оборудование куплено ими, за транспорт платили они, и их специалисты обошлись в несколько раз дороже, чем наши» .

В 1927 году были проведены необходимые строительные работы на химическом полигоне «Томка» около ст. Причернавская неподалёку от г. Вольска Саратовской области, после чего совместные испытания были перенесены туда. Отрабатывались различные способы химической атаки, испытывались новые прицельные приспособления, созданные немецкой стороной, проверялась надёжность средств химической защиты. На подопытных животных изучалось поражающее действие иприта, определялись наиболее эффективные способы дегазации местности.

Первым руководителем «Томки» с немецкой стороны был полковник Л. фон Зихерер, а после его смерти эту должность в 1929–1933 гг. занимал генерал В. Треппер.

Хотя согласно договору все расходы должны были оплачиваться на паритетных началах, реально советские затраты были значительно меньше германских. Так, в 1929 году нами было потрачено 257 тыс. руб., немцами – 780 тыс. марок.

Было ли сотрудничество с немцами в области боевой химии полезным для Красной Армии? Несомненно. Ведь нам пришлось начинать практически с нуля, поскольку имевшиеся в СССР заводы по выпуску боевых химических средств безнадёжно устарели, а оставшиеся после 1-й мировой войны 400 тыс. химснарядов пришли в негодность. В результате менее чем за 10 лет Красная Армия сумела создать собственные химические войска, организовать научные исследования и испытания, наладить производство средств химического нападения и защиты. Значительно пополнились арсеналы химического оружия. Так, в проекте постановления Совета труда и обороны «О состоянии военно-химического дела» (май 1931 года), говорилось, что в артиллерии помимо 400 тыс. старых химснарядов, подлежащих перезарядке, имелось в наличии 420 тыс. новых боеприпасов, снаряжённых ипритом, фосгеном и дифосгеном. Были успешно испытаны дистанционные химические снаряды и новые взрыватели к ним. На вооружении авиации находились 8- и 32-килограммовые бомбы, снаряжённые ипритом (для заражения местности) и 8-килограммовые осколочно-химические бомбы, снаряжённые хлорацетофеном (для поражения и изматывания живой силы противника). На 1 мая 1931 года в наличии было 7600 8-килограммовых бомб. До конца года планировалось принять на вооружение 50- и 100-килограммовые химические бомбы дистанционного действия (иприт), курящиеся (арсины) и ударные кратковременного действия (фосген). Имелись также 75 комплектов выливных авиационных приборов ВАП-4 и до конца года планировалось поставить ещё 1000 таких комплектов. Для снаряжения химических боеприпасов были оборудованы 2 разливочные станции общей производительностью свыше 5 млн снарядов и бомб в год.

Таким образом, благодаря сотрудничеству с немцами наша страна сумела в кратчайшие сроки встать в области химических вооружений вровень с армиями ведущих мировых держав. В СССР появилась целая плеяда талантливых военных химиков. Что же касается повышения квалификации

немецких офицеров, то она в основном проходила в других странах. Вот что докладывал наркому обороны Ворошилову 13 января 1929 года находившийся в Германии в длительной командировке комкор И. П. Уборевич:

«... У меня имеется целый ряд фактов – заявлений отдельных офицеров, что немецкие офицеры имели длительный доступ в Америке для изучения постановки химического дела в Эдживском арсенале (1927 г.), для изучения самых последних образцов танков осенью 1928 г. и для изучения всех военных учреждений во время командировки осенью 1927 г. в Америку генерала Хайе.

Таким образом, нужно фиксировать, что достижения американской военной техники в широких размерах доступны рейхсверу.

Следующим источником нужно считать Англию, куда немецкие офицеры имеют доступ и к танковым манёврам, и к авиационным. Неплохое отношение по вопросам технического изучения военного дела у немцев и с Чехословакией» .

Советский меч ковался в Германии

Итак, как мы выяснили, в результате осуществления советско-германских проектов Красная Армия получила квалифицированные кадры лётчиков, танкистов и химиков. Однако этим польза от сотрудничества отнюдь не исчерпывалась.

Когда после прихода Гитлера к власти совместные проекты были свёрнуты, немцы, уезжая, оставили нам много ценного имущества. В частности, в Липецке:

«Безвозмездно перешедшее во владение ВВС составляет значительную ценность. Помимо возведённых “друзьями” (имеются в виду немцы. – И.П.) строений (4 больших ангара, управление аэродрома, тир, жилые дома, столовая, 11 новых жилых бараков для персонала), “друзья” оставили ряд мастерских, как то: моторную, пулёмтно-оружейную, для ремонта самолётов, лабораторию, гараж с полным оборудованием, электростанцию, фотолабораторию и т. д. Кроме этого, 15 самолётов с моторами и запасными частями, 8 фюзеляжей, весь автотранспорт (7 легковых, 10 грузовых машин, 1 автоцистерну, 2 аэросаней), автоматическую телефонную станцию, главный материальный склад с имуществом, оборудованный лазарет, лагерь, аэродром, полигон и пр.» .

Всего, по подсчётам немцев, в Липецке ими было оставлено в безвозмездное пользование советской стороне имущество на сумму в 2,9 млн германских марок.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Казани:

«Безвозмездно перешедшее во владение УММ имущество, по самым скромным подсчётам, оценивается до миллиона рублей. Состоит оно из переоборудованных и вновь построенных зданий склада огнестрельных, жилых корпусов, радиолоборатории, караульного помещения, кооператива, холодильника, бензинохранилища на 20 тонн горючего, электростанции, реконструированной водопомпы, гаража с компрессорной установкой, мастерских на ходу (сборочная, станочная), ... системы центрального отопления, гаража и склада, канализации, тира, благоустроенной мостовой, строительных материалов и пр.» .

Благодаря этому сразу же после ухода немцев в Липецке была открыта Высшая лётно-тактическая школа ВВС РККА, а в Казани – Казанское танковое училище. В «Томке» в распоряжении РККА остался химический полигон, кроме того, часть имущества пошла на развитие Института химической обороны.

Однако ещё более важным для СССР было сотрудничество с немцами в области разработки современных вооружений. Как отмечал пробывший в Германии 13 месяцев Уборевич:

«Немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения... Сейчас центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев, главным образом в том смысле, чтобы у себя научиться строить и применять новейшие средства борьбы: танки, улучшения в авиации, противотанковые мины, средства связи и т. д... Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас...» .

И действительно, перенять у немцев удалось многое. Так, советские лётчики обучались на основе наставлений и инструкций, разработанных в Липецке. Только в декабре 1932 года немцы передали нам около десятка наставлений по ведению боевых действий в воздухе.

В конце 1920-х годов германский авиаконструктор Эрнст Хейнкель по заказу советских ВВС разработал истребитель ИД-37, который был принят на вооружение и выпускался в Советском Союзе в 1931–1934 гг. под обозначением И-7, всего был изготовлен 131 экземпляр. Ещё одним самолётом, построенным фирмой Хейнкеля для СССР, стал морской разведчик He-55, получивший у нас

обозначение КР-1 и находившийся на вооружении вплоть до 1938 года. Одновременно была изготовлена и катапульта К-3 для его запуска, которую сначала установили на линкоре «Парижская коммуна», а в 1935 году перенесли на крейсер «Красный Кавказ». В конце 1930-х годов советский флот купил у Хейнкеля ещё две авиационные катапульты типа К-12. Их поставили на крейсерах «Ворошилов» и «Киров». Катапульты предназначались для запуска пришедших на смену КР-1 корабельных разведчиков КОР-1 (Бе-2) отечественного производства.

В докладе заместителя начальника Управления по механизации и моторизации РККА И. К. Грязнова Ворошилову от 14 марта 1932 года отмечалось, что ознакомление наших инженеров с материальной частью немецких боевых машин, а также изучение их чертежей и выводов по испытаниям позволили практически использовать германский опыт, и далее перечислялось, что именно из немецких достижений было использовано в советских танках: в Т-28 – подвески танка Круппа, в Т-26, БТ и Т-28 – сварные корпуса немецких танков, в Т-28 и Т-35 – внутреннее размещение команды в носовой части, в Т-26, БТ, Т-28 – приборы наблюдения, прицелы, идея спаривания орудия с пулемётом, электрооборудование, радиооборудование.

Ценные приобретения делались и в других областях. Так, у немецкой фирмы «Рейнметалл» были закуплены лицензии на ряд артиллерийских систем. Это, в частности, 76-мм зенитная пушка образца 1931 года. Позднее в результате её модернизации советскими конструкторами были созданы 76-мм зенитная пушка образца 1938 года и 85-мм зенитная пушка образца 1939 года. Кроме того, на её базе была разработана система корабельных 76-мм зенитных орудий.

Другой приобретённой у немцев артиллерийской системой была 37-мм противотанковая пушка образца 1930 года. На её основе была создана знаменитая «сорокапятка» – 45-мм противотанковая пушка образца 1932 года, которая отличалась от немецкого оригинала только калибром и небольшими изменениями в противооткатных устройствах. С 1932 по 1 января 1942 года было изготовлено 16 621 45-мм противотанковых орудий. В свою очередь, на её базе была создана 45-мм танковая пушка образца 1932 года. Этими орудиями было вооружено подавляющее большинство выпускавшихся перед войной советских танков. Всего с 1932 по 1943 год было изготовлено 32 453 таких пушки.

Весной 1933 года располагавшаяся в Голландии немецкая фирма «Дешимаг» (Deutsche Schiffs – und Maschinenbau Gesellschaft) получила от СССР заказ на проектирование средней подводной лодки. В качестве прототипа была выбрана подлодка Е-1 («Эчвариэтта»), построенная в Испании по чертежам «Дешимага» и впоследствии переданная Турции. Немецкие инженеры в августе 1933 – марте 1934 года разработали эскизный проект, подкреплённый общими расчётами, и руководили разработкой общего проекта, вошедшего в историю советского подводного флота как «серия IX». Воплощали общий проект в рабочие чертежи применительно к возможностям отечественной промышленности инженеры специального КБ, временно выделенного из ЦКБС-2 (Центральное конструкторское бюро специального судостроения при Балтийском заводе в Ленинграде, специализировалось на проектировании подводных лодок).

В конце декабря 1934 года на Балтийском заводе были заложены три лодки IX серии, получившие весьма показательные обозначения Н-1, Н-2 и Н-3 («немецкая», или «немка»). В октябре 1937 года для лодок этой серии приняли литеру «С» – от слова «средняя» (иногда их неофициально называли «сталинцами»).

В начале 1935 года были готовы рабочие чертежи, за выпуском которых, как и за постройкой лодок, наблюдали инженеры фирмы «Дешимаг». Н-1 вступила в строй Балтийского флота в сентябре 1936 года. В целом лодка вполне отвечала лучшим достижениям подводного судостроения своего времени, удачно совмещая сильное торпедное и артиллерийское вооружение и высокую надводную скорость хода с относительно небольшим водоизмещением. Многие конструкторские решения и типы механизмов, впервые принятые для «немок», были использованы и в последующих сериях подводных лодок.

Уже в 1935 году, не дожидаясь окончания постройки первых трёх «немок», руководство советского Военно-морского флота решает перейти к массовому строительству подводных лодок такого типа. Доработанный в ЦКБС-2 проект получил обозначение «серия IX-бис». Главное его отличие от прототипа заключалось в замене немецких дизелей фирмы МАН отечественными и в некоторых изменениях формы ограждения рубки.

К началу Великой Отечественной войны вступили в строй или были практически готовы 20 подводных лодок этой серии, ещё 18 находились в постройке. «Эски» хорошо проявили себя в боевых действиях. Достаточно вспомнить успехи Гвардейской Краснознамённой подводной лодки С-56 или знаменитый подвиг подлодки С-13 под командованием А. И. Маринеско, потопившей 30 января 1945 года германский лайнер «Вильгельм Густлов».

Итак, как мы могли убедиться, вопреки уверениям всевозможных «обличителей сталинизма» не «фашистский меч ковался в СССР», а, наоборот, немецкие специалисты в 1920-х – начале 1930-х годов помогали создавать в нашей стране базу для танковой, авиационной, химической промышленности. Таким образом, основы советского военно-промышленного комплекса были заложены во многом именно благодаря военно-техническому сотрудничеству с Германией.

Глава 2. Была ли «обезглавлена» Красная Армия?

Одной из причин неудач советских Вооружённых сил в начале Великой Отечественной войны принято считать репрессии, которым подвергся их командный состав в 1937–1938 гг. Как и многие другие, этот тезис был впервые введён в арсенал антисталинской пропаганды в известном докладе Хрущёва «О культуре личности»:

«Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937–1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоёв командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке» .

Не будем сейчас касаться вопроса об обоснованности армейской «чистки». Разумеется, согласно незыблемому постулату обличителей «сталинского произвола» никакого военного заговора в Красной Армии не могло быть в принципе, а все без исключения осуждённые и расстрелянные стали «невинными жертвами незаконных репрессий». Однако серьёзный разговор на эту тему возможен лишь после того, как станут доступными материалы следственных дел репрессированных военачальников. Пока же они остаются засекреченными, оценить обоснованность обвинений мы не можем, а верить на слово предателям, вроде главного «реабилитатора» Александра Яковлева, вряд ли стоит.

Отмечу лишь вот какой момент. Обличители сталинизма уверяют, будто все обвинения против участников военного заговора строились якобы исключительно на выбитых пытками личных признаниях, при отсутствии каких-либо вещественных доказательств. Во-первых, а откуда, собственно говоря, это известно? А главное, какого рода доказательств ждут господа «реабилитаторы»? Или они полагают, что заговорщики должны вести протоколы своих собраний, а шпионы – составлять регулярные отчёты о своей шпионской деятельности? Вспомним, например, известный эпизод русской истории – заговор против императора Павла I, который заведомо имел место и, более того, увенчался успехом. При этом вся «документация» свелась к листочку бумаги со списком заговорщиков, который организатор заговора петербургский военный губернатор граф Пален носил в своём кармане и, можно не сомневаться, в случае провала сумел бы уничтожить.

Воистину прав римский император Домициан, сказавший: *«Правителям живётся хуже всего: когда они обнаруживают заговоры, им не верят, куда их не убьют» .*

Миф об «обезглавленной Красной Армии» состоит из двух базовых утверждений:

- 1) в ходе репрессий был пущен «в расход» едва ли не весь офицерский корпус, в результате чего армия к 1941 году осталась без опытных командиров,
- 2) Тухачевский, Уборевич, Якир и другие «невинные жертвы» были гениальными полководцами, устранение которых явилось невосполнимой утратой.

В этом порядке их и рассмотрим.

Сколько офицеров было репрессировано?

Рассуждающие о масштабах «чистки», постигшей Красную Армию, чаще всего говорят о 40 тысячах репрессированных офицеров. Эта цифра была введена в широкий оборот заслуженным политработником генерал-полковником Д. А. Волкогоновым: *«По имеющимся данным, с мая 1937 года по сентябрь 1938 года, т. е. в течение полутора лет, в армии подверглись репрессиям 36 761 человек, а на флоте – более 3 тысячи» .* Следует отметить, что Дмитрий Антонович тут же делает важную оговорку: *«Часть из них была, правда, лишь уволена из РККА» .* Как видим, в число «репрессированных» включены не только расстрелянные или хотя бы арестованные, но и лица, просто уволенные из армии.

Впрочем, названная Волкогоновым цифра стала всего лишь отправной точкой для полёта фантазии разоблачителей «сталинских преступлений». Так, в статье Н. Г. Павленко репрессированные

офицеры превращаются в «военачальников»: «Далее в справке указывается, что только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года было репрессировано 36 761 военачальник». Разумеется, теоретически младшего лейтенанта тоже можно причислить к военачальникам. Однако если это делает не безграмотный журналист, а доктор исторических наук, бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» да к тому же генерал-лейтенант в отставке, впору подумать о сознательной фальсификации.

Л. А. Киршнер называет слегка бо льшую цифру, при этом почему-то полагая, будто репрессиям подверглось свыше половины офицеров: «Считается, что в предвоенный период репрессировано 44 тыс. человек командного состава, свыше половины офицерского корпуса».

Бывший главный идеолог ЦК КПСС А. Н. Яковлев ведёт речь уже о 70 тысячах, причём утверждает, что все они были уничтожены: «Более 70 тысяч командиров Красной Армии были уничтожены Сталиным ещё до войны».

Ещё бо льшую цифру приводят в своих умозрительных выкладках профессиональные обличители «антиармейского террора» В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер: «Поэтому мы вынуждены считать, что убыль кадрового состава за два года чистки составила приблизительно 100 тыс. человек».

Наконец, В. С. Коваль уверяет нас, будто был уничтожен весь советский офицерский корпус: «Без войны в застенках и лагерях НКВД погиб почти весь великолепный офицерский корпус – становой хребет Красной Армии». То же самое, только другими словами, утверждают в своей книге Д. Е. Мельников и Л. Б. Чёрная: «От рук палачей погиб и весь средний командный состав». Впрочем, вполне возможно, что последние двое авторов просто не знают, что к среднему комсоставу относились офицеры в званиях от младшего лейтенанта до капитана.

Итак, подобно храповому колесу, которое может крутиться лишь в одну сторону, «статистика» репрессий в антисталинских публикациях меняется только в сторону увеличения.

Что же было на самом деле? Обратимся к архивным документам. Выясняется, что убыль офицерского состава с 1 января по 1 ноября 1937 года выражалась следующими цифрами:

Военные округа, виды Вооружённых сил	Уволено	Из них арестовано
Московский военный округ	1252	363
Ленинградский	1015	60
Белорусский	1215	279
Киевский	1126	382
Харьковский	780	257
Северо-Кавказский	569	101
Приволжский	315	106
Уральский	297	102
Сибирский	204	128
Закавказский	395	138
Среднеазиатский	136	98
Забайкальский	295	14
ОКДВА	1867	642
Военно-воздушные силы	1205	285
Военно-морской флот	705	171

С учётом центрального аппарата Наркомата обороны, военно-учебных заведений, тыловых учреждений, разведорганов, а также командного состава, находящегося в резерве, всего за первые 10 месяцев 1937 года из РККА были уволены 13 811 лиц командно-начальствующего состава, из них арестованы 3776 человек.

Следующий документ даёт картину армейской чистки за более широкий период времени:

За последние пять лет (с 1934 г. по 25 октября 1939 г.) из кадров РККА ежегодно увольнялось следующее количество начсостава:

В 1934 г. уволены 6596 чел., или 5,9 % к списочной численности, из них:

- а) за пьянство и моральное разложение – 1513
- б) по болезни, инвалидности, за смертью и пр. – 4604
- в) как арестованные и осуждённые – 479

Всего – 6596

В 1935 г. уволены 8560 чел., или 7,2 % к списочной численности, из них:

а) по политико-моральным причинам, служебному несоответствию, по желанию и пр. – 6719

б) по болезни и за смертью – 1492

в) как осуждённые – 349

Всего – 8560

В 1936 г. уволены 4918 чел., или 3,9 % к списочной численности, из них:

а) за пьянство и политико-моральное несоответствие – 1942

б) по болезни, инвалидности и за смертью – 1937

в) по политическим мотивам (исключение из партии) – 782

г) как арестованные и осуждённые – 257

Всего – 4918

В 1937 г. уволены 18 658 чел., или 13,6 % к списочной численности, из них:

а) по политическим мотивам (исключение из партии, связь с врагами народа) – 11 104

б) арестованных – 4474

в) за пьянство и моральное разложение – 1139

г) по болезни, инвалидности, за смертью – 1941

Всего – 18 658

В 1938 г. уволены 16 362 чел., или 11,3 % к списочной численности, из них:

а) по политическим мотивам – исключённые из ВКП(б), которые согласно директиве ЦК ВКП(б) подлежали увольнению из РККА и за связь с заговорщиками, – 3580

б) иностранцы (латыши – 717, поляки – 1099, немцы – 620, эстонцы – 312, корейцы, литовцы и др.), уроженцы заграницы и связанные с ней, которые уволены согласно директиве народного комиссара обороны от 24.6.1938 за № 200/ш, – 4138

в) арестованных – 5032

г) за пьянство, растраты, хищения, моральное разложение – 2671

д) по болезни, инвалидности, за смертью – 941

Всего – 16 362

В 1939 г. на 25.10 уволен 1691 чел., или 0,6 % к списочной численности, из них:

а) по политическим мотивам (исключение из партии, связь с заговорщиками) – 277

б) арестованных – 67

в) за пьянство и моральное разложение – 197

г) по болезни, инвалидности – 725

д) исключено за смертью – 425

Общее число уволенных за 6 лет составляет – 56 785 чел.

Всего уволены в 1937 и 1938 гг. – 35 020 чел., из этого числа:

а) естественная убыль (умершие, уволенные по болезни, инвалидности, пьяницы и др.) составляют – 6692, или 19,1 % к числу уволенных;

б) арестованные – 9506, или 27,2 % к числу уволенных;

в) уволенные по политическим мотивам (исключённые из ВКП(б) – по директиве ЦК ВКП(б) – 14 684, или 41,9 % к числу уволенных;

г) иностранцы, уволенные по директиве народного комиссара обороны, – 4138 чел., или 11,8 % к числу уволенных.

Таким образом, в 1938 году были уволены по директиве ЦК ВКП(б) и народного комиссара обороны 7718 чел., или 41 % к числу уволенных в 1938 году.

Наряду с очисткой армии от враждебных элементов часть начсостава была уволена и по необоснованным причинам. После восстановления в партии и установления неосновательности увольнения возвращены в РККА 6650 чел., главным образом капитаны, старшие лейтенанты, лейтенанты и им равные, составляющие 62 % этого числа.

На место уволенных пришло в армию проверенных кадров из запаса 8154 чел., из одногодичников – 2572 чел., из политсостава запаса – 4000 чел., что покрывает число уволенных.

Увольнение по 1939 году идёт за счёт естественной убыли и очистки армии от пьяниц, которых народный комиссар обороны своим приказом от 28 декабря 1938 года требует

беспощадно изгонять из Красной Армии.

Таким образом, за два года (1937 и 1938) армия серьёзно очистилась от политически враждебных элементов, пьяниц и иностранцев, не внушающих политического доверия.

В итоге мы имеем гораздо более крепкое политико-моральное состояние. Подъём дисциплины, быстрое выдвижение кадров, повышение в военных званиях, а также увеличение окладов содержания подняли заинтересованность и уверенность кадров и [обусловили] высокий политический подъём в РККА, показанный на деле в исторических победах в районе озера Хасан и р. Халхин-Гол, за отличие в которых Правительство наградило званием Героя Советского Союза 96 человек и орденами и медалями 23 728 человек.

Начальник 6 отдела полковник (Ширяев)

20 октября 1939 г.

Как мы могли заметить, часть уволенных командных кадров вскоре была восстановлена в армии. Более полную картину армейской чистки даёт документ, подписанный начальником Управления по командному и начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко:

Справка

о количестве уволенного командно-начальствующего и политического состава за 1935–1939 гг. (без ВВС)

В 1935 г. уволено 6198 чел., или 4,9 %. Из них политсостава – 987 чел.

В 1936 г. уволено 5677 чел., или 4,2 %. Из них политсостава – 759 чел.

В 1937 г. уволено 18 658 чел., или 13,1 %. Из них политсостава – 2194 чел.

Из общего числа уволенных:

Мотивы увольнения	Всего было уволено в 1937 г.	Из числа уволенных восстановлено в 1938–39 гг.	Фактически осталось уволенных
а) Арестованные	4474	206	4268
б) Уволены во исполнение решения ЦК ВКП(б) №П47/102 от 29.3.1937 (исключённые из ВКП(б) за связь с заговорщиками)	11 104	4338	6766
в) Уволены по политико-моральным причинам (пьяницы, морально разложившиеся, расхитители народного достояния)	1139	109	1030
г) Исключено за смертью, по инвалидности и по болезни	1941	8	1933
Всего:	18 658	4661	13 997
К списочной численности:	13,1%		9,7%

В 1938 г. уволено 16 362 чел., или 9,2 %. Из них политсостава – 3282 чел.

Из общего числа уволенных:

Мотивы увольнения	Всего было уволено в 1938 г.	Из числа уволенных восстановлено в 1939 г.	Фактически осталось уволенных
а) Арестованные	5032	1225	3807
б) Уволены во исполнение решения ЦК ВКП(б) №П47/102 от 29.3.1937 (исключённые из ВКП(б) за связь с заговорщиками)	3580	2864	716
в) Уволены по директиве народного комиссара обороны от 24.6.38 №200/ш (поляки, немцы, латыши, литовцы, финны, эстонцы, корейцы, и др., уроженцы заграницы и связанные с ней)	4138	1919	2219
г) Уволены во исполнение приказа народного комиссара обороны №0219-38 г. (пьяницы, морально разложившиеся, расхитители народного достояния)	2671	321	2350
д) Исключено за смертью, по инвалидности и по болезни	941	4	937
Всего:	16 362	6333	10 029
К списочной численности:	9,2%		5,6%

В 1939 г. уволено 1878 чел., или 0,7 % к списочной численности. Из них политсостава – 477 чел. Из общего числа уволенных:

Мотивы увольнения	Всего было уволено в 1939 г.	Из числа уволенных восстановлено	Фактически осталось уволенных
а) Арестованные	73	26	47
б) Уволены во исполнение решения ЦК ВКП(б) №П47/102 от 29.3.1937 (исключённые из ВКП(б) за связь с заговорщиками)	284	126	158
в) Уволены во исполнение приказа народного комиссара обороны №0219-38 г. (пьяницы, морально разложившиеся, расхитители народного достояния)	238	23	215
г) Исключено за смертью, по инвалидности и по болезни	1283	9	1274
Всего:	1878	184	1694
К списочной численности:	0,7%		0,6%

Таким образом:

1. В 1937 г. по политическим мотивам (арестованные, исключённые из ВКП(б) за связь с заговорщиками) составляют – 15 578 чел., или 85 % к общему числу уволенных в 1937 г.

2. В 1938 г. по тем же мотивам – 8612 чел., или 52 % к общему числу уволенных в 1938 г., т. е. почти в два раза меньше против 1937 г.

Если сравнить общее количество уволенных за два года 1936–1937 гг., составляющее 24 335 чел., с количеством уволенных за 1938–1939 гг. 18 240 чел., то получается, что за первые два года (1936–1937 гг.) уволено 8,6 % к списочной численности, за 1938–1939 гг. – 3,9 % к списочной численности.

В общем числе уволенных как за 1936–1937 гг., так и за 1938–1939 гг. было большое количество арестовано и уволено несправедливо. Поэтому много поступало жалоб в Наркомат обороны, в ЦК ВКП(б) и на имя т. Сталина. Мною в августе 1938 г. была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров, которая тщательно проверяла материалы уволенных путём личного вызова их, выезда на места работников Управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров, знающих уволенных, через органы НКВД и т. д.

Комиссией было рассмотрено около 30 тысяч жалоб, ходатайств и заявлений. В результате восстановлено:

Год	Всего восстановлено	Эти восстановленные были уволены	
		Приказами НКО	Приказами округов
Из уволенных в 1937 г.	4661	1703	2958
Из уволенных в 1938 г.	6333	2202	4131
Из уволенных в 1939 г.	184	125	59
Всего:	11 178	4030	7148

Кроме того:

а) изменена статья увольнения 2416 чел.

б) отказано в восстановлении 1889 чел.

Таким образом, фактическая убыль из армии командно-начальствующего и политического состава составляет:

1. За 1936-37 гг. – 19 674 чел., или 6,9 % к списочной численности (в том числе 2827 чел. политсостава).

2. За 1938-39 гг. – 11 723 чел., или 2,3 % к списочной численности (в том числе 3515 чел. политсостава), т. е. почти в три раза меньше против 1936-37 гг.

В результате проделанной большой работы армия в значительной мере очистилась от шпионов, диверсантов, заговорщиков, не внушающих политического доверия иностранцев, от пьяниц и тунеядцев, а несправедливо уволенные возвращены в армию.

«апреля 1940 г.

Е. Щаденко

Таким образом, в 1937–1938 гг. из Красной Армии действительно было уволено меньше 40 тыс. офицеров. Однако далеко не всех из них можно считать жертвами репрессий. Из приказа наркома обороны К. Е. Ворошилова № 0219 от 28 декабря 1938 года о борьбе с пьянством в РККА:

«Вот несколько примеров тяжчайших преступлений, совершённых в пьяном виде людьми, по недоразумению одетыми в военную форму. 15 октября во Владивостоке четыре лейтенанта, напившиеся до потери человеческого облика, устроили в ресторане дебош, открыли стрельбу и ранили двух граждан. 18 сентября два лейтенанта железнодорожного полка при тех же примерно обстоятельствах в ресторане, передрались между собой, застрелились. Политрук одной из частей 3 сд, пьяница и буйан, обманым путём собрал у младших командиров 425 руб., украл часы и револьвер и дезертировал из части, а спустя несколько дней изнасиловал и убил 13-летнюю девочку» .

Упомянутые в приказе Ворошилова персонажи, как правило, автоматически причисляются к

жертвам «антиармейского террора». Если же исключить из рассмотрения подобных «героев», а также умерших, уволенных по болезни и т. п., то масштабы чистки оказываются гораздо более скромными: в 1937–1939 гг. были арестованы 9579 человек начсостава (из них 1457 восстановлены в 1938–1939 гг.) и уволены по политическим мотивам 19 106 (из них 9247 восстановлены в 1938–1939 гг.). Таким образом, общее число офицеров, репрессированных в 1937–1939 гг. (без ВВС и флота), составляет **8122** арестованных (среди которых далеко не все были расстреляны) и **9859** уволенных из армии.

О том, что далеко не все уволенные из Красной Армии офицеры были расстреляны, красноречиво свидетельствует и количество рассмотренных комиссией Щаденко жалоб, ходатайств и заявлений – около 30 тысяч. Чтобы иметь возможность подать жалобу, надо оставаться в числе живых.

Репрессии и численность офицеров

Как соотносится количество вычищенных из Красной Армии с общей численностью комсостава? Действительно ли в результате чистки был утрачен весь советский офицерский корпус или хотя бы его половина?

В приведённых выше двух справках постоянно указывается процент, который составляют уволенные из армии от списочной численности командно-начальствующего состава, причём процент этот достаточно скромен.

Откуда же взялась нехватка командных кадров перед войной, на которую так любят ссылаться обличители Сталина? Дело в том, что в это время по вполне понятным причинам численность Красной Армии резко увеличивалась. При этом создавались десятки тысяч новых офицерских должностей, которые необходимо было заполнить. Так, если в выступлении на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК ВКП(б) К. Е. Ворошилов сообщил, что «*армия располагает по штату 206 тысячами человек начальствующего состава*», то к 15 июня 1941 года общая численность командного и начальствующего состава (без политсостава, ВВС, ВМФ и НКВД) составляла по списку **439 143** человека, или 85,2 % к штату.

Чтобы проиллюстрировать, какими темпами происходил рост советских Вооружённых сил и как заполнялись вакантные офицерские должности, приведём ещё один документ:

СПРАВКА

об увольнении из РККА и укомплектовании комначсоставом

I. УВОЛЬНЕНИЕ (без морских сил)

1. Уволено из РККА за 1937 г. по 09.08.38 г.

комначсостава 20 643 13 198

из них арестовано 5811 4761

II. УКОМПЛЕКТОВАНИЕ

1. Некомплект комначсостава на 1.1.1938 составлял – 39 100

2. Потребность по оргмероприятиям 1938 г. – 33 900

Итого: – 73 000

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В КАДРАХ:

1. Выделяется для подготовки лётнабов – 2600

2. На формирование округов и военкоматов – 5000

3. На укомплектование должностей помощников – 15 000

4. На расширение военно-учебных заведений – 16 700

5. На замещение должностей увольняемых в 1938 г. – 25 700

6. На организацию дивизионных школ – 3416

7. На покрытие потребности по оргмероприятиям 1939 г. – 25 000

8. На замещение убыли, ожидаемой в 1939 г. – 25 000

9. На усиление Краснознамённого Дальневосточного фронта – 7000

Итого: – 125 416

Общая потребность в комначсоставе в 1938-39 гг. составляет – 198 416 чел.

Эта потребность в кадрах будет покрыта:

а) по 1938 году:

1. Из военных училищ выпущено – 8278 чел.

2. Подготовлено из младшего комначсостава – 9751 чел.

3. Дополнительно готовится из младшего комначсостава с июня 1938 г. – 17 000 чел.

с августа 1938 г. – 60 000 чел.

4. Намечено призвать из запаса – 30 000 чел.

5. Намечено задержать в армии одногодичников и двухгодичников – 5000 чел.

Итого по 1938 г. – 130 000 чел.

б) по 1939 году (за 1-е полугодие)

1. Выпустить досрочно из военных училищ – 13 000 чел.

2. Подготовить из младшего комначсостава – 60 000 чел.

Итого: – 73 000 чел.

Все эти мероприятия дают накопление кадров в 1938 г. и в первом полугодии 1939 г. – 203 000 чел., коими полностью покрывается некомплект комначсостава РККА.

III. УКОМПЛЕКТОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАСНОЗНАМЁННОГО ФРОНТА

1. Некомплект по ДКФ составляет 6500 чел.

2. На покрытие этого некомплекта Военсовет ДКФ просил выделить 3000 чел.

3. Выделяется на покрытие некомплекта ДКФ 6500, или 100 % потребности. Текущая убыль по ДКФ (увольнение, аресты и др.) будет покрываться незамедлительно.

«августа 1938 г.

Е. Щаденко

«Гениальные полководцы»

Таким образом, в количественном отношении влияние репрессий на командный и начальствующий состав РККА оказывается весьма незначительным, а образовавшийся некомплект был вызван резким увеличением численности армии. Но, может быть, имело место ухудшение качественного состава офицерского корпуса? По мнению того же Волкогонова:

«Следствием кровавой чистки явилось резкое снижение интеллектуального потенциала в армии и на флоте. К началу 1941 года лишь 7,1 % командно-начальствующего состава имели высшее военное образование, 55,9 % – среднее, 24,6 % – ускоренное образование (курсы) и 12,4 % командиров и политработников не имели военного образования» .

То, что в результате репрессий произошло снижение уровня подготовки командных кадров, – одна из незыблемых аксиом обличителей сталинизма. Тем не менее, если от кликушества перейти к фактам, картина оказывается совсем другой:

«Репрессии не наложили да и не могли наложить из-за незначительности их масштабов по сравнению с общей массой офицерского корпуса видимого отпечатка на образовательный уровень. Некоторое падение доли офицеров, имеющих среднее военное образование в 1938–1939 гг. объясняется не репрессиями, а значительным притоком в армию офицеров из запаса, из сверхсрочников и особенно офицеров, окончивших курсы младших лейтенантов. В то же время в предвоенные годы наблюдается устойчивая тенденция к увеличению процента офицеров, имеющих академическое образование. В 1941 году этот процент был наивысшим за весь межвоенный период и равнялся 7,1 %. До репрессий, в 1936 году эта цифра составляла 6,6. Проведённые расчёты показывают, что в период репрессий наблюдался устойчивый рост количества начсостава, имеющего среднее и высшее военное образование. Так, академическое образование в 1936 году имело 13 тыс. лиц начсостава, в 1939 году – после фактического окончания репрессий – 23 тыс., в 1941 году – 28 тыс. офицеров. Военное образование в объёме военной школы имело соответственно 125, 156 и 206 тыс. военнослужащих» .

Из публикации в публикацию кочует история о 225 безграмотных командирах полков, запущенная в оборот небезызвестным В. А. Анфиловым: *«Последняя проверка, проведённая инспектором пехоты, – говорил в декабре сорокового года на совещании начальник управления боевой подготовки генерал-лейтенант В. Курдюмов, – показала, что из 225 командиров полков, привлечённых на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища, остальные 200 человек – это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса» .*

Однако если посмотреть стенограмму состоявшегося 23–31 декабря 1940 года совещания высшего командного и политического состава Красной Армии, то выясняется, что дважды выступивший на нём генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов ничего подобного не говорил. Если же взять официальные данные Главного управления кадров Красной Армии, то оказывается, что по состоянию на 1 января 1941 года из 1833 командиров полков 14 % окончили военные академии, 60 % – военные училища и лишь 26 % имели ускоренное военное образование.

А как быть с высшим комсоставом? Обличители сталинского произвола не устают публиковать длиннющие мартирологи с перечнями репрессированных комдивов, комкоров, командармов. Однако и здесь нас ожидают весьма интересные открытия:

«Больше всего от репрессий пострадал советский генералитет. Как отразились репрессии на

образовательном уровне высшего командного состава? Как ни парадоксально, но объективно его уровень вырос. В первой половине 30-х гг. доля лиц этой категории, имеющих высшее военное образование, колебалась от 30 до 40 %. Перед началом репрессий 29 % имело академическое образование, в 1938 году их было уже 38 %, а в 1941 году 52 % военачальников имело высшее военное образование.

Может быть, это случайность или фальсификация? Нет. Знакомство автора с архивными документами, отчётными данными кадровых органов по арестованным и назначенным вместо них военачальникам свидетельствует о росте академического образования по всем основным должностным группам. Например, в пик репрессий, с 1 мая 1937 года по 15 апреля 1938 года, из 3 арестованных заместителей наркома обороны ни один не имел академического образования, 2 из назначенных его имели. Из командующих войсками округов: арестовано 3 «академика», назначено – 8; заместители командующих округами: соответственно арестовано 4 с высшим военным образованием, назначено – 6; начальники штабов округов – арестованные не имели академического образования, 4 из 10 назначенных его имели; командиры корпусов – арестовано 12 с высшим военным образованием, назначено 19; начальники штабов корпусов – арестовано 14 «академиков», назначено 22. И так по всем должностям, за исключением командиров дивизий. 33 арестованных комдива имели академическое образование, а среди назначенных таких было только 27. В целом по высшему командному составу количество назначенных, имеющих высшее военное образование, превышает число арестованных с аналогичным образованием на 45 %.

Таким образом, репрессии не снизили образовательный уровень затронутых ими категорий офицеров, они повлияли на уровень образования старших и средних офицеров, которые выдвигались на вышестоящие должности. Архивные данные свидетельствуют о том, что это были, как правило, наиболее высокоподготовленные командиры» .

Наконец, остаются Тухачевский, Уборевич, Якир и прочие репрессированные «военные гении», по которым начиная с хрущёвских времён пролиты целые реки крокодиловых слёз. Например, в сочинённой Расулом Гамзатовым в 1960–1962 годах конъюнктурной поэме «Люди и тени» этим деятелям посвящены такие строки:

*Бойцам запаса посланы повестки,
Пехота немцев лезет напролом.
Поторопитесь, маршал Тухачевский,
Предстать войскам в обличье боевом.*

*Пусть гений ваш опять блеснёт в приказе
И удивит ошеломлённый мир.
Федьк о пусть шлёт к вам офицеров связи
И о делах радирует Якир.*

*Но их, приговорённых к высшей мере,
Не воскресить и богу, а пока
В боях невозместимые потери
Несут осиротелые войска.*

В последнее время появилось немало публикаций, дающих представление о «полководческих талантах» безвременно отправленных в мир иной маршалов и командармов. Из них можно особо порекомендовать опубликованную в журнале «Родина» статью Андрея Смирнова «Большие манёвры». А вот что писал по этому поводу известный историк и публицист В. В. Кожин:

«Господствует мнение, что в результате репрессий 1937–1938 годов место зрелых и опытных военачальников заняли молодые и неискушённые, и это привело к тяжелейшим поражениям в начале войны. В действительности же на смену погибшим пришли в основном люди того же поколения, но другие – и с иным опытом .

Так, скажем, репрессированные Я. Б. Гамарник, В. М. Примаков, М. Н. Тухачевский, И. Ф. Федько, И. Э. Якир родились в 1893–1897 годах, и в те же самые годы, в 1894–1897-м, родились Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, Ф. И. Толбухин. Но первые, исключая одного только Тухачевского, провоевавшего несколько месяцев в качестве подпоручика, **не участвовали** в Первой мировой войне, а вторые (кроме окончившего школу прапорщиков Толбухина) начали на ней свой боевой путь простыми солдатами.

Далее, первые оказались вскоре после революции на наиболее высоких руководящих постах (хотя им было тогда всего от 21 до 25 лет...) – без сомнения, по “идеологическим”, а не собственно “военным” соображениям, – а вторые, медленно поднимаясь по должностной лестнице, обрели реальное умение управлять войсками. Дабы оценить это, вспомним, что Суворов в 18 лет начал свой воинский путь унтер-офицером (тогда – капралом), а 16-летний Кутузов – прапорщиком, и лишь к сорока годам они “дослужились” до генеральского звания» .

Поправка Кожинину – Р. Я. Малиновский родился в 1898 году. Впрочем, если учесть, что будущий маршал 15-летним подростком удрал на фронт и затем прошёл всю 1-ю мировую, полученный им военный опыт был ничуть не меньшим, чем у старших товарищей.

То, что будущие жертвы репрессий получили свои посты по идеологическим соображениям, хорошо видно, если посмотреть время вступления той и другой категории военачальников в партию большевиков:

Гамарник	1916
Примаков	1914
Тухачевский	1918
Уборевич	1917
Федько	1917
Якир	1917
Василевский	1938
Жуков	1919
Конев	1918
Малиновский	1926
Рокоссовский	1919
Толбухин	1938

Разница налицо. Если первые стали военачальниками только потому, что вовремя примкнули к большевикам, то вторые – как раз наоборот: вступили в партию, уже будучи советскими военачальниками. Показательно, что имевший наибольший партийный стаж из перечисленных полководцев Великой Отечественной И. С. Конев, будучи командиром 2-й стрелковой дивизии, на совещании начсостава дивизии весной 1937 года (как раз накануне чистки), говоря о приоритете боевой подготовки по сравнению с политической, бросил «крамольную» фразу: *«Если настанет час испытаний, то с чем будем воевать – с винтовкой или с марксизмом?»* .

«Революционная дисциплина» или разгильдяйство?

Наконец, остановимся ещё на одном моменте. Говоря о негативном влиянии репрессий на боеспособность Красной Армии, различные авторы нередко восхваляют атмосферу, царившую в РККА накануне «большой чистки». Вот что пишут, например, уже упоминавшиеся выше В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер:

«Не было в той армии серой солдатской скотинки и господ офицеров – как при царе, солдатского и офицерского состава – как сейчас. Были товарищи по оружию – красноармейцы и командиры. Муштру заменили учёбой, шагистику – боевой выучкой. Нижние чины не тянулись перед высшими, да и чинов не было до 1935 г. – одни должности. Уставные формы обращения подразумевали уважение к человеческому достоинству. Получив приказание, отвечали: “Есть”. Расстреляв РККА, ввели холопские “слушаюсь”, “так точно”, “никак нет”. Постеснялись вернуться к таким казарменным перлам, как “рад стараться” и “премного благодарен”, но эффект был тот же.

В РККА даже внешний облик военнослужащих всех рангов нёс в себе что-то благородное и сурово-романтическое. Форма была простая, строгая – и для всех фактически одинаковая» .

«Но недоучившемуся бурсаку, рвавшемуся в корифеи всех дел и занятий, никак не могла импонировать РККА, где ещё гнезвился революционный дух, давно выветрившийся из партийных и прочих бюрократов. (В Уставе внутренней службы было записано, что следует выполнять все приказания, кроме явно контрреволюционных.)» .

Прервём этот панегирик и посмотрим, что говорят документы. Вопреки любителям

революционной романтики, картина оказывается вовсе не такой уж благодатной:

«...Плохая боевая выучка войск во времена Уборевича и Якира была обусловлена не только низкой квалификацией командиров РККА, но и плохим воинским воспитанием. Об уровне последнего можно судить, например, по коллективному портрету комсостава 110-го стрелкового полка БВО, сделанному комдивом К. П. Подласом в октябре 1936 года: “Млад[шие] держатся со старшими фамильярно, распущенно, отставляет ногу, сидя принимает распоряжение, пререкания... Много рваного обмундирования, грязные, небритые, рваные сапоги и т. д.” (РГВА. Ф.37464. Оп.1. Д.12. Л.92). “Небритые, с грязными воротничками” ходили тогда и средние командиры 44-й и 45-й дивизий КВО (РГВА. Ф.37928. Оп.1. Д.269. Л.3; Ф.1417. Оп.1. Д.285. Л.16): ведь так “красные офицеры” воспитывались ещё в курсантские годы... Вот как, к примеру, выглядели в августе 1932 года курсанты Объединённой Белорусской военной школы: “резко бросается в глаза слабая строевая выправка”; обмундирование “почти всё лето не стиралось” и “дошло до цвета нефти”. Завидев командира с ромбами в петлицах (то есть по-старорежимному генерала!), “курсанты дневальные... мялись, один почёсывал щеку и вертел головой, не зная, что делать: встать или сидеть” (РГВА. Ф.31983. Оп.2. Д.13. Л.151, 171, 164, 25).

Неприглядно смотрелся при Якире и Уборевиче и младший командир РККА. Неподтянутый, небритый, часто в рваной гимнастёрке, а то и без знаков различия (!), он в принципе не мог быть требовательным, не мог настойчиво отрабатывать с бойцами все детали их подготовки. С таким командиром можно было пререкаться, его можно было величать “балдой” и крыть матом – низкий уровень дисциплины был ещё одним фактором, обусловившим слабую боевую выучку РККА в середине 30-х годов. Впрочем, укреплению дисциплины не способствовала и общая атмосфера “пролетарского государства”. В красноармейце видели не столько солдата, сколько гражданина, “товарища такого-то”. Командира взвода и старшину боец мог критиковать на комсомольском собрании – о какой воинской дисциплине могла идти речь?» .

Была ли необходима столь широкомасштабная чистка РККА? К сожалению, немалая доля командиров, подвергшихся в то время политическим преследованиям, пострадала безвинно. Большинство из них вскоре было оправдано и восстановлено в армии. С другой стороны, опасность, созданная для государства военными заговорщиками во главе с Тухачевским, была слишком велика, что и объясняет допущенные «перегибы» при ликвидации заговора.

Глава 3. Миф о кавалерии

Согласно популярному стереотипу, репрессии среди высшего комсостава привели к тому, что в руководстве РККА якобы возобладали безграмотные кавалеристы вроде Ворошилова и Будённого. Дескать, в отличие от расстрелянных «военных гениев», эти тупые и недалёкие люди отрицали важность механизации армии, уделяя основное внимание развитию столь милой их сердцу конницы.

Подобный сюжет вот уже несколько десятилетий служит одной из излюбленных тем для ёрничающей творческой интеллигенции. Чтобы не опускаться до полемики с профессиональными скоморохами, посмотрим, что пишут по этому поводу авторы, претендующие на то, что они имеют отношение к военной истории. Вот что утверждает, к примеру, Лев Кишнер в своей книге «Канун и начало войны: Документы и материалы»:

«В руководстве Вооружёнными силами возобладала установка “конников” – Ворошилова, Будённого, Кулика, Щаденко, догматически цеплявшихся за опыт Гражданской войны. Ворошилов с трибуны XVII съезда партии утверждал: “Необходимо... раз и навсегда покончить с вредительскими “теориями” о замене лошади машиной”. Ему поддакивал Щаденко: “Война моторов, механизация, авиация и химия придуманы военспецами. Пока главное – лошадка. Решающую роль в будущей войне будет играть конница”» .

Разумеется, оперируя вырванными из контекста фразами, можно доказать что угодно. Выступая 30 января 1934 года на XVII съезде ВКП(б), нарком обороны действительно произнёс процитированные выше слова. Однако вся прелесть ситуации состоит в том, что сказаны они были в разделе его речи, посвящённом сельскому хозяйству.

Как известно, в результате коллективизации произошло сокращение конского поголовья. Об этом и говорил Ворошилов:

«Конское поголовье продолжает всё ещё сокращаться. Где причина, в чём дело? Мне думается, что, помимо вредительской деятельности контрреволюционных элементов на селе, немалая доля вины лежит на работниках системы Наркомзема, одно время благожелательно относившихся к прямо-таки вредительской “теории” о том, что механизация сельского хозяйства, внедрение

тракторов и комбайнов заменяют лошадь, а в ближайшем будущем и полностью освободят от необходимости использования тягловой силы в сельском хозяйстве. Между тем ясно, что лошадь в нашей стране сейчас и в дальнейшем будет крайне необходима и нужна, как она была нужна и раньше, когда у нас было мало тракторов. Лошадь не только не противостоит трактору, не конкурирует с ним, но, наоборот, его во многом дополняет, ему помогает» .

После этого будущий маршал и произнёс столь понравившуюся Киршнеру фразу:

«Что это значит? А то, что за лошадь, её сохранение и воспроизводство надо взяться по-настоящему. Необходимо прежде всего раз и навсегда покончить с вредительскими “теориями” о замене лошади машиной, об “отмирании” лошади. Необходимо раз и навсегда покончить с обезличкой в использовании коня. На местах, в передовых колхозах, в МТС накоплено немало ценного опыта, который Наркомзему не мешало бы учесть, обобщить и распространить по всей стране» .

Как видим, речь шла о том, что, несмотря на появление тракторов и комбайнов, лошадь в сельском хозяйстве всё равно нужна. Этот тезис остаётся совершенно верным даже сегодня, спустя 70 лет. Тем более справедливым он был тогда, в 1934 году.

А вот в разделе, посвящённом Красной Армии, Ворошилов говорил совершенно другое. О кавалерии ни слова. Зато «войне моторов» уделено немало внимания:

«За отчётный период перед РККА стояла задача коренным образом реконструироваться на базе новой техники, так сказать, на ходу, сохраняя полностью и постоянно высокую ступень боевой готовности.

Сейчас основные задачи технической реконструкции армии нами решены.

В 1930 г., к XVI съезду, мы имели очень небольшое количество танков... Сейчас мы имеем вполне современные танки в достаточном числе.

В 1930 г. мы имели на вооружении артиллерию, оставшуюся от империалистической войны, от царя и частично построенную нами в прошлые годы... Сейчас мы имеем артиллерию и в количественном, и в качественном отношении... приличную...

В 1930 г. мы были ещё очень бедны средствами химической обороны. Наша химическая промышленность хромала на все четыре ноги. Мы имеем сейчас мощную химическую промышленность, но ещё недостаточно мощную, товарищ Серго (к товарищу Орджоникидзе), чтобы полностью удовлетворить и народнохозяйственные нужды, и потребности обороны. Тем не менее уже теперь наши заявки в отношении химической обороны удовлетворяются неплохо.

В 1930 г. мы были очень плохо обеспечены средствами современной связи. Радиосредств почти вовсе не было. Сейчас мы имеем неплохие средства связи – проволочную, радио и другие, но не считаем ещё себя полностью обеспеченными...

Большие успехи достигнуты также в отношении технического оснащения инженерных войск...

За время, прошедшее после XVI съезда партии, наши Военно-воздушные силы стали неузнаваемыми. Мы создали мощную тяжёлую бомбардировочную авиацию и добились улучшения по всем другим видам авиации...

Огромные достижения в области авиастроения бесспорны, но кое-что надо ещё доделывать и улучшать нашей авиационной промышленности, в первую очередь в отношении производства моторов. Моторостроение – сложнейшее производство, труднейшая, быть может, часть нашего машиностроения. Мы создали заново прекрасные моторостроительные заводы. Промышленность наша выпускает сейчас много моторов, но для того, чтобы ни один из видов нашей авиации не уступал лучшим иностранным образцам, нужно полностью обеспечить наши самолёты моторами, соответствующими по качеству.

Нужно быстрее осваивать серийное производство новых и усовершенствованных моторов. Нужно подтянуть работу наших научно-исследовательских институтов по моторам. Нужно обязательно поставить работу конструкторских бюро на заводах...

Если в 1929 г. на одного красноармейца приходилось в среднем по всей РККА 2,6 механических лошадиных сил и в 1930 г. – 3,07, то в 1933 г. – уже 7,74. Это значительно выше, чем во французской и американской армиях, и выше даже, чем в английской армии, наиболее механизированной...

70 % личного состава непосредственно связаны с техникой. Что это означает? Это означает, что наша армия стала армией техники, так сказать, индустриализированной армией. Если при этом учесть, что насыщение армии многочисленной техникой не могло не вызвать также крупной организационной перестройки, равно как не могло не отразиться весьма основательно и на наших людях, на их учёбе, на выработке приёмов ведения военных действий, становится понятным, почему я называю сегодня нашу армию принципиально иной, новой армией» .

Приношу извинения за столь пространную цитату. Соврать легко. Опровергнуть враньё гораздо

сложнее. На это и рассчитывал Киршнер, справедливо полагая, что подавляющее большинство его читателей вряд ли станет разыскивать стенограмму XVII съезда.

А вот что утверждают известные обличители репрессий в РККА Виталий Рапопорт и Юрий Геллер:

«Снова доминировала кавалерия в ущерб бронетанковым и механизированным войскам. На случай войны планировалось развёртывание 99 (!) кавдивизий (у немцев в 1936 г. их было – две с половиной). К слову сказать, конница обходилась советскому народу дорожке всей системы образования».

99 кавдивизий – это что-то из области современного маркетинга. Чтобы вернее всучить покупателю какую-нибудь ненужную безделушку, считается психологически правильным назначить за неё цену не в 100, а в 99 долларов.

Так и представляешь себе – приходит Ворошилов к Сталину:

– Иосиф Виссарионович, давай сформируем сто кавдивизий!

– Ты что, Клим, совсем сдурил? Нас же засмеют!

– Тогда, может, 99 дивизий?

– Ну, вот это уже другое дело!

Что же в действительности происходило в те годы с красной кавалерией?

К 1935 году в РККА имелись 4 кавалерийских корпуса (1-й, 2-й, 3-й, 4-й), 15 кавалерийских (1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я, 14-я, 15-я, 22-я) и 5 горно-кавалерийских (17-я, 18-я, 19-я, 20-я, 21-я) дивизий.

Согласно докладу начальника Генерального штаба РККА А. И. Егорова от 14 апреля 1935 года о развитии Вооружённых сил на 1936–1938 гг., к 1 июля 1936 года в составе Красной Армии планировалось иметь 31 кавалерийскую дивизию. В течение 1935 года были созданы управления 3 кавкорпусов (5-й, 6-й, 7-й), развёрнуты из кавбригад 16-я и Особая кавдивизии, сформированы вновь 23-я, 24-я, 25-я, 26-я, 27-я, 28-я, 29-я и 30-я кавдивизии. Таким образом общее число кавдивизий, с учётом горно-кавалерийских, возросло до 30. К концу лета 1936 года были сформированы 13-я и 31-я кавдивизии, а также отдельная кавбригада горских национальностей.

Итак, к началу 1937 года, то есть накануне «большой чистки», в Красной Армии имелись 7 управлений кавалерийских корпусов, 32 кавалерийские дивизии (из них 5 горно-кавалерийских и 3 территориальных), 2 отдельные кавалерийские бригады, 1 отдельный и 8 запасных кавалерийских полков. Численность конницы по штатам мирного времени составляла 195 690 человек.

Но вот Тухачевский и К^о расстреляны. Казалось бы, самое время сформировать побольше новых кавалерийских частей и соединений. Однако происходит прямо противоположное. Осенью 1937 года нарком обороны К. Ворошилов и начальник Генштаба Б. Шапошников представили Сталину доклад «О плане развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг.». 29 ноября 1937 года этот план был утверждён постановлением Комитета Обороны при СНК СССР. В соответствии с ним в 1938 году подлежали расформированию 2 управления кавалерийских корпусов, 7 кавалерийских дивизий и 2 запасных кавполка. Во исполнение данного решения в 1938 году были расформированы 13-я, 23-я, 26-я, 27-я, 28-я, 29-я и 30-я кавдивизии. В результате конница мирного времени была сокращена до 5 управлений кавкорпусов, 18 кадровых кавалерийских дивизий, 5 горных кавалерийских дивизий, 2 казачьих территориальных кавалерийских дивизий, 2 отдельных кавбригад, 1 отдельного кавполка и 6 запасных кавполков, всего 138 560 человек. При всеобщей мобилизации из 4 запасных кавполков дополнительно развёртывались ещё 4 кавдивизии. Таким образом, общее число кавалерийских дивизий в случае войны должно было составить 29, а численность конницы военного времени – 255 300 человек.

Утверждённый 2 сентября 1939 года постановлением СНК СССР № 1335-279сс план реорганизации сухопутных Вооружённых сил СССР на 1939–1940 гг. предусматривал дальнейшее сокращение кавалерии – расформированию подлежали 4 кавалерийские дивизии и 2 отдельные кавалерийские бригады. Однако в связи с вводом советских войск на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики Красная Армия вынуждена была развернуться в семи округах по штатам военного времени. В этой ситуации расформирование 4 кавалерийских дивизий стало нежелательным. Поэтому в письме наркома обороны Ворошилова Сталину и Молотову № 81229сс/ов от 23 октября 1939 года вносились следующие предложения: 2 отдельные кавбригады расформировать, 4 кавалерийские дивизии, ранее намечавшиеся к расформированию, сохранить, отдельный кавалерийский полк развернуть в отдельную кавалерийскую бригаду. Таким образом, в Красной Армии должно было остаться 5 управлений кавалерийских корпусов, 18 кавдивизий, 2 кавдивизии сокращённого состава, 5 горных кавдивизий, 1 отдельная кавалерийская бригада и 6 запасных кавполков. При этом в отличие от мобилизационного плана 1938–1939 гг. развёртывание дополнительных кавалерийских дивизий в военное время не предусматривалось. Во исполнение

данного решения были расформированы 5-я (бывшая Бурят-монгольская) и 3-я Горская отдельные кавалерийские бригады.

21 мая 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление Комитета Оборона при СНК СССР «Об организации и численности Красной Армии». В соответствии с ним, подлежали расформированию 5 кавалерийских дивизий и один запасной кавалерийский полк. При этом на базе 4 расформируемых кавдивизий планировалось развернуть 2 новые моторизованные стрелковые дивизии. В результате в составе конницы должны были остаться 5 управлений кавалерийских корпусов, 15 кавдивизий, 5 горных кавдивизий, 1 отдельная кавбригада и 5 запасных кавполков общей численностью 122 744 человека.

Во исполнение этого постановления в июне-июле 1940 года были расформированы 7-я, 11-я, 16-я, 25-я и 34-я кавалерийские дивизии. При этом 7-я кавалерийская дивизия была переформирована во 2-ю танковую дивизию 3-го механизированного корпуса, 11-я кавдивизия – в 7-ю танковую и 4-й мотоциклетный полк 6-го мехкорпуса, 16-я кавдивизия обращена на формирование 6-й и 15-й танковых дивизий и 3-го мотоциклетного полка 4-го мехкорпуса, 25-я – на формирование 1-й танковой дивизии и 5-го мотоциклетного полка 1-го мехкорпуса, 34-я – на формирование 7-й моторизованной и 12-й танковой дивизий и 2-го мотоциклетного полка 8-го мехкорпуса.

Более того, в июне-июле 1940 года управления 3-го и 4-го кавалерийских корпусов были обращены на формирование управлений 6-го и 8-го механизированных корпусов соответственно. Однако в январе 1941 года в Среднеазиатском военном округе было вновь сформировано управление 4-го кавалерийского корпуса, объединившего 18-ю, 20-ю и 21-ю горно-кавалерийские дивизии.

В начале 1941 года нарком обороны С. Тимошенко и начальник Генштаба Г. Жуков представили Сталину и Молотову записку с изложением схемы мобилизационного развёртывания Красной Армии. На её основе 12 февраля 1941 года был составлен проект мобилизационного плана. Согласно этому документу в РККА должны были остаться 3 управления кавалерийских корпусов, 10 кавалерийских и 4 горно-кавалерийские дивизии, а также 6 запасных полков – 4 кавалерийских и 2 горно-кавалерийских, общая численность конницы – 116 907 человек.

В соответствии с этим в марте 1941 года были расформированы 4-я, 10-я, 12-я, 15-я и 22-я кавалерийские, а также 19-я горно-кавалерийская дивизии. Была расформирована и 31-я кавдивизия, хотя это и не предусматривалось запиской Тимошенко и Жукова. При этом 4-я кавалерийская дивизия была переформирована в 210-ю моторизованную дивизию, 19-я горно-кавалерийская – в 221-ю моторизованную дивизию 27-го мехкорпуса, 26-й механизированный корпус формировался на основе 10-й и 12-й кавалерийских и 103-й стрелковой дивизии. Что же касается управлений кавкорпусов, то их к 22 июня 1941 года оставалось по-прежнему четыре.

В результате к началу Великой Отечественной войны в Красной Армии имелось всего лишь 13 кавалерийских дивизий.

Для наглядности представим изложенное в виде таблицы:

Динамика развития кавалерии Красной Армии

	1937	август 1939	начало 1940	август 1940	22 июня 1941
управлений корпусов	7	5	5	3	4
дивизий	32	25	25	20	13
отдельных бригад	2	2	1	1	—
отдельных полков	1	1	—	—	—
запасных полков	8	6	6	5	6
численность мирного времени, чел.	195 690	138 560	?	122 744	116 907

Как мы могли убедиться, пробравшиеся к руководству Красной Армии «кавалеристы» за 4 года сократили количество кавалерийских дивизий в два с половиной раза. Одновременно значительно выросли численность и оснащение танковых и механизированных войск. Так, если в конце 1937 года в РККА имелось 25 лёгких, 4 тяжёлые и 3 запасные танковые бригады, а также 2 автоброневые и 3 мотострелковые бригады, то согласно мобилизационному плану 1941 года в Красной Армии должно было быть развёрнуто 60 танковых, 30 моторизованных и 2 мотострелковые дивизии. К 22 июня 1941 года этот план был не только выполнен, но и перевыполнен – были дополнительно сформированы одна танковая и одна моторизованная дивизии. При этом, как мы только что видели, танковые и моторизованные дивизии зачастую создавались на базе расформируемых кавалерийских.

Но вот началась Великая Отечественная война. Как утверждает уже цитированный Киршнер: *«Жизнь зло посмеялась над “конепоклонниками” . Но даже трагические реалии 1941 г. полностью не отрезвили их головы»* .

А вот что пишет в своей книге Н. А. Зенькович:

«Не помогли в этой войне Будённому и его старые легенды, привязанность к коннице. В “красном всаднике” крепко гнездились анахроническое мышление. Понимая, что успеха на оперативно-стратегическом просторе ему уже не добиться, он обратил свой взор к любимой кавалерии. Сталин вроде поверил в большие возможности лёгких кавалерийских дивизий, которые, по заверениям Будённого, смогут парализовать тылы немецких войск. Шапошников, правда, засомневался: кавалерия без авиационного прикрытия бессильна, стало быть, потребуются дополнительные самолёты. К тому же кавдивизии громоздки. Но Сталин сказал Шапошникову: пускай старый рубака играет во что угодно, лишь бы не лез в серьёзные дела, которые непременно завалит. И приказом Ставки в январе 1943 года Будённого назначили командующим кавалерией Красной Армии.

Мудрый Шапошников как в воду глядел. Лёгкие кавалерийские дивизии трёхтысячного состава, создаваемые по настоянию Будённого, а их было сформировано ни много ни мало около 100, предпринимали попытки рейдов по тылам фашистских войск. Некоторым кавдивизиям сопутствовала удача. Однако былинные времена, родившие легенды о красных конниках, прошли. Эта война была войной моторов, и кавалерия оказалась способной выполнять лишь второстепенные, вспомогательные задачи. Но Будённый упрямо гнул свою линию – даже после того, как “летучие кавдивизии”, не имевшие надёжных средств ПВО и не обладавшие достаточной ударной мощью, понесли громадные потери. Он всячески сопротивлялся сокращению кавалерийских соединений. К концу войны их оставалось 26. Было в них что-то от петровских потешных полков – в угоду одному человеку, которого не хотели обидеть, оставив без любимых игрушек» .

На самом деле вопреки мифотворцам «трагические реалии» показали прямо противоположное. Выяснилось, что с сокращением конницы в предвоенные годы несколько переусердствовали. Так, в подписанном начальником Генерального штаба Г. К. Жуковым директивным письме Ставки Верховного командования от 15 июля 1941 года, обобщавшем опыт первых трёх недель войны, говорилось следующее:

«Нашей армией несколько недооценивается значение кавалерии. При нынешнем положении на фронтах, когда тыл противника растянулся на несколько сот километров в лесных местностях и совершенно не обеспечен от крупных диверсионных действий с нашей стороны, рейды красных кавалеристов по растянувшимся тылам противника могли бы сыграть решающую роль в деле дезорганизации управления и снабжения немецких войск и, следовательно, в деле разгрома немецких войск. Если бы наши кавалерийские части, болтающиеся теперь на фронте и перед фронтом, были брошены по тылам противника, противник был бы поставлен в критическое положение, а наши войска получили бы громадное облегчение. Ставка считает, что для таких рейдов по тылам противника достаточно было бы иметь несколько десятков лёгких кавдивизий истребительного типа в три тысячи человек каждая, с лёгким обозом без перегрузки тылами. Следовало бы начать постепенно, но безо всякого ущерба для боевых операций, переформирование существующих кавкорпусов и кавдивизий в лёгкие кавдивизии истребительного типа в три тысячи человек каждая, а там, где нет кавчастей, следовало бы организовать кавдивизии упомянутого облегчённого типа для производства рейдов и ударов по тылам противника. Не может быть сомнения, что такие кавдивизии, действующие по тылам противника, будут облепляться партизанами, получают от них большую помощь и удешевят свои силы» .

Таким образом, инициатором создания лёгких кавалерийских дивизий был отнюдь не «старый рубака Будённый», над которым так любят глумиться кухонные стратеги из числа продвинутой

интеллигенции, а будущий маршал и четырежды Герой Советского Союза Г. К. Жуков.

Вскоре появилась ещё одна причина для формирования новых кавалерийских соединений. В первые месяцы войны советские танковые войска понесли большие потери. Возникла острая потребность в подвижных соединениях, обладающих хоть какой-то ударной силой.

В результате рекомендации Жукова были выполнены. К концу 1941 года в Красной Армии насчитывались 82 кавалерийские дивизии лёгкого типа. Как и предлагалось в директивном письме Ставки, новые кавалерийские соединения трёхтысячного состава не имели дивизионной артиллерии, танков, противотанковых и зенитных средств, подразделений связи, сапёров и тылов. С учётом этого обстоятельства, численность советской кавалерии в этот период вовсе не выглядит астрономической. Ведь согласно довоенным штатам, «нормальная» кавдивизия должна была иметь 9240 человек личного состава. То есть для пересчёта лёгких кавдивизий в обычные их число следует разделить на 3.

Будучи слабо оснащёнными боевой техникой и вооружением, кавалерийские дивизии несли большие потери. Ввиду этого многие из них впоследствии были расформированы, а оставшиеся в начале 1942 года сведены в кавалерийские корпуса. В феврале 1942 года количество кавалерийских дивизий достигает максимума – 87, однако к июлю того же года их число снижается до 46, а к декабрю остаётся лишь 31 кавдивизия. На 1 мая 1943 года в Красной Армии имелись 26 кавалерийских дивизий, насчитывающих 238 968 человек и 226 816 лошадей.

Интересно взглянуть, как обстояли дела с кавалерией у нашего главного противника. В приведённой выше цитате Рапопорт и Геллер утверждают, что немцы в 1936 году имели две с половиной кавалерийские дивизии (то есть 2 дивизии и 1 бригаду). Как ни странно, в данном случае эти граждане не врут. Впрочем, их разоблачительный пафос мог стать ещё сильнее, если бы они знали, что к осени 1936 года у немцев в кавалерии оставалась всего лишь 1 бригада. С ней Германия и вступила во 2-ю мировую войну. 25 октября 1939 года бригада была развёрнута в дивизию. Однако к концу войны у немцев имелось уже 6 кавалерийских дивизий: 3-я и 4-я кавдивизии вермахта, 8-я и 22-я кавдивизии СС, а также включавший две дивизии 15-й казачий кавалерийский корпус, который организационно входил в состав войск СС, хотя его личный состав к СС не принадлежал. Думается, если бы в ходе боевых действий кавалерия показала свою бесполезность, вряд ли стали бы немцы наращивать у себя её численность.

Остаётся лишь согласиться с мнением, высказанным в недавно вышедшей книге А. В. Исаева: *«...опыт войны показал, что с сокращением кавалерии поспешили. Создание только моторизованных частей и соединений было, во-первых, неподъёмным для отечественной промышленности, а во-вторых, характер местности в Европейской части СССР во многих случаях не благоприятствовал использованию автотранспорта. Всё это привело к возрождению крупных кавалерийских соединений...»*

В 1941–1942 гг. конники сыграли важнейшую роль в оборонительных и наступательных операциях, став незаменимой “квазимотопехотой” Красной Армии. Фактически кавалерия до появления в Красной Армии крупных самостоятельных механизированных соединений и объединений была единственным манёвренным средством оперативного уровня. В 1943–1945 гг., когда были, наконец, отлажены механизмы танковых армий, кавалерия стала тонким инструментом для решения особо важных задач в наступательных операциях... Типовой задачей кавалеристов в 1943–1945 гг. было образование внешнего фронта окружения, прорыв далеко в глубь обороны противника в период, когда старый фронт рассыпался, а новый ещё не создан. На хорошем шоссе кавалерия, безусловно, отставала от мотопехоты. Но на грунтовых дорогах и в лесисто-болотистой местности она могла наступать вполне сравнимым с мотопехотой темпом. К тому же в отличие от мотопехоты кавалерия не требовала себе постоянной доставки многих тонн горючего. Это позволяло кавалерийским корпусам наступать глубже большей части механизированных соединений и обеспечивать высокий темп наступления армий и фронтов в целом. Прорывы кавалерии на большую глубину позволяли экономить силы пехотинцев и танкистов.

Утверждать, что кавалерия – это отсталый род войск, лишь по недомыслию руководства остававшийся в Красной Армии, может только человек, не имеющий ни малейшего понятия о тактике кавалерии и туманно представляющий себе её оперативное использование» .

Итак, вопреки глумливым разглагольствованиям о гипертрофированном развитии красной конницы, в предвоенные годы советская кавалерия была значительно сокращена. Более того, с её сокращением явно переборщили, что и выяснилось после начала боевых действий. Впрочем, ту же ошибку совершили и немцы.

Глава 4. Надо ли стыдиться «пакта Молотова-Риббентропа»?

Как я уже отмечал выше, оплёвывающие нашу историю либеральные публицисты стремятся любой ценой представить Советский Союз зачинщиком 2-й мировой войны. Или в крайнем случае возложить равную ответственность за её развязывание на «двух кровавых диктаторов» – Сталина и Гитлера. Одним из любимых аргументов, используемых для этого, является пресловутый договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года, более известный как пакт Молотова-Риббентропа. При всяком удобном и неудобном случае российские СМИ поднимают ритуальный вой по поводу этого страшного преступления против прогрессивного человечества. Разумеется, тем, кто воспринимает западные демократии как источник благодати и святости, сама мысль, что можно отказаться таскать для «цивилизованного мира» каштаны из огня и проводить самостоятельную политику, представляется кощунственной. Нам же не мешает разобраться, чем был этот пакт на самом деле: преступлением, ошибкой или, наоборот, правильным и логичным шагом.

Мюнхенский сговор

Любой добросовестный исследователь знает, что исторические факты следует рассматривать не изолированно, а в общем контексте происходившего в то время. Анализируя советско-германский договор, нельзя забывать и о другом соглашении, заключённом без малого за год до этого в Мюнхене. Сегодня по понятным причинам о мюнхенском сговоре предпочитают не вспоминать. Между тем, оба эти события тесно взаимосвязаны. Именно случившееся в столице Баварии во многом определило дальнейшую политику СССР.

Присоединив 13 марта 1938 года при полном попустительстве тогдашнего «мирового сообщества» Австрию к Третьему рейху, Гитлер обратил свой взгляд на Чехословакию. Как известно, после 1-й мировой войны свежеепечённые государства Восточной Европы кроились не по этническому принципу, а по праву сильного: *«Политическая граница Чехословакии, проведённая с полным пренебрежением к этнографическим границам, сохранила в пределах вновь образованного государства, а также прирезала к нему довольно значительные районы с нечехословацким и неславянским населением»*. В результате помимо титульных наций – чехов и словаков – в этой стране проживали многочисленные национальные меньшинства, самым крупным из которых были немцы – по данным переписи 1921 года их было около 3,1 миллиона из 13,4 миллиона жителей или 23,4 %. На притеснение немецкого меньшинства и ссылаясь Гитлер, потребовал передать Германии Судетскую область и другие районы с преимущественно немецким населением.

Разумеется, тягаться в одиночку с Германией, даже тогдашней, ещё не раскрутившей на полную мощь маховик своей военной машины, Чехословакия не могла. Впрочем, на первый взгляд, это небольшое государство было надёжно защищено системой международных соглашений. Ещё 25 января 1924 года был заключён бессрочный франко-чехословацкий договор о союзе и дружбе. 16 мая 1935 года был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи. При этом по предложению Чехословакии в нём была сделана оговорка, что обязательства о взаимной помощи вступают в силу лишь в том случае, если помощь стороне – жертве агрессии будет оказана и Францией.

Однако едва дошло до дела, как выяснилось, что западные демократии вовсе не горят желанием защищать Чехословакию. 15 сентября 1938 года английский премьер-министр Невилл Чемберлен посетил Гитлера в его резиденции в Берхтесгадене. Фюрер был непреклонен. 19 сентября послы Англии и Франции передали Чехословакии совместное заявление своих правительств о том, что необходимо уступить Германии районы, населённые преимущественно судетскими немцами, чтобы избежать общеевропейской войны. Когда же Прага напомнила Парижу о его обязательствах по договору о взаимопомощи, то французы просто отказались их выполнять.

Как сообщил министр иностранных дел Чехословакии Камил Крофта в своей телеграмме, адресованной всем чехословацким миссиям за границей, *«английский и французский посланники 21 сентября в два часа ночи снова посетили президента и заявили, что в случае, если мы отклоним предложения их правительств, мы возьмём на себя риск вызвать войну. Французское правительство при таких обстоятельствах не могло бы вступить в войну, его помощь была бы недействительной. Принятие англо-французских предложений является единственным средством воспрепятствовать непосредственному нападению Германии. Если мы будем настаивать на своём первоначальном ответе, Чемберлен не сможет поехать к Гитлеру, и Англия не сможет взять на себя ответственность. Ввиду этого ультимативного вмешательства, оказавшись в полном одиночестве, чехословацкое правительство, очевидно, будет вынуждено подчиниться непреодолимому давлению»*.

Надо сказать, что насчёт «полного одиночества» Крофта откровенно лукавил. Советский Союз

был готов прийти на помощь Чехословакии даже без участия Франции. Однако в Праге предпочли капитулировать.

29-30 сентября в Мюнхене руководители четырёх великих держав – Великобритании (Чемберлен), Франции (Даладье), Германии (Гитлер) и Италии (Муссолини) – подписали соглашение, призванное урегулировать судетский кризис. Советский Союз на эту встречу приглашён не был, так же как и представители Чехословакии, которые были поставлены перед свершившимся фактом.

Мюнхенское соглашение предусматривало передачу Германии в срок с 1 по 10 октября 1938 года Судетской области со всеми сооружениями и укреплениями, фабриками, заводами, запасами сырья, путями сообщения и т. п. Взамен четыре державы давали «гарантии» новых границ Чехословакии. О том, чего эти гарантии стоили, наглядно свидетельствует дальнейшее развитие событий. 13 марта 1939 года лидеры словацких националистов объявили о «независимости» Словакии и обратились к Германии с просьбой о защите. 15 марта немецкие войска вошли в Прагу. Великобритания и Франция не сделали и попытки спасти Чехословакию, ограничившись вялыми протестами. По свидетельству статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Эрнста фон Вайцзеккера, посетивший его 15 марта французский посол в Берлине Робер Кулондр *«с некоторым волнением говорил о том, как сильно на него подействовало вступление наших войск [в Чехословакию], которое находится в противоречии с мюнхенским соглашением, в противоречии с теми отношениями доверия, которое, по его мнению, он встретил у нас»*.

Что касается Англии, то, выступая 15 марта в палате общин, Чемберлен заявил, что после Мюнхена британское правительство *«считало себя морально обязанным»* защищать территориальную целостность Чехословакии в случае неспровоцированной агрессии. Но к данной ситуации это не относится, поскольку Чехословакия распалась как бы сама по себе:

«Таково было положение до вчерашнего дня. Однако оно изменилось, поскольку словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной. Эта декларация кладёт конец внутреннему распаду государства, границы которого мы намеревались гарантировать, и правительство Его Величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством».

Более того, руководство Великобритании восприняло известие о ликвидации Чехословакии с явным облегчением. В тот же день британский министр иностранных дел Эдуард Галифакс заявил французскому послу в Лондоне, что Англия и Франция получили *«компенсирующее преимущество»*, заключающееся в том, что *«естественным способом»* покончено с их обязательством о предоставлении гарантий Праге, бывшим *«несколько тягостным для правительств обеих стран»*. Как говорится, комментарии излишни.

Но это ещё не всё. В ноябре 1938 года, чувствуя уязвимость своей страны после мюнхенского соглашения, чехословацкое правительство отправило 6 миллионов фунтов стерлингов золотом в подвалы Английского банка, как часть своего вклада в Банк международных расчётов. Окончательно оккупировав Чехословакию, Германия 19 марта 1939 года потребовала это золото себе. В этой ситуации президент Английского банка Монтэгю Норман и Отто Нимейер, представлявшие Англию в директорате Банка международных расчётов, с согласия британского министра финансов Джона Саймона добились передачи чехословацкого золота немцам.

Накануне

Все, кто изучал историю 2-й мировой войны, знают, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии. Однако гораздо менее известно, чего же именно добивался от Варшавы Гитлер. Между тем требования Германии были весьма умеренными: включить «вольный город Данциг» в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог, связывающих Восточную Пруссию с основной частью Германии, и вступить в Антикоминтерновский пакт.

Как бы негативно мы ни относились к Гитлеру, первые два требования трудно назвать необоснованными. Подавляющее большинство жителей отторгнутого от Германии согласно Версальскому мирному договору Данцига составляли немцы, искренне желавшие воссоединения с исторической родиной. Вполне естественным было и требование насчёт дорог, тем более что на земли разделяющего две части Германии «польского коридора» при этом не покушались. Кстати, в отличие от западных границ Германия никогда добровольно не признавала внесённых Версальским договором территориальных изменений на Востоке.

Что же касается вступления в Антикоминтерновский пакт, то, формально не являясь его членом, Польша и так вела себя вполне подобающе, неизменно поддерживая государства «Оси» во всех их

начинаниях, будь то захват Италией Эфиопии, гражданская война в Испании, нападение Японии на Китай, присоединение Австрии к Германии или расчленение Чехословакии.

Поэтому когда Германия 24 октября 1938 года предложила Польше урегулировать проблемы Данцига и «польского коридора», казалось, ничто не предвещает осложнений. Однако ответом неожиданно стал решительный отказ. Как и на последующие аналогичные германские предложения. Дело в том, что Польша неадекватно оценивала свои силы и возможности. Стремясь получить статус великой державы, она никоим образом не желала становиться младшим партнёром Германии. 26 марта 1939 года Польша окончательно отказалась удовлетворить германские претензии.

Видя неуступчивость поляков, Гитлер решил добиться выполнения своих требований силовым путём. 3 апреля 1939 года начальник штаба главнокомандования вермахта генерал Вильгельм Кейтель представил проект «Директивы о единой подготовке вооружённых сил к войне на 1939–1940 гг.». Одновременно главнокомандующие видами вооружённых сил получили предварительный вариант плана войны с Польшей, которому было присвоено условное название «Вайс». 11 апреля «Директива», составной частью которой являлся план «Вайс», была утверждена фюрером. 28 апреля, выступая в рейхстаге, Гитлер объявил об аннулировании германо-польской декларации 1934 года о дружбе и ненападении.

Тем временем западные демократии сеяли у поляков необоснованные иллюзии о том, что в случае войны они окажут Варшаве необходимую помощь. 31 марта 1939 года, выступая в палате общин, премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен публично заявил:

«...в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтёт необходимым оказать сопротивление своими национальными вооружёнными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом.

Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает по этому вопросу ту же позицию, что и правительство Его Величества» .

14-19 мая в ходе франко-польских переговоров Франция пообещала в случае нападения Гитлера на Польшу «начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации» . Англо-польские переговоры 23–30 мая привели к тому, что Лондон заявил о своей готовности предоставить Варшаве 1300 боевых самолётов для польских ВВС и предпринять воздушные бомбардировки Германии в случае войны.

Как показали дальнейшие события, эти щедрые обещания были заведомым обманом. Однако польское руководство принимало их за чистую монету и потому всё больше утрачивало чувство реальности. Полагая, что Гитлер не решится начать войну, кичливые ляхи вели себя откровенно вызывающе. 1 августа 1939 года Польша ввела экономические санкции против Данцига. В ответ 4 августа данцигские власти потребовали сократить на две трети польскую таможенную стражу и убрать польские таможни с границы Данцига и Восточной Пруссии. В тот же день Польша заявила, что любые действия против польских служащих будут рассматриваться как акт насилия со всеми вытекающими последствиями. В итоге президент данцигского сената предпочёл уступить.

18 августа 1939 года польский посол в Париже Юлиуш Лукасевич (Juliusz Lukaszewicz) в беседе с министром иностранных дел Франции Жоржем Бонне заносчиво заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!» .

Как отметил в своей книге американский исследователь Хенсон Болдуин, в годы войны работавший военным редактором «Нью-Йорк таймс»:

«Они (поляки. – И.П.) были горды и слишком самоуверенны, живя прошлым. Многие польские солдаты, пропитанные военным духом своего народа и своей традиционной ненавистью к немцам, говорили и мечтали о “марше на Берлин”. Их надежды хорошо отражают слова одной из песен:

*...одетые в сталь и броню,
Ведомые Рыдзом-Смиглы,
Мы маршем пойдём на Рейн...»* .

Видимо недаром другой американский автор, известный журналист Уильям Ширер, изучавший реалии польской жизни в течение 30 лет, прокомментировал предоставление английских гарантий Польше следующим образом: «Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нём соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно»

Несостоявшийся союз

Понятно, что происходившие в Европе события, в особенности нарастающая агрессивность Германии, не могли оставить равнодушным советское руководство. Казалось бы, для сдерживания Гитлера следовало пойти на союз с западными демократиями. Однако, как справедливо отмечает Уинстон Черчилль: *«Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в этом случае от них будет мало проку»*.

В самом деле, как показал Мюнхен, договоры, заключённые с Англией и Францией, можно смело расценивать как филькины грамоты, поскольку эти государства не выполняют взятые на себя обязательства. Более того, Чехословацкая республика являлась, образно говоря, любимым детищем Антанты, демократической страной, верным и преданным союзником Парижа и Лондона. Если её с такой лёгкостью отдали на растерзание Гитлеру, то нас и подавно «кинут» в любой момент.

Мотивы мюнхенского сговора также не могли радовать. Было достаточно очевидно, что цель проводимой западными державами политики «умиротворения» Гитлера – направить агрессию Германии на Восток, то есть в конечном счёте против СССР. Как сказал Чемберлен 12 сентября 1938 года накануне своей встречи с Гитлером: *«Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России»*.

Стоит ли удивляться, что в этой ситуации советское руководство сделало естественный вывод – верить Западу на слово нельзя, если не хочешь оказаться преданным в самый критический момент. Сотрудничать с Англией и Францией можно, лишь заручившись военным договором, в котором будут чётко и недвусмысленно прописаны обязательства сторон, чтобы новоиспечённые «союзники» не смогли отвертеться от их выполнения.

17 апреля 1939 года Москва предложила заключить англо-франко-советский договор о взаимопомощи следующего содержания:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5-10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Чёрным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии, либо же вовсе отменяется как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трёх держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи».

Однако западных партнёров подобная постановка вопроса явно не устраивала. Как заявил 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Галифакс, *«время ещё не созрело для столь всеобъемлющего предложения»*. Вместо этого Англия и Франция надеялись получить от Советского Союза односторонние обязательства. Так, на заседании кабинета министров 3 мая Галифакс сообщил, что он запросит Россию: *«Не будет ли она готова сделать одностороннюю декларацию о том, что она окажет помощь в такое время и в такой форме, которая могла бы оказаться приемлемой для Польши и Румынии»*.

Только 25 июля английское, а 26 июля и французское правительство приняли предложение СССР

приступить к переговорам о заключении военной конвенции и выразили готовность послать своих представителей в Москву. Переговоры начались 12 августа. Сразу же выяснилось, что французская делегация во главе с генералом Ж. Думенком имеет полномочия только на ведение переговоров, но не на подписание соглашения, а английская делегация во главе с адмиралом Реджинальдом Драксом вообще не имеет письменных полномочий.

Разумеется, дело было отнюдь не в рассеянности чиновников британского МИДа, забывших оформить соответствующие бумаги. Если Франция к тому времени уже почувствовала, что пахнет жареным, то английское руководство во главе с Чемберленом всё ещё надеялось договориться с Гитлером полюбовно и рассматривало контакты с Советским Союзом всего лишь как средство давления на Берлин. Докладывая в германский МИД о состоявшейся 3 августа 1939 года беседе с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Хорасом Вильсоном, немецкий посол в Лондоне Герберт Дирксен отмечал: *«Здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель – соглашение с Германией»* .

Неудивительно, что инструкция для отправлявшейся в Москву британской делегации прямым текстом предписывала *«вести переговоры весьма медленно»* , стараясь избегать конкретных обязательств:

«Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определённое обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками» .

Совершенно другой была позиция советского руководства. Так, глава французской делегации генерал Думенк, докладывая о ходе московских переговоров в военное министерство Франции, в телеграмме от 17 августа 1939 года констатировал: *«Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения»* .

Гиена Восточной Европы

Теперь самое время вспомнить, что же представляла из себя тогдашняя Польша, ради спасения которой от Гитлера мы должны были стать в один строй с Англией и Францией.

Едва появившись на свет, возрождённое польское государство развязало вооружённые конфликты со всеми соседями, стремясь максимально раздвинуть свои границы. Не стала исключением и Чехословакия, территориальный спор с которой разгорелся вокруг бывшего Тешинского княжества. В тот раз у поляков ничего не вышло. 28 июля 1920 года, во время наступления Красной Армии на Варшаву, в Париже было подписано соглашение, согласно которому Польша уступала Тешинскую область Чехословакии в обмен на нейтралитет последней в польско-советской войне.

Тем не менее поляки, выражаясь словами известного писателя-сатирика Михаила Зощенко, «затаили хамство» и, когда немцы потребовали у Праги Судеты, решили, что настал подходящий случай добиться своего. 14 января 1938 года Гитлер принял министра иностранных дел Польши Юзефа Бека. *«Чешское государство в его нынешнем виде невозможно сохранить, ибо оно представляет собой в результате губительной политики чехов в Средней Европе небезопасное место – коммунистический очаг»* , – изрёк вождь Третьего рейха. Разумеется, как сказано в официальном польском отчёте о встрече, *«пан Бек горячо поддержал фюрера»* . Эта аудиенция положила начало польско-германским консультациям по поводу Чехословакии.

В самый разгар судетского кризиса 21 сентября 1938 года Польша предъявила Чехословакии ультиматум о «возвращении» ей Тешинской области. 27 сентября последовало повторное требование. В стране нагнеталась античешская истерия. От имени так называемого «Союза силезских повстанцев» в Варшаве была совершенно открыто развёрнута вербовка в «Тешинский добровольческий корпус». Формируемые отряды «добровольцев» направлялись к чехословацкой границе, где устраивали вооружённые провокации и диверсии.

Так, в ночь на 25 сентября в местечке Коньске близ Тршинца поляки забросали ручными гранатами и обстреляли дома, в которых находились чехословацкие пограничники, в результате чего два здания сгорели. После двухчасового боя нападавшие отступили на польскую территорию. Аналогичные столкновения происходили в ту ночь и в ряде других мест Тешинской области. Следующей ночью поляки совершили налёт на железнодорожную станцию Фриштат, обстреляли её и

забросали гранатами.

27 сентября в течение всей ночи почти по всех районах Тешинской области были слышны ружейная и пулемётная перестрелка, взрывы гранат и т. д. Наиболее кровавые стычки, как сообщало Польское телеграфное агентство, наблюдались в окрестностях Богумина, Тешина и Яблункова, в местечках Быстрице, Коньска и Скшечень. Вооружённые группы «повстанцев» неоднократно нападали на чехословацкие склады оружия, польские самолёты ежедневно нарушали чехословацкую границу.

Свои действия поляки тесно координировали с немцами. Польские дипломаты в Лондоне и Париже настаивали на равном подходе к решению судетской и тешинской проблем, в то время как польские и немецкие военные договаривались о линии демаркации войск в случае вторжения в Чехословакию. При этом можно было наблюдать трогательные сцены «боевого братства» между германскими фашистами и польскими националистами. Так, согласно сообщению из Праги от 29 сентября на чехословацкий пограничный пост близ Гргавы напала банда из 20 человек, вооружённых автоматическим оружием. Атака была отбита, нападавшие бежали в Польшу, а один из них, будучи раненым, попал в плен. На допросе пойманный бандит рассказал, что в их отряде много немцев, живущих в Польше.

Как известно, Советский Союз выразил готовность прийти на помощь Чехословакии, причём как против Германии, так и против Польши. В ответ 8-11 сентября на польско-советской границе были организованы крупнейшие в истории возрождённого польского государства военные манёвры, в которых участвовали 5 пехотных и 1 кавалерийская дивизии, 1 моторизованная бригада, а также авиация. Как и следовало ожидать, наступавшие с востока «красные» потерпели полное поражение от «голубых». Манёвры завершились грандиозным 7-часовым парадом в Луцке, который принимал лично «верховный вождь» маршал Рыдз-Смиглы.

В свою очередь, с советской стороны 23 сентября было заявлено, что если польские войска вступят в Чехословакию, СССР денонсирует заключённый им с Польшей в 1932 году договор о ненападении.

Как уже говорилось выше, в ночь с 29 на 30 сентября 1938 года было заключено печально известное Мюнхенское соглашение. Стремясь любой ценой «умиротворить» Гитлера, Англия и Франция цинично сдали ему своего союзника Чехословакию. В тот же день, 30 сентября, Варшава предъявила Праге новый ультиматум, требуя немедленного удовлетворения своих претензий. В результате 1 октября Чехословакия уступила Польше область, где проживало 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов. Однако главным приобретением стал промышленный потенциал захваченной территории. Расположенные там предприятия давали в конце 1938 года почти 41 % выплавляемого в Польше чугуна и почти 47 % стали.

Как писал по этому поводу в своих мемуарах Черчилль, Польша *«с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства»*. Не менее лестное зоологическое сравнение приводит в своей книге уже цитировавшийся ранее американский исследователь Болдуин: *«Польша и Венгрия, как стервятники, отрывали куски умирающего разделённого государства»*.

Сегодня в Польше стараются забыть эту страницу своей истории. Так, авторы вышедшей в 1995 году в Варшаве книги «История Польши с древнейших времён до наших дней» Алиция Дыбковская, Малгожата Жарын и Ян Жарын умудрились вообще не упомянуть об участии своей страны в разделе Чехословакии:

«Интересы Польши косвенно ставила под удар и политика уступок западных государств Гитлеру. Так, в 1935 г. он ввёл всеобщую воинскую повинность в Германии, нарушив тем самым версальские договорённости; в 1936 г. гитлеровские войска заняли Рейнскую демилитаризованную зону, а в 1938 г. его армия вступила в Австрию. Следующей целью германской экспансии стала Чехословакия.

Несмотря на протесты её правительства, в сентябре 1938 г. в Мюнхене Франция, Великобритания и Италия подписали договор с Германией, дающий право Третьему рейху занять чешские Судеты, населённые немецким меньшинством. Перед лицом происходившего польским дипломатам стало ясно, что теперь пришёл черёд на нарушение версальских постановлений по польскому вопросу».

Разумеется, можно ли возмущаться участием СССР в «четвёртом разделе Польши», если станет известно, что у самих рыло в пуху? А столь шокирующая прогрессивную общественность фраза Молотова о Польше как уродливом детище Версальского договора, оказывается, всего лишь калька с более раннего высказывания Пилсудского насчёт *«искусственно и уродливо созданной Чехословацкой республики»*.

Ну а тогда, в 1938 году, стыдиться никто не собирался. Наоборот, захват Тешинской области

рассматривался как национальный триумф. Юзеф Бек был награждён орденом Белого орла, хотя для подобного «подвига» больше подошёл бы, скажем, орден «Пятнистой гиены». Кроме того, благодарная польская интеллигенция поднесла ему звания почётного доктора Варшавского и Львовского университетов. Польская пропаганда захлёбывалась от восторга. Так, 9 октября 1938 года «Газета Польска» писала: *«...открытая перед нами дорога к державной, руководящей роли в нашей части Европы требует в ближайшее время огромных усилий и разрешения неимоверно трудных задач»*.

Триумф несколько омрачало лишь то обстоятельство, что Польшу не пригласили присоединиться к четырём великим державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, хотя она очень на это рассчитывала.

Такой была тогдашняя Польша, которую мы, по мнению доморощенных либералов, обязаны были спасти любой ценой.

Дайте нам место для драки!

Как известно, главным камнем преткновения, из-за которого переговоры в Москве окончательно зашли в тупик, стал вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии. Дело в том, что на тот момент СССР не имел общей границы с Германией. Поэтому было непонятно, каким образом в случае начала войны мы сможем вступить в боевое соприкосновение с германской армией.

На заседании военных делегаций 14 августа 1939 года Ворошилов задал по этому поводу конкретный вопрос: *«В общем абрис весь понятен, но положение Вооружённых сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе»*.

На что генерал Думенк, развернув карту СССР и показывая район западной границы, сказал: *«Это фронт, которого немцы не должны перейти ни в коем случае. И это тот фронт, на котором должны быть базированы советские Вооружённые силы»*.

Подобный ответ совершенно не устроил советскую сторону. Как справедливо заметил Ворошилов, оборонять свои границы мы собирались в любом случае, вне зависимости от каких-либо договоров.

Для того чтобы Красная Армия могла с первых же дней войны принять участие в боевых действиях, а не пассивно ожидала, когда Германия сокрушит Польшу и выйдет к рубежам Советского Союза, наши войска должны были пройти через польскую территорию. При этом зоны их прохода строго ограничивались: район Вильно (так называемый Виленский коридор) и Галиция. Как подчёркивал глава французской делегации генерал Думенк в телеграмме военному министерству Франции от 15 августа 1939 года: *«Отмечаю большое значение, которое с точки зрения устранения опасения поляков имеет тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны вступления [советских войск], становясь исключительно на стратегическую точку зрения»*.

Однако заносчивые ляхи об этом и слышать не хотели. Как сообщал временный поверенный в делах Германии в Великобритании Теодор Кордт в телеграмме в германский МИД от 18 апреля 1939 года:

«Советник польского посольства, которого я встретил сегодня на одном из общественных мероприятий, сказал, что как Польша, так и Румыния постоянно отказываются принять любое предложение Советской России об оказании помощи. Германия, сказал советник, может быть уверена в том, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России, будь то военнослужащие сухопутных войск или военно-воздушных сил. Тем самым положен конец всем домыслам, в которых утверждалось о предоставлении аэродромов в качестве базы для военно-воздушных операций Советской России против Германии. То же самое относится и к Румынии. По словам г. Яжджевского, хорошо известно, что авиация Советской России не обладает достаточным радиусом действия, чтобы с баз, расположенных на территории Советской России, атаковать Германию. Польша тем самым вновь доказывает, что она является европейским барьером против большевизма».

Попытки Англии и Франции добиться изменения позиции Польши ни к чему не привели. Как заявил вечером 19 августа маршал Эдвард Рыдз-Смиглы: *«Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»*.

В тот же вечер министр иностранных дел Польши Юзеф Бек сообщил французскому послу в Варшаве Леону Ноэлю:

«Для нас это принципиальный вопрос: у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь; я, впрочем, говорил это Потёмкину. Мы не допустим, что в какой-либо форме можно

обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками» .

Но, может быть, выставляя в качестве обязательного условия пропуск своих войск через польскую территорию, мы просто хотели тем самым сорвать соглашение? И на самом деле это требование было несущественным?

Представим себе, что московские переговоры закончились успехом и договор о взаимопомощи между Англией, Францией и СССР всё-таки заключён. В этом случае после начала 2-й мировой войны были возможны три варианта развития событий:

1. Германия наносит главный удар на Западном фронте по Англии и Франции.
2. Главный удар направлен против Польши и, возможно, Румынии.
3. Главный удар наносится непосредственно по территории СССР через Финляндию, Эстонию и Латвию.

Эти три варианта были изложены в выступлении начальника Генштаба Красной Армии Б. М. Шапошникова на заседании трёх делегаций 15 августа.

Предположим, что первый удар Германии нанесён на Западном фронте. Имея разрешение Польши на использование её территории, Советский Союз будет готов немедленно вступить в войну. В противном случае мы не сможем прийти на помощь. Останется лишь наблюдать, как Гитлер громит Францию. Вспомним события 1914 года. Если бы сразу же после начала 1-й мировой войны Русская армия не предприняла наступление в Восточной Пруссии, вынудив германское командование перебросить с Западного фронта два корпуса и кавалерийскую дивизию, немцы получили бы очень неплохие шансы разгромить Французскую армию и тем самым выиграть войну.

Рассмотрим теперь второй вариант – нападение Германии на Польшу. При наличии разрешения наши войска вступают на польскую территорию и совместно с польской армией отражают германское нападение. В противном случае придётся ждать, пока Германия разгромит Польшу и выйдет непосредственно к нашим границам. При этом, как справедливо заметил Ворошилов:

«Самого мнения о том, что Польша и Румыния, если они не попросят помощи у СССР, могут стать очень быстро провинциями агрессивной Германии, я не оспариваю. Должен, однако, заметить здесь, [что] наше совещание является совещанием военных миссий трёх великих государств и представляющие Вооружённые силы этих государств люди должны знать следующее: не в наших интересах, не в интересах Вооружённых сил Великобритании, Франции и Советского Союза, чтобы дополнительные Вооружённые силы Польши и Румынии были бы уничтожены. А ведь если они, Польша и Румыния, не попросят своевременно помощи Советского Союза, то, по концепции адмирала, Вооружённые силы Польши и Румынии будут уничтожены» .

Но помимо использования польских Вооружённых сил есть ещё один важный довод, который вслух не произносится. Воевать лучше на чужой территории. Если же нам такой возможности не дадут, придётся принять бой на своих рубежах, причём на границах 1939 года.

Наконец, третий вариант, наименее вероятный, но при этом наиболее неприятный для СССР – если немцы ползут к нам через Прибалтику и Финляндию. Впрочем, назвать подобное развитие событий совершенно невозможным тоже нельзя. И в Прибалтике, и тем более в Финляндии были весьма сильны прогерманские настроения. Так что эти страны вполне могли не только пропустить немецкие войска через свою территорию, но и сами принять участие в походе против Советского Союза.

В этом случае поляки точно не станут воевать, поскольку не имеют перед СССР каких-либо обязательств. От Англии и Франции помощи тоже вряд ли дождёшься. Таким образом, мы остаёмся один на один с Германией. Если же в ответ на немецкое нападение Красная Армия ударит по Германии через польскую территорию, тут уж от участия в войне Варшаве никак не отвертеться.

И можно только согласиться с мнением Уинстона Черчилля: *«Требование маршала Ворошилова, в соответствии с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были бы занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием» .*

К сказанному выше следует добавить, что Польша не только не желала советской помощи, но вплоть до последнего момента продолжала замышлять пакости против нашей страны.

Так, в датированном декабрем 1938 года докладе 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба Войска Польского подчёркивалось: *«Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России» .*

А вот выдержка из состоявшейся 28 декабря 1938 года беседы советника посольства Германии в

Польше Рудольфа фон Шелии с только что назначенным посланником Польши в Иране Я. Каршо-Седлевским:

«Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определённо стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на Западе и политические цели Польши на Востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путём заранее достигнутого польско-германского соглашения. Он, Каршо-Седлевский, подчинит свою деятельность в качестве польского посланника в Тегеране осуществлению этой великой восточной концепции, так как необходимо в конце концов убедить и побудить также персов и афганцев играть активную роль в будущей войне против Советов. Выполнению этой задачи он посвятит свою деятельность в течение будущих лет в Тегеране» .

Из записи беседы министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа с министром иностранных дел Польши Юзефом Беком, состоявшейся 26 января 1939 года в Варшаве: *«Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю» .*

Стратегический выигрыш

Итак, не добившись толку от Англии и Франции, СССР заключил договор о ненападении с Германией. Если отбросить словесную шелуху, аргументация тех, кто обличает этот шаг, сводится к двум пунктам: моральному и практическому. Что касается первого, тут всё достаточно очевидно. Мало того что требования морали в международной политике неуместны, раз уж речь зашла об этом, уместно спросить: а судьи кто? Как мы только что убедились, ни сдавшие Гитлеру своего союзника Чехословакию западные демократии, ни участвовавшая в её разделе Польша не имеют никакого права осуждающе тыкать в нас пальцем. Как справедливо заметил американский журналист Уильям Ширер:

«Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повёл себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая всё равно отказалась от советской помощи?» .

Высказывалось и такое мнение:

«Подписание секретного протокола было, конечно, отступлением от ленинских норм внешней политики социалистического государства, международного права и морали и подлежит осуждению. Советская страна опустилась до уровня тайной дипломатии, действовала методами империалистических держав. Но договор потому и был подписан, что он диктовался жизненно важными интересами безопасности СССР, позволяя лучше подготовиться к неизбежной схватке с фашизмом» .

Налицо типичный пример использования двойных стандартов – то, что дозволено «империалистическим державам», считается недопустимым для СССР, даже если это отвечает его государственным интересам. Если же процитированный автор искренне полагает, будто наша страна обязана придерживаться неких мифических «ленинских норм внешней политики», то ему имеет смысл навестить психиатра.

Теперь рассмотрим вопрос о практической целесообразности действий Сталина.

К концу 1930-х годов стало очевидно, что новая мировая война в любом случае состоится. При этом её потенциальные участники делились на три группы: во-первых, Англия, Франция и в перспективе США; во-вторых, Германия с союзниками; наконец, в-третьих, СССР. Отсюда следовало, что в грядущей схватке двое будут бить кого-то одного, и ему придётся несладко. Кроме того, пример, продемонстрированный США в 1-ю мировую войну, наглядно показал: тот, кто вступит в схватку позже остальных, получит ощутимые преимущества. И Гитлер, и большинство лидеров западных демократий надеялись, что они будут совместно воевать против СССР. Это было достаточно очевидно и другим. Когда 30 сентября 1938 года на заседании чехословацкого правительства обсуждался вопрос, подчиняться ли принятым в Мюнхене решениям, главный аргумент в пользу капитуляции выглядел так:

«Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого произойдёт война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой» .

Понятно, что в этих условиях главной задачей советской дипломатии было не допустить войны с объединёнными силами западного мира. Парадокс истории состоит в том, что решить её помогла Польша – злейший враг СССР. Точнее, амбициозность польских руководителей. Стоило им хоть немного проявить чувство реальности, согласившись стать младшим партнёром Гитлера, и события

потекли бы естественным путем. В полном соответствии с сюжетом многих советских книг и фильмов 1930-х годов о грядущей войне нашу страну ожидало нападение союзных польско-германских сил. Вот только отбить его в реальной жизни было бы куда труднее, чем в кино.

Однако неуступчивость Варшавы сделала своё. Германо-польская война становилась всё более неизбежной, поскольку её желали обе стороны. Несмотря на традиционное бахвальство, поляки вполне осознавали, что победы над Германией они смогут достичь лишь в союзе с Англией и Францией, однако рассчитывали, что Лондон и Париж выполнят взятые на себя союзнические обязательства. Поэтому они, выражаясь словами Черчилля, *«гордо и высокомерно отвергали германские притязания»*

В свою очередь, Гитлер полагал, что западные демократии останутся в стороне от германо-польского конфликта. И он имел для этого весомые основания. Ведь все предыдущие годы Англия и Франция последовательно проводили пресловутую политику «умиротворения», старательно закрывая глаза на такие мелкие шалости, как нарушение Германией наложенных на неё военных ограничений или аншлюс Австрии. Венцом этого курса стало Мюнхенское соглашение.

Как выяснилось в ходе дальнейших событий, и Варшава, и Берлин допустили в своих расчётах фатальные ошибки.

В этих условиях Сталин и заключил пакт о ненападении. В результате вместо того, чтобы блокироваться против СССР, Германия и Англия с Францией начали войну между собой. Это означало, что Советскому Союзу не придётся воевать с теми и другими одновременно. Более того, СССР получил возможность вступить в войну позже других участников, да ещё и имея при этом некоторую свободу выбора – на чьей стороне выступить.

На это и рассчитывал Сталин, откровенно заявивший в состоявшейся 7 сентября 1939 года беседе с руководством Коминтерна:

«Война идёт между двумя группами капиталистических стран... за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались» .

Но это ещё не всё. Летом 1939 года наши войска вели тяжёлые бои с японцами на реке Халхин-Гол. Поскольку Япония была союзником Германии по Антикоминтерновскому пакту, заключение советско-германского договора было воспринято в Токио как предательство. Как сообщил временный поверенный в делах СССР в Японии Н. И. Генералов в телеграмме от 24 августа 1939 года: *«Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военизацию и фашистский лагерь»* . Аналогичную оценку дал и английский посол в Токио Роберт Крейги, согласно донесению которого это событие *«было для японцев тяжёлым ударом»* .

В результате отношения между Третьим рейхом и его дальневосточным союзником оказались изрядно подпорчены. Япония заявила Германии протест, указав, что советско-германский договор противоречит Антикоминтерновскому пакту, в соответствии с которым подписавшие его стороны обязались *«без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров»* . Японский кабинет министров во главе с Киитиро Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 года подать в отставку. При этом Хиранума заявил, что сложившаяся ситуация делает необходимой *«совершенно новую ориентацию японской внешней политики»* . Вследствие этого японские правящие круги сделали выбор в пользу «Южного варианта», предполагавшего войну с Англией и США. Как известно, после нападения Германии на СССР Япония так и не выступила против нашей страны.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что, заключив 19 августа 1939 года советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа – пакт Молотова-Риббентропа, СССР уже тогда выиграл 2-ю мировую войну на «дипломатическом фронте». Именно этого и не могут простить Сталину ненавидящие свою страну и пресмыкающиеся перед Западом доморощенные российские либералы. Ещё бы! Вместо того чтобы, как это часто бывало раньше в отечественной истории, послушно стать пушечным мясом в чужих разборках, Советский Союз осмелился позаботиться о собственных интересах.

К сожалению, воплотиться в жизнь в полной мере советским планам было не суждено. На основе опыта 1-й мировой войны ожидалось, что обе воюющие стороны измотают друг друга в длительной позиционной борьбе. Мог ли кто предположить, что западные державы будут столь легко разгромлены и в руках у Гитлера окажутся ресурсы почти всей Европы? Однако даже с учётом этого обстоятельства советско-германское соглашение всё равно оставалось наилучшим выходом в сложившейся к августу 1939 года ситуации.

Глава 5. Воевал ли Советский Союз на стороне Гитлера?

Если верить нынешней «прогрессивной общественности», заключив с Германией договор о ненападении, СССР мало того что предал идеалы свободы и демократии, но и стал союзником Гитлера. Например, как пишет в своей книге А. М. Некрич:

«В первый период войны Советский Союз имел с Германией как бы незавершённый военно-политический союз. Его следует считать незавершённым, поскольку не было заключено формального военного союза» .

При этом, по мнению данного автора, советские войска фактически воевали на стороне Германии:

«Польша пала, её территории были поделены между Германией и СССР. Народный комиссар иностранных дел Молотов не преминул похвастаться перед депутатами Верховного Совета СССР успехом совместной с Германией военной акции. Депутаты рукоплескали. Таким образом, Советский Союз вступил во Вторую мировую войну уже 17 сентября 1939 года, а не 22 июня 1941 года, как это принято считать...

Едва закончилась польская кампания, как Советский Союз потребовал от Финляндии согласия на обмен территориями и передвижку границы под Ленинградом вглубь финской территории. Хотя в последний момент, 29 ноября 1940 года, Финляндия согласилась вести об этом переговоры, Советский Союз начал военные действия. Война против Финляндии была второй по счёту чисто военной акцией Советского Союза в начавшейся мировой войне. Кроме того, в соответствии с секретными соглашениями с Германией, Советский Союз осуществил в 1939–1940 годах поглощение Прибалтики, занял Бессарабию и Северную Буковину (её оккупация не была предусмотрена соглашением с Германией). Таким образом, в первый период Второй мировой войны СССР выступал рука об руку с Германией в изменении существовавшего порядка в Европе на пограничных с ним территориях военными средствами» .

Что же действительно происходило в начальный период 2-й мировой войны?

«Странная война»

Итак, 1 сентября 1939 года в 4:30 утра ВВС Германии нанесли массированный удар по польским аэродромам, а 15 минут спустя в Польшу вторглись немецкие войска. Казалось, что замыслы Гитлера в очередной раз оправдаются. Однако британское и французское правительства после изрядных колебаний были вынуждены уступить общественному мнению своих стран. В 11:00 3 сентября Англия объявила Германии войну, а в 17:00 к ней присоединилась и Франция. Поначалу этот шаг вызвал в Берлине определённое замешательство. Ещё бы, ведь всё планирование польской компании строилось из расчёта, что Западного фронта не будет. Впрочем, вскоре настала очередь удивляться полякам, поскольку после формального объявления войны на франко-германской границе ничего не изменилось.

Мировая история знает немало примеров, когда добросовестный союзник исполнял свой долг даже в ущерб себе. Так, ровно за 25 лет до описываемых событий, после начала 1-й мировой войны русские войска, спеша на помощь Франции, не закончив мобилизации, вторглись в Восточную Пруссию. Неподготовленное наступление закончилось разгромом двух русских армий, однако при этом немцы, как я уже отмечал в предыдущей главе, были вынуждены перебросить с Западного фронта два корпуса и дивизию, а ещё один корпус был выведен из сражения и подготовлен к отправке на Восточный фронт. В результате ослабленная немецкая группировка в сентябре 1914 года проиграла битву на Марне. Расчёты германского Генштаба на разгром Франции в «молниеносной войне» оказались сорванными.

Понятно, что ожидать подобных жертв от «цивилизованных наций» было бы наивным. Но, может, западные союзники Варшавы действовали исходя из принципа разумного эгоизма? То есть, не имея возможности немедленно ударить по Гитлеру, сознательно жертвовали Польшей, чтобы выиграть время для развёртывания своих войск?

Нет, сил для наступления было вполне достаточно. К началу сентября 1939 года французские войска на германской границе насчитывали 3253 тыс. человек, 17,5 тыс. орудий и миномётов, 2850 танков, 1400 самолётов первой линии и 1600 в резерве. Кроме того, против немцев могли быть задействованы свыше тысячи английских самолётов. Им противостояли 915 тыс. германских войск, имевших 8640 орудий и миномётов, 1359 самолётов и ни одного танка. Сооружение так называемого

Западного вала, или линии Зигфрида, на который должны были опираться эти войска, ещё не было завершено.

Более того, как отмечал позднее бывший генерал-майор вермахта Буркхарт Мюллер-Гиллебранд, проведший всю войну в Генеральном штабе:

«Ему (Гитлеру. – И.П.) снова повезло, так как западные державы в результате своей крайней медлительности упустили лёгкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом, рассмотрению которого будет посвящён следующий том, запасы боеприпасов в сентябре 1939 года были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным» .

Как видим, возможность победить Гитлера была. Не было самого главного – желания. Точнее, наоборот, было желание никоим образом не спровоцировать боевые действия с немцами. Так, на участке фронта у Саарбрюккена французы вывесили огромные плакаты: *«Мы не произведём первого выстрела в этой войне!»* . Отмечались многочисленные случаи братания французских и немецких солдат, которые навевались друг к другу в гости, обмениваясь продовольствием и спиртными напитками. Когда же не в меру инициативный командир французского артиллерийского полка, занимавшего позиции в районе Бельфора, начал предварительную пристрелку возможных целей, то за это его чуть не предали военно-полевому суду. *«Понимаете, что вы сделали? – распекал своего подчинённого командир корпуса. – Вы чуть-чуть не начали войну!»* . В дальнейшем во избежание подобных инцидентов, чтобы какие-нибудь горячие головы сдуру не начали воевать всерьёз, передовым частям французских войск было запрещено заряжать оружие боевыми снарядами и патронами.

Как отмечал посетивший линию фронта французский писатель Ролан Доржелес, бывший в то время военным корреспондентом:

«По возвращении на фронт я был удивлён царившей там тишиной. Артиллеристы, расположившиеся у Рейна, смотрели, сложив руки, на немецкие колонны с военным снаряжением, передвигавшиеся на другом берегу реки, наши лётчики пролетали над огнедышащими печами заводов Саара, не сбрасывая бомб. Очевидно, главной заботой высшего командования было не провоцировать противника» .

Аналогичным образом вела себя и авиация. Вечером 6 сентября польское командование попросило союзников нанести бомбовые удары по германской территории. 7 сентября Варшава получила французский ответ, согласно которому *«завтра, а самое позднее утром послезавтра против Германии будет проведена сильная атака французских и английских бомбардировщиков, которая, может быть, будет распространена даже до тыловых построений на польском фронте»* . 10 сентября находившуюся в Лондоне польскую военную миссию уведомили, что английские самолёты якобы начали бомбардировки Германии.

Однако всё это было откровенной ложью. Единственный боевой эпизод имел место 4 сентября, когда английские ВВС атаковали германские военные корабли, находившиеся в районе Киля, в результате чего лёгкий крейсер «Эмден» получил незначительные повреждения. В остальное время английские и французские самолёты ограничивались разведывательными полётами, а также, говоря словами Черчилля, *«разбрасывали листовки, взывающие к нравственности немцев»* . Первый из подобных «рейдов правды», как их высокопарно называл английский министр авиации Кингсли Вуд, состоялся ночью 3 сентября, когда на территорию Германии было сброшено 6 миллионов экземпляров «Письма к немецкому народу». Ещё 3 млн экземпляров этого волнующего послания было разбросано над Руром в ночь с 4 на 5 сентября. Утром 8 сентября английская авиация сбросила над Северной Германией 3,5 млн листовок. В ночь с 9 на 10 сентября английские самолёты вновь разбросали листовки над Северной и Западной Германией. Не обходилось и без курьёзов. Так, 9 сентября французские самолёты сбросили по ошибке свой «смертоносный» бумажный груз над территорией Дании.

Всего же с 3 по 27 сентября только английские ВВС обрушили на головы немецких обывателей 18 млн листовок. Как самокритично заметил маршал авиации Артур Харрис, позднее прославившийся ковровыми бомбардировками немецких городов:

«Я лично считаю, что единственное, чего мы добились, – это обеспечили потребности Европейского континента в туалетной бумаге на пять долгих лет войны. Многие из этих листовок были столь глупо и по-ребячески написаны, что, пожалуй, хорошо, что их скрывали от английской общественности, даже если нам приходилось рисковать и терять напрасно экипажи и самолёты, сбрасывая эти листовки на врага» .

Попытки подвигнуть авиацию союзников к реальным боевым действиям бдительно пресекались. Должность министра авиации в правительстве Чемберлена занимал сэр Кингсли Вуд, юрист по образованию, ещё в 1938 году сформулировавший следующие три принципа использования британских ВВС:

1. Намеренные бомбардировки гражданского населения исключаются.
2. Авиация атакует только военные цели.
3. При этом лётчики должны соблюдать осторожность, чтобы избежать бомбардировки любого скопления гражданских лиц.

Сразу же после начала 2-й мировой войны английское и французское правительства опубликовали декларацию, в которой *«торжественно подтверждали своё решение вести военные действия с твёрдым намерением щадить гражданское население»* и сохранять памятники старины, а также сообщали, что их Вооружённым силам дано указание не подвергать бомбёжке никакие другие объекты, кроме *«чисто военных в самом узком смысле этого слова»*.

В первых числах сентября один из лидеров лейбористов Хью Дальтон, имевший много близких друзей среди поляков, предложил поджечь зажигательными бомбами Шварцвальд, чтобы лишить немцев строевого леса: *«Дым и чад немецких лесов научат немцев, весьма сентиментально относящихся к своим лесам, что война не всегда приятна и выгодна и что её нельзя вести исключительно на территории других народов»*.

Однако сэр Кингсли категорически отказался, сославшись на то, что подобные действия противоречат Гаагской конвенции.

5 сентября с аналогичным предложением обратился видный деятель Консервативной партии Леопольд Эмери, бывший первый лорд Адмиралтейства. Поражённый юридической безграмотностью своего сопартийца сэр Кингсли возмущённо заявил: *«Что вы, это невозможно. Это же частная собственность. Вы ещё попросите меня бомбить Рур»*.

Как вспоминал позднее Эмери: *«Я онемел от изумления, когда он объявил мне, что не может быть и речи даже о том, чтобы бомбить военные заводы в Эссене, являющиеся частной собственностью, или линии коммуникаций, ибо это оттолкнуло бы от нас американскую общественность»*.

8 сентября польский военный атташе во Франции полковник Фыд докладывал в Варшаву: *«До 7.9.39 10 часов на западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше»*.

Впрочем, по мнению начальника французского Генштаба генерала Мориса Гамелена, высказанному им накануне войны, подобное развитие событий должно было только радовать поляков:

«На первых стадиях конфликта мы можем предпринять против немцев очень немного. Однако сама мобилизация во Франции явится определённым облегчением для поляков, связывая на нашем фронте некоторые немецкие части... На первых стадиях сам факт мобилизации и концентрации наших войск может оказать Польше помощь, почти равносильную нашему вступлению в войну. Фактически Польша заинтересована в том, чтобы мы объявили войну как можно позже, создав тем самым возможность максимальной концентрации наших войск».

Наконец, в ночь на 7 сентября французские поисковые группы впервые пересекли германскую границу западнее Саарбрюккена. Не встречая сопротивления германских войск, которым было приказано уклоняться от боя, французы продвинулись на несколько километров, после чего 12 сентября получили от генерала Гамелена, ставшего к тому времени главнокомандующим, приказ прекратить наступление и начать окапываться.

Эта небольшая прогулка была раздута западной пропагандой до прямо-таки эпических масштабов. Так, агентство «Ассошиэтед Пресс» поспешило сообщить, будто *«в ночь с 6 на 7 сентября французские войска захватили первую линию бетонных пулемётных гнёзд линии Зигфрида»*. В опубликованном вечером 8 сентября официальном коммюнике французского Генерального штаба скромно сообщалось: *«Невозможно, впрочем, точно перечислить уже занятые местности и позиции»*.

И действительно, это было невозможно, если учесть что реальное продвижение французских войск составило 7–8 км на фронте протяжённостью около 25 км. Иначе французскому командованию, как в известном анекдоте, пришлось бы докладывать о захвате «стратегических объектов» типа домика лесника.

Впрочем, дошло и до этого. В следующем коммюнике с гордостью говорилось:

«9 сентября, вечер. Враг оказывает сопротивление на всей линии фронта. Отмечено несколько контратак местного характера с его стороны. Блестящее наступление одной из наших дивизий обеспечило нам занятие важной складки местности» .

В самом деле, если сообщить, что прорвали линию Зигфрида, как это сделало 7 сентября информагентство «Бритиш Юнайтед Пресс», то, глядишь, и во лжи уличат. А так, – «заняли важную складку местности» – просто и со вкусом.

10 сентября главнокомандующий союзными войсками во Франции генерал Морис Гамелен уверял польское руководство, что *«больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы противопоставили нам сильное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперёд. Но мы завязли в позиционной войне, имея против себя подготовившегося к обороне противника, и я ещё не располагаю всей необходимой артиллерией. С самого начала брошены Военно-воздушные силы для участия в позиционных операциях. Мы полагаем, что имеем против себя значительную часть немецкой авиации. Поэтому я раньше срока выполнил своё обещание начать наступление мощными главными силами на 15-й день после объявления французской мобилизации» .*

В тот же день парижский корреспондент «Юнайтед Пресс», ссылаясь на сведения, *«полученные из надёжных источников»* , утверждал, что Германия перебросила с Восточного фронта как минимум 6 дивизий, чтобы противодействовать французскому наступлению. На самом деле с польского фронта не было переброшено ни одного немецкого солдата, ни одного орудия или танка.

Не менее «надёжный» источник сообщал, что против французских войск немцы 7 сентября предприняли *«ожесточённую контратаку»* , бросив в бой *«70-тонные танки с 75-миллиметровыми орудиями»* . Здесь надо отметить, что самый тяжёлый из состоявших тогда на вооружении немецкой армии танков Т-IV, действительно вооружённый 75-мм пушкой, весил всего лишь около 20 тонн. Кроме того, все эти танки, как и их собратья других моделей, были брошены против Польши. На Западном фронте у немцев в тот момент танков не было вообще.

Несмотря на то, что 12 сентября французское наступление прекратилось, пресса продолжала распространять байки об «успехах» союзных войск. Так, 14 сентября сообщалось, что *«военные операции на Западном фронте между Рейном и Мозелем продолжаются. Французы окружают Саарбрюккен с востока и запада»* . 19 сентября последовало сообщение, что *«бои, которые ранее ограничивались районом Саарбрюккена, охватили теперь весь фронт протяженностью 160 км»* .

Наконец, 3–4 октября французские войска покинули территорию Германии. 16 октября вернулись на исходные позиции и передовые части вермахта. В целом результаты этого «героического» похода оказались следующими:

«В сводке германского Верховного командования от 18 октября были объявлены общие потери немцев на Западном фронте: 196 человек убитыми, 356 ранеными и 144 пропавшими без вести. За этот же период было взято в плен 689 французов. Кроме того, было потеряно 11 самолётов» .

В своё время наши вольнодумствующие интеллигенты, сидя на кухнях, обожали рассказывать анекдоты насчёт газеты «Правда». Однако, как видим, в «свободном мире» СМИ могут врать так лихо, что коммунистам и не снилось. В случае же с липовым штурмом линии Зигфрида главной целью было создать картину реальных боёв во исполнение заключённой 19 мая 1939 года франко-польской военной конвенции. Тогда Париж принял на себя вполне конкретные обязательства, и теперь «выполнял» их, если не на деле, то хотя бы на словах.

Как вспоминал позднее Черчилль:

«Этот странный этап войны на земле и в воздухе поражал всех. Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу. У Гитлера не было оснований жаловаться на это» .

Впрочем, сам сэр Уинстон тоже не без греха. Так, в письме премьер-министру Чемберлену от 10 сентября 1939 года он высказался вполне определённо:

«Я по-прежнему считаю, что нам не следует первыми начинать бомбардировку, за исключением разве района, непосредственно прилегающего к зоне действия французских войск, которым мы, конечно, должны помочь» .

Пародия на боевые действия, получившая название «странной войны», могла иметь лишь одно объяснение: влиятельные круги английского и французского руководства упорно пытались, несмотря ни на что, создать общий фронт с Гитлером для борьбы против СССР. Ради этого они фактически предали Польшу, в очередной раз показав всему миру подлинную цену своих «гарантий». Нетрудно догадаться, что ожидало СССР, если бы вместо заключения пакта Молотова-Риббентропа мы, как советует нынешняя либеральная братия, доверились подобным «союзникам».

Освободительный поход

Оставив на западной границе слабый заслон, Гитлер смог бросить против Польши основные силы германской армии. Помимо численного перевеса, немцы обладали и значительным преимуществом над польскими войсками, втрое превосходя их по количеству танков и самолётов. Как писал на этот счёт Черчилль, «12 бригад польской кавалерии мужественно атаковали полчища танков и бронемашин, но не могли причинить им вреда своими саблями и пиками».

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что здесь сэр Уинстон не прав. Вопреки многочисленным публикациям, польская кавалерия с шашками наголо танки не атаковала, а её большие потери были вызваны главным образом общим превосходством немцев, особенно в огневой мощи, и уязвимостью от ударов с воздуха.

Ещё одним фактором, снижающим и так невысокую боеспособность польской армии, был национальный. Мобилизованные украинцы и белорусы отнюдь не горели желанием умирать за «независимую Польшу», обращавшуюся с ними как с бесправным быдлом. Об их отношении к начавшейся войне можно судить по тогдашней частушке:

*Вы ня думайце, палякі,
Вас ня будзем бараніць,
Мы засядзем у акопах
І гарэлку будзем піць.*

Тем временем польское руководство во главе с «вождём нации» маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы, почував в первые же дни войны, что дело пахнет керосином, заботилось лишь о спасении собственной шкуры. 6 сентября польское правительство переехало в Люблин. Оттуда оно выехало 9 сентября в Кременец, затем 13 сентября переместилось в находившийся возле румынской границы город Залещики и, наконец, 17 сентября, бросив ещё сопротивляющуюся армию, трусливо бежало в Румынию.

Под стать своему высшему начальству были и польские офицеры, отнюдь не демонстрировавшие чудеса шляхетской доблести. Показателен в этом отношении диалог с польским лётчиком, взятым в плен во время освобождения Красной Армией Западной Украины и Западной Белоруссии:

«— Сколько раз вы встречались с немецкой авиацией?»

— Три раза.

— А сколько раз удрали, не приняв боя?»

— Три раза.

— Значит, вы ни разу не приняли боя, ни разу не сражались?»

— Да, — вынужден признаться офицер под дружеский хохот всех присутствующих при беседе».

Приходится признать, что тогдашний советский пропагандистский штамп «*трусость — вот заметное свойство польского офицерства*» выглядит вполне обоснованным.

Несмотря на неоднократные намёки со стороны Германии, в первые две недели войны Советский Союз тщательно воздерживался от какого-либо вмешательства. Ситуация изменилась после бегства руководства Польши из страны. В 5:40 утра 17 сентября на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной Армии. Причины этого шага были подробно изложены в ноте советского правительства, врученной в 3:15 того же утра польскому послу в Москве Вацлаву Гжибовскому:

«Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили своё действие договора, заключённые между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволочь польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью» .

Сегодня либеральные публицисты любят разглагольствовать о том, как в сентябре 1939 года Гитлер и Сталин совместно расправились с польским государством. Например, вот что пишет уже цитировавшийся Некрич:

«Заручившись спокойным тылом на Востоке, Германия атаковала 1 сентября Польшу. Во исполнение договорённости с немцами, советские Вооружённые силы 17 сентября ударили по польской армии с тыла» .

Всё-таки удивительно, насколько ненависть к своей стране затуманивает мозги. Казалось бы, тот, кто избрал своей специальностью военную историю, должен понимать, что такое тыл. Да и в географический атлас хотя бы изредка заглядывать. Каким образом Германия, собравшись воевать с Польшей, могла «заручиться спокойным тылом на Востоке», если её войска будут наступать с запада на восток? На Востоке у них не тыл, а фронт. А спокойный тыл у Германии как раз на Западе, благодаря «доблестным» союзникам Польши.

Другое дело, если бы Гитлер решил нанести первый удар против Франции. Тогда бы немецкий тыл действительно оказался на Востоке. Однако и в этом случае сделать его «беспокойным» было не в наших силах, поскольку мы были надёжно отделены от немцев польской территорией.

Впрочем, откровения Некрича ещё цветочки по сравнению с той ахинеей, которую несёт Андрей Шмалько, больше известный под псевдонимом Валентинов, рассуждающий об *«ударе советских войск с востока, сорвавшем польское контрнаступление» .*

Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, советские войска вступили на польскую территорию (а точнее, на территорию захваченных Польшей в 1919–1920 годах Западной Украины и Западной Белоруссии) лишь после того, как польское правительство бежало из страны, фактически признав тем самым своё поражение в войне с Германией.

Во-вторых, давайте сравним вклад вермахта и РККА в разгром польской армии. Против Германии польские войска потеряли 66,3 тыс. убитыми и 133,7 тыс. ранеными, против СССР -3,5 тыс. убитыми и 20 тыс. ранеными. И это соотношение не удивительно. Ведь к 17 сентября немцы не только разгромили основные группировки польской армии, но и окружили практически все её боеспособные части.

Попутно следует сказать пару слов и о столь любимом нынешними обличителями тоталитаризма пресловутом «совместном советско-германском параде» в Бресте, состоявшемся 22 сентября 1939 года. Подоплёка данного события (кстати, вопреки расхожим мифам это было единственным мероприятием подобного рода) такова. В ходе военных действий 14 сентября город, а 17 сентября и крепость Брест были заняты 19-м моторизованным корпусом вермахта под командованием генерала Гудериана. Однако согласно советско-германским договорённостям этот город должен был отойти к СССР. Таким образом, должна была состояться церемония его передачи в советские руки. Гудериан действительно хотел провести полноценный совместный парад, однако затем согласился на процедуру, предложенную командиром 29-й танковой бригады С. М. Кривошеиным:

«В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знамёнами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши» .

Как видим, фактически это был не совместный парад, а торжественный вывод немецких войск.

Была ли альтернатива?

Итак, началась война. Гитлер напал на Польшу. На Западном фронте скучающие французские солдаты пьют вино и играют в карты. 21 ноября 1939 года правительство Франции создало в вооружённых силах «службу развлечений», на которую возлагалась организация досуга военнослужащих на фронте. 30 ноября парламент обсудил вопрос о дополнительной выдаче солдатам спиртных напитков. Вскоре в крупных гарнизонах и на железнодорожных станциях пришлось в срочном порядке открывать военные вытрезвители. 29 февраля 1940 года премьер-министр Даладьё подписал декрет об отмене налогов на игральные карты, предназначенные для действующей (вернее сказать, бездействующей) армии («всё для фронта, всё для Победы!»). Спустя некоторое время было

принято решение закупить для армии 10 тыс. футбольных мячей. Не спеша подтягиваются английские войска – первые две дивизии прибыли на фронт лишь в начале октября, а первый военнотружущий британского экспедиционного корпуса будет убит лишь 9 декабря 1939 года. Что должен был предпринять в этих условиях Советский Союз? Какие альтернативы предлагают те, кто осуждает действия Сталина?

1. Вступить в войну на стороне Польши. Но, во-первых, нас об этом не просили. Более того, советская помощь категорически отвергалась – как сказал однажды маршал Рыдз-Смиглы: *«С немцами мы рискуем потерять нашу свободу, с русскими мы потеряли бы душу»* .

Во-вторых, поскольку основные силы Германии брошены на Восточный фронт, труд по их разгрому падёт исключительно на нас. В то время, как французы с примкнувшими к ним англичанами продолжают спокойно играть в карты, с удовольствием наблюдая, как русские и немцы убивают друг друга. Зато все плоды победы, разумеется, достанутся им.

Впрочем, такое развитие событий вполне соответствует мазохистским идеалам антинациональной российской интеллигенции, которая полагает, будто предназначение России в том и состоит, чтобы постоянно жертвовать собой ради процветания «цивилизованного» Запада.

2. Остаться на своих границах. Тогда Германия захватит всю Польшу, включая территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а затем и Прибалтику. Ведь ещё в утверждённой Гитлером 11 апреля 1939 года «Директиве о единой подготовке Вооружённых сил к войне на 1939–1940 гг.» предусматривалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву. Как было сказано в приложении к директиве: *«Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»* .

Зато на радость всевозможным «моралистам» нейтралитет будет соблюден.

В мировой политике нет места идеализму. Впрочем, те, кто призывает жертвовать интересами России во имя неких абстрактных принципов, будь то «ленинские нормы внешней политики» или «общечеловеческие ценности», как правило, всего лишь агенты влияния, исподтишка гадящие стране, в которой они имели несчастье родиться. Если же исходить из государственных соображений, то действия Сталина представляются вполне оправданными. Поляки нам не друзья. В 1920 году, воспользовавшись идущей в нашей стране Гражданской войной, Польша оккупировала обширные территории, населённые украинцами и белорусами. В 1939-м Советский Союз забрал своё обратно.

То, что для вступления Красной Армии в Польшу имелись веские основания, вынужден был признать даже такой далёкий от симпатий к СССР деятель, как Уинстон Черчилль. Выступая 1 октября 1939 года по радио, он заявил:

«Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...» .

Замечу, что если государство желает сохранить самостоятельность, то оно как раз и должно проводить «холодную политику собственных интересов», а не таскать каштаны из огня для других. Политика той же Англии никогда не являлась образцом альтруизма, почему же СССР должен был вести себя иначе?

Однако существовала ещё одна причина ввода советских войск, о которой верная принципам «дружбы народов» советская пропаганда ни тогда, ни позже старалась не говорить. Живущие на захваченных Польшей территориях украинцы и белорусы не забыли многолетних издевательств и унижений, не простили политику «пацификации». Стоило польскому государству пошатнуться, как для заявлявших, что *«сапоги лучше всего чистить украинской кровью»* , пилсудчиков пришёл час расплаты за своё «остроумие».

Как отмечал 20 сентября в своём донесении Сталину начальник Политуправления РККА Мехлис, польские офицеры *«как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной Армии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные корпусом в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их, как пленных, бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения»* .

А вот что сообщало 12 сентября 1939 года НКВД Белорусской ССР НКВД СССР об обстановке на сопредельной территории:

«В пограничных уездах Виленского воеводства, в Докишской, Парафиевской волостях отмечаем попытки организации партизанских групп с намерением разгрома имений, кулаков, учреждений... В м. Глубокое, Лутки имели место поджоги, порча телеграфных, телефонных проводов» .

Таким образом, помимо всего прочего, приход советских войск остановил разгорающуюся резню лиц польской национальности.

Что же касается украинского и белорусского населения, то оно встречало части Красной Армии с искренним восторгом. 22 октября 1939 года состоялись выборы в Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины. В голосовании приняли участие 92,83 % населения Западной Украины, из них 90,93 % проголосовали за выдвинутых кандидатов. В Западной Белоруссии в выборах участвовали 96,71 % населения, 90,67 % из них проголосовали «за».

27 октября Народное собрание Западной Украины единогласно приняло декларацию об установлении советской власти и о вхождении в состав Советского Союза. 29 октября аналогичные решения приняло Народное собрание Западной Белоруссии. Рассмотрев эти просьбы, 5-я внеочередная сессия Верховного Совета СССР 1 ноября приняла постановление о включении Западной Украины в состав Украинской ССР, а 2 ноября – о включении Западной Белоруссии в состав Белорусской ССР.

Униженные и оскорблённые

Как известно, в результате революции 1917 года и последовавших за ней иностранной интервенции и Гражданской войны Россия утратила целый ряд территорий. Впрочем, не стоит думать, будто большевики сознательно раздавали земли Империи направо и налево. Наоборот, они добросовестно попытались восстановить единство страны. Однако сил на то, чтобы вернуть все отпавшие национальные окраины, к сожалению, не хватило. В результате образовались так называемые государства-лимитрофы: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва.

Вдохновлённый идеей мировой пролетарской революции Ленин не обращал на такие мелочи, как утраченные территории, особого внимания. Что же касается Сталина, то в отличие от «ленинской гвардии» насчёт международной солидарности трудящихся он не обольщался. Зато в своей стране вёл себя как рачительный хозяин. И как только появилась возможность, занялся собиранием разбазаренных во время смуты земель.

Естественно, лицам либеральных убеждений это жутко не нравится. Ещё бы! Ведь их идеал российского государственного деятеля – общественник Бунша из известной комедии «Иван Васильевич меняет профессию», щедро отдающий Кемскую волость шведам.

Вот что пишут, к примеру, Рапопорт и Геллер:

«Территориальные захваты 1939–1940 гг. отбросили сопредельные с СССР страны, занимавшие прежде буферное положение, в лагерь потенциального противника. Прежде всего это касалось Румынии и Финляндии. Немцы спокойно отнеслись к аннексии Буковины, Бессарабии и Карельского перешейка, хотя она и не была оговорена в секретных статьях пакта Молотов – Риббентроп. Теперь Бухарест и Хельсинки превращались в естественных союзников Берлина в предстоящей войне. Германия получала новые плацдармы для вторжения и дополнительные людские контингенты, в которых особенно нуждалась. Несомненно также, что румынский эпизод способствовал усилению германского влияния в двух других балканских государствах – Венгрии и Болгарии» .

Но, может, мы и вправду сами создали себе врагов?

Вот замечательная картинка, символизирующая Крестовый поход тогдашней «объединённой Европы» против нашей страны. В сторону СССР направлено 12 стрелок. Кто же принял участие в этом благородном мероприятии? Неосведомлённого читателя ждёт немалый сюрприз. Франция, Бельгия, Дания, Норвегия... И нынешняя, и советская пропаганда изображают эти страны несчастными жертвами нацизма. Между тем:

«Во Франции сразу же после начала войны против Советского Союза тысячи добровольцев как из числа гражданского населения, так и из состава французской армии, существовавшей на неоккупированной территории и в Северной Африке, заявили о своём желании принять в ней участие. После долгих колебаний Гитлер в августе 1941 г. с большими оговорками дал разрешение на формирование в составе сухопутной армии иностранного легиона. Так возник “Legion Tricolore” численностью до 1 полка. В него принимались только добровольцы из оккупированной Франции, добровольцам же из состава французской армии в приёме было отказано, что сильно задело их самолюбие» .

«Добровольцы “нордической” расы, находившиеся в войсках СС, являлись в большинстве выходцами из Норвегии, Дании, Нидерландов и Бельгии (фламандцы). Из них формировались

“германские” части. Летом 1940 г. появился полк “Вестланд”, который был укомплектован нидерландскими и немецкими добровольцами. В том же году за ним последовало формирование полка “Нордланд”. Оба полка в апреле 1941 г. были включены в состав вновь сформированной дивизии “Викинг”. После начала войны против Советского Союза были созданы отдельные легионы, состоявшие из датчан, голландцев, норвежцев, фламандцев, валлонов, часть из которых была передана на формирование дивизии “Викинг”, а другая использована для укомплектования вновь сформированных инонациональных частей. Так, к июню 1943 г. появилась дивизия “Нидерланды”, к июлю 1943 г. – бригада “Лангемарк” (фламандцы), которая в ноябре 1944 г. была развёрнута в дивизию. Возникла бригада “Валлония”, которая также в ноябре 1944 г. была развёрнута в дивизию. И наконец, из частей дивизии “Викинг” в 1943 г. была создана новая дивизия “Нордланд”. Таким образом, до конца 1944 г. было создано четыре дивизии из добровольцев “германской” расы» .

Ну что поделаться, не любят нас в Европе.

Насчёт Словакии и Хорватии всё ясно – это марионеточные государства, созданные после оккупации Гитлером Чехословакии и Югославии. Проводить самостоятельную политику они в принципе неспособны.

Испания. В этой стране правит Франко, только что выигравший гражданскую войну, в которой против него сражались советские лётчики и танкисты, а на его стороне – немецкие и итальянские войска. Стоит удивляться не участию Испании в Крестовом походе, а тому, что оно выразилось лишь в посылке на Восточный фронт «голубой дивизии».

Германия и Италия уже несколько лет как союзники. Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту ещё 6 ноября 1937 года.

Венгрия – тоже член Антикоминтерновского пакта с 24 февраля 1939 года и, кстати, участница раздела Чехословакии. То есть никто её в объятия Гитлера не толкал. Впрочем, чтобы вовлечь Венгрию в войну против СССР, понадобилось организовать провокацию. 26 июня 1941 года в 13:08 по местному времени над словацким городом Кошице, захваченном в 1939 году Венгрией, появились три самолёта, сбросивших 30 стокилограммовых бомб. На фюзеляжах машин были ясно различимы жёлтые полосы – знак принадлежности к странам гитлеровского блока. Однако венгерский Генштаб сразу же объявил, будто город бомбила советская авиация. В тот же день было принято решение о вступлении Венгрии в войну против СССР.

Версия о причастности СССР к бомбёжке Кошице с самого начала выглядела шитой белыми нитками. Так, сохранился снимок неразорвавшейся авиабомбы с надписью «Путиловский завод». Однако это предприятие уже давно носило другое название – с 1922 года – «Красный путиловец», а с 17 декабря 1934 года – «Кировский завод». К тому же маркировка военных изделий в советское время исключала подобное упоминание предприятия-изготовителя. Кроме того, как выявил проведённый тогда же сотрудниками Военно-научного института венгерской армии анализ осколков авиабомб, они были сделаны из стали, выплавленной в Германии на заводах Круппа.

Остаются Румыния и Финляндия.

Посмотрим ещё раз на плакат: из 12 стрелок лишь 3 помечены свастиками. Помимо Германии, это Словакия, а также Финляндия. Причём в отличие от сидящего в Братиславе марионеточного режима Тисо, горячих финских парней надевать свастику никто не заставлял, они это сделали добровольно.

Разумеется, кто-то может возразить, дескать, синяя свастика – исконный символ древней финской цивилизации. Однако в конце 1930-х она означала уже нечто другое, свидетельствуя о принадлежности к гитлеровскому блоку. К тому же Финляндия была к нам враждебна с момента получения независимости. Впрочем, подробнее о ней будет рассказано в следующей главе.

Румыния. Это государство также было изначально враждебным по отношению к СССР. Причина проста. Воспользовавшись Гражданской войной в России, Румыния оккупировала принадлежавшую нашей стране Бессарабию. Как говорится, знает кошка, чьё мясо съела.

Ещё 3 марта 1921 года был подписан имевший чёткую антисоветскую направленность польско-румынский договор о взаимопомощи. 26 марта 1926 года этот договор был продлён на следующие пять лет, затем он аналогичным образом продлевался в 1931 и 1936 годах.

Правда, перед 2-й мировой войной Румыния действительно колебалась. Но не между СССР и Германией, а между ориентацией на Германию или на Англию с Францией. Именно то обстоятельство, что западные демократии с завидным постоянством «кидали» всех доверившихся им партнёров, будь то Чехословакия или Польша, и заставило Бухарест в конце концов принять сторону Гитлера. Тем более что фюрер обещал после победы щедро вознаградить своего вассала советскими территориями.

Кстати говоря, отношения Бухареста с Берлином наладились ещё до того, как мы успели

«обидеть» несчастных румын. Так, ещё 23 марта 1939 года был подписан румыно-германский договор о развитии экономических отношений. В соответствии с ним румынское правительство обязалось выделить для нужд германских промышленных и торговых фирм «свободные зоны», всемерно поощрять деятельность германо-румынских нефтяных компаний, принимать меры к увеличению добычи и переработки нефти для поставки её в Германию. Германия получила право на строительство шоссейных и железных дорог на территории Румынии. Секретное приложение к договору предусматривало поставку Румынии германских военных материалов на общую сумму 200–250 млн марок.

В мае 1940 года был подписан нефтяной пакт, по которому Румыния обязалась поставлять Германии 6 млн тонн нефти ежегодно. При этом согласно секретному румыно-германскому протоколу от 28 мая того же года Румыния отказывалась от взимания таможенных пошлин за эти поставки.

Что касается реакции Болгарии и Венгрии на «румынский эпизод». Рапопорт и Геллер пытаются представить дело так, будто эти государства опасались стать следующими жертвами Советского Союза. На самом деле ситуация была прямо противоположной. И Болгария, и Венгрия имели территориальные претензии к Румынии. Возвращение Бессарабии стало для них сигналом предъявить Бухаресту свои требования. 28 июня 1940 года наши войска вступили в Бессарабию и Северную Буковину. А уже 19–21 августа 1940 года в городе Крайове состоялись румыно-болгарские переговоры, в результате которых 7 сентября было подписано соглашение о передаче Болгарии территории Южной Добруджи с населением 386 тыс. человек. 30 августа 1940 года согласно решению Второго Венского арбитража Венгрия получила северную и северо-восточную части Трансильвании с общим населением 2,4 млн человек.

Итак, кто же это у нас занимал «буферное положение» и кого это мы отбросили «в лагерь потенциального противника»? Да никого! Все, кто в конечном итоге принял участие в войне против СССР, сделали бы это в любом случае. Так что никого мы не обидели и не оттолкнули. Перефразируя известную русскую пословицу, в этот колодец можно было смело плюнуть.

Таким образом, если уж считать, как это делают всякие некричи, рапопорты и прочие геллеры, что Советский Союз вступил во 2-ю мировую войну ещё в сентябре 1939 года, то воевал он при этом отнюдь не на стороне Германии.

Рассмотрим наши действия в хронологическом порядке:

17 сентября 1939 года. Красная Армия переходит границу разгромленной Гитлером Польши, занимая Западную Украину и Западную Белоруссию. Не сделай мы этого, данные территории достались бы немцам, которые не преминули бы использовать их людской и производственный потенциалы.

30 ноября 1939 – 12 марта 1940 года. Советско-финляндская война. В то время как на Западном фронте французская и английская авиация ограничивается разведывательными полётами, стараясь не провоцировать немцев, наши лётчики сбивают самолёты с синими свастиками.

Июнь 1940 года. Присоединяем Прибалтику. Опять-таки, в противном случае туда бы пришли немцы. К тому же, как справедливо отметил английский историк Алан Тейлор, *«права России на Балтийские государства и восточную часть Польши были гораздо более обоснованными по сравнению с правом Соединённых Штатов на Нью-Мексико»*.

28 июня 1940 года. Возвращаем оккупированную Румынией Бессарабию, отнимая её у будущего врага.

Наконец, рассмотрим ещё один аргумент «обличителей» – якобы наши действия были нецелесообразными с точки зрения стратегии. Те же Рапопорт и Геллер глубокомысленно рассуждают:

«Включение в состав СССР новых областей привело к возникновению советско-германской границы протяжённостью во многие сотни километров. Это был неоспоримый стратегический минус. Опасность внезапного нападения со стороны Германии многократно возросла. Агрессор мог теперь по своему усмотрению выбирать, в каком месте границы нанести удар, а обороняющийся был вынужден защищать её по всей длине, что требовало огромных сил. Раньше, чтобы войти в соприкосновение с советскими войсками, немцам нужно было преодолеть территорию Польши или прибалтийских стран. В этих условиях нападение не могло быть полностью внезапным. Красная Армия получала определённое время для того, чтобы изготовиться для ответного удара. Что касается возможных пунктов вторжения, то их в той или иной степени можно было предугадать».

Как говорил Галилей, природа не терпит пустоты. Если бы эти территории не заняла Красная Армия, их занял бы вермахт. В результате «советско-германская граница протяжённостью во многие сотни километров» всё равно бы возникла. Вот только проходила бы она гораздо восточнее. Как раз этого расстояния и не хватило немцам, чтобы скорее дойти до Москвы. А под Ленинградом финская армия начала бы наступление из-под Белоострова, в 30 км от города.

Кроме того, не следует забывать и о полученных в результате продвижения на запад ресурсах. Занятая территория – это не просто земли, но и людские резервы, производственные мощности, техника и т. п. Например, в государствах Прибалтики насчитывалось 11 стрелковых дивизий (по 4 в Эстонии и Латвии, 3 в Литве), 1 кавалерийская бригада и 2 кавполка, 1 танковая бригада, 1 танковый полк, 15 артиллерийских полков. Суммарная численность прибалтийских армий военного времени составляла 427 тыс. человек. Если бы Сталин не лишил «маленькие, но гордые республики» их опереточной независимости, всё это досталось бы немцам и было бы использовано против нас.

А так в ходе войны немцы сумели сформировать из прибалтов, помимо карательных частей, лишь 3 дивизии СС (2 латышские и 1 эстонскую). Однако немало местных жителей воевало и на нашей стороне. И если лояльность Советскому государству образованных на базе национальных армий прибалтийских стран 22-го эстонского, 24-го латышского и 29-го литовского стрелковых корпусов, как выяснилось в первые же дни войны, оказалась невысокой, то созданные позднее новые формирования: 130-й латышский стрелковый корпус в составе 201-й (впоследствии преобразованной в 43-ю гвардейскую) и 308-й стрелковых дивизий, 8-й эстонский стрелковый корпус, состоявший из 7-й и 249-й стрелковых дивизий, а также 16-я литовская стрелковая дивизия действовали вполне достойно. В 1944–1945 гг. все эти соединения участвовали в освобождении Прибалтики. В рядах Красной Армии погибли 21,2 тысячи эстонцев, 11,6 тысячи латышей и 11,6 тысячи литовцев.

В состав Балтийского флота вошли эстонские подводные лодки «Калев» и «Лембит», латышские «Ронис» и «Спидола». Две последние погибли 23 июня 1941 года в Лиепае (Либаве). «Калев» подорвался на минах в ноябре 1941 года. Зато «Лембит» стал третьей по результативности подводной лодкой советского флота времён Великой Отечественной войны, потопив 8 военных кораблей и 17 транспортов противника.

Таким образом, как мы могли убедиться, советское руководство с сентября 1939 по июнь 1941 года проводило самостоятельную политику, действуя в интересах собственной страны. Именно так и должно вести себя сильное и независимое государство.

Глава 6. Советско-финляндская война: поражение или победа?

В отечественной историографии советско-финляндская война 1939–1940 годов, или, как её называют на Западе, Зимняя война, долгие годы была фактически предана забвению. Этому способствовали и не слишком удачные её результаты, и практиковавшаяся в нашей стране своеобразная «политкорректность». Официозная советская пропаганда пуще огня боялась обидеть кого-либо из «друзей», а Финляндия после Великой Отечественной войны считалась союзницей СССР.

За последние 15 лет положение коренным образом изменилось. Вопреки известным словам А. Т. Твардовского о «незнаменитой войне» сегодня эта война очень даже «знаменита». Одна за другой выходят посвящённые ей книги, не говоря уж о множестве статей в различных журналах и сборниках. Вот только «знаменитость» эта весьма своеобразная. Авторы, сделавшие обличение советской «империи зла» своей профессией, приводят в своих публикациях совершенно фантастическое соотношение наших и финских потерь. Какие-либо разумные причины действий СССР напрочь отрицаются:

«А при каких условиях вспыхнула эта никому не нужная и очень непопулярная в народе война? Первое и самое главное – она не была объективной необходимостью. Это был личный каприз Сталина, вызванный неясными пока причинами».

Ну ещё бы! Какая может быть логика в злодеяниях «преступного сталинского режима»? Стоит ли удивляться, что многие наши соотечественники сегодня искренне уверены, будто Советский Союз эту войну проиграл.

Прежде чем приступить к разбору событий Зимней войны, следует вспомнить, хотя бы вкратце, историю русско-финских отношений.

Государство из царской пробирки

Как известно, никогда не имевшие собственной государственности финские племена были в XII–XIV вв. постепенно завоёваны Швецией. Находясь под властью шведов, Финляндия не имела ни административной, ни даже культурной автономии. Официальным языком был шведский. На этом языке говорили дворянство и весь образованный слой общества, на нём велось обучение, печатались книги. Финский же считался языком простолюдинов.

Согласно подписанному 5(17) сентября 1809 года Фридрихсгамскому мирному договору,

завершившему последнюю Русско-шведскую войну, вся территория Финляндия отошла к России. За 100 с небольшим лет пребывания в составе Российской империи из бывшей шведской провинции Финляндия стараниями неразумных российских монархов фактически превратилась в автономное государство со всеми присущими ему атрибутами. Великое Княжество Финляндское получило собственные органы власти, денежную единицу, свои армию, почту, таможенную. Государственным языком оставался шведский, а с 1863 года такой же статус приобрёл и финский язык. Все посты в администрации, за исключением должности генерал-губернатора, занимали местные уроженцы. Собранные в Великом Княжестве налоги тратились исключительно на нужды края. Власти империи старались не вмешиваться в финляндские дела. Как образно заметил в 1880-е годы один из депутатов народной партии Швеции: *«Маленький финский лев, попав на широкую грудь русского орла, так окреп и вырос, что мы, оставившие его вам в виде хилого львёнка, не узнаём нашего бывшего вассала»*.

Никакой политики русификации не наблюдалось. Миграция в Великое Княжество русского населения была фактически запрещена. Более того, проживавшие в Финляндии русские находились в неравноправном положении по сравнению с коренными жителями. Таким образом, жаловаться на национальное угнетение в «тюрьме народов» финнам никак не следует.

В довершение всего 11(23) декабря 1811 года в состав Великого Княжества была передана Выборгская губерния, включавшая в себя земли, отошедшие к России по мирным договорам 1721 и 1743 годов. В результате административная граница Финляндии вплотную придвинулась к Петербургу.

Разумеется, взамен благодарности выращенная и вскормленная при попустительстве тогдашних российских властей местная националистическая элита захотела независимости. После начала революции в России её мечта исполнилась. 23 ноября (6 декабря) 1917 года сейм провозгласил Финляндию независимым государством. 18(31) декабря 1917 года независимость Финляндии была признана советским правительством.

В ночь на 15(28) января 1918 года в бывшем Великом Княжестве началась революция, вскоре переросшая в гражданскую войну. Белые призвали на помощь немецких интервентов. 3 апреля 1918 года на полуострове Ханко высадились германские войска – так называемая «Балтийская дивизия» численностью 12 тыс. человек под командованием генерала фон дер Гольца. Ещё один немецкий отряд численностью 3 тыс. человек высадился 7 апреля у города Ловисы. С их помощью белые финны сумели одержать победу над красными. 14 апреля германские войска заняли Хельсинки, 29 апреля пал Выборг. В начале мая война закончилась.

Победители развязали массовый террор. 8, 3 тыс. человек были казнены, около 12 тыс. умерли в концентрационных лагерях летом 1918 года. Общее количество брошенных в тюрьмы и концлагеря достигало 90 тысяч. Для сравнения: в ходе боевых действий белые потеряли 3178 человек, красные – 3463.

Помимо сторонников красных, уничтожались русскоязычные жители Финляндии. Как сказано по этому поводу в подписанной заместителем наркома иностранных дел Г. В. Чичериным ноте германскому послу графу В. Мирбаху от 13 мая 1918 года, *«происходило настоящее истребление русского населения без всякого различия, истреблялись старики, женщины и дети, офицеры, учащиеся и вообще все русские»*.

Опасаясь, что новоиспечённое «независимое государство» может выйти из-под их контроля, немецкие хозяева категорически потребовали, чтобы там была установлена монархия с германским принцем во главе. 9 октября 1918 года сейм избрал королём Финляндии шурина кайзера Вильгельма II – принца Фридриха Карла Гессенского. Увы, этот верноподданнический порыв пропал втуне, поскольку месяц спустя Германия проиграла 1-ю мировую войну и таким образом немецкий король на финском троне стал совершенно неуместен.

Не удовлетворившись отделением от России, власти новоиспечённого государства попытались урвать кусок в русской смуте. Ещё 23 февраля 1918 года главком финской армии генерал К. Г. Маннергейм заявил, что *«не вложит меч в ножны, пока не будет освобождена от большевиков Восточная Карелия»*. 15 марта Маннергейм утвердил так называемый «план Валлениуса», предусматривавший захват российской территории до линии Белое море – Онежское озеро – река Свирь – Ладожское озеро. При этом Финляндии отходили также область Печенги и Кольский полуостров, а Петроград должен был получить статус «вольного города» наподобие Данцига. В тот же день финляндский главком отдал приказ экспедиционным отрядам из добровольцев выступить на завоевание Восточной Карелии. 15 мая 1918 года правительство Финляндии объявило войну Советской России. Тем не менее благодаря вмешательству Германии, заключившей с РСФСР Брестский мир, вплоть до осени 1918 года боевых действий финны фактически не вели.

Ситуация изменилась после поражения Германии в 1-й мировой войне. 15 октября 1918 года

финские отряды оккупировали принадлежащую РСФСР Ребольскую волость. В январе 1919 года была захвачена соседняя с Ребольской Поросозёрская волость.

В апреле 1919 года перешла в наступление так называемая Олонецкая добровольческая армия. Захватив часть Южной Карелии, включая город Олонец, её подразделения подошли к столице Карелии Петрозаводску. Однако в ходе Видлицкой операции 27 июня – 8 июля финские отряды были разбиты и отброшены с советской территории. Осенью 1919 года финские войска вновь предприняли наступление на Петрозаводск, но 26–27 сентября были отброшены в ходе Лижемской операции.

Наконец, после того как 14–21 июля 1920 года Красная Армия выбила вооружённые силы финнов с территории Карелии, за исключением Ребольской и Поросозёрской волостей, финское правительство согласилось на переговоры. 14 октября того же года был заключён Юрьевский мирный договор, согласно которому Финляндии передавалась никогда не принадлежавшая ей область Печенги (Петсамо).

Тем не менее в Хельсинки вовсе не собирались отказываться от планов создания «Великой Финляндии». Воспользовавшись тем, что в протоколе к Юрьевскому договору советское правительство взяло обязательство в течение двух лет не содержать войск на территории Ребольской и Поросозёрской волостей, за исключением пограничной и таможенной стражи, финское руководство вновь попыталось решить карельский вопрос силой. В октябре 1921 года на территории Тунгудской волости был создан подпольный «временный Карельский комитет», начавший формирование кулацких «лесных отрядов» и давший сигнал к вторжению белофинских войск. Из финнов и карелов был сформирован Ребольский батальон под командованием майора Пааво Талвелы. Вскоре батальон Талвелы захватил Реболы и Порос-озеро. К концу декабря белофинские отряды, численностью 5–6 тыс. человек, продвинулись до линии Кестеньга – Суомусалми – Рутозеро – Паданы – Порос-озеро.

Для отпора вторжению к концу декабря советские власти сосредоточили в Карелии 8,5 тыс. человек, 166 пулемётов, 22 орудия. К началу января 1922 года советские войска заняли Порос-озеро на южном фланге фронта, Реболы и Кимас-озеро на центральном участке фронта, разбив главную группировку финнов. Северная группа 25 января овладела Кестеньгой и Кокисальмой, а в начале февраля 1922 года совместно с центральной группой взяла военно-политический административный центр «Карельского комитета» – город Ухту. К середине февраля территория Карелии была полностью освобождена. 17 февраля 1922 года боевые действия прекратились.

Прохладный мир

События 1921–1922 годов в Карелии заслуживают особого внимания в связи с постоянным ёрничаньем обличителей советской «империи зла»: дескать, разве способна маленькая Финляндия угрожать огромной России? Выясняется, что финская угроза оставалась вполне реальной. Как заявил после неудавшегося карельского похода командовавший белофинскими добровольцами Талвела: *«Я убедился, что освободить Карелию от рюсся (презрительное наименование русских. – И.П.) можно не иначе, как только взяв её. Для освобождения Карелии потребуются новые кровопролития. Но не надо большие пытаться сделать это малыми силами, нужна настоящая армия»*. Это высказывание было не просто личным мнением одного из финских «полевых командиров», оно отражало позицию влиятельных кругов, определявших политику тогдашней Финляндии.

Разумеется, в Хельсинки прекрасно понимали, что в одиночку им Россию не одолеть. Поэтому следовали принципу, сформулированному первым финским премьер-министром Пером Эвиндом Свинхувудом: *«Любой враг России должен всегда быть другом Финляндии»*. Придерживаясь этого нехитрого правила, финское руководство готово было вступить в союз с кем угодно. Например, с Японией. Когда в 1933 году советско-японские отношения резко обострились, в Финляндию зачастили японские офицеры. Некоторые из них оставались там по 2–3 месяца, проходя стажировку в финской армии. Был назначен новый поверенный в делах Японии в Финляндии, *«активная и, видимо, влиятельная фигура, двоюродный брат товарища (т. е. заместителя. – И.П.) министра иностранных дел и племянник председателя правления маньчжурской ж.д.»*. Если до этого на всю Прибалтику и Финляндию японцы обходились одним военным атташе с местом пребывания в Риге, то теперь в Хельсинки был направлен отдельный атташе.

Как отмечалось в письме заместителя наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомонякова временному поверенному в делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову от 5 июня 1934 года: *«Чрезвычайно показательно, что финляндская пресса относится отрицательно как к вступлению СССР в Лигу Наций, так и к сближению СССР с Францией. Таково же отношение Польши. Эти обе страны боятся усиления мощи и международного значения СССР, ибо их руководящие круги строят*

свои расчёты на возможности поживиться за счёт СССР в случае нападения на него со стороны Японии или в случае интервенции против СССР вообще».

Из письма Стомонякова полпреду СССР в Польше Я. Х. Давтяну от 4 июля 1934 года: *«Для её (Финляндии. – И.П.) политической ориентации характерна полученная нами совершенно точная информация, что в бытность свою в Женеве финляндский министр иностранных дел Хаксель зондировал почву относительно перспектив нашего военного столкновения с Японией. При этом в конфиденциальных разговорах Хаксель не скрывал, что Финляндия ориентируется на наше поражение в этой войне».*

Однако, поскольку расчёты на войну между Советским Союзом и Японией не оправдались, финским властям пришлось пойти на попятный. В телеграмме полпреда СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный комиссариат иностранных дел от 12 сентября 1934 года сообщалось: *«Только что посетивший меня Ирвё-Коскинен (посланник Финляндии в Москве. – И.П.) признал, что стремление добиться “освобождения” Карелии и Ингерманландии во время возможного конфликта между нами и Японией сделалось всеобщим мнением в Финляндии. Он признал правильность всех моих аргументов. По его словам, финляндское правительство уже само озабочено этой волной небывалой пропаганды против СССР и обсуждало даже проект закрытия карельского академического союза».*

Организация, о которой идёт речь, в русскоязычной литературе обычно именуется Карельским академическим обществом. Она была создана в 1922 году студентами – участниками похода в советскую Карелию и ставила своей целью создание «Великой Финляндии» путём захвата советских территорий. Понятно, что закрыть столь полезное общество было невозможно: *«Эта мера встретила сопротивление со стороны министра внутренних дел, который сам является членом этого союза».*

Когда 27 февраля 1935 года посланник Финляндии в СССР А. С. Ирвё-Коскинен в беседе с наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым пожаловался, что объём советских закупок в Финляндии слишком мал и между нашими странами даже нет торгового соглашения, в ответ ему было справедливо замечено:

«Ни в одной стране пресса не ведёт так систематически враждебной нам кампании, как в Финляндии. Ни в одной соседней стране не ведётся такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии. Эту пропаганду в Финляндии ведёт целый ряд организаций, в особенности так называемое карельское академическое общество, в состав которого входят весьма влиятельные лица и чуть ли не член правительства в лице министра внутренних дел Пухака. Белогвардейская газета “Клич” призывает даже к террористическим актам. Я уже не говорю о том, что военные лица отдалённой Японии сделали излюбленным местом туризма Финляндию».

Впрочем, ничего противоестественного в финско-японском альянсе не было. Ещё во время войны 1904–1905 гг., стремясь подорвать Российскую империю изнутри, японская разведка наладила контакты с проживавшим в эмиграции лидером финляндской партии «активного сопротивления» Конни Циллиаксом. На деньги Токио были закуплены швейцарские винтовки старого образца. Однако попытка доставить их в Финляндию окончилась неудачей. Нанятый для этой цели пароход «Джон Крафтон» 26 августа 1905 года сел на мель в шхерах Ларсмо к северу от Якобштадта. В течение последующих суток команда сгрузила часть своего груза на соседний островок, а затем, взорвав судно, покинула его. В результате предназначавшиеся революционерам винтовки и боеприпасы частично погибли, а частично попали в руки царских властей. Что же касается партии активного сопротивления, то её члены (обычно называемые «активистами») впоследствии составили костяк армии Маннергейма во время Гражданской войны, а затем оказались в первых рядах радетелей дела «Великой Финляндии».

Но вернёмся в 1930-е годы. Враждебность финского руководства по отношению к нашей стране не была секретом и для иностранных дипломатов. Так, польский посланник в Хельсинки Ф. Харват сообщал в Варшаву, что политика Финляндии характеризуется *«агрессивностью против России... В позиции Финляндии к СССР доминирует вопрос о присоединении к Финляндии Карелии».* Харват называл Финляндию *«наиболее воинственным государством в Европе».* Латвийский посланник в Финляндии в свою очередь писал, что *«в головах финских активистов... глубоко укоренился карельский вопрос. Эти круги с нетерпением ждут конфликта России с какой-либо великой державой, раньше с Польшей, а теперь с Германией или Японией, чтобы реализовать свою программу. Это движение... может когда-то послужить искрой, от которой загорится пороховая бочка».* Американский военный атташе в СССР полковник Ф. Феймонвилл докладывал 23 сентября 1937 года в Вашингтон: *«Самой насущной военной проблемой Советского Союза является подготовка к отражению одновременного нападения Японии на Востоке и Германии совместно с Финляндией на Западе».*

Враждебное отношение к СССР подкреплялось конкретными делами. На советской границе

финские власти постоянно организовывали всевозможные провокации на земле, в небесах и на море.

Так, 7 октября 1936 года в 12:00 на Карельском перешейке в районе пограничного столба № 162 совершавший обход границы советский пограничник командир отделения Спириин был тяжело ранен выстрелом с финской стороны и вскоре скончался. Перед смертью он сообщил, что стрелявшие в него лица были в военной одежде установленного в Финляндии образца. Переговоры по поводу урегулирования этого инцидента завершились лишь в ноябре 1937 года. Первоначально финские власти пытались отрицать свою причастность к убийству, но затем были вынуждены признать свою вину и, хоть и с проволочками, выплатить компенсацию семье убитого.

27 октября 1936 года в 10 часов двумя выстрелами с финской стороны был обстрелян председатель колхоза Вайда-Губа Колихманен. 29 октября в 13:30 с финской стороны к берегу реки Сестры, в районе пограничного столба № 73 подошли два финских пограничника. Один из них спрятался за дерево, а другой с колена стал целиться из винтовки в красноармейцев Машина и Мартынова, производивших очистку просеки на советской территории. Красноармейцы, заметив действия финских пограничников, легли на землю, после чего финны ушли в направлении пограничного столба № 74. 30 октября в 17 часов финские пограничники четырьмя винтовочными выстрелами обстреляли жилой дом и свинарник, расположенные на северной окраине Вайда-Губы. В памятной записке МИД Финляндии, переданной директором политического департамента МИД Финляндии Паюлой временному поверенному в делах СССР в Финляндии А. А. Аустрину 10 ноября 1936 года в ответ на советский протест, все эти случаи стрельбы отрицались.

9 декабря 1936 года в 15 часов на участке петрозаводского погранотряда в районе погранзнаков № 439–440, что против деревни Мезиламба, с территории Финляндии по нашему сторожевому наряду были произведены два выстрела из автоматического оружия. Пуля пролетела непосредственно вблизи головы пограничника Галюка. После выстрела был услышан разговор двух мужчин на финском языке. 12 декабря на участке заставы Майнила сестрорецкого погранотряда в районе погранзнака № 66 со стороны Финляндии был произведён выстрел по нашему погранотряду. Пуля легла на советскую территорию.

Для разнообразия финские власти эти факты обстрелов признали, объяснив их тем, что в первом случае *«на расстоянии 300 м от границы стрелял финский крестьянин»*, причём *«вдоль границы, а не в направлении границы»*, а во втором *«в 400 м от границы стрелял в птицу солдат финской пограничной охраны»*.

17 декабря 1937 года в 12:30 наш пограничный наряд заставы Тернаволока калевальского погранотряда подвергся в районе погранзнака № 690 обстрелу со стороны двух финских солдат, расположившихся на финской территории недалеко от границы. Пули пролетели над головами наших пограничников.

21 января 1938 года в 9:20 на участке шестой заставы Сестрорецкого района у погранстолба № 191 два финских пограничника нарушили советскую границу. При попытке нашего наряда задержать нарушителей последние оказали вооружённое сопротивление. В результате перестрелки один из финских пограничников был тяжело ранен.

В воздухе тоже устраивались провокации. Так, в состоявшейся 7 июня 1937 года беседе с министром иностранных дел Финляндии Холсти полпред СССР в Финляндии Э. А. Асмус жаловался на *«повторные перелёты финскими самолётами советской границы»*.

Жалоба возымела своеобразное действие, поскольку три недели спустя, 29 июня 1937 года в 15 часов финский самолёт нарушил нашу границу у деревни Сона. Пролетев над погранзнаком № 384 курсом юго-восточней Олонца, нарушитель через 16 минут вылетел обратно в Финляндию в том же районе.

9 июля 1938 года финский одномоторный биплан нарушил границу СССР в районе пограничного столба № 699. Летя на высоте 1500 м, самолёт углубился на территорию СССР на 45 км, пролетев около 85 км параллельно пограничной линии по территории СССР, после чего в районе пограничного столба № 728 вернулся в Финляндию.

На этот раз финны признали факт нарушения. Как доложил в Москву полпред СССР в Финляндии В. К. Деревянский: *«20 июля был приглашён для переговоров с вр[ременно] и[сполняющим] о [бязанности] министра иностранных дел Войонмаа, который сообщил мне, что он с сожалением должен констатировать, что факт нарушения советской границы финским самолётом, изложенный в нашей ноте, соответствует действительности. С получением нашей ноты компетентные власти Финляндии немедленно приступили к расследованию и установили, что этот печальный случай произошёл вследствие потери ориентации пилотом»*.

Не были обойдены вниманием и водные рубежи нашей страны. Как сообщал заместитель наркома

иностранных дел Б. С. Стомоняков полпреду СССР в Финляндии Э. А. Асмусу в телеграмме от 10 апреля 1936 года, с февраля по апрель 1936 года наши территориальные воды в Финском заливе были нарушены девять раз, при этом задержаны 68 человек.

В свою очередь в письме в Наркомат иностранных дел СССР от 8 июля 1937 года Асмус докладывал: *«Рыбная ловля финляндских рыбаков в советских территориальных водах и их задержание нашими пограничниками не только не сократились, но приняли более широкие размеры. За зиму 1936/37 г. было задержано не менее 75 человек финских рыбаков, некоторые из них повторно. Положение на Финском заливе показывает, что Финляндия не приняла мер к прекращению незаконного перехода рыбаками границы территориальных вод. Нет сомнения, что этими переходами пользуются и в разведывательных целях»*.

16 мая 1938 года в 11:57 в водах СССР в Ладожском озере была задержана моторная лодка № 38, принадлежащая финскому гражданину Александру Пелтанену, ввиду нарушения упомянутым гражданином правил рыбного промысла, предусмотренного советско-финской конвенцией.

19 июля 1938 года в наших водах были задержаны финское гидрографическое судно «Айристо» и сопровождавший его пограничный катер «АВ-55». Оба судна углубились в советские территориальные воды на 1,5 мили.

Сотрудничество с немцами

Особое беспокойство у СССР вызывали финско-германские контакты. Помня, кому они обязаны обретением «независимости», финские националисты не уставали демонстрировать солидарность со своими благодетелями. Так, когда во время гражданской войны в Испании 31 мая 1937 года германский «карманный линкор» «Дойчланд» и 4 эсминца подвергли обстрелу контролируемый республиканцами город Альмерию, газета «Ууси Суоми» посвятила данному событию два экстренных выпуска. На центральных улицах Хельсинки студенчество, праздновавшее в этот день выпуск, встречало чтение телеграмм о действиях Германии криками «ура».

Впрочем, финнами двигала не только благодарность за дела минувших дней. Плодотворное сотрудничество с немцами продолжалось и в дальнейшем.

После поражения в 1-й мировой войне связанная ограничениями Версальского договора Германия вывела часть своей военной промышленности за границу. Так, для сохранения и развития научно-технического потенциала в строительстве подводных лодок в июле 1922 года в Гааге было основано конструкторское бюро ИВС (Ingenieurs kantoor voor scheepsbouw). Формально являясь частной фирмой, фактически оно принадлежало германским ВМС. На предприятии работало около 30 немецких инженеров и конструкторов, в целях конспирации уволенных с военно-морской службы.

В соответствии с Версальским договором Германия не могла иметь подводный флот. Однако никто не запрещал немецким конструкторам строить субмарины для дружественной Финляндии. В 1930 году ИВС начала разработку проекта, причём из германского бюджета для этой цели было отпущено 1,5 млн. рейхсмарок. Построенные подлодки («Ветихинен», «Весихииси» и «Ику-Турсо») после испытаний, проведённых немецкими экипажами, вошли в состав финского флота. Эти субмарины стали прототипами для немецких лодок II серии U-1 – U-24. Проектируя лодки для Финляндии, немецкие конструкторы совершили технологический прорыв, создав корабль, состоящий из максимального количества типовых узлов и деталей. Это был первый шаг к серийному производству подводных лодок.

В обмен на поставки меди и никеля финны получали от немцев 20-мм зенитные орудия и снаряды, договаривались о закупке боевых самолетов, осуществляли взаимные обмены визитами высокопоставленных генералов и офицеров, а в августе 1937 года даже принимали у себя эскадру из 11 германских подводных лодок.

С согласия финской разведки на территории Финляндии в середине 1939 года был создан германский разведывательный и контрразведывательный орган «Кригсорганизация Финляндия», условно именованный «Бюро Целлариуса». Его основной задачей было проведение разведывательной работы против Советского Союза, в частности сбор данных о Балтийском флоте, частях Ленинградского военного округа и ленинградской промышленности. Шеф абвера адмирал В. Канарис и его ближайшие помощники генерал-лейтенанты Г. Пиккенброк и Ф. Бентивеньи начиная с 1936 года неоднократно встречались в Финляндии и Германии с руководителями финской разведки полковниками Свенсоном и Меландером, обменивались информацией о СССР и разрабатывали совместные планы.

«Мне жаль финнов, но я за Выборгскую губернию»

Итак, к концу 1930-х возле северо-западных рубежей Советского Союза имелось явно недружественное нам государство. Весьма показательно, что ещё до начала Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. опознавательным знаком финских ВВС и танковых войск была синяя свастика. Те, кто заявляет, будто именно Сталин своими действиями толкнул Финляндию в гитлеровский лагерь, об этом предпочитают не вспоминать. Как и о том, зачем миролюбивой Суоми понадобилась построенная к началу 1939 года с помощью немецких специалистов сеть военных аэродромов, способная принять в 10 раз больше самолётов, чем их имелось в финских военно-воздушных силах. Впрочем, в Хельсинки были готовы воевать против нас как в альянсе с Германией и Японией, так и в союзе с Англией и Францией.

Видя приближение нового мирового конфликта, руководство СССР стремилось обезопасить границу возле второго по величине и значению города страны. Ещё в марте 1939 года советская дипломатия зондировала вопрос о передаче или сдаче в аренду ряда островов в Финском заливе, однако в Хельсинки ответили категорическим отказом.

С началом 2-й мировой войны потребности нашей обороны значительно возросли. Чтобы не дать флоту потенциального противника, будь то Германия или западные демократии, прорваться к Кронштадту, а затем и к Ленинграду, следовало перекрыть акваторию Финского залива артиллерийским огнём с обоих берегов. Эта задача эффективно решалась созданием двух оборонительных рубежей. Во-первых, непосредственно на подступах к Кронштадту. В дореволюционное время вход в так называемую Маркизову лужу прикрывался с юга фортом Красная Горка, а с севера – фортом Ино. Теперь Ино принадлежал Финляндии. Дальний же рубеж обороны имело смысл организовать у входа в Финский залив, получив для этого подходящие базы на северном и южном побережьях. Кроме того, необходимо было отодвинуть границу на суше, где она проходила всего лишь в 32 км от Ленинграда, делая возможным его обстрел дальнобойной артиллерией.

28 сентября 1939 года между СССР и Эстонией был заключён договор о взаимопомощи, в соответствии с которым на территорию этой маленькой, но гордой республики вводились советские войска численностью 25 тысяч человек. Советскому Союзу предоставлялось право на размещение гарнизонов и сооружение военно-морских баз в Палдиски и Хаапсалу, а также на островах Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийумаа).

12 октября в Москве начались советско-финские переговоры. Советская сторона предложила заключить локальный договор о взаимопомощи в деле совместной обороны Финского залива. Затем разговор коснулся необходимости иметь военную базу на побережье Финляндии, в связи с чем был упомянут полуостров Ханко в качестве возможного места её дислокации. Кроме того, Финляндию призвали уступить принадлежащую ей часть полуострова Рыбачий, ряд островов в Финском заливе и отодвинуть границу на Карельском перешейке. В качестве компенсации Советский Союз предлагал гораздо **бо** льшие по площади районы Восточной Карелии. Однако финские представители категорически отвергли идею заключения договора о взаимопомощи, а по поводу территориальных изменений сообщили, что Финляндия не может отказаться от неприкосновенности своей территории.

14 октября переговоры были продолжены. Советская позиция оставалась неизменной. Как сказал Сталин: *«Мы просим, чтобы расстояние от Ленинграда до линии границы было бы семьдесят километров. Таковы наши минимальные требования, и вы не должны думать, что мы уменьшим их. Мы не можем передвинуть Ленинград, поэтому линия границы должна быть перенесена»*.

В ответ глава финской делегации Ю. Паасикиви заявил, что должен проконсультироваться с правительством. Тогда советская сторона представила свои предложения в форме письменного меморандума. Они сводились к тому, что Финляндия должна сдать в аренду полуостров Ханко *«для устройства морской базы с береговой артиллерийской обороной, могущей вместе с береговой артиллерией на другом берегу Финского залива у Балтийского порта (Палдиски. – И.П.) перекрыть артиллерийским огнём проход в Финский залив»*, а также отодвинуть границу на Карельском перешейке и передать Советскому Союзу ряд островов в Финском заливе и западную часть полуострова Рыбачий. Общая площадь территорий, переходящих от Финляндии к СССР, составила бы 2761 кв. км, в качестве компенсации были предложены 5529 кв. км в Восточной Карелии возле Реболы и Порос-озера. На следующий день финская делегация отбыла в Хельсинки.

Тем временем в финском руководстве возобладало сформулированное министром иностранных дел Э. Эркко мнение, что Советский Союз блефует и по отношению к нему надо проводить твёрдую линию. Ещё 12 октября в Финляндии были объявлены всеобщая мобилизация и эвакуация гражданского населения из крупных городов. Начались аресты членов левых общественных

организаций, было запрещено издание ряда газет и журналов. 17 октября маршал Маннергейм назначается главнокомандующим. В состав финской делегации на переговорах был включён В. Таннер, занимавший в тот момент пост министра финансов, который должен был контролировать склонного к компромиссам Паасикиви.

23 октября московские переговоры возобновились. В соответствии с полученными инструкциями, представители Финляндии соглашались передать 5 островов в Финском заливе и отодвинуть на 10 км границу на Карельском перешейке. По поводу сдачи в аренду Ханко последовал категорический отказ. В свою очередь советская сторона продолжала настаивать на создании на полуострове Ханко военно-морской базы, хотя и согласилась уменьшить численность её гарнизона с 5 до 4 тысяч человек. Кроме того, была высказана готовность несколько отодвинуть к востоку линию будущей границы на Карельском перешейке. Сославшись на необходимость проконсультироваться с парламентом, 24 октября финская делегация отправилась в Хельсинки.

Впрочем, среди финского руководства раздавались и трезвые голоса. Сторонником компромисса с Москвой был маршал Маннергейм, который ещё в марте 1939 года в беседах с президентом К. Каллио и премьер-министром А. Каяндером высказал мысль, что Финляндии было бы выгодно выступить с предложением об отводе от Ленинграда линии границы и получить за это хорошую компенсацию. 16 октября во время совещания в Государственном совете посол в СССР Ирвэ-Коскинен высказал мнение, что если удовлетворить разумные оборонные требования правительства Советского Союза, как это сделали другие, война не вспыхнет, а Маннергейм заметил, что если Россия удовлетворится границей в семидесяти километрах от Ленинграда, то военные смогут разработать соответствующие предложения. Высказавшись против сдачи в аренду Ханко, маршал предложил альтернативный вариант: *«Компромисса, пожалуй, и добились бы, пожертвовав некоторыми островами. В этой связи я назвал в качестве возможного объекта переговоров остров Юссарё, расположение которого предлагало русским хорошие условия к взаимодействию с фортами острова Найссаар (в 10 км к северу от Таллина. – И.П.), прилегающего к южному побережью Финского залива»*. Как свидетельствует Таннер, после переговоров 23 октября Паасикиви был готов рекомендовать передачу Юссарё под советскую базу, а на Карельском перешейке уступить территорию вплоть до линии границы, предложенной Маннергеймом.

3 ноября начался последний раунд переговоров. Встретившись с Паасикиви накануне отъезда финской делегации в Москву, Маннергейм убеждал его: *«Вы обязаны прийти к соглашению. Армия не в состоянии сражаться»*. Однако утверждённые президентом Каллио жёсткие инструкции исключали возможность какого-либо дипломатического манёвра.

Добиваясь получения военно-морской базы, советская сторона готова была пойти на любой устраивающий Финляндию вариант передачи нам полуострова Ханко, будь то аренда, продажа или обмен. Наконец, мы соглашались и на острова у его побережья. Как отмечает в своих мемуарах Маннергейм: *«Советское правительство в свою очередь заявило, что может удовлетвориться группой островов Хестё – Бусё – Хермансё – Коё, расположенной восточнее мыса Ханко, а также упоминавшейся ранее якорной стоянкой в Лаппохья. Это была довольно значительная уступка, которая и в экономическом смысле была бы менее тяжёлой, чем передача Ханко, хотя и были бы потеряны важные батареи береговой артиллерии»*.

4 ноября финская делегация отправила в Хельсинки зашифрованную телеграмму, в которой запрашивала у своего правительства согласие на передачу под советскую базу острова Юссарё и уступку СССР форта Ино на Карельском перешейке. Однако руководство Финляндии окончательно утратило чувство реальности. В ответной телеграмме от 8 ноября предписывалось отказаться от любых вариантов размещения советской базы на Ханко или каких-либо островах в его окрестностях. Уступка же Ино могла рассматриваться лишь при условии, что СССР откажется от своих требований по Ханко. Как пишет Таннер: *«Все мы были очень разочарованы полученными инструкциями. Мы ожидали, что в Хельсинки поймут: соглашение может быть достигнуто только путём новых уступок»*.

9 ноября состоялось последнее заседание советской и финской делегаций. Как вспоминает Таннер:

«Сталин указал на карте остров Руссарё: “Может быть, вы уступите хотя бы его?”

Как предписывали наши инструкции, мы ответили отрицательно.

“Тогда, похоже, ничего не выйдет. Ничего не выйдет”, – сказал Сталин».

Стало ясно, что переговоры окончательно зашли в тупик. 13 ноября финская делегация покинула Москву. При пересечении ею границы финская пограничная стража открыла огонь по советским пограничникам.

Нельзя не отметить подстрекательскую роль британской дипломатии. 24 ноября Англия

намекнула СССР, что не станет вмешиваться в случае советско-финского конфликта. В то же время Финляндии заявлялось, что следует занимать твёрдую позицию и не поддаваться нажиму Москвы. Таким образом, речь шла о провоцировании войны с целью использовать Финляндию *«для того, чтобы причинить как можно больше вреда России, не считаясь даже с тем, если в конечном счёте финны потерпят крах перед лицом её превосходящей мощи»*.

Обличители «преступлений сталинского режима» любят разглагольствовать о том, что Финляндия – суверенная страна, которая сама распоряжается своей территорией, и поэтому, дескать, она вовсе не была обязана соглашаться на обмен. В этой связи можно вспомнить события, имевшие место два десятилетия спустя. Когда в 1962 году на Кубе начали размещаться советские ракеты, у американцев не было никакого законного основания вводить морскую блокаду Острова свободы и тем более наносить по нему военный удар. И Куба, и СССР – суверенные страны, размещение советского ядерного оружия касалось только их и вполне соответствовало нормам международного права. Тем не менее США были готовы начать 3-ю мировую войну, если ракеты не будут убраны. Существует такое понятие, как «сфера жизненных интересов». Для нашей страны в 1939 году в подобную сферу входили Финский залив и Карельский перешеек. Даже отнюдь не симпатизировавший советской власти бывший лидер партии кадетов П. Н. Милюков в письме И. П. Демидову высказал следующее отношение к начавшейся войне с Финляндией: *«Мне жаль финнов, но я – за Выборгскую губернию»*.

26 ноября произошёл известный инцидент у деревни Майнила. Согласно официальной советской версии в 15:45 финская артиллерия произвела обстрел нашей территории, в результате чего были убиты 4 и ранены 9 советских военнослужащих. Сегодня считается хорошим тоном трактовать это событие как дело рук НКВД. Утверждения финской стороны о том, будто их артиллерия дислоцировалась на таком расстоянии, что её огонь не мог достичь границы, воспринимаются как бесспорные. Между тем по данным советских документальных источников в районе Яппинен (в 5 км от Майнилы) располагалась одна из финских батарей. Впрочем, кто бы ни организовал провокацию у Майнилы, она была использована советской стороной в качестве повода к войне. 28 ноября правительство СССР денонсировало советско-финляндский договор о ненападении и отозвало из Финляндии своих дипломатических представителей. 30 ноября начались боевые действия.

Не буду подробно описывать ход войны, поскольку на эту тему уже имеется достаточно публикаций. Первый её этап, длившийся до конца декабря 1939 года, в целом оказался для Красной Армии неудачным. На Карельском перешейке советские войска, преодолев предполье линии Маннергейма, 4-10 декабря вышли к её главной оборонительной полосе. Однако попытки её прорвать оказались безуспешными. После кровопролитных боёв стороны перешли к позиционной борьбе.

В чём причины неудач начального периода войны? В первую очередь в недооценке противника. Финляндия заблаговременно провела мобилизацию, увеличив численность своих Вооружённых сил с 37 до 337 тысяч. Финские войска были развёрнуты в приграничной зоне, основные силы заняли оборонительные рубежи на Карельском перешейке и даже успели в конце октября 1939 года провести полномасштабные манёвры.

Не на высоте оказалась и советская разведка, которая не смогла выявить полные и достоверные сведения о финских укреплениях. Впрочем, встречается и прямо противоположное мнение. Например, вот что утверждает в своих мемуарах подполковник В. А. Новобранец:

«Хорошо помню, что все мы, работники оперативного отдела, пользовались так называемым “чёрным альбомом”, в котором содержались все исчерпывающие данные по финским укреплениям на Карельском перешейке (“линия Маннергейма”), в альбоме были фотоснимки и характеристики каждого ДОТа: толщина стенок, наката, вооружение и т. д.

Позднее, уже работая в Разведупре, я опять-таки видел этот “чёрный альбом”. Он был и в штабах действующих войск на Карельском перешейке. Как же смели руководители правительства утверждать, что таких данных не было?».

По всей видимости, Новобранец имеет в виду «Альбом укреплений Карельского перешейка», составленный по данным советской разведки в 1937 году. Однако дело в том, что наиболее современная часть финских укреплений, в том числе знаменитые ДОТы-«миллионники», была построена в 1938–1939 годах. Достоверная разведывательная информация о них отсутствовала совершенно.

Наконец, советское руководство питало необоснованные надежды на «классовую солидарность финских трудящихся». Было распространено убеждение, что население стран, вступивших в войну против СССР, чуть ли не сразу же *«восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии»*, что рабочие и крестьяне выйдут встречать советских воинов с цветами.

В результате для боевых действий не было выделено должного количества войск и

соответственно не обеспечено необходимое превосходство в силах. Так, на Карельском перешейке, являвшемся наиболее важным участком фронта, финская сторона располагала в декабре 1939 года 6 пехотными дивизиями, 4 пехотными бригадами, 1 кавалерийской бригадой и 10 отдельными батальонами – всего 80 расчётных батальонов. С советской стороны им противостояли 9 стрелковых дивизий, 1 стрелково-пулемётная бригада и 6 танковых бригад – итого 84 расчётных стрелковых батальона. Если сравнивать численность личного состава, то финские войска на Карельском перешейке насчитывали 130 тыс., советские – 169 тыс. человек. В целом же по всему фронту против 265 тыс. финских военнослужащих действовало 425 тыс. бойцов Красной Армии.

Реакция Запада

Начавшаяся война вызвала истерию «мирового сообщества». 14 декабря Советский Союз был исключён из Лиги Наций. Причём сделано это было с явными нарушениями процедуры. Совет Лиги Наций состоял из 15 членов, за резолюцию об исключении СССР было подано 7 голосов (Англия, Франция, Бельгия, Боливия, Египет, Южно-Африканский Союз, Доминиканская республика), остальные 8 членов Совета не участвовали в голосовании, либо воздержались. Таким образом, резолюция об исключении СССР была принята меньшинством членов Совета Лиги. Примечательно, что 3 из 7 членов Совета Лиги, голосовавшие за исключение, – Южно-Африканский Союз, Боливия и Египет – были избраны в состав членов Совета как раз накануне голосования.

Западные державы щедро снабжали Финляндию оружием. Отвечая 12 марта 1940 года на парламентский запрос, премьер-министр Даладье заявил, что Франция поставила Финляндии 145 самолётов, 496 орудий, 5 тыс. пулемётов, 400 тыс. винтовок и 20 млн. патронов. В свою очередь его коллега Чемберлен сообщил 19 марта членам британского парламента, что из Англии в Финляндию были отправлены 101 самолёт, 114 орудий, 185 тыс. снарядов, 200 противотанковых орудий, 100 пулемётов «Виккерс», 50 тыс. газовых снарядов, 15 700 авиабомб, а также большое количество обмундирования и снаряжения.

Кроме того, в Финляндию прибыли 11,6 тыс. иностранных добровольцев. Наиболее многочисленными контингентами из них были шведы (8680 человек), датчане (944), норвежцы (693), американские финны (364) и венгры (346).

Не собираясь ограничиваться поставками оружия, Англия и Франция рассчитывали принять в советско-финской войне самое непосредственное участие.

В прошлой главе я уже рассказывал о поистине титанических усилиях, предпринимавшихся командованием союзников, чтобы не допустить реальных боевых действий против немцев на Западном фронте. Как пишет в своей книге английский историк Джон Фуллер: *«На этом фронте царил полнейший мир. Французы не стреляли, они говорили: “Ils ne sont pas mechants” (немцы не негодяи), и “если мы начнем стрелять, они также будут стрелять”»*.

Ну разумеется, немцы не негодяи. То ли дело русские! Получив подходящий предлог, руководство союзников принялось с энтузиазмом строить планы нападения на СССР.

С началом Зимней войны в Финляндию была направлена французская военная миссия во главе с подполковником Ганевалем. В штабе командующего Вооружёнными силами Финляндии маршала Маннергейма находился личный представитель Гамелена генерал Клеман-Гранкур. По словам члена французской военной миссии капитана П. Стелена, главная задача французских представителей заключалась в том, чтобы *«всеми силами удерживать Финляндию в состоянии войны»*.

Во исполнение решений верховного совета союзников французские штабы разработали план военных действий против СССР, предусматривающий высадку англо-французского десанта в Печенге (Петсамо), а также бомбовые удары по важным объектам на советской территории. В служебной записке начальника генерального штаба ВМФ Франции и будущего главнокомандующего прогитлеровского правительства Виши адмирала Дарлана на имя премьер-министра Э. Даладье необходимость подобной операции обосновывалась следующим аргументом: *«В районе Мурманска и в Карелии содержатся тысячи политических ссыльных, и обитатели тамошних концентрационных лагерей готовы восстать против угнетателей. Карелия могла бы в конце концов стать местом, где антисталинские силы внутри страны могли бы объединиться»*.

Заместитель начальника генерального штаба ВВС генерал Бержери в разговоре с капитаном П. Стеленом в декабре 1939 года говорил, что англо-французские союзники предпримут нападение на СССР не только на севере, в Финляндии, но и на юге, в Закавказье. *«Генерал Вейган командует войсками в Сирии и Ливане. Его силы будут наступать в общем направлении на Баку с тем, чтобы лишить СССР добываемой здесь нефти. Отсюда войска Вейгана продвинуется навстречу союзникам,*

наступающим на Москву из Скандинавии и Финляндии». «Я был удивлён и польщён, – писал в своих мемуарах Стелен, – что меня конфиденциально познакомили с операцией столь крупного масштаба. Замысел операции был выражен на карте двумя изогнутыми стрелами: первая – из Финляндии, вторая – из Сирии. Заострённые наконечники этих стрел соединялись в районе на восток от Москвы» .

Но все эти далеко идущие планы были сорваны Красной Армией. Проведя необходимую подготовку, значительно усиленные советские войска начали 11 февраля 1940 года решительное наступление на Карельском перешейке. Прорвав главную оборонительную полосу, к 21 февраля они вышли ко второй полосе линии Маннергейма, 3 марта оказались на подступах к Выборгу, 7–9 марта прорвались к его окраинам. 9 марта Маннергейм сообщил правительству, что финская армия стоит перед угрозой полного разгрома. Несмотря на уговоры Англии и Франции, заверявших, что их войска уже на подходе, 12 марта 1940 года финская делегация в Москве была вынуждена подписать мирный договор на советских условиях.

Поражение Финляндии вызвало во Франции правительственный кризис. На первый взгляд, это кажется довольно странным. Ведь к тому времени возглавляемое Даладье правительство уже успело дважды предать союзную Чехословакию: в сентябре 1938-го и в марте 1939 года. Затем в сентябре 1939 года оно предало союзную Польшу. Никого это особо не возмущало. А тут Финляндия, с которой Францию не связывали никакие договоры и которая по условиям мира сохранила свою независимость, потеряв лишь часть территории. Тем не менее, факт поражения финнов оказался для французской общественности настолько невыносимым, что правительство Даладье было вынуждено уйти в отставку. В чём же причина такой реакции? Всё очень просто. На этот раз победителями стали не добропорядочные немцы-нацисты, а русские варвары-большевики. До какой же степени ненавидит нас пресловутый «цивилизованный мир»! И какими наивными идиотами выглядят те наши соотечественники, кто всерьёз верит, будто русских когда-нибудь «примут в Европу».

Поражение или победа?

Итак, подведём итоги советско-финского конфликта. Как правило, выигранной считается такая война, в результате которой победитель оказывается в лучшем положении, чем был до войны. Что же мы видим с этой точки зрения?

Как мы уже убедились, к концу 1930-х Финляндия представляла собой страну, настроенную к СССР явно недружественно и готовую вступить в альянс с любым из наших врагов. Так что в этом отношении ситуация отнюдь не ухудшилась. С другой стороны, известно, что распоясавшийся хулиган понимает лишь язык грубой силы и начинает уважать того, кто сумел его побить. Не стала исключением и Финляндия. 22 мая 1940 года там было создано Общество мира и дружбы с СССР. Несмотря на преследования финских властей, к моменту его запрещения в декабре того же года оно насчитывало 40 тысяч членов. Подобная массовость свидетельствует, что вступали в Общество не только сторонники коммунистов, но и просто здравомыслящие люди, полагавшие, что с великим соседом лучше поддерживать нормальные отношения.

Согласно Московскому договору СССР получил новые территории, а также военно-морскую базу на полуострове Ханко. Это явный плюс. После начала Великой Отечественной войны финские войска смогли выйти на линию старой государственной границы лишь к сентябрю 1941 года.

Необходимо отметить, что если на переговорах в октябре-ноябре 1939 года Советский Союз просил меньше 3 тысяч кв. км да ещё и в обмен на вдвое большую территорию, то в результате войны приобрёл около 40 тысяч кв. км, не отдавая ничего взамен.

Также следует учесть, что на предвоенных переговорах СССР помимо территориальной компенсации предлагал возместить стоимость оставляемой финнами собственности. По подсчётам финской стороны, даже в случае передачи маленького клочка земли, который она соглашалась нам уступить, речь шла о 800 млн марок. Если бы дело дошло до уступки всего Карельского перешейка, счёт пошёл бы уже на многие миллиарды.

Зато теперь, когда 10 марта 1940 года накануне подписания Московского мирного договора Паасикиви завёл речь насчёт компенсации за передаваемую территорию, вспомнив, что Пётр I заплатил Швеции по Ништадтскому миру 2 млн талеров, Молотов мог спокойно ответить: *«Пишите письмо Петру Великому. Если он прикажет, то мы заплатим компенсацию»* .

Более того, СССР потребовал сумму в 95 млн руб. в качестве возмещения за вывезенное с захваченной территории оборудование и порчу имущества. Финляндия также должна была передать СССР 350 морских и речных транспортных средств, 76 локомотивов, 2 тыс. вагонов, значительное число автомобилей.

Безусловно, в ходе боевых действий советские Вооружённые силы понесли существенно бо́льшие потери, нежели противник. Согласно именным спискам, в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. погибло, умерло и пропало без вести 126 875 военнослужащих Красной Армии. Потери же финских войск составили, по официальным данным, 21 396 убитых и 1434 пропавших без вести. Впрочем, в отечественной литературе нередко встречается и другая цифра финских потерь – 48 243 убитых, 43 тыс. раненых. Первоисточником этой цифры является опубликованный в газете «За рубежом» № 48 за 1989 год перевод статьи подполковника генштаба Финляндии Хельге Сеппяля, первоначально напечатанной в финском издании «Мааилма я ме». По поводу финских потерь Сеппяля пишет следующее:

«Финляндия потеряла в “зимней войне” более 23 000 человек убитыми, более 43 000 человек ранеными. При бомбёжках, в том числе торговых кораблей, были убиты 25 243 человека».

Последняя цифра – 25 243 убитых при бомбёжках – вызывает сомнение. Возможно, здесь имеет место газетная опечатка. К сожалению, у меня не было возможности ознакомиться с финским оригиналом статьи Сеппяля.

Как бы то ни было, советские потери в несколько раз превосходят финские. Подобное соотношение не удивительно. Возьмём, например, Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Если рассматривать боевые действия в Маньчжурии, потери обеих сторон оказываются примерно одинаковыми. Более того, зачастую русские теряли больше японцев. Однако при штурме крепости Порт-Артур потери японцев намного превысили русские потери. Казалось бы, и здесь, и там сражались те же самые русские и японские солдаты, почему же такая разница? Ответ очевиден: если в Маньчжурии стороны сражались в чистом поле, то в Порт-Артуре наши войска обороняли крепость, пусть даже и недостроенную. Вполне естественно, что штурмующие понесли гораздо более высокие потери. Такая же ситуация сложилась и во время советско-финской войны, когда нашим войскам пришлось штурмовать линию Маннергейма, да ещё в зимних условиях.

В результате советские войска приобрели бесценный боевой опыт, а командование Красной Армии получило повод задуматься о недостатках в подготовке войск и о неотложных мерах по повышению боеспособности армии и флота.

Выступая 19 марта 1940 года в парламенте, Даладьё заявил, что для Франции *«Московский мирный договор – это трагическое и позорное событие. Для России это великая победа»*. Впрочем, не стоит впадать в крайность, как это делают некоторые авторы. Не очень-то великая. Но всё-таки победа.

Глава 7. Советско-германское экономическое сотрудничество

Многие из пишущих о Великой Отечественной войне любят попрекать Сталина экономическим сотрудничеством с гитлеровской Германией в 1939–1941 годах. В зависимости от взглядов авторов оценки советско-германской предвоенной торговли варьируют в диапазоне от «просчёта» («неудачная попытка откупиться от Гитлера и любой ценой отсрочить начало войны») до «преступления» («сознательная поддержка нацистского режима»). Однако обличители Сталина дружно сходятся в том, что данный шаг был ошибочным и вредным. Как и в случае с пактом Молотова-Риббентропа, выдвигаемые ими аргументы можно свести к двум: моральная недопустимость и практическая нецелесообразность. В этом порядке их и рассмотрим.

Торговля с врагом

Те, кто порицает тогдашнее советское руководство за несоблюдение «моральных норм» во внешней политике, исходят из постулата, будто торговля с потенциальным противником – нечто из ряда вон выходящее. Однако в реальной жизни вести коммерческие дела с будущим врагом – вполне обыденное явление. Не будем далеко ходить за примерами. Так, накануне 1-й мировой войны главным торговым партнёром Российской империи была Германия. Несмотря на то, что имевший явную антинемецкую направленность союзный договор России с Францией был заключён ещё в 1893 году, а с Англией, в 1907-м, объёмы российско-германской торговли неуклонно возрастали: если в 1898–1902 гг. в Германию шли 24,7 % российского экспорта, а из Германии поступали 34,6 % российского импорта, то в 1913 году – уже 29,8 % и 47,5 %, что существенно превышало долю Англии (соответственно 17,6 % и 12,6 %) и Франции (6,6 % и 4,1 %) вместе взятых. Торговля с немцами бойко велась вплоть до самого начала войны.

«А вы не сравнивайте добропорядочную империю кайзера с Третьим рейхом, – возразят мои оппоненты. – Одиозный гитлеровский режим поставил себя вне рамок сообщества цивилизованных

наций, поэтому какое-либо сотрудничество с ним, в том числе и экономическое, категорически недопустимо».

Начнём с того, что в 1930-е годы нацистская Германия вела активную внешнюю торговлю. Более того, без иностранных источников сырья тогдашняя немецкая экономика просто не смогла бы существовать. Так, накануне начала 2-й мировой войны:

«По сырью зависимость от импорта составляла примерно 33 %. В металлургической промышленности отношение потребления отечественной руды к потреблению ввозимой руды выражалось пропорцией 1:3. По ряду цветных металлов зависимость от заграницы была чрезвычайно большой; так, по свинцу она равнялась 50 %, по меди – 70 %, по олову – 90 %, по алюминию (бокситы) – 99 %. Очень значительной зависимостью была также по минеральным маслам (65 %), по каучуку (свыше 85 %) и по сырью для текстильной промышленности (около 70 %)» .

Кто же снабжал Германию сырьём? Основными поставщиками Третьего рейха были США и Англия, не только давшие гитлеровцам возможность производить обширные закупки благодаря освобождению от платежей по долгам и предоставлению новых кредитов, но и сами снабжавшие их особо ценными видами стратегического сырья, реэкспортируя его в Германию из других стран.

Например, Англия реэкспортировала в Германию медную руду из Южной Африки, Канады, Чили, Бельгийского Конго (через Португальскую Восточную Африку). В 1934 году Англией было реэкспортировано в Германию меди на сумму 3870 тыс. марок, что составило треть всего германского ввоза меди, а в 1935 году сумма английских поставок меди для Третьего рейха ещё более возросла, достигнув 6770 тыс. марок.

Ввоз шерсти из Англии увеличился с 21 млн марок в 1934 году до 47 млн марок в 1935 году, когда Германия получила через Англию около половины всего своего импорта шерсти.

В 1934 году немецкий концерн «ИГ Фарбениндустри» заключил с канадским никелевым трестом соглашение, обеспечившее Германии 50 % необходимого ей никеля и значительную экономию валюты. Остальной никель Германия получала через английские фирмы. Количество никеля, ввозившегося в Германию при британском содействии, постоянно возрастало. Так, если в 1932 году, по официальным данным английского министерства торговли, было ввезено 1805 т, то в 1933 году – уже 3760 т.

Поставки британского сырья продолжались невзирая на то, что Третий рейх испытывал серьёзные проблемы с платёжеспособностью, которые он, впрочем, унаследовал от Веймарской республики. По официальным немецким данным, сумма иностранной задолженности Германии составляла на 28 февраля 1933 года 18 967 млн марок, из которых на краткосрочные кредиты (со сроком уплаты до 28 февраля 1934 года) приходилось 8702 млн марок и на долгосрочные – 10 265 млн марок. В том числе германский долг Англии на 30 сентября 1933 года равнялся 132 млн фунтов стерлингов, или 1718 млн марок. Для сравнения: весь германский экспорт в 1933 году составил 4871 млн марок.

Тем не менее 17 февраля 1933 года основные кредиторы Германии согласились подписать очередное соглашение о невостребовании кредитов. Первое из подобных соглашений было заключено в середине сентября 1931 года, затем в 1932 году его действие дважды продлевалось. По сути это был перевод краткосрочных займов в долгосрочные.

В середине февраля 1934 года последовало новое соглашение о невостребовании кредитов. Наконец, 14 июня 1934 года Имперский банк Германии объявил о полном прекращении выплаты иностранных долгов и процентов по ним, кроме платежей по займам Дауэса и Юнга. Вместо этого кредиторы получали сертификаты, которые они могли превратить в облигации трёхпроцентного займа сроком на 10 лет.

Вот что писала издаваемая Лондонской биржей «Stock Exchange Gazette» в номере от 3 мая 1935 года:

«Без Англии в качестве платёжного учреждения и без возможности продлить сроки кредитов по соглашению о невостребовании кредитов Германия не смогла бы осуществить свои планы. Мы так стремились продавать Германии, что никогда не допускали вмешательства в торговые дела вопросов о платежах. Снова и снова Германия отказывалась от своих обязательств, публичных и частных, но продолжала покупать шерсть, хлопок, никель, каучук и нефть, пока её потребности не были удовлетворены, а финансирование этих закупок проводилось прямо или косвенно через Лондон» .

Что касается железной руды, то её главным поставщиком была Швеция. В 1933–1936 гг. Германия поглощала до 3/4 всего шведского экспорта железной руды. В 1938 году импорт Третьим рейхом этого стратегического сырья составлял 9 млн тонн, покрывая 41 % потребностей германской металлургической промышленности в руде. С учётом же высокого процента содержания чистого железа в шведской руде 60 % немецкого чугуна выплавлялись из руды, импортированной из Швеции.

В сравнении с этим доля СССР в поставках сырья Третьему рейху была относительно невелика. Импорт в Германию некоторых видов сырья, тыс. тонн:

Вид сырья	1933		1934		Весь импорт
	Весь импорт	В т.ч. из СССР	Весь импорт	В т.ч. из СССР	
Железная руда	4527	24,5	8264	1,9	1
Нефть и нефтепродукты	2428	505,5	3094	458,6	
Хлопок	220	—	260	5,9	

Разумеется, делая закупки на мировом рынке, следует что-то продавать взамен. Если в первом квартале 1933 года Германия экспортировала в Англию товаров на 88 млн марок, то в первом квартале 1934 года эта сумма увеличилась до 104 млн марок. В 1936 году германский экспорт в Великобританию достиг суммы в 406 млн марок. В 1937–1938 годах Германии удалось полностью оттеснить Англию от участия во ввозе металлических изделий в Италию и Швейцарию и занять главенствующее положение в импорте Португалии, Голландии, Бельгии, Дании, Швеции и Норвегии.

Торговые связи Германии с западными странами не прекратились и после начала 2-й мировой войны. Причём речь идёт отнюдь не только о нейтральных государствах, вроде Швеции, продолжавшей обеспечивать промышленность Третьего рейха высококачественной железной рудой. Например, американская компания «Стандард ойл» всё так же исправно снабжала Гитлера нефтью. Просто теперь её поставки шли через франкистскую Испанию. Американские танкеры везли нефть на Канарские острова, а оттуда уже немецкие танкеры доставляли её в Гамбург.

Вот что докладывала по этому поводу 15 июля 1941 года военная разведка США:

«Примерно 20 % этих поставок предназначаются для фашистской Германии, причём команды шести судов из тех, которые осуществляют перевозки по этому маршруту, набраны преимущественно из нацистов. Нашему агенту удалось выяснить, что немецкие подводные лодки, постоянно курсирующие в районе Канарских островов, подходят туда именно с целью заправки. Этот же агент обратил внимание на следующее: до сих пор ни один из танкеров концерна “Стандард ойл” не был торпедирован ВМС Германии, в то время как суда других американских компаний, действовавших на иных маршрутах, постигла такая участь».

Не стало препятствием выгодному бизнесу американских дельцов и вступление США в войну против Германии. Так, в 1944 году Германия ежемесячно получала через франкистскую Испанию 48 тыс. тонн американской нефти и 1100 тонн вольфрама.

Помимо торговли, западные компании владели в Германии изрядной собственностью:

«К началу 30-х годов в Германии действовало более шестидесяти предприятий, – филиалов американских фирм и компаний. Концерн “Дженерал моторс” тесно сотрудничал с “Опелем”. Треть капиталов “Всеобщей компании электричества” находилась под контролем “Дженерал электрик”. Не менее двух пятых немецкой телефонной и телеграфной промышленности подпало под прямой контроль американского концерна ИТТ, связанного с династией Морганов. “Стандард ойл” держала в руках более 90 процентов всего капитала германо-американской нефтяной компании, владевшей третью всех наливных пунктов Германии перед Второй мировой войной».

«Важно учитывать также и размеры американских вкладов в нацистской Германии к моменту событий в Перл-Харборе, которые составляли примерно 475 млн долларов. Инвестиции “Стандард ойл” оценивались в 120 млн долларов; “Дженерал моторс” – 35 млн долларов; ИТТ – 30 млн долларов; “Форд” – 17,5 млн долларов. Исходя из того, что США находились в состоянии войны со странами “Оси”, американской стороне было бы патриотичнее прекратить деятельность своих компаний в Германии независимо от того, как поступят с ними нацисты: национализировать или сольют с промышленной империей Геринга. Однако погоня за прибылью толкнула на циничное решение: избежать конфискации, объединив американские предприятия в холдинговые компании, чьи доходы переводились бы на американские счета в немецких банках и хранились бы там до конца войны».

Не отставали от американцев и англичане. Так, крупнейшему военно-промышленному концерну Англии «Виккерс» принадлежали 49 % акций германской военно-химической компании «Дуко АГ», 8 % акций «Динамит АГ», 3,5 % акций «Дойче гольд унд зильбер шайдеанштальт», а также некоторое количество акций «ИГ Фарбениндустри».

Другие британские фирмы также располагали в Германии значительной собственностью.

Например, «Бэбкок энд Уилкокс», поставлявшая паровые котлы всем флотам мира, имела свои предприятия в Третьем рейхе. С началом перевооружения германского флота они резко увеличили производство. Сильно заинтересована в программе моторизации вермахта была фирма «Дэнлоп раббер», предприятия которой в Германии после прихода Гитлера к власти также значительно увеличили выпуск продукции.

В свете вышеизложенного легко понять внутреннюю логику уже упоминавшегося мною анекдотического события, имевшего место 5 сентября 1939 года, когда бывший первый лорд Адмиралтейства Леопольд Эмери предложил британскому министру авиации Кингсли Вуду организовать поджог Шварцвальда, чтобы лишить немцев строевого леса, а тот возмущённо ответил: *«Не может быть и речи даже о том, чтобы бомбить военные заводы в Эссене, являющиеся частной собственностью, или линии коммуникаций, ибо это оттолкнуло бы от нас американскую общественность»*.

Моторы для Геринга

Мало того, западные фирмы оказывали Третьему рейху активную помощь в налаживании военного производства. Так, концерн «Виккерс» был непосредственно причастен к строительству германского подводного флота. Поскольку эта фирма обладала патентными правами во всех областях изобретений, связанных с подводными лодками, подводными минами и зарядами, то эти последние могли быть изготовлены Германией только с согласия «Виккерса». По свидетельству Чарлза Крейвна, председателя правления фирмы «Виккерс-Армстронг», эта фирма имела лицензии на производство подводных мин и зарядов в Голландии, во Франции, в Испании. Именно в Голландии и Испании, где были расположены тайные филиалы концернов Круппа и Цейсса, Германия и развернула работы по созданию подводного флота.

Осуществлялись и непосредственные закупки различного вооружения, производство которого ещё не было налажено в самой Германии. Например, бронебойных снарядов британской фирмы «Хэдфилдс» для морской артиллерии.

Создание Военно-воздушных сил Третьего рейха также не обошлось без активного англо-американского участия. По сообщению британского министерства торговли, за 10 месяцев 1934 года различные английские фирмы поставили в Германию 96 моторов, причём имелись в виду только те моторы, которые были официально зарегистрированы как направляемые в Германию. За первые же пять месяцев 1935 года в Германию были вывезены 89 самолётов и моторов на сумму 199 369 фунтов стерлингов.

Реальный объём поставок значительно превышал эти официальные данные. Так, только за 8 месяцев 1934 года в Германию были отправлены 200 новейших авиационных моторов «Кестрел» фирмы «Роллс-Ройс». В английских ВВС эти моторы устанавливались на истребителях «Хоукер фьюри» («Hawker Fury») и «Файрфлай» («Firefly»). В мае 1934 года Германия приобрела 80 мощных моторов «Армстронг-Сидли» также последнего образца.

Кроме того, Германия приобретала лицензии на производство наиболее совершенных типов авиамоторов для военных самолётов. Например, немецкая моторостроительная компания «Байерише моторенверке» купила у фирмы «Роллс-Ройс» лицензию на мотор «Кестрел VI» мощностью 600 л.с..

Ещё бо льшим был вклад американцев. После прихода Гитлера к власти поставки самолётов и моторов из Соединённых Штатов в Германию начали резко возрастать. По данным комиссии Конгресса США под председательством Ная, расследовавшей деятельность военных фирм, сумма экспорта американских самолётов и моторов в Германию увеличивалась следующим образом:

1931 год – 2 тыс. долл.;

1932 год – 6 тыс. долл.;

1933 год – 272 тыс. долл.;

1934 год (по 31 августа) – 1445 тыс. долл.

При этом вполне возможно, что цифра за 1934 год является заниженной, поскольку, по сведениям американского посла в Берлине Додда, только в январе-феврале 1934 года Германия закупила в США авиамоторов на сумму в 1 млн долларов.

В дальнейшем поставки американских самолётов и особенно авиамоторов продолжали увеличиваться. По данным, оглашённым в английском парламенте весной 1935 года, Германия заказала в США части для 3 тыс. авиационных моторов, которые должны были устанавливаться на военных самолётах.

Ведущая роль в американских поставках принадлежала «Юнайтед эйркрафт корпорейшн»

(«United Aircraft Corporation») и её филиалу – «Пратт энд Уитни компани» («Pratt amp; Whitney Company»). Так, в марте 1934 года Баварским моторостроительным заводам (БМВ) были проданы 420 американских моторов «Хорнет-Д». Усиленно снабжали Германию авиационным оборудованием и другие крупные американские компании – «Кэртисс Райт», «Сперри гироскоп», «Дуглас» и прочие.

Помимо готовой продукции, германские фирмы приобретали в США лицензии на производство авиамоторов новейших типов. Например, в феврале 1933 года «Пратт энд Уитни компани» предоставила БМВ лицензию на производство мотора «Хорнет-Д».

В результате в 1935 году из 28 типов германских военных самолётов 11 были оснащены английскими и американскими моторами фирм «Роллс-Ройс», «Армстронг-Сидли», «Пратт энд Уитни» и других.

Вполне естественно, что представители западных демократий старались не афишировать свои взаимовыгодные связи с Третьим рейхом. Как справедливо замечает по этому поводу автор вышедшей в 1983 году книги «Торговля с врагом», русский перевод которой я уже неоднократно цитировал выше, американский публицист Чарльз Хайэм:

«Нетрудно представить реакцию граждан США и Великобритании, заяви им, что в 1942 году корпорация “Стандард ойл” торговала горючим с Германией через нейтральную Швейцарию и что горючее, предназначавшееся союзникам, получал их противник. Их охватил бы справедливый гнев. Как бы они были возмущены, узнай, что после событий в Перл-Харборе “Чейз бэнк” заключал миллионные сделки с врагом в оккупированном Париже с полного ведома правления этого банка в Манхэттене; что во Франции грузовики, предназначенные для немецких оккупационных войск, собирались на тамошних заводах Форда по прямому указанию из Дирборна (штат Мичиган), где находится дирекция этой корпорации; что полковник Состенес Бен, глава многонациональной американской телефонной корпорации ИТТ, в разгар войны отправился из Нью-Йорка в Мадрид, а оттуда в Берн, чтобы оказать помощь гитлеровцам в совершенствовании систем связи и управляемых авиабомб, которые варварски разрушали Лондон (та же компания участвовала в производстве “фокке-вульффов”, сбрасывавших бомбы на американские и британские войска); что шарикоподшипники, которых так недоставало на американских предприятиях, производивших военную технику, отправлялись латиноамериканским заказчикам, связанным с нацистами. Причем делалось это с тайного согласия заместителя начальника управления военного производства США, который одновременно был деловым партнёром родственника рейхсмаршала Геринга в Филадельфии. Заметим, что в Вашингтоне обо всём этом отлично знали и либо относились с одобрением, либо закрывали глаза на подобные действия» .

Таким образом, упрекать Сталина в аморальности экономического сотрудничества с Германией могут разве что наши доморощенные любители двойных стандартов, сладострастно выискивающие мельчайшие соринки в глазу у своей родной страны и демонстративно не замечающие бревна у обожаемого Запада.

Подарок от фюрера

Однако получал ли Советский Союз выгоду от торговли с Германией? Или же он, как уверяют нынешние обличители, фактически выплачивал дань Гитлеру?

Здесь следует вспомнить, что советское народное хозяйство унаследовало от дореволюционной России техническую отсталость. И, разумеется, эту ситуацию нельзя было исправить в одночасье. Наша страна остро нуждалась в поставках современного промышленного оборудования. Эти потребности резко возросли на рубеже 1920-х – 1930-х годов в связи с началом индустриализации, когда была предпринята отчаянная попытка догнать развитые страны.

Как известно, выступая 4 февраля 1931 года на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин заявил: *«Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» .*

Говоря так, Иосиф Виссарионович несколько не преувеличивал. Отставание России проявилось во всей своей красе уже в ходе 1-й мировой войны. Как писал летом 1915 года командир 29-го корпуса генерал Д. П. Зуев военному министру генералу А. А. Поливанову:

«Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землёй всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников с землёю. Они тратят металл, мы – человеческую жизнь. Они идут вперёд, окрылённые успехом и потому дерзают; мы, ценою тяжких потерь и пролитой крови, лишь отбиваемся и отходим» .

Увы, подобная картина не выглядит удивительной, если сравнить количество вооружений, произведённых за время 1-й мировой войны странами-участницами:

Боевые средства	Германия	Франция	Великобритания	Россия
Пулемёты, тыс.	280,0	312,0	239,0	28,0
Орудия, тыс.	64,0	23,2	26,4	11,7
Снаряды, млн	306,0	290,0	218,0	67,0
Самолёты, тыс.	47,3	52,1	47,8	3,5

Но этого мало. Прогресс в военном деле не стоял на месте. В промежутки между двумя мировыми войнами происходят качественные изменения в развитии танковых войск, авиации, в насыщении армий артиллерией, автоматическим оружием. Если бы не сталинский промышленный рывок, под угрозой оказалось бы само существование нашей страны и населяющих её народов.

Форсированная индустриализация требовала приобретения современного оборудования. Традиционным партнёром, поставлявшим нашей стране технику и технологии, являлась Германия. Так было до 1914 года, такое положение сохранялось и во времена Веймарской республики.

Ниже в таблице приводятся общие суммы советских закупок машин и оборудования в 1929–1934 гг., суммы закупок в Англии, Германии, США и Франции, а также доля каждой из этих стран в общем объёме советского импорта машин и оборудования:

Год	Всего закуплено, тыс. руб.	В том числе в					
		Англии		Германии		США	
		тыс. руб.	доля, %	тыс. руб.	доля, %	тыс. руб.	доля, %
1929	923 255	65 845	7,13	366 186	39,66	262 581	28,44
1930	1 726 561	100 215	5,80	571 822	33,12	718 093	41,59
1931	2 076 197	132 328	6,37	825 424	39,76	755 648	36,40
1932	1 366 946	209 824	15,35	772 761	56,53	96 024	7,02
1933	521 891	49 729	9,53	325 467	62,36	24 359	4,67
1934	202 900	29 024	14,30	62 983	31,04	39 217	19,33

Как видим, в начале 1930-х годов ввоз промышленного оборудования в нашу страну достигает рекордного уровня. При этом основными поставщиками являлись Германия, предоставившая в 1931 году Советскому Союзу кредит на сумму 300 млн марок, а также Соединённые Штаты.

Доля машин и оборудования в советском импорте, %:

	Весь импорт	из Англии	из Германии	из США
1929	30,08	34,51	53,98	42,52
1930	46,79	35,89	65,41	77,93
1931	53,91	51,74	57,68	94,31
1932	55,70	65,49	67,66	87,01
1933	42,99	46,65	63,09	42,16
1934	25,05	26,58	62,84	62,95

После прихода Гитлера к власти советско-германская торговля начинает сокращаться.

Объём советской внешней торговли, млн руб. (по курсу 1 марта 1950 года):

	Экспорт	в т.ч. в Германию	Импорт	в
1932	2004	350,2	2454	
1933	1727	298,8	1214	
1934	1458	343,0	810	
1935	1281	230,2	841	
1936	1082	92,8	1076	
1937	1312	80,7	1016	
1938	1021	64,8	1090	

Объём советско-германской торговли, млн марок:

Год	Экспорт в Германию	Импорт из Германии	Товарооборот
1931	303,1	762,7	1065,8
1932	270,9	625,8	896,7
1933	194,1	282,2	476,3
1934	223,0	63,3	286,3
1935	191,7	49,3	241,0
1936	93,2	126,1	219,3
1937	65,1	117,4	182,5

Однако не следует думать, будто это сокращение было вызвано исключительно идеологическими причинами. СССР к тому времени вообще стал импортировать меньше. По мере развития собственной промышленной базы потребность во внешних закупках оборудования снизилась. Кроме того, у нашей страны не было валютных ресурсов для столь значительного импорта.

Тем не менее окончательно советско-германская торговля не угасла. Продолжалось и знакомство советских специалистов с немецкими достижениями. Так, в 1933–1934 годах в Германии побывали конструкторы-моторостроители Харьковского паровозостроительного завода, занимавшиеся разработкой нового танкового двигателя. С немецкими техническими достижениями в этой области ознакомились Я. Е. Вихман и К. Ф. Челпан. А. А. Микулин изучал производство фирмы БМВ в сравнении с разработками «Роллс-Ройса», «Испано-Сюиэ» и «Фиата». В результате была закуплена лицензия на двигатель БМВ мощностью в 500 л.с. Уже в 1934 году было развернуто производство среднего танка Т-28 с мотором этого типа.

Германскую авиационную промышленность осенью 1934 года изучал начальник Главного управления Гражданского воздушного флота И. Ф. Ткачёв. Инженер Перминов исследовал прокатку стальной проволоки на заводах Круппа, о чём и составил подробнейший отчёт, в сопроводительной записке к которому указывалось, что он *«представляет собой практическую ценность для наших проволочно-прокатных заводов как описание и сравнение работы зарубежных заводов с нашими в смысле оборудования, производительности и себестоимости... Некоторые виды конструкций могут быть использованы для применения в наших условиях»*.

К середине 1930-х годов перед Советским Союзом встала проблема производства судовой брони, необходимой для строительства крупнотоннажного военно-морского флота. Требовалось создать большие производственные мощности, освоить и наладить технологию. Так, для изготовления одной готовой броневой плиты весом около 70 тонн для линкора необходимо было отлить стальной слиток весом более 150 тонн. После чего надо было эти слитки ковать при помощи прессов мощностью до 15 тысяч тонн. Советский Союз не обладал техникой отливки иковки таких крупных слитков, не имел таких мощных прессов. Для изучения немецкого опыта производства стальной брони военного назначения в 1936 году в Германию была откомандирована группа советских специалистов во главе с начальником Главного броневоего управления наркомата тяжёлой промышленности СССР И. Ф. Тевосяном.

Под давлением немецких промышленников, не желавших терять рынок сбыта своей продукции, правительство Германии предложило в марте 1935 года Советскому Союзу новый кредит. Причём его условия были более выгодными, чем у прежних: 5 % годовых вместо 6 %, а также более длительный срок – 5 лет (германский кредит 1926 года – 150 млн марок на 2 года и 150 млн марок на 4 года, кредит 1931 года – на 21 месяц).

В результате 9 апреля 1935 года было подписано «Соглашение между правительством СССР и правительством Германии о дополнительных заказах СССР в Германии и финансировании этих заказов Германией». В соответствии с ним советское правительство получило право разместить под гарантию правительства рейха заказы германским фирмам на 200 млн марок. Эти заказы должны были представлять собой оборудование для фабрик, машины, аппараты, изделия электропромышленности, оборудование нефтяной и химической индустрии, транспортные средства, оборудование лабораторий и т. д. Сюда же входила и техническая помощь. Реально по этому кредиту СССР получил из Германии заводского оборудования и других товаров на 151,2 млн марок. Поставки советских товаров в покрытие кредита должны были начаться с конца 1940 года, а закончиться в 1943 году. Однако СССР так и не приступил к его погашению, а после 22 июня 1941 года вопрос о советских поставках отпал сам собой. Таким образом, полученный в 1935 году от Гитлера кредит можно рассматривать как безвозмездную финансово-техническую помощь.

Несмотря на успехи первых пятилеток, экономика Советского Союза испытывала острый недостаток в передовых технологиях и высокопроизводительном оборудовании. Так, в «Техно-экономическом анализе импорта металлорезающих станков за 1932–1938 гг.» говорилось: *«Тяжёлые токарные станки, лоботокарные, продольно-строгальные, крупные зуборезные станки и расточные необходимых размеров вовсе не изготавливаются. Кругло-шлифовальные, карусельные и вальцетокарные станки изготавливаются единицами. Рассчитывать на более или менее удовлетворительное отечественное снабжение этими станками тяжёлой промышленности на ближайшие 2–3 года не приходится»*. Из чего делался вывод, что *«потребность в этих видах станков может быть удовлетворена в 1939 и отчасти в 1940 году в основном за счёт импорта... ибо организация и освоение производства названных выше станков в лучшем случае потребует не менее двух лет»*.

Германские отцы советской оборонки

К 1939 году объективные предпосылки для взаимовыгодной советско-германской торговли продолжали существовать. Третий рейх остро нуждался в сырье, Советский Союз – в современной технике и технологиях. Поскольку западные демократии не горели желанием помочь нашей стране, СССР намеревался использовать возможное сближение с Германией для удовлетворения своих потребностей в высокотехнологичном оборудовании.

Вечером 15 августа 1939 года посол Германии в СССР Ф. Шуленбург передал наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову предложения правительства Третьего рейха нормализовать советско-германские отношения. Во время следующей их встречи, состоявшейся 17 августа, Молотов подчеркнул, что прежде чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, надо решить торгово-экономические вопросы. Об этом же было сказано в переданной Шуленбургу памятной записке: *«Правительство СССР считает, что первым шагом к такому улучшению отношений между СССР и Германией могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения»*.

В результате 19 августа было подписано советско-германское кредитное соглашение. По сравнению с предыдущими подобными договорами его условия были чрезвычайно выгодны для нашей страны. СССР получал 200 млн марок кредита под 4,5 % годовых сроком на 7 лет. Помимо кредита, предусматривалось размещение советских заказов в обмен на поставки сырья и продовольствия.

К соглашению были приложены три товарных списка:

Список «А» отдельных видов оборудования, подлежащих поставке германскими фирмами в счёт кредита.

Список «Б» отдельных видов оборудования и других товаров, подлежащих поставке германскими фирмами за счёт свободных сумм текущей выручки от советского экспорта.

Список «В» товаров, подлежащих поставке из СССР.

Впоследствии между СССР и Германией были заключены хозяйственные договоры от 11 февраля 1940 года и от 10 января 1941 года, а также ряд дополнительных соглашений, существенно расширившие объёмы торговли между двумя странами.

Надо сказать, аппетиты немцев по части получения советского сырья были весьма велики. Когда 8 октября 1939 года в Москве начались торгово-экономические переговоры, особо уполномоченный германского правительства Карл Риттер, который вёл их с немецкой стороны, привёз с собой годовой план закупок на сумму 1300 млн марок. 9 октября в беседе с наркомом внешней торговли СССР А. И. Микояном Риттер заявил о желании получить из СССР товаров примерно на 1 млрд марок. Однако Микоян ответил, что Советский Союз будет исходить из максимального объёма поставок в прошлые

годы, то есть 470 млн марок. В результате, несмотря на немецкие уговоры, хозяйственное соглашение от 11 февраля 1940 года предусматривало на следующие 12 месяцев поставки из СССР в размере 420–430 млн марок. Реально же за этот период, как мы увидим ниже, было поставлено товаров на сумму чуть больше 400 млн марок.

Что же получил Советский Союз взамен? В середине 1930-х годов, закупая сырьё и продовольствие, Германия для выравнивания торгового баланса нередко навязывала своим иностранным партнёрам ненужные ей самой товары, за которые она не могла получить валюту на мировом рынке. Например, Югославия вынуждена была закупить в Германии огромное количество аспирина, Румыния – несколько тысяч пишущих машинок, Греция – сотни тысяч губных гармошек.

Однако с нашей страной подобный номер не прошёл. Покупать без разбора всё, что предлагали немцы, советское руководство не собиралось. Оно намеревалось брать только самые необходимые и высококачественные изделия.

Ещё 21 января 1939 года, когда вопрос о кредитно-торговом соглашении с Германией только зондировался, было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 67/182, в котором предписывалось: *«Обязать гг. Микояна, Кагановича Л. М., Кагановича М. М., Тевосяна, Сергеева, Ванникова и Львова к 24 января 1939 года представить список абсолютно необходимых станков и других видов оборудования, могущих быть заказанными по германскому кредиту»*.

С 26 октября 1939 года в Германии находилась советская делегация в составе 48 человек во главе с наркомом судостроения И. Ф. Тевосяном. Среди её членов были авиаконструктор А. С. Яковлев, будущий виднейший ракетчик С. П. Королёв, ведущие специалисты по военно-морскому делу, танкостроению, артиллерии, химической защите, станкостроению. Посетив многие немецкие заводы, судостроительные верфи, полигоны, военные корабли, советские представители ознакомились с интересовавшим СССР заводским оборудованием, производственными процессами, технологиями. Особое внимание уделялось новинкам германской военной техники.

В беседе с Риттером Тевосян подчеркнул, что *«нашей задачей является получить от Германии новейшие усовершенствованные образцы вооружения и оборудования. Старые типы вооружений покупать не будем. Германское правительство должно показать нам всё новое, что есть в области вооружения, и пока мы не убедимся в этом, мы не сможем дать согласие на эти поставки»*.

29 октября Гитлер разрешил ознакомить членов делегации с военной техникой, уже имевшейся в войсках. Что же касается информации о новейших образцах, находившихся в стадии испытаний, то её фюрер сообщать не желал. Однако наши специалисты быстро поняли, что самую новую технику им не показывают. В результате твёрдой и настойчивой позиции советской делегации немцы вынуждены были пойти на уступки и стали демонстрировать новую военную технику более полно. Наиболее сложные вопросы решались лично Гитлером и Герингом.

Итак, что же именно было закуплено нами в Германии накануне Великой Отечественной войны?

Во-первых, уникальное промышленное оборудование. Советские специалисты заказывали десятки и даже сотни самых современных станков. Так, фирма «А. Вирт» получила заказ на многолезцовые станки GSAB-2, предназначенные для черновой обработки снарядов диаметром от 100 до 250 мм, четырёхшпиндельные специальные полуавтоматы VGDm-1 и VGDm-2 для обработки концов мин (расточка, торцевая фрезеровка и нарезка резьбы дна и очка) диаметром 50–80 мм и 80–100 мм. У фирмы «Хассе Вреде» были заказаны трёхшпиндельные резьбофрезерные станки ADFG-III, предназначенные для обработки очка и нарезки резьбы в снаряде, станки RD III MS – для расточки изделий от 320 до 500 мм, длина расточки 1000–1200 мм. Из Германии были получены уникальные станки для расточки орудийных стволов, обработки крупных гребных валов для военно-морских судов.

По данным немецкой статистики, в 1940–1941 годах Германия поставила СССР 6430 металлорежущих станков на 85,4 миллиона германских марок. Для сравнения: в 1939 году общее число импортированных Советским Союзом из всех стран металлорежущих станков составило 3458 штук.

Согласно мнению некоторых современных германских историков, поставка Советскому Союзу большого количества новейших станков ослабляла военную экономику Третьего рейха, поскольку свыше половины использовавшихся в немецкой промышленности металлорежущих станков к тому времени устарели, имея срок службы более десяти лет.

Вот что отмечает бывший генерал-майор вермахта Буркхарт Мюллер-Гиллебранд в своём фундаментальном труде «Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг.», описывая состояние немецкой военной экономики в период с лета 1940-го до лета 1941 года:

«Вследствие недостаточной подготовки к мобилизации экономики положение со станками продолжало оставаться неудовлетворительным. Некоторые станки удалось получить через нейтральные страны (Швейцария, Швеция). В военной промышленности пришлось создать органы, на

которые возлагалась задача распределения машинного оборудования» .

Тем временем немецкие станки продолжали поступать в нашу страну, усиливая советский военный потенциал. Как вспоминал нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин: *«В 1939 году были выделены фонды в валюте для закупки импортного оборудования и дано соответствующее задание Наркомату внешней торговли разместить заказы за границей по нашей спецификации с минимальными сроками доставки. Работники Внешторга оперативно закупили многое из того, что мы просили. И это помогло оснастить уникальным оборудованием, которое в нашей стране не производилось, наши заводы, что сыграло свою роль в налаживании массового производства новой авиационной техники»* .

Подобное стремление использовать германские высокие технологии было характерно и для других отраслей советской промышленности. Немецкие разработки применялись в производстве вооружений и боеприпасов, машиностроении и оптике, химии и металлургии.

Во-вторых, в Германии было приобретено немало военного имущества. Наиболее внушительной покупкой стал недостроенный тяжёлый крейсер «Лютцов». Переименованный в «Петропавловск», он достраивался в Ленинграде на Балтийском судостроительном заводе.

В отечественной литературе нередко встречаются утверждения, будто немцы специально тормозили достройку «Лютцова»:

«Вот так, постепенно, день за днём, выполнение работ на корабле задерживалось, плановые сроки срывались. Такая тактика представителей немецких фирм, естественно, наводила нас на мысль, что всё это делается с определённым умыслом, чтобы как можно больше задержать достройку и ввод крейсера в строй. Расчёт при этом был такой: без немцев мы сами, дескать, не справимся с достройкой “Лютцова”» .

Однако курировавший советско-германские экономические связи чиновник МИД Германии Карл Юлиус Шнурре в подготовленном для своего начальства меморандуме от 15 мая 1941 года сообщал прямо противоположное:

«Строительство крейсера “Л” в Ленинграде продолжается в соответствии с планом, германские поставки приходят по расписанию» .

Как бы то ни было, к началу Великой Отечественной войны готовность корабля достигала 70 %. Тем не менее ленинградские судостроители смогли ввести его в строй без помощи немецких специалистов. Корабль использовался как плавучая батарея.

Когда немцы подошли к Ленинграду, 7 сентября 1941 года четыре 203-мм орудия крейсера открыли огонь. В течение 10 дней по врагу было выпущено свыше 650 снарядов. Думается, попавшим под обстрел «Петропавловска» германским солдатам было особенно приятно осознавать, что в них летят немецкие снаряды, выпущенные из орудий немецкого производства.

17 сентября огнём немецкой артиллерии «Петропавловск» был сильно повреждён и лёг на грунт, погрузившись в воду до броневой палубы. Это произошло неподалеку от переднего края противника. Тем не менее летом 1942 года моряки крейсера, флотские водолазы и специалисты Балтийского судостроительного завода под носом у немцев провели подготовительные работы по подъёму крейсера. В ночь на 17 сентября 1942 года «Петропавловск» всплыл, буксиры «Айсберг» и К-1 увели его из-под носа врага и доставили на Балтийский завод.

Через несколько месяцев крейсер вернулся в строй. В январе 1944 года в ходе операции по окончательному снятию блокады Ленинграда «Петропавловск» вместе с другими кораблями Балтийского флота уничтожил долговременные укрепления, коммуникации, боевую технику и скопления пехоты противника, выпустив по врагу свыше тысячи снарядов немецкого производства.

Помимо «Лютцова», для советского военно-морского флота были получены гребные валы, компрессоры высокого давления, рулевые машины, моторы для катеров, судовая электроаппаратура, оцинкованный кабель, вентиляторы, судовое медицинское оборудование, насосы, успокоители качки, оборудование для камбузов, хлебопекарен, корабельной прачечной, аккумуляторные батареи для подводных лодок, орудийные корабельные башни, 88-миллиметровая пушка для подводных лодок, чертежи 406– и 280-миллиметровых трёхорудийных корабельных башен, стереодальномеры, оптические квадранты, фотокинотеодолитная станция, перископы, пять образцов мин, бомбомёты для противолодочных бомб с боекомплектом, паравантрапы, противотральные ножи для мин, гидроакустическая аппаратура, магнитные компасы, теодолиты и многое другое.

Сухопутные войска получили две тяжёлые 211-мм полевые гаубицы, батарею 105-мм зенитных пушек с боекомплектом, средний танк Т-III, 3 полугусеничных тягача, приборы для управления огнём, дальномёры, прожекторы.

Кроме того, германскими фирмами были поставлены 20 прессы для отжима гильз, оборудование

для лабораторий, образцы радиосвязи для Сухопутных войск, костюмы химической защиты, в том числе огнестойкие, противогазы, фильтропоглощительные установки, дегазирующее вещество, автомашина для дегазации, кислородно-регенеративная установка для газозубежищ, портативные приборы для определения отравляющих веществ, огнеупорные и антикоррозийные краски, корабельные краски против обрастания, образцы синтетического каучука и т. п.

Обширной оказалась закупка самолётов: «Хейнкель-100» (He-100) – 5 штук, «Юнкерс-88» (Ju-88) – 2 штуки, «Дорнье-215» (Do-215) – 2 штуки, «Брюккер В.И. – 131» (Bu-131) и «Брюккер В.И. – 133» (Bu-133) – 6 штук, «Фокке-Вульф» (FW-58) – 3 штуки, «Юнкерс-207» (Ju-207) – 2 штуки, «Мессершмитт-109» (Bf-109E) – 5 штук, «Мессершмитт-110» (Me-110) – 5 штук. Все типы самолётов поставлялись с запасными моторами и запчастями.

Кроме того, в июне 1940 года фирмой Maschinenfabrik Augsburg-Nurnberg A.G. советскому внешнеторговому объединению «Машиноимпорт» были проданы семь дизельных двигателей типа G7Z52/70 мощностью 2200 л.с. и тринадцать типа G7V74 мощностью 1500 л.с., изучение которых способствовало развитию отечественного двигателестроения.

Закупленная немецкая авиационная техника была направлена для изучения в НИИ ВВС, только что созданный в Подмоскowie Лётно-исследовательский институт (ЛИИ), ЦАГИ, ЦИАМ и другие организации. Кроме того, по просьбе наркомата авиационной промышленности некоторые самолёты совершили перелёты на заводские аэродромы авиационных предприятий в Горьком, Воронеже, Казани, Харькове. Всего в 1940 году с немецкими самолётами получили возможность ознакомиться около 3500 конструкторов и инженеров.

В результате этих исследований в 1940 году были предприняты шаги по внедрению некоторых немецких технических решений в советскую авиапромышленность. Так, на заводе № 213 в Москве было освоено производство автомата ввода и вывода самолёта из пикирования, установленного на Ju-88. Эти устройства применялись затем на самолётах СБ, Ар-2 и Пе-2. Вместо жёстких сварных бензобаков стали использовать фибровые протектированные баки. Уже в 1940 году было изготовлено 100 мягких протектированных баков для СБ, 30 – для Су-2 и столько же – для Як-1, а в 1941 году было принято решение о массовом производстве фибровых баков и замене ими использовавшихся ранее металлических. По типу немецкого, установленного на двигателе DB 601A, в ЦИАМ был создан двухступенчатый центробежный нагнетатель. В отличие от применяемых в нашей стране одноступенчатых нагнетателей он обеспечивал двигателю бо льшую высотность.

Кроме этого, был введён целый ряд мелких, но полезных усовершенствований в конструкции новых самолётов, таких, как быстросъёмный кок винта по типу применяемых на Bf-109 и He-100, замки капотов и лючков новой конструкции, открывающиеся без применения инструмента, механический указатель положения шасси («солдатики») на крыле, как на He-100, выполнение на корпусе разьяснительных надписей для лётчика и реперных точек для облегчения эксплуатации самолета, как было сделано на Bf-109, механизм стопорения хвостового колеса при посадке для лучшей устойчивости при пробеге, навигационный визир для определения момента ввода в пикирование (Ju-88) и другие. Бомбардировщик ДБ-3Ф оснастили термическим антиобледенительным устройством по типу имеющегося на Ju-88, для другого советского бомбардировщика, ДВБ-102, изготовили реактивные выхлопные патрубки двигателей по образцу немецких. Начался опытный выпуск оребренных кожухов колёсных тормозов и радиаторов пластинчатого типа как на Me-110, Ju-88 и Do-215. На основе немецкого прицела «Лотфе-7В» завод № 217 приступил к производству прицелов СП-1 для бомбометания с горизонтального полёта.

В отчётах специалистов отмечалось, что немецкие машины имеют более совершенную механизацию крыла, поэтому при бо льших нагрузках на крыло их посадочная скорость меньше, чем у советских истребителей нового поколения. В 1940 году на советских самолетах МиГ-1, ТИС, СК-3 планировалось установить систему аварийного выпуска закрылков и автоматический предкрылок (по типу механизации крыла истребителей He-100 и Bf-109). После знакомства с немецкими самолётами военные стали требовать обязательного применения на борту радиосвязного оборудования и принятия мер для повышения продольной устойчивости самолётов.

Кто кого обсчитал?

Что же получили немцы взамен? За период с декабря 1939 года по конец мая 1941 года Германия импортировала из Советского Союза:

Товар	Количество, тыс. т	Стоимость, млн. марок
Нефтепродукты	1 000	95,0
Зерно (в основном кормовое)	1 600	250,0
Хлопок	111	100,0
Жмыхи	36	6,4
Лён	10	14,7
Лесоматериалы		41,3
Никель	1,8	8,1
Марганцевая руда	185	7,6
Хромовая руда	23	2,0
Фосфаты	214	6,0

Поставлялись и некоторые другие товары. В частности, металлы (в основном железный лом) на 17,5 млн марок, 2782 кг платины, а также пушнина на 10 млн марок.

Каковы же были объёмы советских и германских поставок? И кто в итоге оказался в выигрыше?

Ниже приведены данные немецкой статистики о ежемесячных взаимных поставках товаров, в млн марок:

	из СССР	из Германии
1940 год		
февраль	10,2	1,8
март	9,7	2,6
апрель	16,7	8,1
май	21,7	15,1
июнь	34,2	30,8
июль	26,6	25,8
август	67,6	24,8
сентябрь	94,6	19,9
октябрь	42,4	14,2
ноябрь	28,0	25,0
декабрь	27,0	37,7
1941 год		
январь	24,0	29,6
февраль	19,9	19,4
март	31,4	20,6
апрель	22,2	51,0
май	50,6	47,1
июнь	58,0	53,2

Вот уже полвека нам упорно внушают, будто накануне 22 июня 1941 года немецкие поставки в СССР были прекращены, однако Сталин, мол, пытаясь любой ценой задобрить Гитлера, до последнего момента гнал советские грузы в Германию, не получая ничего взамен:

«22 июня 1941 года перед рассветом через пограничный мост в Бресте с советской стороны на германскую мирно простучал эшелон, груженный зерном, а через несколько минут с германского берега ударили артиллерийские батареи и пошли танки Гудериана» .

Выясняется, что, как и многие другие аксиомы антисталинской пропаганды, это утверждение не соответствует действительности. Июнь 1941 года стал рекордным по объёму немецких поставок. За три

предвоенные июньские недели из Германии в СССР прибыло больше товаров, чем за весь 1935 год. Если же брать апрель-июнь 1941 года, то немецкие поставки за эти месяцы составили 151,3 млн марок, в то время как советские – 130,8 млн марок.

И это не случайно. В первых числах февраля 1941 года Гитлер распорядился, что обязательства Германии по хозяйственному соглашению с СССР *«безусловно должны быть выполнены»*. Было решено, что они будут осуществляться даже за счёт снабжения немецких войск.

Немецкий историк Г. Швендеман констатирует, что весной 1941 года, когда уже вовсю шла подготовка к нападению на СССР, *«Советский Союз стал абсолютно привилегированным торговым партнёром Германии, заказам которого было отведено по степени важности в программе военного производства преимущественное место по сравнению с другими заказами как для собственных нужд, так и для поставок иностранным государствам»*. Германская промышленность, отмечает он, прекратила всё остальное производство, за исключением обеспечения вермахта и поставок в Советский Союз.

Любопытный момент можно найти и в воспоминаниях наркома авиационной промышленности А. И. Шахурин: *«В это время мы получали часть оборудования из Германии. Причём перед самым началом войны начались сбои с поставками. Пришлось отправить к границе, где шла перегрузка с узкой колеи на широкую, работников наркомата, чтобы они как можно быстрее отгружали поступавшее оборудование»*.

На первый взгляд кажется, будто Шахурин подтверждает общепринятую версию о прекращении германских поставок накануне войны. Однако если вдуматься, то приведённые им факты свидетельствуют об обратном. Подчинённые Шахурин были направлены не на немецкие предприятия, а на советско-германскую границу. Именно там начались сбои. Причиной же их стал возросший поток поступающего из Германии оборудования, которое не успевали перегружать с европейской железнодорожной колеи на нашу. В результате на границе возник затор, для ликвидации которого и отправили работников наркомата.

Таким образом, не один Сталин соблюдал свои торговые обязательства. Гитлер тоже вплоть до последнего момента гнал немецкую продукцию через границу. Поэтому приведённую выше фразу из опуса «Суворова»-Резуна следовало бы откорректировать вот так:

«22 июня 1941 года перед рассветом через пограничный мост в Бресте с советской стороны на германскую мирно простучал эшелон, груженный зерном, и остановился, пропуская встречный эшелон с немецкими станками».

Мало того. Если поставки из Третьего рейха выбивались из графика, мы не стеснялись подгонять немцев. Согласно хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 года немецкие поставки должны были отставать от советских не более чем на 20 %, иначе СССР имел право временно приостановить свои поставки.

Подобная ситуация сложилась в конце марта того же года. Посетив 27 марта министерство иностранных дел и на следующий день министерство Военно-воздушных сил Германии, И. Ф. Тевосян и заместитель наркома внешней торговли А. Д. Крутиков решительно настаивали на поставке образцов немецких военных самолётов в течение ближайших двух месяцев. 29 марта И. Ф. Тевосян и Г. К. Савченко были приняты Герингом, заверившим их, что поставки будут ускорены.

Видя, что хождение по кабинетам руководителей Третьего рейха не приносит пользы, СССР 1 апреля приостановил отправку нефтепродуктов и зерна. 5 апреля Германия просила возобновить поставки, обещая выполнить свои обязательства, однако СССР отклонил эту просьбу. 9 апреля Молотов заявил Шуленбургу, что *«хозяйственные органы СССР несколько перестарались, приостановив отправку товаров в Германию»*, и заверения Геринга о том, что *«задержки будут устранены»*, позволяют советской стороне возобновить свои поставки.

Результаты не замедлили сказаться. 28 апреля на Московском Центральном аэродроме приземлились первые из заказанных самолётов – два «Дорнье-215» и пять «Мессершмитт-110», пилотируемые немецкими лётчиками. К 15 мая количество поставленных Германией самолётов возросло до 23. 5 июня были получены ещё два «Хейнкеля-100». В конце мая немцы переправили в Ленинград недостроенный крейсер «Лютцов».

Следующая конфликтная ситуация возникла осенью 1940 года. 12 сентября Микоян предупредил Шнурре, что ввиду отставания германских поставок советская сторона будет вынуждена сократить или временно приостановить экспорт в Германию. И действительно, в IV квартале 1940 года по сравнению с III кварталом наш экспорт был уменьшен почти в два раза. Принятые советским правительством меры дали свои результаты. В декабре 1940-го и январе 1941 года германский экспорт в СССР превысил советский экспорт в Германию.

Подводя общий баланс советско-германских предвоенных экономических связей, следует учесть, что помимо взаимных поставок товаров между СССР и Германией проводились и другие финансовые расчёты.

В соответствии с хозяйственным соглашением от 11 февраля 1940 года Германии предоставлялось право транзита через советскую территорию для торговли с Румынией, Ираном, Афганистаном и странами Дальнего Востока. Стоимость транзитных услуг, оказанных Германией с начала 1940-го по июнь 1941 года, составила 84,5 млн марок.

Поскольку поставки немецких товаров задерживались, для выравнивания баланса товарообмена Германия передала Советскому Союзу золота на 44,7 млн марок.

Как известно, согласно заключённому 23 августа 1939 года советско-германскому договору Латвия и Эстония были включены в советскую, а Литва – в германскую сферу влияния. 25 сентября на начавшихся советско-германских переговорах об урегулировании польской проблемы СССР предложил обменять Литву на отходившие к нему территории Варшавского и Люблинского воеводств. Немцам пришлось уступить – в секретном дополнительном протоколе к германо-советскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года Литва включалась в сферу интересов СССР. Однако полоса литовской территории, примыкающая к германской границе, оставалась в сфере интересов Германии.

Летом 1940 года, после возвращения Прибалтики в состав нашей страны, советское руководство предложило Германии отказаться от своих прав на часть литовской территории в обмен на материальную компенсацию. Этот вопрос был окончательно урегулирован 10 января 1941 года. В тот день в Москве помимо соглашения о взаимных торговых поставках были также заключены договор о советско-германской границе от реки Игорки до Балтийского моря, соглашение о переселении в Германию немцев из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР и соглашение об урегулировании взаимных имущественных претензий, связанных с этим переселением. Кроме того, был подписан секретный протокол, по которому СССР обязался уплатить Германии компенсацию в размере 31,5 млн марок за отказ Германии от претензий на кусок территории на юго-западе Литвы. Из этой суммы 1/8 следовало покрыть советскими поставками цветных металлов в течение 3 месяцев, а оставшиеся 7/8 вычтены из суммы германских платежей при взаимных расчётах.

Наконец, следует вспомнить невозвращённый кредит 1935 года. Как мы помним, по этому кредиту СССР получил из Германии заводского оборудования и других товаров на 151,2 млн марок. Поставки советских товаров для его в покрытия должны были начаться в конце 1940 года. Однако, несмотря на настойчивые германские требования, к 22 июня 1941 года этот кредит остался непогашенным.

Теперь можно подвести окончательный итог торгово-экономических отношений между СССР и Германией:

со стороны СССР	млн марок
Поставлено товаров с августа 1939 по июнь 1941 года	671,9
Транспортные услуги по транзиту немецких товаров	84,5
Итого:	756,4
со стороны Германии	млн марок
Поставлено товаров с августа 1939 по июнь 1941 года	462,3
Уплачено золота для выравнивания платёжного баланса	44,7
«Продажа» литовской территории	31,5
Непогашенный советский долг по кредиту 1935 года	151,2
Итого:	689,7

Таким образом, баланс оказался не в нашу пользу. Тем не менее убыток не так уж и велик – 66,7

млн марок, то есть менее 10 % общего объёма сделок. Неблагоприятное для нас соотношение во многом вызвано тем, что заказанное в Германии оборудование представляло собой сложные и высокотехнологичные изделия, для изготовления которых требовалось длительное время. Поэтому советско-германские соглашения и предусматривали некоторое опережение поставок из СССР по отношению к немецким.

Однако это палка о двух концах. Не успев передать нашей стране многие заказы, немцы тем не менее приступили к их выполнению. Вот что вспоминает Шахурин:

«На одном из заводов у нас был мощный пресс, с помощью которого изготавливались специальные трубы. Пресс в своё время мы закупили у немецкой фирмы „Гидравлик“. И вот лопнул цилиндр, весивший почти 90 тонн. Такие цилиндры у себя мы тогда не делали. Заказали новый цилиндр немцам. По договору он должен был поступить к нам в конце 1940 года. Время подошло. Обращаемся в фирму. Отвечают: цилиндр задерживается, через месяц-два будет. Срок истёк – обращаемся снова. Отвечают: отгрузят через две недели. Минуло две недели – говорят: цилиндр отправлен в порт и т. д. К началу войны он так и не поступил. Готовый к отправке цилиндр пролежал у них без дела всю войну. После войны мы его нашли. Немцам он оказался ненужным. И пришлось наш треснувший цилиндр много раз сваривать, заваривать. Обошлись, конечно» .

Итак, нашим рабочим пришлось мучиться, латая старый треснувший цилиндр. Но и немцам эта сделка выгоды не принесла, поскольку цилиндр они всё равно сделали, затратив время, силы и ресурсы, а использовать его не смогли.

Другой пример. 30 ноября 1940 года Крупп подписал контракт, в соответствии с которым его фирма должна была поставить в СССР шесть корабельных орудийных башен с 380-мм орудиями. Однако к моменту нападения Германии на Советский Союз ни орудия, ни башни не были поставлены. Всё, что мы успели получить, – это конструкторские чертежи орудий. После разгрома Германии выяснилось, что часть заказанных башен была собрана и хранилась на складах завода Круппа.

Таким образом, вместо того чтобы выпускать что-нибудь полезное для Вооружённых сил рейха, фирма Круппа занималась выполнением советского заказа. И это при том, что ресурсы немецкой военной промышленности были весьма ограниченными. Выше я уже цитировал Мюллера-Гиллебранда насчёт нехватки станков. А вот что он пишет по поводу дефицита рабочих рук:

«Ощущалась хроническая нехватка рабочей силы, особенно квалифицированных рабочих, для военной промышленности. 13 сентября 1939 г. ОКВ через штаб оперативного руководства отдало распоряжение о возвращении из Вооружённых сил в военную промышленность квалифицированных рабочих. Но это оказалось настолько сложным делом, что к концу года из войск было возвращено только 25 % рабочих, затребованных в военную промышленность.

27 сентября 1939 г. управление общих дел Сухопутной армии по поручению ОКВ издало положение об освобождении рабочих от призыва в армию в случае незаменимости их на производстве.

С ноября 1939 г. началось массовое перераспределение специалистов в самой промышленности: квалифицированные рабочие снимались со второстепенных участков производства и направлялись на более важные в военно-экономическом отношении участки. Позже эти мероприятия со всей энергией продолжал проводить министр вооружений и боеприпасов.

В конце 1939 г. последовал приказ штаба оперативного руководства вермахтом при ОКВ об увольнении из армии военнослужащих рождения 1900 г. и старше, владевших дефицитными профессиями» .

А вот для советской экономики поставки сырья были не слишком обременительными. За 1940 год Германия получила из нашей страны 657 тыс. тонн нефтепродуктов, в то время как добыча нефти в СССР в том году составила 31,1 млн тонн. Зерна в Германию в 1940 году было поставлено чуть меньше 1 млн тонн, а заготовлено 95,6 млн тонн.

Разумеется, выгоды от торговли получали обе стороны. Как пишет современный западный историк Х.П. фон Штрандман: *«Парадокс ситуации заключался в том, что в конечном счёте обе стороны оснащали друг друга для борьбы друг против друга» .*

Однако нельзя не учесть, что даже после подписания пакта Молотова-Риббентропа Советский Союз вовсе не стал главным торговым партнёром Третьего рейха. В 1940 году поставки из СССР составляли всего лишь 7,6 % общей суммы германского импорта, а поставки в СССР – 4,5 % германского экспорта, в следующем году – соответственно 6,3 % и 6,6 %. В импорте Германии СССР занимал 5-е место (после Италии, Дании, Румынии и Голландии).

Полученное сырьё немцы быстро израсходовали, в том числе и на выполнение советских заказов. К тому же не все наши товары оказались полезными для повышения боеспособности вермахта. Например, пушнина, которую СССР поставил на сумму 10 млн марок. Вряд ли немецкие

военнослужащие разгуливали в норковых и песцовых шубах.

Взамен Советский Союз получил новейшую технику, оборудование и технологии. Естественно, в Германии рассчитывали, что война против нашей страны будет молниеносной и СССР просто не успеет ими воспользоваться. Как пишет Шахурин: *«Зная, что война с нами не за горами, фашистское руководство, видимо, считало, что мы уже ничего не успеем сделать. Во всяком случае, подобное тому, что у них есть»*.

Сходного мнения придерживается и фон Штрандман: *«Для Гитлера, по-видимому, решающими оказались стратегические доводы. В противном случае трудно было бы понять, почему он согласился снабжать Советский Союз самой последней военной технологией, зная, что он собирается напасть на него в не очень далёком будущем. И, кроме того, у него было довольно низкое мнение о технических возможностях России – предубеждение, подтверждённое во время войны с Финляндией. Он также допускал, что произойдёт некоторая задержка, прежде чем Россия сможет использовать технологическое преимущество от получения немецкого оружия»*.

Однако расчёты гитлеровского руководства оказались несостоятельными. Немецкие оборудование и технологии использовались нами все четыре года Великой Отечественной войны.

Таким образом, нельзя не согласиться с известным историком В. Я. Сиполсом, считающим, что *«ответ на вопрос о том, кому торговые связи между СССР и Германией оказались более выгодными, однозначен: тому, кто одержал победу в войне»*.

Глава 8. О чём докладывала разведка?

С самой зари человеческой истории люди осознавали важность разведки. «Какими силами располагают соседи? Каковы их планы? С кем из них следует воевать, а кого лучше взять в союзники?» – от правильности ответов на подобные вопросы зависели судьбы целых народов. Трудно переоценить значение вовремя добытой и, главное, достоверной разведывательной информации. «Кто предупреждён, тот вооружён», – полагали ещё древние римляне. Что уж говорить про сегодняшний день, когда средства войны стали поистине молниеносными.

Если почитать современную литературу, особенно многочисленные публикации, посвящённые истории отечественных спецслужб, возникает впечатление, что наша разведка испокон веков работала безупречно, а все военные неудачи происходили исключительно из-за того, что неразумные правители и армейское командование не прислушивались к её донесениям.

В первую очередь это касается начала Великой Отечественной войны. С хрущёвских времён в общественное сознание упорно внедряется миф, будто советская разведка сообщала точную информацию по всем ключевым вопросам, связанным с предстоящим нападением Германии, включая его дату. Однако слепо веривший Гитлеру Сталин якобы игнорировал эти предупреждения. Более того, «кремлёвский диктатор» писал на донесениях наших разведчиков матерные резолюции, угрожая «стереть в лагерную пыль». В результате советское руководство не смогло должным образом подготовиться к отражению агрессии, что и привело к трагедии лета 1941 года. Историки и публицисты дружно осуждают Сталина, пренебрегшего важными разведывательными сведениями. Для разнообразия при этом иногда вспоминают «раболопствующего» начальника военной разведки генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова, малодушно редактировавшего поступающую информацию в угоду сталинским представлениям, или наркома внутренних дел Л. П. Берия, коварно прятывшего правдивые донесения разведчиков под сукно.

Соответствует ли действительности подобная картина? Выяснить это не так легко, как может показаться на первый взгляд. Подлинные тексты разведдонесений долгое время хранились в тайне, а многие из них всё ещё недоступны для исследователей. И дело здесь вовсе не в пресловутой «советской мании секретности». Похожее отношение наблюдается и в так называемых «цивилизованных странах». В той же кичащейся демократическими традициями Англии остаётся засекреченным множество материалов, касающихся событий не только 2-й, но и 1-й мировой войны. Так, когда в 1998 году английский публицист Гордон Брукс-Шеперд подготовил к публикации документы, подтверждающие факт подготовки британской разведкой в 1918 году покушения на Ленина и Троцкого, глава Службы внешней разведки МИ-6 Дэвид Спеддинг потребовал запретить ему не только ссылаться на источники в МИ-6, но даже упоминать факт нахождения у Внешней разведки пока ещё не рассекреченных данных о планах покушения на руководителей большевиков.

Но, как гласит народная мудрость, нет худа без добра. «Крах тоталитарной империи» обернулся для большинства наших соотечественников страшной трагедией, причём главные последствия уничтожения Советского Союза нам ещё предстоит испытать на собственной шкуре. Тем не менее

одним из его побочных результатов стало открытие советских архивов. В частности, были опубликованы многочисленные документы, касающиеся работы советских разведорганов накануне Великой Отечественной войны. Таким образом, если раньше в этом вопросе мы были вынуждены довольствоваться баснями хрущёвско-брежневского агитпропа (как мы увидим ниже, зачастую весьма далёкими от действительности), не имея возможности их проверить, то теперь в нашем распоряжении оказались подлинные тексты донесений. Разумеется, далеко не все. Однако если учесть, что их публикаторы вроде бывшего главного идеолога ЦК КПСС А. Н. Яковлева вряд ли стали бы специально отбирать «обеляющие» Сталина материалы, думается, что эти документы вполне можно использовать для анализа.

План, который не был добыт

Итак, 18 декабря 1940 года Гитлер подписал знаменитую директиву № 21 – стратегический план войны с СССР, вошедший в историю как план «Барбаросса». В нём ставилась задача: *«Германские Вооружённые силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании ещё до того, как будет закончена война против Англии»*, устанавливался примерный срок завершения военных приготовлений – 15 мая 1941 года и подчёркивалось, что *«Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны»*.

Если верить некоторым нынешним авторам, не прошло и двух недель, как если не копия плана «Барбаросса», то по крайней мере его главные тезисы уже лежали на столе у Сталина:

«Для Сталина не был секретом ни план “Барбаросса” (28 декабря 1940 года, на десятый день после его утверждения, основные положения этого документа уже находились в руках советской разведки), ни систематически проводимые вермахтом мероприятия по наращиванию сил и средств в полосе советской западной границы».

«Материал об основных положениях плана “Барбаросса”, утверждённого Гитлером 18 декабря 1940 г., уже через неделю был передан военной разведкой в Москву».

Однако профессионалы оценивают этот успех гораздо более скромно. Так, генерал армии П. И. Ивашутин, занимавший с 1963 по 1987 год пост начальника Главного разведывательного управления, утверждает, что наша разведка смогла добыть не «основные положения» плана «Барбаросса», а всего лишь *«данные о принятии Гитлером решения и отдаче приказа о непосредственной подготовке к войне против СССР»*.

То же самое пишут и составители издаваемого под эгидой ФСБ РФ многотомного сборника документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»:

«Данные о разработке плана операции “Барбаросса” советской разведкой были добыты 29 декабря 1940 г., то есть через 11 дней после утверждения его Гитлером».

Что же на самом деле удалось узнать нашим разведчикам? 29 декабря 1940 года военный атташе в Берлине полковник Н. Д. Скорняков докладывал начальнику Разведывательного управления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову:

«“Альта” сообщил[а], что “Ариец” от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений».

Под псевдонимом «Альта» скрывалась резидент берлинской нелегальной резидентуры Разведуправления Генштаба РККА немецкая журналистка Ильзе Штёбе. «Ариец» – заведующий отделением информационного отдела МИД Германии Рудольф фон Шелиа.

Получив это донесение, Голиков разослал его Сталину, Молотову, наркому обороны Тимошенко и начальнику Генштаба Мерецкову. Одновременно он потребовал *«более внятного освещения вопроса»*, в частности уточнить, *«кто эти высокоинформированные военные круги», «кому конкретно отдан приказ»*.

4 января 1941 года из Берлина поступила дополнительная информация:

«“Альта” запросил[а] у “Арийца” подтверждения правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 г. “Ариец” подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причём это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам... Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на Востоке».

Итак, советская разведка сумела узнать, что Гитлер подписал приказ о подготовке к войне против

СССР, и это, безусловно, её крупное достижение. Однако никаких подробностей выяснить не удалось. Более того, в обоих сообщениях из Берлина проходит явная дезинформация: в первом – о сроке нападения (март вместо 15 мая), во втором – относительно того, что война против СССР начнётся лишь после победы над Англией.

Впрочем, несмотря на предание гласности предвоенных документов советской разведки, фальсификаторы истории не унимаются. Типичным примером сознательного подлога является статья в газете «Труд» от 20 июня 2002 года. Будучи знаком с опубликованными первоисточниками, её автор, некий Юрий Попов, решил их слегка подредактировать. Так, в донесении от 29 декабря срок начала войны «март 1941 года» заменён им на «весну 1941 года». Во втором донесении старательно опущена фраза насчёт необходимости предварительно покончить с Англией. Для чего понадобилось подобное жульничество? Естественно, для того, чтобы в очередной раз пнуть Сталина:

«Как можно судить сегодня, информация была точной... Все эти сведения были доложены Сталину, но во внимание не приняты» .

Попутно Ю. Попов делает следующее глубокомысленное умозаключение:

«Трагически, судя по всему, сложилась судьба многих наших резидентов и агентов, даже сумевших вернуться в Советский Союз. В опубликованной краткой справке о Н. Д. Скорнякове – “Метеоре” рядом с годом рождения – 1907 – вместо даты смерти стоит знак вопроса. Что это значит? Репрессирован и неизвестно где и как скончался? Такой же скорбный, зловещий знак вопроса стоит и против ещё нескольких десятков наших героев невидимого фронта» .

Вынужден разочаровать господина Попова. «Скорбный, зловещий знак вопроса» (кстати, среди отмеченных им не только наши резиденты и агенты, но и, к примеру, заместитель министра иностранных дел Великобритании Ричард Остин Батлер) означает лишь то, что составителям сборника документов «1941 год» было лень заниматься подробными биографическими изысканиями, выясняя дату смерти тех или иных персоналий. При ближайшем рассмотрении выясняется, что на самом деле судьба наших разведчиков, отмеченных в именном указателе к сборнику этим «зловещим знаком», вовсе не была трагичной.

В мае 1941 года Скорняков возвратился в Москву и 4 месяца работал в центральном аппарате Разведуправления Генштаба Красной Армии. Затем по личной просьбе Скорнякова его направили в распоряжение начальника 3-го Управления ВВС Красной Армии. Был инструктором в лётном училище в Волынске. После войны длительное время работал на различных должностях в штабе ВВС Прибалтийского военного округа.

Так, военный атташе в Будапеште Николай Григорьевич Ляхтеров («Марс») дослужился до генерал-майора и был уволен в запас из рядов Советской Армии в 1963 году. Работавший в Румынии Григорий Михайлович Ерёмин («Ещенко») во время Великой Отечественной войны занимал должности зам. начальника и начальника разведотдела штаба Южного фронта, начальника разведотдела 12-й армии, а после войны – начальника разведотдела группы войск, умер в 1988 году. Советник полпредства СССР в Белграде и одновременно сотрудник Разведуправления Генштаба Красной Армии Виктор Захарович Лебедев («Блок») после войны работал послом в Польше и в Финляндии, умер в 1968 году. Генеральный консул СССР в Кёнигсберге и Гамбурге Александр Владимирович Гиршфельд после войны читал лекции в МГУ, затем персональный пенсионер, умер в 1962 году. Работавший в США Гайк Бадалович Овакимян (1898–1967) подвергся гонениям уже в хрущёвское время – в декабре 1954 года он был лишён звания генерал-майора.

Что же касается репрессированных, то как раз их даты смерти составителям сборника прекрасно известны: из 23 упомянутых в нём жертв репрессий у 22 указан год смерти и лишь у одного – пресловутый знак вопроса. Что немудрено, ведь книга издана фондом «Демократия» во главе с А. Н. Яковлевым, ныне главным «специалистом» по реабилитации жертв репрессий.

Однако не будем отвлекаться на всякую мелкую шушеру, подвизавшуюся на ниве оплёвывания истории своей страны, и вернёмся к нашему повествованию.

Никиткины сказки

То, что война с немцами рано или поздно состоится, советскому руководству было прекрасно известно. Поэтому когда очередной обличитель «преступной близорукости Сталина», взяв первое попавшееся донесение, в котором упоминается о переброске немецких войск к нашим границам или о намерении Германии напасть (неважно когда), начинает с энтузиазмом только что снёсшей яйцо курицы рассуждать о том, что вот, дескать, «были сигналы, а Сталин не реагировал», это вызывает по меньшей мере странное впечатление.

Первым пример подобной манипуляции подал незабвенный Никита Сергеевич в своём докладе «О культуре личности»:

«Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками.

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 года военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: “Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налёты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...”»

Прервём на этом месте поток хрущёвского красноречия и приведём полный текст указанного донесения:

«Сов. секретно

6 мая 1941 г.

№ 48582сс

ЦК ВКП(б)

Тов. СТАЛИНУ И.В.

Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит:

Советско-подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил помощнику нашего моратташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налёты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах.

Попытка выяснить первоисточник сведений и расширить эту информацию пока результатов не дала, т. к. Бозер от этого уклонился. Работа с ним и проверка сведений продолжаются. Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР.

Адмирал КУЗНЕЦОВ» .

Как видим, Хрущёв не только перепутал Румынию с Латвией, но и умолчал об оценке этих сведений наркомом Военно-морского флота СССР Н. Г. Кузнецовым. Давайте проанализируем, что же конкретно говорится в этом донесении и насколько обоснован вывод адмирала.

Немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР . Это неправда, поскольку 30 апреля 1941 года Гитлер во время совещания у начальника отдела обороны страны штаба оперативного руководства вермахта назначил в качестве даты нападения 22 июня.

Главные удары будут нанесены с севера (через Финляндию и Прибалтику) и юга (через Румынию) . Снова неправда – на том же совещании Гитлер определил следующее распределение сил по направлениям:

«Полоса “Север” : германские и русские силы примерно равны.

Полоса “Центр” : сильное германское превосходство.

Полоса “Юг” : русское превосходство» .

И действительно, 22 июня 1941 года главный удар был нанесён в центре, по войскам Западного Особого военного округа.

Мощные налёты авиации на Москву и Ленинград . Опять ложь. Только безумец будет бомбить важнейшие центры противника, не добившись предварительно господства в воздухе. Поэтому 22 июня и в последующие дни немецкая авиация сосредоточила свои усилия в первую очередь на приграничных аэродромах. Первый массированный авианалёт на Москву состоялся лишь в ночь на 22 июля 1941 года. Что же касается Ленинграда, то первые бомбы упали на город в ночь с 6 на 7 сентября, а массированные авианалёты начались с 8 сентября 1941 года.

Таким образом, Н. Г. Кузнецов был совершенно прав, полагая эти сведения ложными. Более того, следует иметь в виду, что 11 марта 1941 года состоялось секретное совещание Верховного командования Вооружённых сил Германии (ОКВ), на котором среди прочих решений, касающихся подготовки к войне против СССР, было принято и такое: *«Штаб Верховного главнокомандования вермахта желает подключить к осуществлению дезинформационной акции русского военного атташе (Воронцов) в Берлине» .*

Стоит ли удивляться, что хрущёвская оценка донесения М. А. Воронцова была немедленно подхвачена проститутками от исторической науки вроде небезызвестного будущего академика В. А.

Анфилова:

«Теперь в отношении Кузнецова. Вы читали его статьи. Он приводит телеграмму Воронцова – военно-морского атташе в Берлине – и излагает этот вопрос примерно таким образом: я направил её Сталину, а он отнёсся к ней бог знает каким образом, кажется, и не посмотрел, а я там излагал ценные данные.

Так излагает тов. Кузнецов этот факт, а вот как было в действительности. Этот документ он направил в три адреса: Сталину, Молотову, Жданову. Да, в нём приводится телеграмма Воронцова, причем она столь же ценна, как и сведения в докладе Голикова. Тут и сроки нападения указываются, полученные непосредственно в Берлине.

А вот вывод, который тов. Кузнецов делает в конце: полагаю, что эти сведения направлены через соответствующие каналы германской разведкой с целью посмотреть, как будет на них реагировать Советское правительство. Они являются провокационными.

Вот в действительности какие выводы делались из оценки правильных разведывательных данных и докладывались Сталину» .

Читая подобное «научное заключение», начинаешь понимать редактора газеты «Дуэль» Юрия Мухина, назвавшего в одной из своих статей Анфилова подонком.

Однако продолжим прерванную цитату из доклада «О культуре личности»:

«В своём донесении от 22 мая 1941 года помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что “...наступление немецких войск назначено якобы на 15.VI, а возможно, начнётся и в первых числах июня...”» .

Опять же, наступление немцев не состоялось ни 15 июня, ни тем более в начале июня, следовательно, соответствующая информация из донесения В. Е. Хлопова является «дезой».

Разумеется, знать, что Германия скоро нападёт, очень важно. Но для организации должного отпора агрессору этого недостаточно. Необходимо выяснить:

- когда конкретно будет нападение,
- какие силы противника будут задействованы,
- направления главных ударов.

Именно на эти вопросы и должна была ответить советская разведка. Давайте посмотрим, удалось ли ей это сделать.

Подходят тайные сроки

Прежде чем вести речь о том, насколько точные сроки начала войны сообщали наши разведчики, следует отметить вот какой момент. Многие свято уверены, будто, утвердив план «Барбаросса», Гитлер за полгода до нападения назначил его дату – 22 июня 1941 года и чётко этому следовал. Более осведомлённые поправят: дескать, вначале нападение было назначено на 15 мая, а затем перенесено на 22 июня в связи с непредвиденной операцией против Югославии. А раз так, то, добудь советские агенты текст «Барбароссы» или окажись у нас сегодня под рукой машина времени, всё сложилось бы иначе. Воображение рисует соблазнительные сцены, как на рассвете 22 июня заблаговременно поднятые в воздух краснозвёздные истребители наносят удар по армадам немецких бомбардировщиков, а советская артиллерия громит места сосредоточения вражеских войск у границы. Увы, стоит германскому командованию сдвинуть срок нападения на час, и эта радужная картина сразу меркнет. А ведь его можно отложить и на сутки, и на неделю.

Дело в том, что 15 мая (а позднее – 22 июня) было установлено не как дата начала войны, а как дата завершения приготовлений к войне против СССР. К этому числу следовало привести в боеспособное состояние необходимое количество дивизий, перебросить их к советским границам, подготовить соответствующую инфраструктуру. Однако этот день вовсе не обязательно должен был стать первым днём войны. Как пишет бывший генерал-майор вермахта Буркхарт Мюллер-Гиллебранд в своём фундаментальном труде «Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг.»: *«Гитлер до последнего момента не объявлял своего решения о сроках фактического начала кампании против Советского Союза. Это обстоятельство приходилось учитывать при проведении подготовительных мероприятий по стратегическому развёртыванию сил» .*

Даже назначив дату нападения, можно затем её перенести. Так, начавшееся 10 мая 1940 года немецкое наступление на Западном фронте перед этим откладывалось 38 раз. Более того, операция может вообще не состояться, как, например, высадка немцев в Англии. Разумеется, сильно задерживаться тоже не стоит, поскольку противник может догадаться. Существуют и объективные ограничения – блицкриг необходимо закончить до наступления холодов.

Приказ о сроке начала войны против СССР был отдан главнокомандующим Сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем лишь 10 июня 1941 года:

«На основе предложения, представленного главным командованием Сухопутных войск, Верховное главнокомандование Вооружённых сил назначило для приготовления к военным действиям следующие сроки:

1. Днём “Д” операции “Барбаросса” предлагается считать 22 июня.

2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня.

Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне.

3. В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов:

а) сигнал “Дортмунд”. Он означает, что наступление, как и запланировано, начнётся 22 июня и что можно приступать к открытому выполнению приказов;

б) сигнал “Альтона”. Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае уже придётся пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как последние будут уже находиться в полной боевой готовности.

4. 22 июня, 3 часа 30 минут: начало наступления Сухопутных войск и перелёт авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то Сухопутные войска начнут наступление самостоятельно» .

Но и это ещё не окончательное решение. Пока не миновало 18 июня, срок начала операции можно перенести. И даже потом вплоть до 13 часов 21 июня сохраняется возможность передумать, хотя это и будет сопряжено с большими издержками.

Таким образом, увидев очередной рассказ про доблестных советских агентов, якобы узнавших **точную дату** немецкого наступления за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны, можно не сомневаться – перед нами ещё один образец ненаучной фантастики. В лучшем случае речь может идти лишь об ориентировочном сроке. Однако и здесь официальная историография, утверждающая, будто стоило Гитлеру подписать план «Барбаросса», как наши разведчики тут же сообщили в Москву примерную дату нападения, а затем, по мере приближения войны, называли всё более точные сроки её начала, к сожалению, выдаёт желаемое за действительное.

Наиболее популярна легенда о предупреждениях, сделанных Рихардом Зорге. Что же именно докладывал из Токио этот советский разведчик?

10 марта 1941 года: *«Новый германский ВАТ (военный атташе. – И.П.) считает, что по окончании теперешней войны должна начаться ожесточённая борьба Германии против Советского Союза» .*

2 мая: *«Я беседовал с германским послом Отт и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР... Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией» .*

19 мая: *«Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени. Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать» .*

30 мая: *«Берлин информировал Отт, что немецкое выступление против СССР начнётся во второй половине июня. Отт на 95 % уверен, что война начнётся» .*

1 июня: *«Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привёз с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займёт пост военного атташе» .*

15 июня: *«Германский курьер сказал военному атташе, что он убеждён, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает – будет война или нет» .*

Наконец, **20 июня** Зорге отправляет своё последнее предвоенное донесение:

«Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна» .

Что же в действительности сообщил Зорге о сроках нападения?

В его ранних донесениях (10 марта, 2 мая) утверждается, будто нападение на СССР произойдёт после войны с Англией. Это дезинформация.

В донесениях от 2 и 19 мая указывается срок нападения – конец мая (в обоих случаях с оговорками: в первом донесении – «либо после войны с Англией», во втором – «в этом году опасность может и миновать»). Это «деза», так как 30 апреля Гитлер установил срок начала войны – 22 июня.

В донесении от 30 мая сказано, что война начнётся во второй половине июня (срок «конец мая» уже прошёл).

Два дня спустя Зорге «уточняет» дату начала войны – «около 15 июня». Это «деза», причём следует отметить, что в предыдущем донесении был указан более верный срок.

В донесении от 15 июня говорится, что война с СССР «задерживается до конца июня» (срок «15 июня» уже прошёл), и вообще неизвестно, будет она или нет.

Наконец, 20 июня сообщается, что «война неизбежна». А то мы не знали.

Как видим, насчёт сроков нападения Зорге гнал сплошную «дезу». Что неудивительно, если учесть его источники информации: «новый германский военный атташе считает», «я беседовал с германским послом Отт и морским атташе», «новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют», «Берлин информировал Отт», «ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привёз с собой из Берлина», «германский курьер сказал военному атташе», «германский посол в Токио Отт сказал мне». То есть всё, что сообщал Зорге – личное мнение немецких дипломатов, с которыми он общался. А ведь ещё 15 февраля 1941 года в подписанных начальником штаба Верховного главнокомандования Вооружённых сил Германии фельдмаршалом Кейтелем указаниях по дезинформации советского военного командования было сказано:

«Последний [начальник Управления военной разведки и контрразведки] организует также передачу нашим атташе в нейтральных странах и атташе нейтральных стран в Берлине дезинформационных сведений. Эти сведения должны носить отрывочный характер, но отвечать одной общей тенденции» .

А как же быть со знаменитым предупреждением *«Нападение произойдёт на широком фронте на рассвете 22 июня»* , якобы отправленным Зорге 15 июня, про которое не писал только ленивый? Увы, как выяснилось, это вульгарная фальшивка.

В июне 2001 года в редакции «Красной Звезды» состоялся «круглый стол», посвящённый 60-летию начала Великой Отечественной войны, в ходе которого сотрудник пресс-бюро Службы внешней разведки полковник Владимир Карпов сделал следующее признание:

«Благодаря утечке информации распространились слухи, доходили до руководства в виде донесений о том, что Германия нападёт на Советский Союз 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня... Эти дни наступали, а война не начиналась. Ведь и Рихард Зорге называл несколько сроков, которые не подтвердились» .

– Разве так? Ещё в 60-е годы опубликована телеграмма “Рамзая” с предупреждением: война начнётся 22 июня... После этого и говорилось: “Зорге точно назвал дату” .

Карпов : *К сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущёвские времена. Разведка не назвала точной даты, не сказали однозначно, что война начнётся 22 июня» .*

Другой обширный поток разведсведений шёл от руководителей подпольной антифашистской организации «Красная капелла» обер-лейтенанта Харро Шульце-Бойзена («Старшина»), служившего в германском генеральном штабе ВВС, и сотрудника Министерства хозяйства Германии Арвида Харнака («Корсиканец»).

Так, в донесении, отправленном **9 марта 1941 года** , сообщалось:

«Решён вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года с расчётом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении ещё зелёный хлеб и немцы воспользуются этим урожаем. Цехлину (журналист, профессор Высшей политической школы в Берлине. – И.П.) от двух германских генерал-фельдмаршалов известно, что выступление намечено на 1 мая» .

24 марта: *«В генеральном штабе авиации среди офицеров существует мнение, что военное выступление Германии против СССР приурочено на конец апреля или начало мая. “Старшина” при этом считает, что имеется лишь 50 % шансов за то, что это выступление произойдёт, всё это вообще может оказаться блефом» .*

2 апреля: *«Референт Розенберга по СССР Лейббрандт заявил Цехлину, что вопрос о вооружённом выступлении против СССР решён... Антисоветская кампания начнётся 15 апреля» .*

24 апреля: *«Акция против СССР, кажется, отодвинута на задний план» .*

30 апреля: *«Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решён окончательно и начало его следует ожидать со дня на день» .*

9 мая: *«Вопрос о нападении на Советский Союз является решённым, выступление намечено на ближайшее время... В разговорах среди офицеров штаба часто называется дата 20 мая как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь» .*

14 мая: *«Планы в отношении Советского Союза откладываются... Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны» .*

11 июня: *«Вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решён» .*

16 июня: *«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооружённого выступления*

против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Таким образом, хронология «предупреждений», сделанных «Старшиной» и «Корсиканцем», выглядит следующим образом:

В мартовских донесениях указывается приблизительный срок нападения около 1 мая, в то время как согласно плану «Барбаросса» подготовка к нему должна была завершиться лишь к 15 мая. При этом делается оговорка, что «всё это вообще может оказаться блефом».

В донесении от 2 апреля сказано, что война начнётся 15 апреля. Это явная дезинформация.

Как мы помним, 30 апреля Гитлер назначил новую дату нападения на СССР – 22 июня. Тем не менее в отправленном в этот день донесении «Старшина» и «Корсиканец» сообщают, что выступления Германии против Советского Союза «следует ожидать со дня на день» (срок «15 апреля» уже прошёл).

Между тем дни проходят, а войны всё нет и нет. В результате в донесении от 9 мая называется очередной срок её начала: 20 мая или июнь.

Наконец, 16 июня сообщается, что все приготовления закончены и теперь «удар можно ожидать в любое время». Сегодня мы знаем, что данная информация соответствовала действительности, однако тогда, в 1941-м, это было вовсе не очевидно. Ведь 30 апреля «Старшина» с «Корсиканцем» уже пообещали начало войны «со дня на день», а она всё ещё не началась. А если учесть, что в донесениях от 24 апреля и 14 мая утверждалось, будто планы войны против СССР откладываются, картина получалась ещё более неоднозначной.

Важный момент, на который следует обратить внимание: в ряде донесений «Старшины» и «Корсиканца» проходит мысль, будто германскому нападению будет предшествовать предъявление ультиматума, а ему, в свою очередь, – «война нервов».

14 апреля: *«Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением о присоединении к Пакту трёх».*

5 мая: *«От СССР будет потребовано Германией выступление против Англии на стороне держав “Оси”. В качестве гарантии, что СССР будет бороться на стороне “Оси” до решительного конца, Германия потребует от СССР оккупации немецкой армией Украины и, возможно, также Прибалтики».*

9 мая: *«Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды... Предъявлению ультиматума будет предшествовать “война нервов” в целях деморализации Советского Союза».*

9 июня: *«Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине и об использовании советского Военного флота против Англии».*

Подобные слухи были призваны ввести в заблуждение советское руководство, с тем, чтобы обеспечить внезапность нападения. Пусть русские ждут ультиматум и надеются потянуть время на переговорах, а мы вместо этого неожиданно нанесём удар, даже не объявляя войны. К сожалению, эта дезинформация во многом достигла цели. Тем не менее в современных публикациях господствует не критический взгляд на деятельность «Старшины» и «Корсиканца». Считается, что они сообщали важные и достоверные сведения о военных приготовлениях Германии, которыми пренебрегли исключительно из-за сталинской подозрительности. Одновременно те же самые авторы наперебой осуждают Сталина за требование «не поддаваться на провокации», хотя оно выглядит вполне логичным, если верить, что первым шагом немцев должна стать «война нервов», как это было сказано в донесении от 9 мая.

Кстати, если судить о содержании санкционированной Сталиным директивы наркома обороны Тимошенко и начальника Генерального штаба Жукова от 21 июня 1941 года «О приведении в боевую готовность войск в связи с возможным нападением фашистской Германии на СССР» по опусам специализирующихся на разоблачении сталинизма щелкопёров, может сложиться впечатление, что этот документ был целиком выдержан в духе толстовского непротивления злу насилием. Между тем в нём сказано следующее:

«1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий».

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

Ложные сведения о дате начала войны сообщали и другие источники. Например, военный атташе СССР в Венгрии полковник Н. Г. Ляхтеров («Марс»).

1 марта 1941 года: *«Выступление немцев против СССР в данный момент считают все немыслимым до разгрома Англии. Военные атташе Америки, Турции и Югославии подчёркивают, что германская армия в Румынии предназначена в первую очередь против английского вторжения на Балканы и как контрмера, если выступит Турция или СССР. После разгрома Англии немцы выступят против СССР»* .

23 мая: *«Словацкий посол и военный атташе считают войну между Германией и СССР неизбежной. Нападение должно быть проведено исключительно мотомеханизированными и моторизованными частями в ближайшее время. Американский военный атташе в Румынии сказал словаку, что немцы выступят против СССР не позднее 15 июня»* .

В последнем донесении помимо неверной даты содержится совершенно фантастическое утверждение, будто в бой пойдут *«исключительно мотомеханизированные и моторизованные части»* , в то время как остальным немецким дивизиям, надо полагать, уготована роль зрителей (из 152 дивизий германских Сухопутных войск, выделенных для войны против СССР, лишь 19 были танковыми и 14 моторизованными).

Кстати, помните разрекламированную Хрущёвым и Анфиловым «важную информацию», полученную от советско-подданного Бозера 5 мая 1941 года? Она было далеко не единственной. 10 мая Бозер сообщил новую дату нападения – 25 мая 1941 года. Затем он перенёс начало войны на 2 июня. Последнее сообщение от Бозера было получено **13 июня 1941 года:**

«Немцы в период с 21–24.06.1941 г. наметили внезапный удар против СССР. Удар будет направлен по аэродромам, железнодорожным узлам и промышленным центрам, а также по району Баку» .

При этом источник, передавший информацию Бозера, сопровождал её ценной рекомендацией для советского руководства *«самим уничтожить бакинские нефтяные прииски, так как в противном случае они достанутся немцам в нетронутом виде»* .

Впрочем, надо отдать должное М. А. Воронцову. Отправляя сообщения Бозера в Москву, он всякий раз подчёркивал, что считает их недостоверными.

На фоне этого потока «ценных сведений» неожиданно точными выглядят донесения 3-го секретаря полпредства СССР в Румынии Г. М. Ерёмина, подписывавшегося псевдонимом «Ещенко».

20 апреля 1941 года: *«Как предполагают, сроком для начала наступления на СССР называют время от 15 мая до начала июня 1941 года»* .

5 мая: *«Один штабной офицер расположенного в Румынии восьмого немецкого авиационного корпуса, который несколько дней назад приехал из Берлина, заявил, что раньше для начала немецких военных акций против СССР предусматривалась дата 15 мая, но в связи с Югославией срок перенесён на середину июня. Этот офицер твёрдо убеждён в предстоящем конфликте»* .

28 мая: *«Военная акция Германии против СССР продолжает планомерно подготавливаться и как прежде является в высшей степени актуальной. Военные приготовления идут, как часовой механизм, и делают вероятным начало войны ещё в июне этого года. Является ли этот огромный механизм, который работает против СССР, только манёвром или прелюдией к уже решённой войне, никто не знает, кроме Гитлера и его ближайшего окружения. Ведущие военные немецкие круги тем временем придерживаются мнения, что нужно, безусловно, считаться с немецко-русской войной в этом году. Если эта война не наступит, то это должно быть чудом или Гитлер должен играть какую-то совершенно утончённую игру»* .

Все три процитированных донесения содержат точные сведения, однако они теряются в общем потоке дезинформации.

Итак, перечислим несбывшиеся предупреждения о дате начала войны:

15 апреля («Старшина» и «Корсиканец»);

конец апреля (они же);

1 мая (они же);

начало мая (они же);

14 мая (Бозер через Воронцова);

20 мая («Старшина» и «Корсиканец»);

25 мая (Бозер через Воронцова);

конец мая (Зорге);

2 июня (Бозер через Воронцова);

15 июня (Зорге, Ляхтеров, Хлопов).

И это только в проанализированных нами донесениях. А ведь были и другие.

Теперь представим, как это выглядело с точки зрения Сталина: проходит один предсказанный

срок, затем второй, третий, а войны всё нет и нет. Какой должна быть его реакция? Скорее всего, нецензурной:

«Т-цу Меркулову. Можете послать ваш “источник” из штаба герм. авиации к ёб. ной матери. Это не “источник”, а дезинформатор» .

Разумеется, сознательным дезинформатором «Старшина» не был, что и доказал своей смертью – 22 декабря 1942 года его вместе с «Корсиканцем» казнили по приговору имперского военного суда Германии. Он добросовестно передавал в Москву сведения и оценки, услышанные от сослуживцев. Однако если отбросить оскорбительную форму резолюции, которую наш агент явно не заслужил, то приходится признать, что по сути дела Сталин был прав.

У страха глаза велики

Сочиняющие панегирики «героям невидимого фронта», как правило, избегают сопоставлять их донесения с реальностью. И не зря. Как мы только что убедились, со сроками нападения наши разведчики оказались не на высоте. А как насчёт оценки немецких сил?

С окончанием войны многие сведения, бывшие ранее строжайшей тайной, стали общедоступными. Сегодня мы знаем точный состав и численность как всех германских Вооружённых сил, так и их группировки, сосредоточивавшейся возле советской границы.

К началу наступления на Западе в мае 1940 года германские Сухопутные силы насчитывали 156 дивизий (в том числе 127 пехотных, 3 горнострелковые, 1 кавалерийскую, 10 танковых, 6 моторизованных и 9 охранных) плюс 1 моторизованная бригада и 2 моторизованных полка. Разгромив войска западных демократий, поставив Францию на колени и ожидая, что Англия согласится заключить мир, 15 июня Гитлер принял решение сократить армию до 120 дивизий, одновременно увеличив количество танковых дивизий до 20 и моторизованных до 10. При этом 35 дивизий подлежали расформированию. Однако месяц спустя главнокомандующий Сухопутными силами генерал-фельдмаршал фон Браухич убедил фюрера воздержаться от столь масштабных сокращений. В результате в июле-августе 1940 года 17 дивизий были расформированы, а личный состав ещё 18 был отправлен в долгосрочный отпуск.

Между тем в датированной августом 1940 года записке наркома обороны СССР С. К. Тимошенко и начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова «Об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы» утверждается, будто *«Германия в настоящее время имеет развёрнутыми до 200 пехотных дивизий; 15 танковых дивизий; 5–7 лёгких дивизий; 10 моторизованных дивизий; 8 горных дивизий; 2–3 авиадесантные дивизии. Всего до 240–243 дивизий»* . Как видим, немецкие силы преувеличены почти вдвое.

Тем временем английское руководство отвергает мирные предложения Гитлера. В связи с этим ему приходит в голову идея похода на Восток, чтобы лишить Англию надежд на русскую помощь. 31 июля 1940 года на совещании руководящего состава германских Вооружённых сил в Бергхофе, назначив начало высадки на Британские острова на 15 сентября, Гитлер одновременно изложил собравшимся военачальникам Третьего рейха альтернативный вариант действий:

«Допущение: Мы не будем нападать на Англию, а разобьём те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение её позиции... Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду ... Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года» .

Для осуществления подобной операции численность германских Сухопутных сил следовало, по мнению фюрера, довести до 180 дивизий, с тем чтобы использовать 120 из них в войне против Советского Союза. Впрочем, пока это были лишь предварительные намётки. Письменная директива Гитлера о соответствующем увеличении армии была передана ОКВ лишь 10 сентября 1940 года.

Процесс формирования новых дивизий начался в октябре 1940 года. На 7 октября в германских Вооружённых силах имелось 155 дивизий (в том числе 129 пехотных, 6 горнострелковых, 1 кавалерийская, 13 танковых, 6 моторизованных) плюс 2 моторизованных полка. При этом личный состав 18 пехотных дивизий пребывал в долгосрочном отпуске, 15 дивизий (12 пехотных, 2 танковые, 1 моторизованная) находились на переформировании, 14 дивизий (10 пехотных, 2 горнострелковые, 2 танковые) ещё только формировались, а одна из пехотных дивизий была учебной. Таким образом, Германия на тот момент реально располагала 107 боеготовыми дивизиями.

На 21 декабря того же года количество дивизий в немецкой армии возросло до 184 (в том числе 145 пехотных, включая 1 учебную, 6 горнострелковых, 1 кавалерийская, 20 танковых, 12 моторизованных), при этом 26 пехотных дивизий находились в стадии формирования, а 18 дивизий,

личный состав которых был в своё время уволен в долгосрочный отпуск, воссоздавались на новой основе.

Итак, к концу 1940 года приказ Гитлера о доведении численности германских Вооружённых сил до 180 дивизий был выполнен. Однако немцы не успокоились на достигнутом. В январе 1941 года начинается формирование 6 пехотных, 4 лёгких и 1 моторизованной дивизий, в апреле – ещё 15 пехотных дивизий. Параллельно проводились некоторые переформирования. В результате к 22 июня 1941 года германские Сухопутные силы насчитывали 208 дивизий (в том числе 153 пехотных, 4 лёгких, 6 горнострелковых, 1 кавалерийская, 21 танковая, 14 моторизованных, 9 охранных) плюс 1 пехотный полк, 2 усиленных моторизованных полка и 1 моторизованная бригада.

Формирование новых немецких соединений не стало секретом для советской разведки. Однако допущенная ранее серьёзная ошибка с определением количества дивизий в вермахте не позволяла объективно оценить военную мощь вероятного противника. Подсчёт вражеских сил шёл «от достигнутого»: новые немецкие дивизии приплюсовывались к старым, в том числе и «виртуальным», существующим лишь в советских разведсводках.

Так, согласно спецсообщению Разведуправления Генштаба Красной Армии № 660279сс от 11 марта 1941 года:

«Общая численность германской армии к сентябрю мес. 1940 г. составляла около 228 дивизий, в том числе 15–17 танковых и 8-10 моторизованных.»

По имеющимся данным, за истекший зимний период германское командование дополнительно сформировало 25 пехотных, 5 танковых, 5 моторизованных дивизий. Кроме того, за счёт пехотных дивизий сформировано, по-видимому, до 5 моторизованных дивизий. Таким образом, общее количество дивизий германской армии на 1 марта 1941 г. составляет около 263 дивизий, из них: 221 пехотная, 22 танковых и 20 моторизованных дивизий» .

Полтора месяца спустя в аналогичном спецсообщении № 660448сс от 26 апреля утверждалось:
«Таким образом, общая численность германской армии на 25.04.41 г. составляет 286–296 дивизий, из них:

пехотных – 199–207

горнострелковых – 15

моторизованных – 20

танковых – 22

мотокавалерийских – 4 и 19 кав. полков

парашютно-десантных – 8-10

дивизий СС – 18 (из них до 10 моторизованных).»

По имеющимся данным, с 1 апреля немецкое командование приступило к формированию до 40 дивизий, что требует дополнительной проверки» .

В записке наркома обороны СССР С. К. Тимошенко и начальника Генштаба Красной Армии Г. К. Жукова председателю СНК СССР И. В. Сталину от 15 мая 1941 года с соображениями по плану стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками была дана следующая оценка:

«В настоящее время Германия, по данным Разведывательного управления Красной Армии, имеет развёрнутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийские дивизии, а всего около 284 дивизий» .

Интересно отметить преувеличенную оценку немецких Воздушно-десантных сил. Это результат целенаправленной дезинформации, призванной создать впечатление, будто немцы собираются воевать против Англии на различных театрах военных действий. В действительности в это время у Германии имелась лишь 7-я парашютная дивизия в составе ВВС, а 22-я пехотная дивизия считалась авиадесантной, являясь, по сути, обычным пехотным соединением, натренированным и экипированным для переброски по воздуху и предназначенным для быстрого усиления первой волны десанта в случае захвата площадок, пригодных для посадки.

Завышалось не только число дивизий, но и количество имевшейся у немцев боевой техники. Так, в датированной 18 сентября 1940 года записке наркома обороны СССР С. К. Тимошенко и начальника Генштаба РККА К. А. Мерецкова «Об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы» говорилось о наличии у Германии 10 тысяч танков. Эта же оценка была повторена в плане стратегического развёртывания от 11 марта 1941 года, подписанном наркомом Тимошенко и сменившим Мерецкова на посту начальника Генштаба Жуковым. На самом деле на 1 сентября 1940 года Германия располагала 3,5 тысячи танков и штурмовых орудий, к 1 марта 1941 года их число составило чуть меньше 5 тысяч, а к 1 июня 1941 года

– свыше 5,6 тысячи.

Что касается немецких самолётов, то их количество в записке от 18 сентября 1940 года определялось в 14 200-15 000, из них 4500–5000 бомбардировщиков, 3500–4000 истребителей, 400–600 разведчиков, 3000 транспортных и 2800–3300 учебно-тренировочных. Примерно такие же цифры – до 15 000 самолётов, из них 9000–9500 боевых – назывались и в документе от 11 марта 1941 года. Вместе с тем в датированном тем же числом спецсообщении Разведуправления Генштаба Красной Армии № 660279сс утверждалось, будто на 1 марта 1941 года Германия имела 20 700 самолётов, из них 10 980 боевых (в том числе 4090 бомбардировщиков, 1850 пикирующих бомбардировщиков, 1220 разведчиков и 3820 истребителей). В действительности же германские ВВС на 22 февраля 1941 года насчитывали 5259 самолётов, а к июню того же года – 6852 (в том числе 2642 бомбардировщика, 823 разведчика и 2249 истребителей).

Имея на руках преувеличенные сведения о германском военном потенциале, руководство Красной Армии полагало, что в грядущей войне против СССР будут брошены существенно большие силы противника, чем это случилось в действительности. Так, в уже цитированной записке от августа 1940 года утверждалось, что против Советского Союза могут быть развёрнуты 173 немецкие дивизии, 10 тысяч танков и 12 тысяч самолётов, а с учётом сил Финляндии, Румынии и Венгрии – 233 дивизии, 10 550 танков и 13 900 самолётов. В аналогичной записке от 18 сентября 1940 года были приведены в основном те же цифры, за исключением итогового числа самолётов, увеличенного до 15 100. В плане стратегического развёртывания от 11 марта 1941 года предполагалось, что против нас будет брошено до 200 немецких дивизий (165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных), а с учётом вклада Финляндии, Румынии и Венгрии – 268 дивизий, 10 810 танков и 11 600 самолётов.

В упомянутой выше записке Тимошенко и Жукова от 15 мая 1941 года количество вражеских дивизий было несколько снижено: *«Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий... Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия – до 20 пехотных дивизий, Венгрия – 15 пд, Румыния – до 25 пд. Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий»*.

Реальность, к счастью, оказалась менее впечатляющей. 22 июня 1941 года против СССР были брошены 152 немецкие дивизии (118 пехотных, 1 кавалерийская, 19 танковых, 14 моторизованных), 1 бригада и 2 усиленных моторизованных полка. Что касается союзников Германии, то Финляндия выставила 16 дивизий и 3 бригады, Венгрия – 4 бригады, Румыния – 13 дивизий и 9 бригад. Чуть позже к ним присоединились контингенты из Италии (3 дивизии) и Словакии (2 дивизии и 1 бригада). Таким образом, учитывая, что 2 бригады примерно равны 1 дивизии, нетрудно подсчитать, что всего в Крестовый поход против большевизма отправилось около 195 дивизий.

Наконец, завышалась и численность немецкой группировки возле наших границ. Так, в справке 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР от 6 ноября 1940 года утверждалось:

«На 1 октября в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши сосредоточены 70 пехотных дивизий, 5 моторизованных дивизий, 7–8 танковых дивизий и 19 кавалерийских полков... Таким образом, против СССР сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, то есть более одной трети Сухопутных сил германской армии».

На самом деле в указанном регионе имелось в это время всего лишь 30 немецких дивизий (25 пехотных, 1 кавалерийская, 3 танковые, 1 моторизованная).

Здесь следует иметь в виду, что первоначально немецкие войска были размещены у границ СССР только в Польше и Восточной Пруссии. 10 октября 1940 года началась переброска германских дивизий в Румынию. 21 сентября 1940 года первые транспорты с немецкими войсками и оружием прибыли в финский порт Вааса на побережье Ботнического залива. В основном они направлялись транзитом в Норвегию, однако некоторое количество осталось в стране.

Приведём в хронологическом порядке оценки сосредоточенных у наших рубежей немецких сил, содержащиеся в сводках советской военной разведки, а также документах Генштаба Красной Армии.

Согласно спецсообщению Разведуправления Генштаба Красной Армии № 660279сс от 11 марта 1941 года, на 1 марта на Востоке находилась 61 немецкая дивизия, в том числе 52 пехотных, 5 моторизованных и 4 танковые.

В датированном тем же числом плане стратегического развёртывания говорилось о 76 немецких дивизиях (из них до 6 танковых и 7 моторизованных), сосредоточенных у советских границ, а также 35 дивизиях, находившихся в Румынии и Болгарии.

В спецсообщении Разведуправления № 660370 от 4 апреля утверждалось, будто немецкие силы в

приграничной с СССР полосе достигают 83–84 дивизий, в том числе 61 пехотная, 6 моторизованных и 6–7 танковых на протяжении границы от Восточной Пруссии до Словакии и 9 пехотных и 1 моторизованная в Румынии.

Согласно спецсообщению Разведуправления № 660448сс от 26 апреля, к 25 апреля на границе Советского Союза с Германией и Румынией были сосредоточены 95-100 немецких дивизий (без кавалерийских частей). Кроме того, одна немецкая дивизия находилась в Финляндии.

В спецсообщении Разведуправления № 660477сс от 5 мая было сказано, что общее количество германских войск, сконцентрированных против СССР, якобы составляет 103–107 дивизий (не считая частей, находящихся в Финляндии), при этом количество танковых дивизий по сравнению с 25 апреля увеличилось с 9 до 12, моторизованных (включая мотокавдивизию) – с 7 до 8, горных – с 2 до 5 дивизий.

Согласно спецсообщению Разведуправления № 660506сс от 15 мая 1941 года общее количество немецких войск у наших границ достигло 114–119 дивизий, из них 82–87 пехотных, 6 горных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийская.

В датированных тем же числом сообщениях по плану стратегического развёртывания Вооружённых сил СССР утверждалось, будто у границ Советского Союза находится до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия, а всего до 112 германских дивизий.

Наконец, согласно спецсообщению Разведуправления № 660569 от 31 мая 1941 года, на 1 июня 1941 года против СССР были сосредоточены 120–122 немецкие дивизии.

Сколько же на самом деле было войск противника у наших границ? Гораздо меньше, о чём свидетельствует приведённая ниже таблица.

Количество немецких дивизий у границ СССР

	на начало месяца				в течение месяца	
	всего	в т.ч. пехотных*	танковых	моторизованных	прибыло	убыло
октябрь 1940	30	25	3	1+1**	1	
ноябрь 1940	31	25	4	1+1	1	
декабрь 1940	32	25	4	2+1	1	2
январь 1941	31	25	5	0+1	4	
февраль 1941	35	27	6	1+1	3	
март 1941	38	28	8	1+1	10	10
апрель 1941	38	31	4	2+1	15	1
май 1941	52	46	3	2+1	29	
июнь 1941	81	60	12	8+1	48***	
22 июня 1941	129****	98	17	13+1		

* включая охранные, лёгкие и горнострелковые

** кавалерийская дивизия

*** до 22 июня

**** ещё 23 дивизии (в том числе 2 танковые и 1 моторизованная) из состава сил, предназначенных для войны против Советского Союза, находились в резерве ОКХ и к 22 июня оставались в тылу.

«Поощряйте всякую фантазию...»

Как мы убедились, представления командования Красной Армии и руководства советской военной разведки о количестве немецких дивизий, сосредоточенных возле границ СССР, были весьма далеки от действительности. Ещё сильнее отличались от реальности сообщения источников, на основании которых делались эти умозаключения.

Например, вот что докладывал 28 декабря 1940 года Рихард Зорге:

«Каждый новый человек, прибывающий из Германии в Японию, рассказывает, что немцы имеют около 80 дивизий на восточной границе, включая Румынию, с целью воздействия на политику СССР... Новый ВАТ в Токио заявил мне, что цифра 80 дивизий несколько, видимо, преувеличена».

Действительно, несколько преувеличена, самую малость – в два с половиной раза. Нетрудно догадаться, что единодушно называемая цифра 80 дивизий является результатом усилий германской

контрразведки. Немецкие «компетентные органы» уделяли самое пристальное внимание дезинформации противника. Так, в секретной инструкции для германских военных атташе от 12 февраля 1941 года было сказано:

«О силе германских войск желательно сохранять неясность. В случае необходимости дать ответ относительно количественного состава войск поощряйте всякую фантазию».

Она и поощрялась. 21 февраля 1941 года резидент советской военной разведки в Швейцарии Шандор Радо («Дора») докладывал из Цюриха: *«По сообщению начальника разведслужбы швейцарского Генштаба Германия имеет сейчас на Востоке 150 дивизий»*. На донесении есть помета начальника Разведуправления генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова: *«Это, вероятно... деза. Надо указать “Доре”»*. Вывод совершенно верный. 19 мая 1941 года Рихард Зорге сообщает из Японии: *«Германия имеет против СССР 9 армейских корпусов, состоящих из 150 дивизий»*. Наконец, 3 июня московский корреспондент японской газеты «Токио Ничи-Ничи» Маэсиба в беседе с агентом НКГБ рассказал, что *«на западных границах Советского Союза немцы сосредоточили около 150 дивизий численностью по 10 000 человек, то есть 1 500 000 человек»*.

Интересно, не правда ли? Три источника на протяжении трёх с половиной месяцев называют одну и ту же цифру – 150 немецких дивизий у наших границ. При том, что реальное их количество за это время выросло с 38 до 81. Кстати, Маэсиба сильно занижил численность немецкой дивизии. Согласно штатам 1941 года пехотная дивизия вермахта насчитывала 16 859 человек.

Отдельно следует упомянуть о кочующей из публикации в публикацию истории, рассказанной в мемуарах подполковника В. А. Новобранца, служившего накануне Великой Отечественной войны в информационном отделе Разведуправления Генштаба Красной Армии.

Как утверждает Новобранец, по долгу службы он, в частности, занимался составлением сводных документов о военном потенциале стран – вероятных противников СССР:

«И я засел за разработку таких обобщённых документов по каждой стране. Они получили название „Мобилизационные записки“. Мы практически точно определяли масштабы развёртывания... По Германии масштабы развёртывания на случай blitzkrieg определялись в 220 дивизий, из них 20 танковых. Война подтвердила нашу разработку – Германия выставила против нас 214 дивизий, из них 21 танковую».

Ну, насчёт того, что «война подтвердила», всё ясно – перед нами очередной образец беззастенчивого вранья. Как уже сказано выше, 22 июня 1941 года немцы выставили против СССР 153 дивизии, из них 19 танковых. Теперь понятно, почему командование Красной Армии полагало, будто Германия использует для нападения гораздо большие силы, чем это случилось в действительности. Вместо добросовестного анализа «эксперты» вроде подполковника Новобранца подсовывали ему всяческую ахинею.

Но самое интересное начинается дальше:

«После этого между мною, вернее, между информотделом и генералом Голиковым установились весьма странные отношения. На каждом докладе генерал “срезал” у меня по нескольку дивизий, снимая их с учёта, как пешки с шахматной доски. Никакие возражения на него не действовали. Мне было неприятно ходить к нему на доклад, и я посылал вместо себя начальника немецкого отделения полковника Гусева. Они старые сослуживцы, и я полагал, что Гусеву удастся убедить Голикова в реальности немецких дивизий, в реальности непрерывно нарастающей угрозы. Расхождений в оценке положения у меня с Гусевым не было.

Однако и Гусеву не повезло. У него Голиков “срезал” ещё больше дивизий, чем у меня. Я не выдержал, пошёл к Голикову и заявил:

– Товарищ генерал, я не согласен с вашей практикой “срезать” количество дивизий, которые мы указываем. Уже подошло время очередной сводки по Германии, а я не могу её выпустить с искажёнными данными.

Голиков молча извлёк из сейфа лист александрийской бумаги, развернул на столе и сказал:

– Вот действительное положение на наших границах. Здесь показано гораздо меньше дивизий, чем у вас.

Я посмотрел на схему. На ней синим карандашом были показаны немецкие дивизии вдоль наших границ.

– Что это за документ? Откуда?

– Его дал нам югославский атташе полковник Путник. Эти же данные подтвердил и наш агент из немецкого посольства в Москве. Этим данным верит “хозяин”, – пояснил Голиков. И уже тоном приказа сказал: – Так что не будем спорить, выпускайте сводку по этим данным...

Работники Разведупра борьбу против дезинформации сосредоточили прежде всего вокруг

количества вражеских дивизий, развёрнутых на наших границах. Мы показывали их истинное количество, а немецкая разведка всячески пыталась скрыть его или уменьшить: кроме того, нас уверяли, что Германия будет наносить удар по Англии. В этой борьбе немецкая разведка нас победила. Советское правительство и военное руководство верили вражеской дезинформации, а не собственной разведке. Не верил ей даже сам начальник Разведупра и систематически, с каждой неделей всё больше и больше “срезал” количество немецких дивизий, подгоняя наши разведданные под сообщение Путника.

В воспоминаниях маршала Жукова сказано, что на 4 апреля 1941 года по данным Генштаба против СССР находились 72–73 дивизии. Вот это и есть данные Путника.

Советская военная разведка ещё в декабре 1940 года докладывала в разведсводке № 8, что против СССР сосредоточены 110 дивизий, из них 11 танковых. Как же получилось, что по состоянию на апрель 1941 года их было 73? На 38 дивизий меньше?!!

Это уже работа начальника Разведуправления генерала Голикова. Он просто “снял” 38 дивизий с учёта и подсунул Генштабу “дезу” Путника...

Однажды полковник Гусев после очередного доклада Голикову ворвался ко мне в кабинет красный от ярости. Размахивая бумагами и картой, матерно ругаясь, закричал:

– Опять срезал!

– Сколько?

– Пятнадцать дивизий!

Я понял, что дальше медлить и терпеть нельзя. Необходимо принять какое-то твёрдое решение. А какое? В угоду начальству дать сведения Путника? Это будет предательством Родины! А дать достоверные сведения – значит пойти на острый конфликт с начальством и официальным курсом, то есть в конечном счёте пойти против мнения Сталина, значит пойти на риск исчезнуть при неизвестных обстоятельствах, как исчез генерал Проскуров. Прямо как в сказке: “Пойдёшь направо – медведь задерёт, пойдёшь налево – волки съедят”. Было о чем подумать. Нет-нет да мелькала трусливая мыслишка: “Не лучше ли поступить, как начальство приказывает?!” Была также надежда, что Сталин ничего не знает об истинном положении, что его обманывают. И я наметил свой, обходной путь.

Приказал полковнику Гусеву заготовить материал для сводки по нашим данным. Гусев с радостью взялся за работу. Через день я составил сводку. Это была сводка № 8 за декабрь 1940 года. Несомненно, она хранится в архиве. Историки смогут её прочитать. Повторяю: разведывательная сводка № 8: официальный документ, изданный Разведупром.

Общее резюме в сводке было такое (цитирую по памяти):

“За последнее время отмечаются массовые переброски немецких войск к нашим границам. Эти переброски тщательно скрываются. По состоянию на декабрь 1940 года на наших границах сосредоточено около ста десяти дивизий, из них одиннадцать танковых...”

На схеме мы показали все немецкие войска – до дивизии и отдельной части включительно. В выводах я писал: это огромное количество войск сосредоточено не для улучшения условий расквартирования, как об этом заявил Гитлер, а для войны против СССР. Поэтому наши войска должны быть бдительны и готовы к отражению военного нападения Германии.

Подпись была такой: Врио начальника Информационного отдела Разведывательного управления Генштаба подполковник Новобронец» .

Далее автор мемуаров рассказывает, как, героически рискуя жизнью и карьерой, самовольно разослал сводку в войска:

«Я решил отправить сводку без ведома начальника Разведупра. Случай беспрецедентный, но иного выхода не было. Вызвал начальника типографии полковника Серебрякова, вручил ему сводку и приказал срочно отпечатать, а сигнальный экземпляр доставить мне для доклада генералу Голикову. Серебряков просмотрел материал, понял всю его серьёзность и, организовав круглосуточную работу в типографии, через два дня доложил, что сводка готова.

– Передай, – говорю ему, – в экспедицию для рассылки.

– А как же сигнальный экземпляр? Будем докладывать Голикову перед рассылкой? – спрашивает он.

– Да, конечно. Принеси сигнал мне, я сам доложу, а тираж передавай в экспедицию.

Серебряков принёс сигнал и сообщил, что весь тираж сдан в экспедицию. Я положил сигнальный экземпляр в сейф, позвонил начальнику экспедиции и попросил возможно быстрее направить сводку в войска. Для Москвы рекомендовал отправить в последнюю очередь: здесь, говорю, всегда успеют её получить.

Через три-четыре дня из округов поступили сообщения, что сводка получена» .

Что можно сказать по поводу этой истории? В первую очередь, возникают серьёзные сомнения в её достоверности. Не факт, что подполковник Новобранец когда-либо занимал должность врио начальника информационного отдела Разведупра. Не факт, что он являлся автором пресловутой сводки № 8. Наконец, неизвестно, что в этой сводке написано на самом деле – документ до сих пор не опубликован. Но предположим, что всё было именно так, как рассказывает Новобранец. В этом случае остаётся только посочувствовать его начальнику генералу Голикову.

В армии вообще и в разведке в частности существует такая вещь, как воинская дисциплина. Бывают ситуации, когда её нарушение можно оправдать. Например, ради того, чтобы открыть глаза руководству страны на истинное положение дел, донести до него правдивые сведения. Однако в данном случае это не так. По мнению Новобранца, в декабре 1940 года у наших границ находились 110 немецких дивизий, из них 11 танковых. Согласно официальной версии Разведупра, их там было свыше 70. На самом деле их было 32 (в том числе 4 танковые). Таким образом, и Голиков, и Новобранец ошибались. Но Голиков ошибался в меньшей степени, а Новобранец с ослиным упрямством отстаивал неверную позицию.

Вообще, история со сводкой Новобранца служит своеобразной лакмусовой бумажкой, тестом на добросовестность исследователя. Кое-кто его выдерживает. Например, Юрий Бокарев в статье «Директива № 21» указывает:

«Александр Некрич ссылается на рукопись полковника В. А. Новобранца, начальника информационного отдела ГРУ, между которым и главой ГРУ Ф. И. Голиковым произошёл в это время конфликт. Голиков якобы в декабрьской сводке произвольно занижил численность войск, сосредоточенных против СССР. “Тогда Новобранец сам составил сводку, указав реальную группировку немецких войск против СССР (около 110 дивизий), подписал её и разослал в войска”. Но ведь это же очевидный бред! Дислокации немецких войск на ноябрь-декабрь 1940 г. прекрасно известны из опубликованных источников» .

А вот что пишет Михаил Мельтюхов в своей книге «Упущенный шанс Сталина»:

«Но сначала следует сказать о воспоминаниях В. А. Новобранца о его работе в Разведуправлении в 1940–1941 гг., которые довольно широко используются в новейшей отечественной историографии для подтверждения тезиса о честных разведчиках и руководителях-конъюнктуристах. Особенно часто встречаются ссылки на утверждения мемуариста, что разведсводка по Западу № 8 от декабря 1940 г. содержала сведения о 110 германских дивизиях (из них 11 танковых), развёрнутых у наших границ. При этом никто не обратил внимания на то, что ранее автор пишет, что в этой группировке на рубеже 1940–1941 гг. было 70 дивизий. Из текста следует, что в декабре 1940 г. Новобранец не был исполняющим обязанности начальника Информационного отдела и не мог готовить эту сводку по Западу, поскольку являлся заместителем начальника отдела по Востоку и занимался оценкой вероятных противников в Азии... Вероятно, в Разведуправлении были расхождения в оценке численности германской группировки на Востоке, и Новобранец, если он вообще занимал указанную должность, мог придерживаться отличных от мнения руководства взглядов, за что, видимо, и был снят с должности, но не в начале мая, как он уверяет, а в начале апреля 1941 г., что подтверждается документами» .

Однако для большинства авторов подобная проверка на добросовестность оказывается не по силам. Ещё бы! О каком непредвзятом анализе может идти речь, если налицо все классические признаки столь популярного среди наших публицистов-конъюнктуристов жанра «разоблачение сталинских преступлений»: герои-разведчики, точно выявившие численность и состав противостоящей немецкой группировки, раболепствующее начальство в лице генерала Голикова, пытающееся эти данные занижить, и, наконец, честные и принципиальные сотрудники вроде подполковника Новобранца, отстаивающие истину и за это страдающие.

Среди публикаций, воспевающих поступок подполковника Новобранца, следует особо выделить статью некоего Юрия Финкельштейна «Подвиг разведчика» в журнале «Знание – сила». В отличие от других подобных опусов, она снабжена комментарием Бориса Соколова, в котором сообщается:

«Даже если Голиков на самом деле уменьшал число соединений потенциального противника, содержавшееся в донесениях Новобранца, он всё равно не смог сократить их до той величины, которая соответствовала действительному положению вещей» .

Однако обличители сталинизма действуют в полном соответствии с пословицей «Хоть плюй в глаза – всё божья роса». К комментарию Соколова приписан постскрипtum «от редакции»:

«Итак, согласно Б. Соколову, новейшие разыскания в архивах заставляют несколько по-иному взглянуть на картину, описанную Ю. Финкельштейном. Но это не может изменить нашего

восхищения подполковником В. А. Новобранцем. Быть может, он ошибался в цифрах – об этих цифрах и вообще о точности данных различных советских разведывательных органов можно было бы дискутировать, если бы в верхушке сталинской военной машины такая возможность не была бы полностью исключённой. Однако главное вот в чём: В. Новобранец полагал, что гитлеровская Германия накапливает силы на Востоке, чтобы напасть на Советский Союз. То есть шёл вразрез с позицией верхушки советской партийной и военной власти, которая – держась в фарватере Сталина – такую угрозу не принимала во внимание, во всяком случае в официальных документах и оперативных разработках. Насколько В. Новобранец был прав, показало время».

Но, может, и в самом деле в том, что сведения о противнике завышались, не было ничего плохого? То-то и оно, что было.

Начнём с того, что во всех этих разведывательных играх участвуют как минимум две противостоящие стороны. Разведка пытается выявить силы противника, противник – дезинформировать чужую разведку. При этом в зависимости от обстоятельств могут ставиться разные задачи: либо преуменьшить свои силы, либо, наоборот, их преувеличить. Надо чётко понимать: если советская разведка получала завышенные данные о немецком военном потенциале, то происходило это не само по себе, а с деятельной «помощью» германской контрразведки.

Зачем же немцам понадобилось завышать свои силы в глазах вероятного противника?

Во-первых, это хорошее средство давления на русских, чтобы добиться от них уступок по тем или иным спорным вопросам.

Во-вторых, создавался эффект привыкания к тому, что у наших рубежей находятся крупные немецкие силы. Согласно представлениям советской разведки, начиная с осени 1940 года у границ СССР было сосредоточено свыше 70 германских дивизий (на самом деле их было чуть больше 30). Однако время шло, а эти дивизии стояли себе, никого не трогая.

В-третьих, когда в последние месяцы перед нападением началось резкое наращивание немецких сил у наших границ, советское командование не смогло правильно оценить его динамику. Согласно разведанным, на начало апреля 1941 года у границ СССР находились 83–84 немецкие дивизии, на начало мая – 103–107, а на 1 июня – 120–122. То есть количество дивизий возросло, но всего лишь в полтора раза. Между тем, на самом деле к 1 апреля там находились 38 немецких дивизий, к 1 мая – 52, а к 1 июня – 81. Более того, основное увеличение германской группировки произошло после 22 мая, когда вступил в силу уплотнённый график перевозок. Таким образом, хотя наша разведка и установила факт прибытия новых немецких дивизий, это не вызвало у советского руководства той тревоги, какую бы оно испытало, имея на руках истинные цифры.

В-четвёртых, создавалось неверное представление о распределении немецких сил между Востоком и Западом. В самом деле, если разведка приписала вермахту лишние дивизии, то эти «виртуальные» дивизии должны где-то находиться. Очевидно, на Западе. Так, по мнению Разведуправления Генштаба Красной Армии, на 1 июня 1941 года

«Общее распределение Вооружённых сил Германии состоит в следующем:

- против Англии (на всех фронтах) – 122–126 дивизий;*
- против СССР – 120–122 дивизии;*
- резервов – 44–48 дивизий».*

Понятно, что при таком раскладе вовсе не очевидно, против кого будет нанесён немецкий удар.

В-пятых, благодаря этому нельзя было верно оценить, какой процент немецких сил, предназначенных для войны с Советским Союзом, уже сосредоточен у наших границ. Как мы теперь знаем, для нападения на СССР немцам хватило 153 дивизий, причём свыше двух десятков из них на 22 июня 1941 года ещё находились в тылу. Однако дававшиеся разведкой оценки были гораздо выше – от 173 до 200 дивизий. А раз количество наблюдаемых у наших границ немецких соединений существенно меньше этой цифры, то надо полагать, что процесс сосредоточения ещё далёк от завершения.

Наконец, после начала войны неверное представление о вражеских силах дезориентировало советское командование. Например, решение об отводе войск Южного фронта к Днестру было принято исходя из ошибочной предпосылки, будто противостоящая им группировка насчитывает 40 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий.

Итак, как мы выяснили, советская разведка не смогла правильно определить общую численность вермахта, численность немецких войск, предназначенных для войны с Советским Союзом, и, наконец, численность немецких войск у наших границ. При этом все эти показатели не занижались, а, наоборот, завышались. Следует также отметить, что начальник Разведуправления Ф. И. Голиков пытался корректировать данные первоисточников в сторону уменьшения, тем самым приближая их к реальности.

Направление главного удара

Разберёмся теперь со следующим тезисом современных мифотворцев – о том, что советские разведчики сумели точно выявить направления главных ударов немецких войск.

Для начала следует отметить, что документов, раскрывающих стратегические замыслы немецкого командования, нашей разведке добыть не удалось. В цитированной выше записке Тимошенко и Мерецкова от 18 сентября 1940 года об этом сказано прямо и недвусмысленно:

«Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб К.А. не располагает» .

Полгода спустя эта же фраза была дословно воспроизведена в плане стратегического развёртывания от 11 марта 1941 года, подписанном Тимошенко и Жуковым.

Не сумев добыть документы, советская разведка довольствовалась сообщениями источников, пересказывавших разговоры своего окружения. Нетрудно догадаться, что ценность подобных сведений была невелика. Зачастую они содержали «дезу», а то и просто явные глупости. Например, 1 марта 1941 года «Корсиканец» со слов референта по мобилизационным вопросам при Всегерманской хозяйственной палате Зольмса сообщил:

«Построение и расположение германских войск на советской границе аналогично построению немецкой армии, подготовленной в своё время для вторжения в Голландию» .

Фраза, как бы это поделикатнее выразиться, весьма загадочная. Непонятно, какие практические выводы должны были из этого сделать в Генштабе Красной Армии? Нанести на кальку расположение немецких войск накануне вторжения в Голландию, увеличить масштаб в шесть с лишним раз (длина фронта против Голландии – около 300 км, против СССР – около 2000 км) и затем наложить её на советскую границу?

Собираясь нанести главный удар в Белоруссии, германское командование было заинтересовано в ослаблении противостоящей группировки Красной Армии. Для этого распространялись слухи о возможном ударе на Украине или в Прибалтике. Помните разрекламированное Хрущёвым донесение военно-морского атташе в Берлине Воронцова от 6 мая 1941 года, которое мы разбирали выше? Среди тех, кто невольно стал ретранслятором этой дезинформации, оказался и Рихард Зорге. В его донесении от 1 июня 1941 года со слов немецкого военного атташе в Таиланде подполковника Шолля сообщалось: *«Шолль заявил, что наиболее сильный удар будет нанесён левым флангом германской армии»* .

Справедливо подозревая, что имеет дело с «дезой», начальник Разведуправления послал уточняющий запрос: *«Ваше собственное мнение о правдивости Шолля насчёт левого фланга. Голиков. 3.06.41 г.»* .

Ответ пришёл ровно через месяц. 3 июля 1941 года Зорге сообщил: *«Теперь уже поздно Вам отвечать на вопрос в отношении удара левым флангом и некоторых тактических ошибок»* . Действительно, уже поздно – 10 дней как ведутся боевые действия.

Отдельно следует коснуться доклада начальника Разведуправления генерал-лейтенанта Голикова, представленного им 20 марта 1941 года в Наркомат обороны, СНК и ЦК ВКП(б). Как правило, этот документ используется для доказательства «угодничества» Голикова – благодаря сделанным там выводам:

«1. На основании всех приведённых выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почётно для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки» .

Однако если бы те, кто с пылом осуждает «раболепствующего» начальника разведки, дали себе труд задуматься, они бы могли заметить, что второй из выводов Голикова – о том, что весной 1941 года Германия не нападёт, оказался совершенно верным – она действительно не напала. Что же касается первого тезиса, то в этом генерал ошибся. Впрочем, здесь налицо «смягчающие обстоятельства». Во-первых, Голиков не сам это придумал. О том, что война против СССР начнётся после победы над Англией или заключения с ней мира, сообщали наши резиденты в Германии, Японии и Венгрии – Ильзе Штёбе, Зорге, Ляхтеров. Разумеется, им это простительно, они ведь герои, а Голиков – подхалим и угодник. Во-вторых, это мнение отвечало здравому смыслу. О том, что Германия не выдержит войны на два фронта, знали все, включая Гитлера. Тем не менее фюрер решил

рискнуть. Ошибочно полагая СССР «колоссом на глиняных ногах», он рассчитывал покончить с нашей страной в ходе быстротечной кампании.

В отличие от критикующих Голикова публицистов ветеран советской военной разведки генерал-лейтенант М. А. Мильштейн, наоборот, оценивает доклад своего бывшего шефа самым положительным образом. Как считает Михаил Абрамович:

«20 марта 1941 года начальник Разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил руководству доклад, содержащий сведения исключительной важности. В этом документе излагались возможные направления ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана “Барбаросса”, а в одном из вариантов практически отражена была суть этого плана» .

Некоторое время назад в разговоре со своим знакомым, сотрудником валютного отдела крупного российского банка, я поинтересовался, вырастет ли курс евро по отношению к доллару, на что собеседник глубокомысленно изрёк: «Вырастет, если не упадёт». С точки зрения логики ответ безупречен: либо вырастет, либо упадёт. Однако с точки зрения практической пользы ценность подобного «экспертного заключения» равна нулю. Увы, то же самое можно сказать и про доклад Голикова. Дело в том, что в указанном документе добросовестно перечисляются пять (!) возможных вариантов действий немцев, причём направления ударов в каждом из них разные. При этом никаких оговорок, что тот или иной вариант более вероятен, не делается.

Следует отметить, что немецкая разведка также оказалась далеко не на высоте, существенно занизив советский военный потенциал. Как отмечал 11 августа 1941 года в своём дневнике начальник штаба Сухопутных войск Германии Франц Гальдер:

«Во всей обстановке в целом становится всё очевиднее, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, при всей безудержности, присущей тоталитарным государствам, был нами недооценён. Эта констатация относится как к организационным, так и к экономическим силам, а в особенности к чисто военному потенциалу. Начиная войну, мы рассчитывали иметь против себя примерно 200 вражеских дивизий. Но теперь мы насчитываем их уже 360» .

Весьма неприглядно выглядела в начале войны и работа разведслужб западных «союзников». Результаты наступательных операций немцев в Европе и японцев на Тихом океане продемонстрировали это с достаточной очевидностью.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

– Советская разведка не смогла своевременно узнать дату германского нападения. При этом был назван целый ряд сроков, которые не сбылись.

– Разведка не смогла правильно установить общую численность Вооружённых сил Германии, количество дивизий, предназначенное для нападения на СССР, а также численность и состав сосредоточенной у наших границ немецкой группировки. При этом вопреки уверениям нынешних публицистов все эти данные не занижались, а завышались.

– Разведка не смогла выявить направление главного удара.

В основном эти «проколы» надо отнести на счёт мастерски поставленной германской службы дезинформации. И разумеется, не стоит рассматривать как упрёк по отношению к нашим агентам, большинство которых честно выполняло свой долг, порой платя за это жизнью.

Таким образом, не стоит с высоты сегодняшнего дня обвинять Сталина в пренебрежении данными разведки. Поступавшая к нему информация была противоречивой и запутанной, и разобраться, что к чему, было весьма нелегко.

Глава 9. Судьба перебежчика

Многие знают, что в ночь на 22 июня 1941 года на нашу сторону перебежал немецкий солдат, сообщивший о предстоящем нападении германских войск. Начиная с перестроечных времён стало модным утверждать, будто этот перебежчик был немедленно расстрелян как провокатор. Например, вот что сказано на этот счёт в изданной в 1990 году в Нью-Йорке биографии Сталина: *«Германский солдат, бывший коммунист, смело пересёк границу, чтобы сообщить точное время атаки. Сталин приказал немедленно его расстрелять за дезинформацию»* .

Однако так ли это? Давайте попробуем выяснить судьбу этого человека.

Военнослужащий германской армии Альфред Лискоф был задержан 21 июня 1941 года в 21:00 на участке Сокальской комендатуры 90-го пограничного отряда. В 3:10 ночи 22 июня УНКГБ по Львовской области передало по телефону в НКГБ УССР сообщение следующего содержания:

«Перешедший границу в районе Сокаля немецкий ефрейтор показал следующее: фамилия его

Лисков Альфред Германович, 30 лет, рабочий, столяр мебельной фабрики в г. Кольберг (Бавария), где оставил жену, ребёнка, мать и отца.

Ефрейтор служил в 221-м сапёрном полку 15-й дивизии. Полк расположен в селе Целенжа, что в 5 км севернее Сокаля. В армию призван из запаса в 1939 г.

Считает себя коммунистом, является членом Союза красных фронтовиков, говорит, что в Германии очень тяжёлая жизнь для солдат и трудящихся.

Перед вечером его командир роты лейтенант Шульц заявил, что сегодня ночью после артиллерийской подготовки их часть начнёт переход Буга на плотках, лодках и понтонах.

Как сторонник Советской власти, узнав об этом, решил бежать к нам и сообщить» .

Более подробно об этом событии говорится в докладе начальника 90-го пограничного отряда майора М. С. Бычковского:

«21 июня в 21:00 на участке Сокальской комендатуры был задержан солдат, бежавший из германской армии, Лисков Альфред. Так как в комендатуре переводчика не было, я приказал коменданту участка капитану Бершадскому грузовой машиной доставить солдата в г. Владимир в штаб отряда.

В 0:30 22 июня 1941 г. солдат прибыл в г. Владимир-Волынский. Через переводчика примерно в 1 час ночи солдат Лисков показал, что 22 июня на рассвете немцы должны перейти границу. Об этом я немедленно доложил ответственному дежурному штаба войск бригадного комиссару Масловскому. Одновременно сообщил по телефону лично командующему 5-й армией генерал-майору Потапову, который к моему сообщению отнёсся подозрительно, не приняв его во внимание. Я лично твёрдо также не был убеждён в правдивости сообщения солдата Лискова, но всё же вызвал комендантов участков и приказал усилить охрану госграницы, выставить специально слухачей к р. Буг и в случае переправы немцев через реку уничтожить их огнём. Одновременно приказал, если что-нибудь подозрительное будет замечено (движение какое-либо на сопредельной стороне), немедленно докладывать мне лично. Я находился всё время в штабе.

Коменданты участков в 1:00 22 июня доложили мне, что ничего подозрительного на сопредельной стороне не замечено, всё спокойно. Ввиду того, что переводчики в отряде слабые, я вызвал из города учителя немецкого языка, отлично владеющего немецким языком, и Лисков вновь повторил то же самое, то есть что немцы готовятся наступать на СССР на рассвете 22 июня 1941 г. Назвал себя коммунистом и заявил, что прибыл специально предупредить по личной инициативе. Не закончив допроса солдата, услышал в направлении Устилуга (первая комендатура) сильный артиллерийский огонь. Я понял, что это немцы открыли огонь по нашей территории, что и подтвердил тут же допрашиваемый солдат. Немедленно стал вызывать по телефону коменданта, но связь была нарушена» .

Вполне естественно, что советская пропаганда постаралась использовать поступок Лискофа в своих целях. Вот что говорится об этом в мемуарах генерал-майора М. И. Бурцева, возглавлявшего во время Великой Отечественной войны отдел (с августа 1944 года управление) спецпропаганды Главного политического управления Красной Армии:

«Уже 27 июня появилась первая листовка немецкого антифашиста Альфреда Лискофа. Это он, рискуя быть обстрелянным с обоих берегов, переплыл Буг, чтобы предупредить наших пограничников о предстоящем нападении на СССР. Лискоф сделал это сразу же, как только в 222-м полку 75-й дивизии, где он служил, зачитали приказ о наступлении. Мы, конечно, не могли упустить случая поговорить с первым перебежчиком. Вскоре Лискоф был доставлен в Москву. Высокий, “рабочего покроя” немец в чине фельдфебеля располагал к себе, вызывал доверие.

– Я из рабочей семьи, из города Кольберга, – рассказывал он. – Мои родители и я ненавидим Гитлера и его власть. Для нас СССР – дружественная страна, и мы не хотим воевать с советским народом. В Германии таких рабочих семей много. Они не хотят войны с вами.

Его рассказ был опубликован в “Правде”. Он-то и послужил основой листовки, напечатанной с его портретом, которая возвестила немецким солдатам, что и в вермахте есть противники войны и гитлеризма, друзья Советского Союза» .

Об агитационных материалах, в которых использовалось имя Лискофа, вспоминают многие участники войны. Например, ленинградский писатель Дмитрий Щеглов:

«28 июня... В газетах, расклеенных на стендах, люди читают сообщение: “Немецкий солдат Альфред Лискоф, не пожелавший воевать против советского народа, перешёл на нашу сторону.

Альфред Лискоф обратился к немецким солдатам с призывом свергнуть режим Гитлера” .

И на другом листе – высказывания Лискофа и его портрет: “Среди германских солдат царит подавленное настроение”» .

К сожалению, проследить дальнейшую судьбу Альфреда Лискофа мне пока не удалось. Как пишет М. И. Бурцев: «Впоследствии А. Лискоф погиб, оставаясь до последнего дыхания верным идеям борьбы с фашизмом». Однако даже если предположить, что Лискоф впоследствии был репрессирован, то произошло это отнюдь не в первые дни войны.

Глава 10. Впадал ли Сталин в прострацию?

Согласно одной из многочисленных баек, запущенных в оборот после пресловутого доклада Хрущёва на XX съезде, – нападение Германии на Советский Союз явилось для Сталина столь сильным потрясением, что он якобы впал в депрессию и несколько дней отсиживался на даче. И только специально приехавшие туда члены Политбюро смогли уговорить его вернуться к работе.

Вот как выглядит этот эпизод в мемуарах самого Никиты Сергеевича:

«Война началась. Но каких-нибудь заявлений советского правительства или же лично Сталина пока что не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом уже, днём в то воскресенье выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом выступлении сейчас вряд ли нужно, потому что всё это уже описано и все могут ознакомиться с событиями по газетам того времени. То, что выступил Молотов, а не Сталин, – почему так получилось? Это тоже заставляло людей задумываться. Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями. Потом уже, после войны, я узнал, что, когда началась война, Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определённая группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: “Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его про...” Буквально так и выразился. “Я, – говорит, – отказываюсь от руководства”, – и ушёл. Ушёл, сел в машину и уехал на ближнюю дачу. “Мы, – рассказывал Берия, – остались. Что же делать дальше? После того как Сталин так себя показал, прошло какое-то время, посоветовались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым (хотя был ли там Ворошилов, не знаю, потому что в то время он находился в опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии). Посоветовались и решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны. Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию? Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная страна, что мы имеем возможность организовать, мобилизовать промышленность и людей, призвать их к борьбе, одним словом, сделать всё, чтобы поднять народ против Гитлера. Сталин тут вроде бы немного пришёл в себя. Распределили мы, кто за что возьмётся по организации обороны, военной промышленности и прочего”.

Я не сомневаюсь, что вышесказанное – правда. Конечно, у меня не было возможности спросить Сталина, было ли это именно так. Но у меня не имелось никаких поводов и не верить этому, потому что я видел Сталина как раз перед началом войны. А тут, собственно говоря, лишь продолжение. Он находился в состоянии шока».

Как видим, лично сам Хрущёв свидетелем данного события не является, однако в том, что оно имело место, «не сомневается». Дескать, это Берия ему рассказал, не верите – у него спросите. А раз Берии давно нет в живых, то кто докажет, что это не так? Особый цинизм ситуации состоит в том, что сам Берия был предательски убит по приказу Хрущёва.

Попробуем тем не менее выяснить, как же всё было на самом деле. Для начала обратимся к свидетельствам очевидцев. Вот что пишет в своих мемуарах Георгий Константинович Жуков, который, в отличие от Хрущёва, непосредственно общался со Сталиным в первые часы войны:

«Говорят, что в первую неделю войны И. В. Сталин якобы так растерялся, что не мог даже выступить по радио с речью и поручил своё выступление В. М. Молотову. Это суждение не соответствует действительности. Конечно, в первые часы И. В. Сталин был растерян. Но вскоре он вошёл в норму и работал с большой энергией, правда, проявляя излишнюю нервозность, нередко выводившую нас из рабочего состояния».

А вот датированная 22 июня 1941 года запись из дневника генерального секретаря Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова:

«– В кабинете Сталина находятся Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков.

...

– Удивительное спокойствие, твёрдость, уверенность у Сталина и у всех других.

– Редактируется правительственное заявление, которое Молотов должен сделать по радио.

– Даются распоряжения для армии и флота.

– Мероприятия по мобилизации и военное положение.

– Подготовлено подземное место для работы ЦК ВКП(б) и Штаба» .

Наконец, вот что рассказал Л. М. Каганович в беседе с писателем Ф. И. Чуевым:

«Спрашиваю о 22 июня 1941 г.: “Был ли Сталин растерян? Говорят, никого не принимал?” – “Ложь! Мы-то у него были... Нас принимал. Ночью мы собрались у Сталина, когда Молотов принимал Шуленбурга. Сталин каждому из нас дал задание – мне по транспорту, Микояну – по снабжению» .

Однако сегодня в нашем распоряжении есть и более надёжные источники, чем личные воспоминания. Дело в том, что дежурные в приёмной Сталина в Кремле вели специальные тетради, в которых фиксировали фамилии посетителей и время их пребывания в сталинском кабинете. В последние годы эти записи неоднократно публиковались.

Итак, кто и в какое время посетил Сталина в эти тревожные дни?

21-го июня 1941 г.

1. т. Молотов 18.27–23.00
 2. т. Ворошилов 19.05–23.00
 3. т. Берия 19.05–23.00
 4. т. Вознесенский 19.05–20.15
 5. т. Маленков 19.05–22.20
 6. т. Кузнецов 19.05–20.15
 7. т. Тимошенко 19.05–20.15
 8. т. Сафонов 19.05–20.15
 9. т. Тимошенко 20.50–22.20
 10. т. Жуков 20.50–22.20
 11. т. Будённый 20.50–22.00
 12. т. Мехлис 21.55–22.20
 13. т. Берия 22.40–23.00
- Последние вышли 23.00

22 июня 1941 г.

1. т. Молотов вход в 5.45 м. выход 12.05 м.
2. т. Берия вход 5.45 м. выход 9.20 м.
3. т. Тимошенко вход в 5.45 м. выход 8.30 м.
4. т. Мехлис вход в 5.45 м. выход 8.30 м.
5. т. Жуков вход в 5.45 м. выход 8.30 м.
6. т. Маленков вход 7.30 м. выход 9.20 м.
7. т. Микоян вход в 7.55 м. выход 9.30 м.
8. т. Каганович Л. М. в 8.00 м. выход 9.35 м.
9. т. Ворошилов вход 8.00 м. выход 10.15 м.
10. т. Вышинский вход 7.30 м. выход 10.40 м.
11. т. Кузнецов вход в 8.15 м. выход 8.30 м.
12. т. Димитров вход 8.40 м. выход 10.40 м.
13. т. Мануильский в 8.40 м. выход 10.40 м.
14. т. Кузнецов вход 9.40 м. выход 10.20 м.
15. т. Микоян вход 9.50 м. выход 10.30 м.
16. т. Молотов вход в 12.25 м. выход 16.45 м.
17. т. Ворошилов вход в [11].40 м. выход 12.05 м.
18. т. Берия вход в 11.30 м. выход 12.00 м.
19. т. Маленков вход 11.30 м. выход 12.00 м.
20. т. Ворошилов вход 12.30 м. выход 16.45 м.
21. т. Микоян вход в 12.30 м. выход 14.30 м.
22. т. Вышинский в 13.05 м. выход 15.25 м.
23. т. Шапошников в 13.15 м. выход 16.00 м.
24. т. Тимошенко в 14.00 м. выход 16.00 м.
25. т. Жуков вход 14.00 м. выход 16.00 м.

26. т. Ватутин вход 14.00 м. выход 16.00 м.
 27. т. Кузнецов вход 15.20 м. выход 15.45 м.
 28. т. Кулик вход 15.30 м. выход 16.00 м.
 29. т. Берия вход в 16.25 м. выход 16.40 м.
- Последние вышли в 16.45 м.

23 июня 1941 года

1. т. Молотов вход 3.20 м. выход 6.25 м.
 2. т. Ворошилов вход 3.25 м. выход 6.25 [м.]
 3. т. Берия вход 3.25 м. выход 6.25 м.
 4. т. Тимошенко вход 3.30 м. выход 6.10 м.
 5. т. Ватутин вход 3.30 м. выход 6.10 м.
 6. т. Кузнецов вход в 3.45 м. выход 5.25 м.
 7. т. Каганович вход 4.30 м. выход 5.20 [м.]
 8. т. Жигарев вход 4.35 м. выход 6.10 м.
- Последние вышли в 6.25 м.

23-го июня 1941 года

1. т. Молотов вход 18 ч.45 выход 1 ч.25
 2. т. Жигарев 18.25 выход 20 ч.45
 3. т. Тимошенко 18 ч.50 выход 20 ч.45
 4. т. Меркулов 19 ч.10 выход 19 ч.25
 5. т. Ворошилов 20 час. выход 1 ч.25
 6. т. Вознесенский 20 ч.50 выход 14.25
 7. т. Мехлис вход 20 ч.55 выход 22 ч.40
 8. т. Каганович 23 ч.15 выход 1 ч.10
 9. т. Ватутин 23 ч.55 выход 0 ч.55 м.
 10. т. Тимошенко 23 ч.55 выход 0 ч.55
 11. т. Кузнецов 23 ч.55 выход 0 ч.50
 12. т. Берия 24 часа выход 1 ч.25 м.
 13. т. Власик 0 ч.50 м. выход 0 ч. 55 м.
- Последние вышли 1 ч. 25 мин. 24.VI.41

24-го июня 1941 года

1. т. Малышев 16.20–17.00
 2. т. Вознесенский 16.20–17.05
 3. т. Кузнецов 16.20–17.05
 4. т. Кизаков (Лен.) 16.20–17.05
 5. т. Зальцман 16.20–17.05
 6. т. Попов 16.20–17.05
 7. т. Кузнецов (Кр. М. Фл.) 16.45–17.00
 8. т. Берия 16.50–20.25
 9. т. Молотов 17.05–21.30
 10. т. Ворошилов 17.30–21.10
 11. т. Тимошенко 17.30–20.55
 12. т. Ватутин 17.30–20.55
 13. т. Шахурин 20.00–21.15
 14. т. Петров 20.00–21.15
 15. т. Жигарев 20.00–21.15
 16. т. Голиков 20.00–21.20
 17. т. Щербаков 18.45–20.55.
 18. т. Каганович 19.00–20.35
 19. т. Супрун 20.15–20.35
 20. т. Жданов 20.55–21.30
- Последние вышли 21.30 м.

25-го июня 1941 года

1. т. Молотов 1 ч.00 – 5.50
2. т. Щербаков 1 ч.05 – 4.30
3. т. Пересыпкин 1 ч.07 – 1.40
4. т. Каганович 1 ч.10 – 2.30

5. т. Берия 1 ч.15 – 5.25
 6. т. Меркулов 1 ч.35 – 1.40
 7. т. Тимошенко 1 ч.40 – 5.50
 8. т. Кузнецов 1 ч.40 – 5.50
 9. т. Ватутин 1 ч.40 – 5.50
 10. т. Микоян 2 ч.10 – 5.30
 11. т. Мехлис 1 ч.20 – 5.20
- Последние вышли 5 ч.50

25-го июня 1941 года

1. т. Молотов вход 19.40 м. выход 1.15 м.
 2. т. Ворошилов вход в 19.40 м. выход 1.15 м.
 3. т. Малышев вход 20.05 м. выход 21.10 м.
 4. т. Берия вход в 20.10 м. выход 21.10 м.
 5. т. Соколов вход 20.10 м. выход 20.55 м.
 6. т. Тимошенко в 20.20 м. выход 24.00 м.
 7. т. Ватутин в 20.20 м. выход 21.10 м.
 8. т. Вознесенский 20.25 м. выход 21.10 м.
 9. т. Кузнецов вход 20.30 м. выход 21.40 м.
 10. т. Федоренко вход 21.15 м. выход 24.00 м.
 11. т. Каганович вход 21.45 м. выход 24.00 м.
 12. т. Кузнецов вход 21.50 м. выход 24.00 м.
 13. т. Ватутин вход 22.10 м. выход 24.00 м.
 14. т. Щербаков вход 23.00 м. выход 23.50 м.
 15. т. Мехлис вход в 20.10 м. выход 24.00 м.
 16. т. Берия вход 00.25 м. выход 1.15 м.
 17. т. Вознесенский 00.25 м. выход 1.00 м.
 18. т. Вышинский в 00.35 м. выход 1.00 м.
- Последние вышли в 1.00 м.

26-го июня 1941 года

1. т. Каганович 12 ч. 10 выход 16 ч. 45
 2. т. Маленков 12 ч. 40 выход 16 ч. 10
 3. т. Будённый 12 ч. 40 выход 16 ч. 10
 4. т. Жигарев 12.40 выход 16 ч. 10
 5. т. Ворошилов 12 ч. 40 выход 16 ч. 30 м.
 6. т. Молотов 12 ч. 50 выход 16 ч. 50
 7. т. Ватутин вход 13 час. выход 16 ч. 10
 8. т. Петров 13.15 м. выход 16 ч. 10
 9. т. Ковалёв 14 час. выход 14 ч. 10 м.
 10. т. Федоренко 14 ч. 10 выход 15 ч. 30
 11. т. Кузнецов 14.50 выход 16 ч. 10
 12. т. Жуков 15 час. выход 16 ч. 10 м.
 13. т. Берия 15.10 выход 16.20
 14. т. Яковлев 15.15 выход 16 ч.
 15. т. Тимошенко 13 ч. выход 16 ч. 10
 16. т. Ворошилов 17.45 выход 18 ч. 25
 17. т. Берия 17 ч.45 выход 19.20
 18. т. Микоян 17.50 выход 18 ч. 20
 19. т. Вышинский 18 ч. выход 18 ч. 10
 20. т. Молотов 19 час. выход 23 ч. 20
 21. т. Жуков 21 час. выход 22 ч.
 22. т. Ватутин 21 ч. выход 22 часа
 23. т. Тимошенко 21 ч. выход 22 ч.
 24. т. Ворошилов 21 час. выход 22 ч. 10
 25. т. Берия 21 час. выход 22 ч. 30
 26. т. Каганович 21.05 выход 22.45
 27. т. Щербаков 22 час. выход 22 ч 10 м.
 28. т. Кузнецов 22 час. выход 22 ч. 20
- Последние вышли 23 ч. 20

27-го июня 1941 года

1. т. Вознесенский 16.30–16.40
 2. т. Молотов 17.30–18.00
 3. т. Микоян 17.45–18.00
 4. т. Молотов 19.35–19.45
 5. т. Микоян 19.35–19.45
 6. т. Молотов 21.25–24.00
 7. т. Микоян 21.25 – 2.35
 8. т. Берия 21.25–23.00
 9. т. Маленков 21.30 – 0.47
 10. т. Тимошенко 21.30–23.00
 11. т. Жуков 21.30–23.00
 12. т. Ватутин 21.30–23.50
 13. т. Кузнецов 21.30–23.30
 14. т. Жигарев 22.05 – 0.45
 15. т. Петров 22.05 – 0.45
 16. т. 22.05 – 0.45
 17. т. Жаров 22.05 – 0.45
 18. т. Никитин 22.05 – 0.45
 19. т. Титов 22.05 – 0.45
 20. т. Вознесенский 22.15–23.40
 21. т. Шахурин 22.30–23.10
 22. т. Дементьев 22.30–23.10
 23. т. Щербаков 23.25–24.00
 24. т. Шахурин 0.40 – 0.50
 25. т. Меркулов 1.00 – 1.30
 26. т. Каганович 1.10 – 1.35
 27. т. Тимошенко 1.30 – 2.35
 28. т. Голиков 1.30 – 2.35
 29. т. Берия 1.30 – 2.35
 30. т. Кузнецов 1.30 – 2.35
- Последние вышли 2.40

28 июня 1941 года

1. т. Молотов вход в 19.35 м. выход 00.50 м.
 2. т. Маленков вход 19.35 м. выход 23.10 м.
 3. т. Будённый вход 19.35 м. выход 19.50 м.
 4. т. Меркулов вход 19.45 м. выход 20.05 м.
 5. т. Булганин вход 20.15 м. выход 20.20 м.
 6. т. Жигарев вход 20.20 м. выход 22.10 м.
 7. т. Петров вход 20.20 м. выход 22.10 м.
 8. т. Булганин вход 20.40 м. выход 20.45 м.
 9. т. Тимошенко вход 21.30 м. выход 23.10 м.
 10. т. Жуков вход 21.30 м. выход 23.10 м.
 11. т. Голиков вход 21.30 м. выход 22.55 м.
 12. т. Кузнецов вход 21.50 м. выход 23.10 м.
 13. т. Кабанов вход 22.00 м. выход 22.10 м.
 14. т. Стефановский вход 22.00 м. выход 22.10 м.
 15. т. Супрун вход в 22.00 м. выход 22.10 м.
 16. т. Берия вход 22.40 м. выход 00.50 м.
 17. т. Устинов вход в 22.55 м. выход 23.10 м.
 18. т. Яковлев из ГАУ НКО вход 22.55 м. выход 23.10 м.
 19. т. Щербаков вход 22.10 м. выход 23.30 м.
 20. т. Микоян вход 23.30 м. выход 00.50 м.
 21. т. Меркулов вход 24.00 м. выход 00.15 м.
- Последние вышли в 00.50 м.

Выясняется, что вместо того, чтобы прятаться на даче, Сталин в первые же часы войны прибывает в Кремль, где принимает десятки посетителей – членов Политбюро, партийных и государственных деятелей, высших военачальников. И в последующие дни Сталин продолжает ежедневно приезжать работать в свой кремлёвский кабинет.

Что же касается Хрущёва, то, стремясь любыми способами очернить своего предшественника, он в очередной раз допустил прямую ложь: неважно, рассказывал ему что-нибудь Берия или нет, однако в любом случае хранившиеся в архиве ЦК КПСС тетради записи посетителей оставались в распоряжении Никиты Сергеевича. И распространяемые им измышления о впадшем в панику Сталине являлись не чем иным, как сознательной клеветой.

Впрочем, после публикации указанных тетрадей обличители Сталина вынуждены были скорректировать свою версию. Теперь они утверждают, будто вождь советского народа впал в прострацию не в первый день войны, а через неделю после её начала, получив известие о сдаче Минска. К сожалению, пишет об этом и кое-кто из серьёзных исследователей. Например, М. И. Мельтюхов, ссылаясь на воспоминания Хрущёва и Микояна, сообщает нам следующее:

«Узнав 28 июня, что противник захватил Минск, Сталин заявил: “Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали” – и уехал на ближнюю дачу, где и пребывал до 1 июля» .

Начнём с того, что оба источника, на которые опирается Мельтюхов, отличаются малой степенью достоверности: двое «сказочников»-антисталинистов, которых неоднократно ловили на лжи. Более того, выше было показано, что Хрущёв относит данное событие к 22 июня. Микоян же, как мы сейчас увидим, говорит о 29 июня. Таким образом, 28 июня как дата впадения Сталина в прострацию – в чистом виде отсебятина Мельтюхова.

Попробуем восстановить события трёх последних июньских дней 1941 года. Как следует из тетради записи посетителей, 28 июня с 19:35 Сталин работал в своём кабинете, откуда ушёл уже после полуночи, в 0:50.

29 июня, судя по тетради записи посетителей, Сталин в своём кабинете приёма не вёл. Однако в этот день он «отметился» в другом месте. Как свидетельствует Г. К. Жуков:

«29 июня И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении» .

А вот что сказано в воспоминаниях Микояна:

«29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. (Тетрадь записи посетителей сталинского кабинета это не подтверждает. – И.П.) Подробных данных о положении в Белоруссии тогда ещё не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет.

Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог.

Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь.

Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить её не могли.

Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д.

Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилён руководить.

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался как баба и выбежал в другую комнату. Молотов пошёл за ним. Мы все были в удручённом состоянии. Минут через 5-10 Молотов привёл внешне спокойного Жукова, но глаза у него ещё были мокрые» .

Писатель Иван Стаднюк со слов Молотова излагает этот эпизод следующим образом:

«Верно то, что вечером 29 июня Сталин потерял самообладание, узнав, что немцы второй день хозяйничают в Минске, а западнее столицы Белоруссии враг захлопнул капкан вокруг основной массы войск Западного фронта, что значило: путь гитлеровским армиям на Москву открыт.

Не дождавшись очередного доклада наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова об оперативной обстановке, Сталин с рядом членов Политбюро внезапно появился в Наркомате обороны.

Это был самый опасный момент во взаимоотношениях верховной государственной власти и высшего командования Вооружённых сил СССР, была грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжёлыми последствиями. Подробно расспросив Молотова о том, как всё происходило, я, работая над второй книгой “Войны”, написал главу, стараясь не смягчать в ней остроты случившегося, но и не давать неприятных деталей: уж в очень грубых, взаимно оскорбительных и нервных тонах вёлся разговор, с матерщиной и угрозами...

Ссора закончилась тем, что Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения».

Наконец, как утверждает Николай Зенькович, Иван Стаднюк рассказал ему со слов Молотова следующую версию данного события:

«Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения. Изумлённый такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу».

Впрочем, встречаются попытки поставить под сомнение 29 июня как дату визита Сталина в Наркомат обороны. Обычно при этом ссылаются на воспоминания Я. Е. Чадаева, бывшего в то время управляющим делами СНК СССР, фрагменты из которых приводит в своей книге Э. С. Радзинский.

Однако можно ли считать мемуары Чадаева, особенно в изложении Радзинского, достоверным источником? Вот лишь самые очевидные «ляпы», где Яков Ермолаевич прямо вступает в противоречие с документально установленными фактами.

Первый момент. Что делал Сталин 27 и 28 июня.

Согласно Чадаеву: *«Утром 27 июня члены Политбюро как обычно собрались у Сталина».* Затем, как утверждает Чадаев, состоялась поездка Сталина и К^о в Наркомат обороны и знаменитая беседа с Тимошенко, Жуковым и Ватутиным. Вечером Сталин у себя в кабинете не появлялся: *«Во второй половине дня 27 июня я зашёл к Поскрёбышеву... Позвонил правительственный телефон, Поскрёбышев ответил:*

– Товарища Сталина нет, и не знаю, когда он будет».

Между тем согласно тетрадам записи посетителей сталинского кабинета никакого утреннего приёма у Сталина не было. Зато был вечерний приём. С 16:30 по 16:40 Сталин принимает Вознесенского. Затем пауза. Примерно через час приходят Молотов и Микоян и в 18:00 уходят. Затем они же ещё раз посещают Сталина с 19:35 по 19:45. И, наконец, начиная с 21:25 в сталинском кабинете собирается множество народа, в том числе в 21:30 туда входят Тимошенко, Жуков и Ватутин.

28 июня согласно Чадаеву Сталин в Кремле не появлялся: *«На следующий день я пришёл в приёмную Сталина. Но Сталин не приехал. У всех было недоумение – что случилось?».*

Между тем согласно тетрадам записи посетителей 28 июня Сталин вёл приём с 19:35, приняв 19 человек.

Второй момент. 25 июня.

Чадаев пишет: *«25 июня Поскрёбышев срочно вызвал меня в приёмную Сталина. Надо было сделать протокольную запись. Я сразу же вошёл в кабинет. Кроме Сталина, Тимошенко и Ватутина, никого не было. Ватутин заканчивал доклад».*

Сразу же возникает вопрос – какой смысл вести протокольную запись, если Ватутин уже заканчивает доклад? Но это ещё цветочки.

Согласно тетрадам записи посетителей, 25 июня Сталин вёл приём дважды, утром и вечером. Причём Тимошенко и Ватутин оба раза присутствовали. Однако утром Тимошенко и Ватутин были в сталинском кабинете с 1:40 по 5:50, при этом одновременно с ними в кабинете должны были находиться как минимум Молотов (с 1:00 по 5:50) и Кузнецов (с 1:40 по 5:50)

Вечером Тимошенко был у Сталина с 20:20 по 24:00, Ватутин с 20:20 по 21:10. При этом одновременно с Ватутиным в кабинете должны были присутствовать: Молотов и Ворошилов (с 19:40 по 1:15), Малышев (с 20:05 по 21:10) и Берия (с 20:10 по 21:10). А также с большой долей вероятности – Вознесенский (с 20:25 по 21:10) и Кузнецов (с 20:30 по 21:40).

Таким образом, поскольку воспоминания Чадаева, касающиеся первых дней войны, явно противоречат документально установленным фактам, его утверждение, будто визит Сталина в Наркомат обороны состоялся 27 июня, следует считать ошибочным.

Итак, сопоставив все эти рассказы, можно сделать однозначный вывод: 29 июня вместо того,

чтобы пребывать в прострации, Сталин приезжает (возможно, что и дважды) в Наркомат обороны, где устраивает разнос Жукову. В результате которого будущий прославленный полководец то ли «разрыдался как баба», то ли «послал Сталина по матушке». Учитывая характер Жукова, второе гораздо более вероятно.

Наступает 30 июня. Вот что рассказывает Микоян:

«На следующий день, около четырёх часов, у меня в кабинете был Вознесенский. Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему.

Идём. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов, Берия. Мы их застали за беседой. Берия сказал, что необходимо создать Государственный Комитет Обороны, которому отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции Правительства, Верховного Совета и ЦК партии. Мы с Вознесенским с этим согласились. Договорились во главе ГКО поставить Сталина, об остальном составе ГКО не говорили. Мы считали, что в имени Сталина настолько большая сила в сознании, чувствах и вере народа, что это облегчит нам мобилизацию и руководство всеми военными действиями. Решили поехать к нему. Он был на ближней даче.

Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущённый всем услышанным, сказал: Вячеслав, иди вперёд, мы – за тобой пойдём. Это имело тот смысл, что если Сталин будет себя так же вести и дальше, то Молотов должен вести нас и мы за ним пойдём. Другие члены Политбюро никаких подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания. У нас была уверенность в том, что мы можем организовать оборону и можем сражаться по-настоящему. Однако это пока не так легко будет. Никакого упаднического настроения у нас не было. Но Вознесенский был особенно возбуждён.

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Он вопросительно смотрит на нас и спрашивает: зачем пришли? Вид у него был спокойный, но какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов от имени нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро всё решалось, чтобы страну поставить на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин.

Сталин посмотрел удивлённо, никаких возражений не высказал. Хорошо, говорит» .

Насколько достоверен этот рассказ Микояна? Посмотрим ещё раз записи в тетради посетителей. В какое время обычно прибывал Сталин в свой кабинет в эти дни?

22 июня – в 5:45.

23 июня – дважды, в 3:20 и в 18:25

24 июня – в 16:20

25 июня – дважды, в 1:00 и в 19:40

26 июня – в 12:10

27 июня – в 16:30

28 июня – в 19:35.

Как видим, Сталин мог появиться у себя в кабинете и в 16 часов, и в 18, и даже после 19. Таким образом, непоявление Сталина к 16 часам 30 июня в своём кабинете вовсе не выглядело чем-то из ряда вон выходящим и не давало членам Политбюро повода считать его впавшим в прострацию. Кроме того, Молотов был известен своим полным подчинением воле Сталина. Его инициатива в создании такого органа власти, как ГКО, маловероятна.

Гораздо правдоподобнее другая версия. После разговора с военным руководством Сталин пришёл к выводу о необходимости сосредоточить командование в своих руках. Одно дело «посылать по матушке» гражданское лицо, пусть и высокопоставленное. И совсем другое – прямого начальника. Именно 30 июня 1941 года было принято решение о создании Государственного Комитета Обороны во главе со Сталиным.

Как пишет в своей книге И. Ф. Стаднюк:

«Сталин вернулся в Кремль ранним утром 30 июня с принятым решением: всю власть в стране сосредоточить в руках Государственного Комитета Обороны во главе с ним самим, Сталиным. В то же время разъединялась “троица” в Наркомате обороны: Тимошенко в этот же день был отправлен на Западный фронт в качестве его командующего, генерал-лейтенант Ватутин – заместитель начальника Генштаба – назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Жуков оставался на своем посту начальника Генштаба под неусыпным оком Берии.

По моему глубокому убеждению, создание ГКО и служебные перемещения в военном руководстве

– это следствие ссоры, отпыхавшей 29 июня вечером в кабинете маршала Тимошенко» .

Наконец, 1 июля 1941 года в 16:40 Сталин вновь начинает приём посетителей в своём кремлёвском кабинете. Кстати, перерывы на пару дней наблюдались и в дальнейшем. Так, Сталин не вёл приёма 13 и 14 июля, 22 и 23 июля. Однако никому из «обличителей» почему-то не приходит в голову утверждать, будто в эти дни он также пребывал в прострации.

А как же быть с тем, что 22 июня по радио выступил не Сталин, а Молотов? Ну, во-первых, как мы видели из воспоминаний Димитрова, текст речи Молотова был плодом коллективного творчества собравшихся в сталинском кабинете членов Политбюро. Во-вторых, рассматривающие этот факт как непреложное доказательство сталинской растерянности, совершают весьма распространённую ошибку, перенося нормы сегодняшней политической жизни на реалии предвоенного СССР. В самом деле, современный политик западного типа просто обязан мелькать на телеэкране, раздавая интервью и выступая с речами по поводу и без повода. Однако Сталину завоевывать симпатии «электората» было ни к чему. Поэтому, не будучи записным оратором вроде Троцкого и прочих безвременно ушедших из жизни «пламенных революционеров», выступал он крайне редко.

Так, за весь 1936 год Сталин выступил с одной-единственной публичной речью – «О проекте Конституции...», 25 ноября. В 1937 году Иосиф Виссарионович выступает трижды: два раза на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) и затем – 13 декабря перед московскими избирателями, в канун выборов в Верховный Совет. Однако в следующем, 1938 году вождь советского народа порадовал нас лишь одной речью, выступив в мае перед работниками высшего образования.

В 1939 году Сталин выступил на XVIII съезде партии с программной речью о работе Центрального комитета. И больше ни разу.

В 1940 году Сталин ни разу не выступал публично. Так же, как и в первой половине 1941-го – вплоть до 3 июля, когда прозвучало его обращение к советскому народу.

Поэтому, когда 22 июня по радио выступил Молотов, фактически являвшийся вторым лицом в государстве, это выглядело вполне естественным. Особенно если учесть, что свои речи Сталин готовил сам и в то утро перед ним стояла дилемма: или организовывать отпор немецкому вторжению, или всё бросить и заняться составлением обращения к гражданам СССР. Выбор был очевиден. В результате в первые часы войны Сталин утвердил текст директивы № 2 военным советам приграничных округов и ВМФ о внезапном нападении Германии и боевых задачах войск, проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных и ряд других документов. А вот с речью выступил лишь 11 дней спустя.

Глава 11. Мифы Ленинградской блокады

...Сравнить Ленинград с землёй

В последнее время не проходит и года, чтобы в очередной блокадный юбилей какое-нибудь упивающееся собственным «человеколюбием» светило из числа творческой интеллигенции не вылезло на телевизионный экран или страницы массовых изданий с разглагольствованиями о том, что следовало сдать Ленинград немцам без боя и тем самым сохранить жизни сотен тысяч ленинградцев. К сожалению, те, кто возражает подобным «гуманистам», как правило ограничиваются аргументами морального и военно-стратегического плана. Действительно, рассуждения о предпочтительности капитуляции оскорбительны для памяти защитников города. Безусловно, падение Ленинграда катастрофически ухудшило бы ситуацию на советско-германском фронте. Но, сосредотачиваясь в своих отповедях всевозможным астафьевым и лихачёвым на этих моментах, их оппоненты как бы молчаливо соглашались с тезисом, будто капитуляция могла спасти жизни ленинградцев. Между тем это совершенно не так, в чём и состоит главная ложь доморощенных «гуманистов».

Дело в том, что гитлеровское руководство планировало не просто захватить город на Неве, но и полностью его уничтожить. 8 июля 1941 года после совещания Верховного главнокомандования германских Вооружённых сил начальник штаба командования Сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер отметил в своём дневнике: *«Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки»* .

16 июля 1941 года в ставке Гитлера состоялось совещание высших руководителей Третьего рейха. Как сказано в его протокольной записи: *«На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер*

хочет сравнить Ленинград с землёй, с тем чтобы затем отдать его финнам» .

21 сентября 1941 года отдел обороны Верховного главнокомандования германских Вооружённых сил представил аналитическую записку, в которой рассмотрел возможные варианты действий после взятия Ленинграда:

1) Немцы занимают город и поступают с ним так же, как и с другими русскими большими городами. Авторы отвергают этот вариант, поскольку *«тогда надо брать на себя ответственность за снабжение населения» .*

2) *«Город блокируем, окружаем колючей проволокой под током, простреливаем её из пулемётов» .* При этом подразумевается, что подавляющая часть ленинградцев умрёт от голода. Негативные стороны подобного варианта: *«Возникает опасность эпидемии, которая распространяется на наш фронт. Кроме того, под вопросом, будут ли наши солдаты способны стрелять в прорывающихся женщин и детей» .*

3) *«Женщин, детей и стариков вывести за пределы кольца блокады, остальных уморить голодом» .* Однако, по мнению авторов записки, подобная эвакуация *«практически едва ли выполнима...» .* К тому же *«остальное голодающее население Ленинграда опять-таки может стать очагом эпидемии» .*

4) *«После продвижения вперёд финнов и осуществления блокады города отойти снова за Неву и район севернее этого участка передать Финляндии» .* Однако этот вариант неприемлем, поскольку *«Финляндия неофициально заявила, что она хотела бы, чтобы её граница проходила по Неве, исключая Ленинград. Как политическое решение – хорошее. Но вопрос о населении Ленинграда Финляндия не решит. Это должны делать мы» .*

В результате авторы записки предлагали следующее: *«Сначала герметически блокируем Ленинград и разрушаем город артиллерией и, возможно, вместе с авиацией. Когда террор и голод сделают своё дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей... Остатки “гарнизона крепости” останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город (если финны сумеют это сделать раньше, то не возражать), вывезем всё, что осталось ещё живого, в глубь России и передадим район севернее Невы Финляндии» .*

Разумеется, кормить выпущенных из города «безоружных людей» немцы не собирались. Для успокоения «мирового общественного мнения» предлагалось *«разрешить Рузвельту после капитуляции Ленинграда обеспечить его население продовольствием, за исключением военнопленных, или перевезти его в Америку под наблюдение Красного Креста на нейтральных судах» .* Естественно, авторы записки понимали, что это предложение не будет принято американцами, однако считали, что *«его нужно использовать в целях пропаганды» .*

А вот что сообщал 7 октября 1941 года начальник оперативного отдела командования Сухопутных войск генерал Йодль главнокомандующему Сухопутными войсками генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу:

«Капитуляция Ленинграда, а позже Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником... Следует ожидать больших опасений от эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступить в город. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнём... Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счёт германской родины... Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров» .

27 октября 1941 года в журнале боевых действий группы армий «Север» было записано:

«Вопрос о Ленинграде и особенно о местном гражданском населении в большой степени занимает Верховное командование. Главнокомандующий Сухопутными войсками предложил заложить минные поля на пространстве перед собственной линией, чтобы не дошло до непосредственной борьбы войск против гражданского населения. Если красные войска в районе Ленинграда и Кронштадта сложат оружие и будут взяты в плен, то главнокомандующий не видит больше причин продолжать блокаду города. Войска должны быть передислоцированы в места их постоянного размещения. И в этом случае бо льшая часть населения погибнет, но по крайней мере не на наших глазах» .

Итак, понятно, что готовили Ленинграду немцы. Однако и с финской стороны ничего хорошего ждать не приходилось. Как докладывали из финского Генштаба в Министерство иностранных дел Финляндии в начале сентября 1941 года: *«Оккупация финскими войсками Петербурга считается нереальной, поскольку у нас нет запасов продовольствия, чтобы выдавать его гражданскому населению» .* 11 сентября 1941 года президент Финляндии Рюти заявил германскому посланнику в Хельсинки: *«Если Петербург не будет больше существовать как крупный город, то Нева была бы*

лучшей границей на Карельском перешейке... Ленинград надо ликвидировать как крупный город» .

Таким образом, как мы только что убедились, сдача Ленинграда обернулась бы страшной трагедией для его населения, которое было обречено Гитлером на уничтожение.

Союз двух свастика

Другой «блокадный миф» касается наших северных соседей. Согласно ему миролюбивая Финляндия вовсе не думала нападать на СССР летом 1941 года, однако 25 июня советские самолёты нанесли бомбовый удар по финской территории, после чего обиженным финнам волей-неволей пришлось присоединиться к Гитлеру. Тем не менее, несмотря на коварство русских, финский главнокомандующий Маннергейм, помня о любимом государе Николае II и учёбе в Николаевском кавалерийском училище, не стал наступать дальше старой советско-финской границы. Тем самым благородный маршал спас Ленинград, который в противном случае был бы неминуемо взят.

В главе, посвящённой советско-финляндской войне, мы уже разбирались с популярным нынче тезисом, будто именно Сталин своими действиями толкнул Финляндию в гитлеровский лагерь. Разумеется, если взять чёрную нацистскую свастику и покрасить её в синий цвет (опознавательный знак финских ВВС), то она сразу же превратится в символ мира и нейтралитета. Точно так же не соответствует действительности активно внушаемое нам мнение, будто Финляндия собиралась остаться в стороне от германо-советской войны.

Надо сказать, что подобная идея отнюдь не оригинальна. Именно это утверждал бывший финский президент Ристо Рюти, представ в конце 1945 года перед судом как один из виновников вовлечения Финляндии во 2-ю мировую войну:

«Когда 22 июня 1941 года между Германией и Россией вспыхнула война, мы искренне стремились оставаться вне её... Мы избегали всего того, что могло создать у России впечатление, что мы являемся её врагами... Война была начата против нас» .

Однако судьи не сочли доводы Рюти убедительными, приговорив его к 10 годам тюрьмы. Причём сделал это не международный трибунал, как в Нюрнберге и Токио, а финский суд.

Каковы же основные вехи на пути вступления Финляндии в войну?

Из дневника начальника штаба Сухопутных войск Германии Франца Гальдера:

«22 августа 1940 года Рёссинг (военный атташе в Финляндии) доложил о состоянии финской Сухопутной армии, насчитывающей 16 дивизий. Перемена отношения фюрера к Финляндии. Помощь Финляндии вооружением и боеприпасами. Переговоры о разрешении прохода двум горным дивизиям по приморской дороге в Киркенес» .

12 сентября 1940 года в Хельсинки было подписано соглашение о транзите немецких войск через территорию Финляндии. 21 сентября в финский порт Вааса на побережье Ботнического залива прибыли первые немецкие транспорты с войсками и оружием.

16 декабря 1940 года Гальдера посетили финский генерал-майор Пааво Талвела и военный атташе Финляндии в Германии полковник Вальтер Хорн. Как отмечает Гальдер в своём дневнике: *«Я просил дать сведения о сроках приведения финской армии в состояние скрытой боевой готовности для наступления в юго-восточном направлении» .* И здесь же примечание немецкого издателя: *«То есть по обе стороны Ладожского озера в общем направлении на Ленинград» .*

30 января 1941 года в Германию тайно прибыл начальник финского Генштаба генерал-лейтенант Эрик Хейнрикс, который немедленно приступил к переговорам со своим немецким коллегой. Из дневника Гальдера:

«13:00 – завтрак с генералом Хейнриksom (начальник финского Генштаба).

...

16:30 – Совецание с генералом Хейнриksom:

Для доведения войск на границе до штатов военного времени [после объявления мобилизации] потребуется девять дней. Скрытая мобилизация. Однако её нельзя сделать совершенно незаметной. Направление главного удара – по обе стороны Ладожского озера. Пять дивизий – южнее и три дивизии – севернее Ладожского озера» .

Визит генерала Хейнрикса в Берлин закончился торжественным ужином в финляндском представительстве, который *«прошёл под знаком дружбы и традиционного германо-финляндского братства по оружию» .* Оценивая результаты переговоров, присутствовавший на них финский военный атташе Вальтер Хорн сделал в своём дневнике лаконичную, но весьма выразительную запись: *«30.1.41 г. Знаменательный день в истории Финляндии...» .*

Сразу же после визита Хейнрикса финский посланник Тойво Кивимяки от имени президента

Рюти официально сообщил министру иностранных дел Третьего рейха Риббентропу, что Финляндия полностью становится на сторону Германии.

30 марта после совещания у Гитлера Гальдер записал в своем дневнике: *«Никаких иллюзий по отношению к союзникам! Финны будут храбро сражаться, но их мало, и они ещё не оправились от поражения [зимняя война 1939–1940 гг.]»*.

Наконец, 24 мая начальник Генштаба Финской армии генерал Эрик Хейнрикс и начальник оперативного отдела полковник Кустаа Тапола в сопровождении ещё трёх представителей финляндских Вооружённых сил прибыли в Германию для окончательного согласования планов совместных операций. С немецкой стороны в переговорах участвовали фельдмаршал Вильгельм Кейтель, генералы Альфред Йодль и Франц Гальдер. 25–28 мая германский и финский Генеральные штабы окончательно урегулировали и согласовали планы совместных операций, сроки мобилизации и начала наступления. Финским войскам надлежало перейти к активным действиям через 14 дней после начала немецкого вторжения.

Для ведения боевых действий были созданы две оперативные немецко-финские группировки. Первая, подразделявшаяся на три отдельно действующие группы, предназначалась для наступления на Мурманск, Кандавакшу, Лоухи (операция «Полярная лиса»). Вторая имела задачу силами финской Карельской армии совместно с немецкой 163-й пехотной дивизией наступать на Петрозаводск, а силами финской Юго-Восточной армии во взаимодействии с 18-й немецкой армией – на Ленинград. Кроме того, предусматривался захват финнами полуострова Ханко.

17 июня 1941 года Финляндия официально вышла из Лиги наций, а 18 июня начала всеобщую мобилизацию. В тот же день немецкие войска стали выдвигаться на севере Финляндии к советской границе и занимать позиции для наступления. В Генеральном штабе Финской армии состоялось совещание начальников оперативных отделений штабов корпусов, где их проинформировали о намечаемом развитии событий. 19 июня генерал-майор Талвела записал в своём дневнике: *«Предварительный приказ о наступлении получен»*.

Сказка о «благородном» Маннергейме

Вступая в войну на стороне Гитлера, финское руководство надеялось не только вернуть утраченные по Московскому мирному договору 12 марта 1940 года земли, но и пожить за счёт советских территорий, никогда не входивших в состав Финляндии. В первую очередь планировалось захватить Карелию.

Финский посол в Германии Тойво Кивимяки просил президента Рюти подготовить «научное обоснование», доказывающее немцам, что Восточная Карелия исторически принадлежала Финляндии и потому должна вновь присоединиться к ней. По поручению Рюти за это ответственное дело взялся профессор Ялмари Яаккола, уже через месяц представивший памятку «Восточный вопрос Финляндии». Одновременно маршалу Маннергейму было предписано составить предложения о приемлемой для Финляндии восточной границе. На основании этих предложений было начерчено пять разных вариантов прохождения границы. Согласно наиболее радикальному из них Онежское озеро становилось внутренним озером Финляндии, а Свирь – полностью финской рекой.

В первые дни Великой Отечественной войны события развивались следующим образом. Ещё 21 июня в 16:15 главные силы финского флота высадили 5-тысячный десант на демилитаризованные согласно Женевской конвенции 1921 года Аландские острова, арестовав находящихся там сотрудников советского консульства. Вечером того же дня финские подводные лодки поставили минные заграждения у эстонского побережья, причём их командиры получили приказ атаковать советские корабли, *«если попадутся достойные цели»*. 22 июня финская диверсионная группа попыталась взорвать шлюзы Беломорско-Балтийского канала. В тот же день Гитлер заявил, что на Севере немецкие войска сражаются в союзе с *«героическими финскими братьями по оружию»*. Эта речь была немедленно опубликована на первой полосе крупнейшей финской газеты «Хельсингин саномат». Правительство Финляндии оказалось в неловком положении, поскольку подобные слова фюрера шли вразрез с официальной пропагандой. В результате по распоряжению финских властей тираж газет с гитлеровской речью был срочно конфискован.

23 июня в 3 часа 45 минут вылетевшие из Восточной Пруссии немецкие бомбардировщики сбросили в воды фарватера между Кронштадтом и Ленинградом изрядную партию 1000-килограммовых морских мин, после чего приземлились на финские аэродромы.

Наконец, когда посол Германии в Москве Фридрих Шуленбург явился утром 22 июня к наркому иностранных дел Молотову с нотой об объявлении войны, то при обсуждении вопроса об эвакуации

персонала посольства он попросил эвакуировать немецких граждан через Иран, мотивируя это тем, что *«выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить»* .

В этой ситуации, чтобы предотвратить дальнейшие налёты на Ленинград, советские бомбардировщики на рассвете 25 июня нанесли удар по 18 аэродромам в Финляндии и Норвегии, где базировалась немецкая авиация. Это событие было немедленно использовано в Хельсинки как предлог для официального объявления войны Советскому Союзу.

Интересно отметить, что когда 30 июля 1941 года английская авиация нанесла бомбовый удар по финскому городу Петсамо, где находились немецкие войска, Финляндия ограничилась разрывом дипломатических отношений с Англией.

Трубя на весь мир о «советской агрессии», между собой финские государственные деятели не считали нужным скрывать истинные цели войны. *«Нам необходимо объединить теперь все финские племена, нам нужно осуществить идею создания Великой Финляндии и добиться того, чтобы передвинуть границы туда, где проходит самая прямая линия от Белого моря до Ладожского озера»* , – заявил 25 июня на заседании парламента депутат Салмиала. На реплику же одного из коллег: *«Не надо говорить всего того, о чём думаешь»* , – объединитель братских народов успокоительно заметил, что заседание всё равно закрытое.

Накануне вторжения в финские подразделения поступил приказ главнокомандующего маршала Маннергейма, в котором в частности говорилось:

«Во время освободительной войны 1918 года я сказал карелам Финляндии и Востока, что не вложу меч в ножны, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободны. Я поклялся в этом именем крестьянской армии, полностью доверяя самоотверженности наших мужчин и самопожертвованию женщин.

Двадцать три года Северная Карелия и Олония ожидали исполнения этого обещания, полтора года после героической Зимней войны финляндская Карелия, опустошённая, ожидала восхода зари...

Солдаты! Эта земная твердь, на которую вы ступите, орошена кровью и страданиями родственных народов, это святая земля. Я верю, что наша победа освободит Карелию, ваши действия принесут Финляндии большое счастливое будущее».

К 1 сентября 1941 года финские войска сумели выйти на Карельском перешейке к линии старой государственной границы почти на всём её протяжении и в течение нескольких дней пытались её штурмовать. 3 сентября финским частям удалось взять Старый Белоостров и ряд населённых пунктов за рекой Сестрой. 4 сентября они захватили один из передовых дотов Карельского укрепрайона.

Одновременно части 6-го корпуса Карельской армии под командованием генерал-майора Талвела двинулись в обход Ладожского озера через реку Свирь, чтобы замкнуть внешнее кольцо блокады и тем самым полностью отрезать город от страны. Командир 30-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии в день перехода старой границы отдал приказ, в котором говорилось:

«С торжественным настроением мы переходим государственную границу. Ступая на старую финскую территорию Страны Калевалы, которая была нам недоступна долгие столетия, мы в сражениях несём нашему народу, всем его последующим поколениям светлое будущее. На нашу долю легло исполнить великое пожелание финского народа. На это решились самые отважные...

Нанесём же последний сильный удар во имя устойчивого мира для всего нашего народа и во имя счастливое будущего родственных финнам народов на древней карельской земле!» .

Не меньшим пафосом отличается и запись, продиктованная генералом Талвела своему секретарю 8 сентября 1941 года: *«Я прибыл на Свирь и почувствовал могучее её течение. По ней спокойно пройдёт теперь новая граница Финляндии, о которой я грезил во сне»* .

В преддверии предстоящего взятия Ленинграда уже была заготовлена торжественная речь, с которой должен был выступить будущий президент Финляндии Юхо Паасикиви. В ней говорилось:

«Пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи от наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна... Для нас, финнов, Петербург действительно принёс зло. Он являлся памятником создания русского государства, его завоевательных стремлений» .

Однако благодаря стойкости и мужеству защитников города эта патетическая речь пропала втуне. Опираясь на долговременные сооружения Карельского укрепрайона, советские войска заняли прочную оборону, взломать которую при отсутствии у финнов пикирующих бомбардировщиков и тяжёлых осадных орудий было практически невозможно. 5 сентября Старый Белоостров был отбит обратно советскими войсками. Не желая без толку умирать под неприступными дотами, финские солдаты стали в массовом порядке отказываться идти в атаку. После того, как подобное произошло в нескольких

полках, а общее количество отказников и дезертиров стало исчисляться тысячами, Маннергейм был вынужден окончательно отказаться от наступления на Ленинград и перейти к обороне.

Глава 12. Правда и ложь о советских военнопленных

О трагической судьбе советских военнослужащих, оказавшихся в германском плену, сказано немало. К сожалению, в последние годы эта тема также стала предметом бессовестной спекуляции со стороны обличителей «тоталитарного прошлого» нашей страны.

Могла ли нам помочь Женевская конвенция?

Как я уже говорил в главе, посвящённой Ленинградской блокаде, Великая Отечественная война не была обычной войной. На состоявшемся 30 марта 1941 года совещании руководящего состава вермахта Гитлер ясно и недвусмысленно заявил:

«Речь идёт о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьём врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность...»

«Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания».

Из приложения № 2 к приказу командующего 4-й танковой группой генерала Эриха Гёпнера в связи с предстоящими боевыми действиями на Востоке от 2 мая 1941 года:

«Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму.»

«Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью».

Одним из проявлений подобной «неслыханной жестокости» стало массовое истребление наших военнопленных. За время войны немцы уничтожили 57 % попавших к ним в плен советских военнослужащих.

Для сравнения: из захваченных нами 3576,3 тысяч военнослужащих германских Вооружённых сил умерли в плену 442,1 тысячи (12,4 %), из 800 тысяч военнослужащих армий стран-союзниц Германии на советско-германском фронте (Венгрия, Италия, Румыния, Финляндия, Словакия) – 137,8 тысячи (17,2 %), из 640,1 тысячи японских военнослужащих – 62,1 тысячи (9,7 %).

При этом следует отметить, что в число военнопленных немцы включали не только военнослужащих, но и всех сотрудников партийных и советских органов, а также мужчин, отходивших вместе с отступающими и окружёнными войсками. Например, германское командование сообщило, что в 1941 году восточнее Киева были взяты в плен 665 тыс. советских военнослужащих. Между тем вся численность войск Юго-Западного фронта к началу Киевской оборонительной операции составляла 627 тыс. человек. Из этого числа более 150 тыс. действовали вне окружения, а десятки тысяч военнослужащих сумели выйти из окружения. Подобной практики придерживались немцы и в дальнейшем. Вот выдержка из приказа командования 2-й танковой армии от 11 мая 1943 года:

«При занятии отдельных населённых пунктов нужно немедленно и внезапно захватывать имеющихся мужчин в возрасте от 15 до 65 лет, если они могут быть причислены к способным носить оружие, под охраной отправлять их по железной дороге в пересыльный лагерь 142 в Брянске. Захваченным, способным носить оружие, объявить, что они впредь будут считаться военнопленными и что при малейшей попытке к бегству будут расстреливаться».

Совсем по-другому относились немцы к пленным из государств просвещённой Европы. Так, из 1547 тыс. французских солдат и офицеров, оказавшихся летом 1940 года в германском плену, умерли или погибли всего 40 тысяч, или 2,6 %.

Кто должен нести ответственность за уничтожение наших военнопленных? Казалось бы, вопрос чисто риторический. Естественно, руководство Третьего рейха во главе с Гитлером, отдававшее преступные приказы. Но не тут-то было! Согласно популярной версии нынешних правдолюбцев, виноват в этом опять-таки Сталин.

«Сталин, заявив: “У нас нет военнопленных, есть предатели”, – поставил вне закона миллионы людей. Отказ от Женевской конвенции о военнопленных и от взноса денег в Красный Крест обрёл советских людей на массовое уничтожение в фашистских лагерях».

Поскольку в предыдущих главах я уже ловил на вранье автора данной цитаты Льва Киришнера, давайте не поленимся заглянуть в текст заключённой 27 июля 1929 года в Женеве Конвенции о

содержании военнопленных:

«Статья четвёртая.

Держава, взявшая военнопленных, обязана заботиться об их содержании» .

«Статья восемьдесят вторая.

Положения настоящей конвенции должны соблюдаться высокими договаривающимися сторонами при всех обстоятельствах.

Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших» .

Как видим, из текста Женевской конвенции совершенно однозначно следует, что, во-первых, расходы на содержание военнопленных несёт государство, их захватившее. Во-вторых, государство, присоединившееся к конвенции, обязано её соблюдать вне зависимости от того, подписал ли конвенцию его противник. Германия Женевскую конвенцию подписала.

Надо сказать, что гитлеровское руководство прекрасно понимало этот юридический момент, поэтому для обоснования своих преступных действий пускало в ход стандартные пропагандистские штампы. Из распоряжения об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных от 8 сентября 1941 года:

«Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом у него в крови. Он ведёт её всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом в соответствии с Женевскими соглашениями» .

С другой стороны, начальник управления разведки и контрразведки «Абвер» адмирал Вильгельм Канарис в заметках для доклада об обращении с советскими военнопленными, датированных 15 сентября 1941 года, писал следующее:

«Женевское соглашение о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились с XVIII столетия в том направлении, что военный плен не является ни мстью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развилось в связи с господствующим во всех армиях воззрением, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты в случае пленения будут защищены от плохого обращения» .

Как видим, Канарис ошибочно полагал, будто в войне против СССР Германия не связана Женевским соглашением. Однако в отличие от наших доморожденных киршнеров, он не считал, что на основании этого власти Третьего рейха получили право вытворять с советскими пленными всё что хотят. Настаивая на соблюдении *«основных положений общего международного права об обращении с военнопленными»* , адмирал вряд ли исходил из соображений гуманности. Хотя кто его знает, всё-таки впоследствии он участвовал в заговоре против Гитлера, за что и был казнён. Распоряжения германского командования об обращении с советскими военнопленными, по мнению Канариса *«вызывают большие сомнения как с принципиальной точки зрения, так и из-за вредных последствий в области политической и военной, которые могут наступить»* .

Что ж, приходится признать, что обличители сталинизма, вроде Киршнера, пришлось бы очень кстати в ведомстве Геббельса.

Из концлагеря в ГУЛАГ?

Одним из стереотипов, назойливо внедряемых в общественное сознание нашей страны, стал миф о судьбе тех советских солдат и офицеров, которым удалось вырваться из немецкого плена. Оплёвывающие советское прошлое публицисты дружно рисуют душераздирающую картину, как бывшие советские военнослужащие, освобождённые из немецких концлагерей, едва ли не поголовно отправлялись в лагеря ГУЛАГа или как минимум в штрафбаты:

«А после войны потрясла меня лютость к пленным. За что? Из гитлеровских лагерей смерти – в концлагеря сталинские. Только Георгий Константинович Жуков попытался заступиться за трижды

несчастных людей, но напрасно. Сам и попал в опалу» .

Вообще-то, элементарный здравый смысл подсказывает, что военнослужащие, вернувшиеся из плена, должны быть подвергнуты проверке органами контрразведки – хотя бы потому, что среди них заведомо имеется некоторое количество вражеских агентов. Немцы активно использовали этот канал для засылки своей агентуры. Вот что писал по этому поводу в своих мемуарах начальник VI управления РСХА бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг:

«В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей наряду с передачей текущей информации было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе» .

Таким образом, создание в конце 1941 года по приказу наркома обороны № 0521 фильтрационных лагерей для проверки освобождённых из плена было насущной необходимостью.

Проверку в этих спецлагерях проходили не только бывшие военнопленные. Поступавший туда контингент делился на три учётные группы:

1-я – военнопленные и окруженцы;

2-я – рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности;

3-я – гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником.

Но, может, из фильтрационных лагерей бывших пленных действительно скопом гнали на Колыму? Давайте проанализируем опубликованные на этот счёт архивные данные.

По сведениям, приведённым сотрудниками «Мемориала» А. Кокуриным и Н. Петровым в журнале «Свободная мысль», на 1 марта 1944 года через органы НКВД прошли проверку 312 594 бывших военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или в окружении. Дальнейшая их судьба сложилась так:

- убыло в райвоенкоматы для дальнейшего направления в Красную Армию 223 272 – 71,4%
- передано на работу в оборонную промышленность 5716 – 1,8%
- на укомплектование конвойных войск НКВД 4337 – 1,4%
- убыло в госпитали 1529 – 0,5%
- умерло 1799 – 0,6%
- на формирование штурмовых батальонов (т. е. в штрафбаты) 8255 – 2,6%
- арестовано 11283 – 3,6%

Таким образом, 75,1 % бывших пленных благополучно прошли проверку и были направлены кто в армию, кто в народное хозяйство, кто на лечение. Ещё 0,6 % умерли, что не удивительно, если учесть условия жизни в немецких концлагерях, откуда их освободили. Подверглись же репрессиям (арестованы или отправлены в штрафбаты) всего 6,2 %.

Внимательный читатель наверняка уже заметил, что перечисленные выше категории охватывают не всё количество бывших пленных. Судьба 56 403 военнослужащих (18,1 %) не указана. Впрочем, мы можем быть уверенными, что эти люди отнюдь не затерялись в бескрайних просторах Сибири – демократическая совесть авторов не позволила бы им замолчать такой прискорбный факт. Скорее всего, эти 56 тысяч человек к тому времени ещё не прошли проверку и продолжали находиться в спецлагерях. Правда, здесь же Кокурин и Петров пишут, что проверку в спецлагерях НКВД на тот момент проходило 75 314 человек. Но не будем требовать от них слишком многого: подобная арифметическая неувязка – просто мелочь на фоне распространяемых их коллегами мифов о десятках миллионов жертв сталинских репрессий.

Почти одновременно те же самые сведения привёл и А. В. Меженко в «Военно-историческом журнале»:

Данные о бывших военнопленных, содержащихся в спецлагерях в период с октября 1941 г. по март 1944 г.

- Всего поступило 317 594
- Проверено и передано в Красную Армию 223 281 – 70,3%
- в конвойные войска НКВД 4337 – 1,4%
- в оборонную промышленность 5716 – 1,8%
- Убыло в госпитали 1529 – 0,5%
- Умерло 1799 – 0,6%
- В штурмовые батальоны 8255 – 2,6%

- Арестовано 11 283 – 3,5%
- Продолжают проходить проверку 61 394 – 19,3%

В отличие от Кокурина и Петрова у Меженко концы с концами сходятся. Кроме того, он указывает архивный источник, откуда взял свои данные.

Итак, на март 1944 года проверку НКВД прошли 256 200 бывших пленнх. Из них:

- благополучно прошли проверку – 234 863 (91,7 %)
- направлены в штрафбаты – 8255 (3,2 %)
- арестованы – 11 283 (4,4 %)
- умерли – 1799 (0,7 %).

Подобное соотношение сохранялось и к осени 1944 года. Приведу отрывок из документа:

«Справка о ходе проверки б/окруженцев и б/военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г.

1. Для проверки бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену или окружении противника, решением ГОКО № 1069сс от 27.XII-41 г. созданы спецлагеря НКВД.

Проверка находящихся в спецлагерях военнослужащих Красной Армии проводится отделами контрразведки “Смерш” НКО при спецлагерях НКВД (в момент постановления это были Особые отделы).

Всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобождённых из плена, 354 592 чел., в том числе офицеров 50 441 чел.

2. Из этого числа проверено и передано:

а) в Красную Армию 249 416 чел.

в том числе:

в воинские части через военкоматы 231 034 – ”–

из них – офицеров 27 042 – ”–

на формирование истребительных батальонов 18 382 – ”–

из них – офицеров 16 163 – ”–

б) в промышленность по постановлениям ГОКО 30 749 – ”–

в том числе – офицеров 29 – ”–

в) на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей 5924 – ”–

3. Арестовано органами “Смерш” 11 556 – ”–

из них – агентов разведки и контрразведки противника 2083 – ”–

из них – офицеров (по разным преступлениям) 1284 – ”–

4. Убыло по разным причинам за всё время – в госпитали, лазареты и умерло 5347 – ”–

5. Находятся в спецлагерях НКВД СССР в проверке 51 601 – ”–

в том числе – офицеров 5657 – ”–

...

Из числа оставшихся в лагерях НКВД СССР офицеров в октябре формируются 4 истребительных батальона по 920 человек каждый» .

Практически такие же цифры приводит в своей книге и В. Ф. Некрасов:

«В соответствии с постановлениями ГКО от 27 декабря 1941 г. и СНК СССР от 24 января 1944 г. все бывшие в окружении и плену военнослужащие Красной Армии через сборно-пересыльные пункты поступали в спецлагеря НКВД на проверку, откуда проверенные передавались для отправки в Красную Армию через военкоматы, частично на работу в промышленность, а частично и арестовывались органами “Смерш”. Так, к 20 октября 1944 г. в такие спецлагеря НКВД поступило 354 590 человек, из них после проверки возвращено в Красную Армию 249 416, находилось в стадии проверки 51 615, передано в промышленность и охрану 36 630, арестовано органами “Смерш” 11 566, убыли по разным другим причинам, в том числе в госпитали Наркомата обороны, и умерли 5347 человек» .

Поскольку в «Справке» приведены более подробные данные, чем у Некрасова, проанализируем именно их. Итак, судьбы бывших военнопленных, прошедших проверку до 1 октября 1944 г., распределяются следующим образом:

Направлено	человек	%
в воинские части через военкоматы	231 034	76,25%
в штурмовые батальоны	18 382	6,07%
в промышленность	30 749	1,96%
в конвойные войска	5924	10,15%
арестовано	11 556	3,81%
в госпитали, лазареты, умерло	5347	1,76%
Всего прошло проверку	302 992	100%

Поскольку в процитированном выше документе для большинства категорий указывается также и количество офицеров, подсчитаем данные отдельно для рядового и сержантского состава и отдельно для офицеров:

Направлено	рядовых и сержантов	%	офицеров	%
в воинские части через военкоматы	203 992	79,00%	27 042	60,38%
в штурмовые батальоны	2219	0,86%	16 163	36,09%
в промышленность	30 720	11,90%	29	0,06%
в конвойные войска	?	?	?	?
арестовано	10 272	3,98%	1284	2,87%
в госпитали, лазареты, умерло	?	?	?	?
Всего прошло проверку	258 208	100%	44 784	100%

Таким образом, среди рядового и сержантского состава благополучно проходило проверку **свыше 95 %** (или 19 из каждых 20) бывших военнопленных. Несколько иначе обстояло дело с побывавшими в плену офицерами. Арестовывалось из них меньше 3 %, но зато с лета 1943 до осени 1944 года значительная доля направлялась в качестве рядовых и сержантов в штурмовые батальоны. И это вполне понятно и оправданно – с офицера спрос больше, чем с рядового.

Кроме того, надо учесть, что офицеры, попавшие в штрафбаты и искупившие свою вину, восстанавливались в звании. Например, 1-й и 2-й штурмовые батальоны, сформированные к 25 августа 1943 года, в течение двух месяцев боёв показали себя с отличной стороны и приказом НКВД были расформированы. Бойцов этих подразделений восстановили в правах, в том числе и офицеров, и затем отправили воевать далее в составе Красной Армии.

А в ноябре 1944 года ГКО принял постановление, согласно которому освобождённые военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря. В их числе оказалось и более 83 тысяч офицеров. Из них после проверки 56 160 человек было уволено из армии, более 10 тысяч направлены в войска, 1567 лишены офицерских званий и разжалованы в рядовые, 15 241 переведены в рядовой и сержантский состав.

Итак, после знакомства с фактами, в том числе и опубликованными заведомыми антисталинистами, миф о трагической судьбе освобождённых советских военнопленных лопается, как мыльный пузырь. На самом деле вплоть до конца войны подавляющее большинство (свыше 90 %) советских военнослужащих, освобождённых из немецкого плена, после необходимой проверки в спецлагерях НКВД возвращались в строй или направлялись на работу в промышленность. Незначительное количество (около 4 %) было арестовано и примерно столько же направлено в штрафбаты.

В спецлагерях НКВД

Весьма популярным среди мифотворцев является утверждение, будто с освобождёнными советскими военнопленными в СССР обращались хуже, чем с взятыми в плен немцами. Например, вот что пишет М. И. Семиряга: *«Уж если говорить о парадоксе применительно к позиции Сталина и его окружения по отношению к военнопленным, то он состоял в том, что советское руководство относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена»*.

Между тем, чтобы определить, к кому относились более, а к кому менее гуманно, существует такой простой и наглядный показатель, как смертность.

Вот данные за июль-декабрь 1944 года из журнала статистического учёта наличия и движения контингента в спецлагерях НКВД СССР, куда поступали освобождённые советские военнопленные:

Лагерь	№	Период времени	Средняя численность	Умерло	В пересчёте на год
Шахтинский	048	10.VII — 10.XII	5819	26	1,07%
Бекетовский	108	10.VII — 10.XII	3440	21	1,46%
Калининский	140	10.VII — 10.XII	3087	10	0,77%
Армавирский	148	10.VII — 31.X	1395	4	0,93%
Подольский	174	10.VII — 10.XII	8644	20	0,55%
Рязанский	178	10.VII — 31.X	1017	3	0,96%
Феодосийский	187	10.VII — 10.X	735	0	0,00%
Люберецкий	201	20.VII — 20.XII	2258	11	1,17%
Тквибульский	205	10.VII — 10.XII	1796	5	0,67%
Петровский	240	10.VII — 10.XII	21 700	93	1,03%
Харьковский	258	10.VII — 10.XII	4493	6	0,32%
Угольный	283	1.VII — 30.XI	17 527	66	0,90%
Грозненский	301	10.VII — 10.XII	1049	5	1,14%
Березниковский	302	10.VII — 10.XII	10 745	85	1,89%
Северо-Уральский	305	1.VII — 30.XI	2790	10	0,86%
Подлипкинский	303	20.VII — 10.XII	1053	5	1,22%
Тулский	308	10.VII — 10.XII	9528	37	0,93%
Ворошиловградский	310	10.VII — 30.XI	5040	9	0,46%

Теперь посмотрим, какова была смертность немцев и их союзников в нашем плену. Вот данные из справки Л. П. Берии на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова о количестве военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, их физическом состоянии и распределении на работы по наркоматам. Согласно этому документу, на 5 декабря 1944 года у нас в плену находились 680 921 военнослужащих противника. При этом за последнюю декаду ноября в лагерях военнопленных умерли 6017 и в госпиталях 2176 человек. То есть, за 10 дней умерли 8193 пленных, или 1,2 %.

Для сравнения: в 15 спецлагерях НКВД, по которым в упомянутом выше журнале статистического учёта есть данные за последнюю декаду ноября, из 120 тысяч проходивших проверку освобождённых советских военнопленных и прочего контингента (на начало последней декады их там находилось 123 765, на конец декады – 119 859) умер всего лишь 41 человек или 0,03 %.

Впрочем, не стоит думать, будто в НКВД стремились специально уморить побольше пленных немцев, румын, итальянцев и прочих граждан тогдашней объединённой Европы, явившихся приобщать варварскую Россию к западной цивилизации. Как отмечается в той же справке Берии: *«В октябре и ноябре с.г. в лагеря поступило 97 000 военнопленных, главным образом из окружённой в районе Кишинёва группировки войск противника. Больше половины из них оказались истощёнными и больными. Несмотря на мероприятия по их оздоровлению, смертность этого состава военнопленных в октябре и ноябре резко повысилась»*.

Однако освобождённые советские военнопленные поступали в спецлагерь НКВД тоже отнюдь не из санаториев. Тем не менее смертность среди них была в десятки раз меньшей.

А вот данные из справки зам. начальника 1-го управления ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта медицинской службы М. Я. Зетилова от 14 января 1947 года о диагнозах смертности среди военнопленных немцев по месяцам 1945–1946 гг. В 1945 году смертность пленных немцев выражалась следующими цифрами:

Месяц	Число смертных случаев	% числа военнопленных
Январь	23 827	4,20
Февраль	21 703	3,80
Март	17 184	3,00
Апрель	10 520	1,75
Май	7503	1,00
Июнь	4296	0,43
Июль	3893	0,30
Август	5433	0,35
Сентябрь	7287	0,47
Октябрь	7817	0,53
Ноябрь	8488	0,58
Декабрь	8883	0,62

Не менее интересно сопоставить смертность освобождённых советских военнопленных, содержащихся в спецлагерях НКВД, со смертностью заключённых в советских тюрьмах и лагерях. В 1944 году она составила 8,84 % в лагерях ГУЛАГа и 3,77 % в тюрьмах. Думаю, теперь мы можем вполне оценить «добросовестность» тех авторов, которые приравнивают прохождение проверки в спецлагере НКВД к заключению в ГУЛАГе, как это сделал, к примеру, некий Марк Штейнберг в своей статье, недавно опубликованной в «Независимом военном обозрении»: *«Свыше полутора миллионов мужчин в стране, потерявшей значительную часть именно этого компонента своей демографии, были изолированы в так называемых фильтрационных центрах. Условия в них ничем не отличались от гулаговских и немалая часть “фильтруемых” погибла»*.

Лавриненков и Девятаев

Ярким примером судьбы советского офицера, вернувшегося из немецкого плена, является история лётчика-истребителя Владимира Дмитриевича Лавриненкова. 1 мая 1943 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. 23 августа 1943 года старший лейтенант Лавриненков таранил немецкий самолёт, после чего был вынужден выбраться с парашютом над территорией, занятой противником, и попал в плен. Его отправили в Берлин для допроса, но в пути он вместе с другим лётчиком, Виктором Карюкиным, выпрыгнул ночью из идущего на полной скорости поезда и скрылся. Пробираясь к линии фронта, лётчики наткнулись на партизанский отряд имени В. И. Чапаева, действовавший в районе Переяслава, и присоединились к нему.

В одном из боёв Виктор Карюкин погиб. Лавриненков же в течение трёх месяцев воевал в партизанском отряде, а после прихода Красной Армии вернулся в свой полк. Вопреки стереотипам антисталинской пропаганды, он не подвергся никаким репрессиям. Ему было присвоено очередное воинское звание, а 1 июля 1944 года Лавриненков стал дважды Героем Советского Союза.

Впоследствии Владимир Дмитриевич также не подвергался каким-либо преследованиям за своё пребывание в плену. В 1948 году он окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1954-м – Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова и закончил свою карьеру генерал-полковником авиации.

Столь же показательна и судьба другого лётчика, побывавшего в германском плену, – Михаила Петровича Девятаева. 13 июля 1944 года старший лейтенант Девятаев был сбит и попал в плен. Через некоторое время он оказался в концлагере на острове Узедом. 8 февраля 1945 года группа из 10 советских военнопленных совершила дерзкий побег, захватив немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111». После двух часов полёта самолёт, пилотируемый Девятаевым, сел в расположении советских войск.

Рассказывая о подвиге Девятаева, нынешние СМИ обязательно добавляют, что вернувшись к своим, он якобы попал в ГУЛАГ и был освобождён только после смерти Сталина. Вот что говорит по этому поводу сам Девятаев:

«– Михаил Петрович, а правда, что вы после побега из плена пятнадцать лет сидели? – иногда задают мне вопрос.

Что же? Такие толки породили годы безгласности. Нет. Я не сидел в тюрьме. Эти слухи пора

развезть. Но сразу же после побега мною, моими друзьями по экипажу особо не восторгались. Скорее наоборот. Мы подверглись довольно жестокой проверке. Длительной и унижительной».

И действительно, пройдя проверку, в ноябре 1945 года старший лейтенант Девятаев был уволен в запас. С 1946 года он работал в Казанском речном порту.

К сожалению, подвиг Девятаева действительно не был своевременно оценён по заслугам. Лишь 15 августа 1957 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Тем не менее, репрессиям он не подвергался.

Репатриация

После Великой Отечественной войны началось массовое освобождение советских военнопленных и гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны. Согласно директиве Ставки № 11 086 от 11 мая 1945 года для приёма репатрируемых советских граждан, освобождаемых войсками союзников, Наркоматом обороны было организовано 100 лагерей. Кроме того действовали 46 сборных пунктов для приёма советских граждан, освобождённых Красной Армией.

22 мая 1945 года ГКО принял постановление, в котором по инициативе Л. П. Берии устанавливался 10-дневный срок регистрации и проверки репатриантов, после чего гражданские лица подлежали отправке к месту постоянного жительства, а военные – в запасные части. Однако в связи с массовым наплывом репатриантов 10-дневный срок оказался нереальным и был увеличен до одного-двух месяцев.

В качестве примера рассмотрим работу Шахтинского проверочно-фильтрационного лагеря № 048. Согласно донесению временно исполняющего обязанности начальника управления ПФЛ № 048 подполковника Райберга о наличии и движении спецконтингента за период с 1 января по 1 августа 1945 года результаты проверки находившихся в лагере бывших военнопленных оказались следующими:

	офицеров	сержантов	рядовых	итого 1-й группы
Состояло на 1 января 1945 г.	19	605	3224	3848
Прибыло с 1.01 по 1.08.1945	154	191	979	1324
Убыло:				
в народное хозяйство	—	461	2853	3314
в спец. строительства НКВД	—	5	19	24
в кадры НКВД	—	47	130	177
в запасные части Красной Армии	28	—	—	28
в охрану проверочно-фильтрационных лагерей	—	13	44	57
в охрану ГУЛАГа	—	4	21	25
в гор. и рай. военкоматы	—	2	17	19
к месту жительства	—	—	4	4
арестовано окр «Смерш» и О.Ч.О. лагеря	16	17	43	76
бежало	—	1	—	1
умерло	—	—	4	4
в Подольский ПФЛ №174	108	1	1	110
Итого убыло	152	551	3136	3839
Состояло на 1 августа 1945 г.	21	245	1067	1333

Итак, из 44 проверенных офицеров благополучно прошли проверку 28 (63,6 %), из 549 сержантов – 532 (96,9 %), из 3131 рядового – 3088 (98,6 %). В целом по военнопленным из 3724 человек благополучно прошли проверку 3648 (98,0 %).

А вот аналогичные сведения из донесения подполковника Райберга о наличии и движении спецконтингента за период с 1 августа 1945-го по 1 января 1946 года:

	офицеров	сержантов	рядовых	итого 1-й группы
Состояло на 1 августа 1945 г.	50	394	1640	2084
Прибыло с 1.08.1945 по 1.01.1946	4	41	182	227
Убыло:				
в народное хозяйство	1	167	724	892
в кадры НКВД	—	11	34	45
в запасные части Красной Армии	46	—	—	46
в рабочий батальон комбината «Рост. уголь»	—	9	46	55
в рабочий батальон ПФЛ №048 НКВД	—	156	669	825
в гор. и рай. военкоматы	—	5	6	11
по месту жительства	1	11	33	45
арестовано окр «Смерш» и О.Ч.О. лагеря	6	45	205	256
в бегах	—	—	1	1
умерло	—	—	2	2
Итого убыло	54	404	1720	2178
Состояло на 1 января 1946 г.	—	31	102	133

Таким образом, из 54 проверенных офицеров благополучно прошли проверку 48 (88,9 %), из 404 сержантов – 359 (88,9 %), из 1717 рядовых – 1512 (88,1 %). В целом по военнопленным из 2175 человек благополучно прошли проверку 1919 (88,2 %).

А вот результаты проверки находившегося в том же лагере спецконтингента 2-й учётной группы – лиц, состоявших на службе у немцев:

	старост	полицейских	власовцев	Легионеров	служ. в нем. и других армиях противника	прочие служ. в кар. и адм. органах противника	итого 2-й группы
Состояло на 1 января 1945 г.	118	644	2	3	846	274	1887
Прибыло с 1.01 по 1.08.1945	6	23	17	344	1369	74	1833
Убыло:							
в народное хозяйство	81	386	5	283	886	276	1917
в спец. строительства НКВД	2	36	—	1	60	1	100
в кадры НКВД	3	5	—	—	9	2	19
в запасные части Красной Армии	—	1	—	—	4	—	5
в охрану проверочно-фильтрационных лагерей	—	—	—	—	2	2	4
в гор. и рай. военкоматы	—	2	—	—	1	1	4
к месту жительства	—	—	—	—	1	—	1
арестовано окр «Смерш» и О.Ч.О. лагеря	7	36	2	2	221	11	279
бежало	1	1	—	—	—	—	2
умерло	—	4	—	—	4	—	8
в Подольский ПФЛ №174	—	—	—	—	14	4	18
Итого убыло	94	471	7	286	1202	297	2357
Состояло на 1 августа 1945 г.	30	196	12	61	1013	51	1363

Таким образом, результаты проверки с 1 января по 1 августа 1945 года оказались следующими:

	старост	полицей- ских	власов- цев	легио- - неров	служ. в нем. и других армиях противника	прочие служ. в кар. и адм. органах противника	итого 2-й группы
Прошло проверку	93	466	7	286	1184	293	2329
В т.ч. благополучно	86	430	5	284	963	282	2050
%	92,5	92,3	71,4	99,3	81,3	96,2	88,0

Просто поразительно. Среди прошедших проверку бывших немецких прислужников арестовано всего лишь 12 %. Для остальных она окончилась благополучно. Не правда ли, наглядный пример работы «бездушной карательной машины тоталитарного государства»? Однако тем, кто был проверен в Шахтинском ПФЛ в следующие пять месяцев, повезло ещё больше:

	старост	полицей- ских	власов- цев	легио- - неров	служ. в нем. и других армиях противника	прочие служ. в кар. и адм. органах противника	итого 2-й группы
Состояло на 1 августа 1945 г.	17	106	1	3	640	47	814
Прибыло с 1.08.1945 по 1.01.1946	4	14	—	1	243	189	451
Убыло:							
в народное хозяйство	9	42	1	1	45	117	215
в Наркомстрой СССР г. Севастополь	—	—	—	—	199	—	199
в кадры НКВД	2	—	—	—	—	1	3
в рабочий батальон комбината «Рост. уголь»	3	—	—	—	—	56	59
в рабочий батальон ПФЛ №048 НКВД	3	63	—	2	303	14	385
по месту жительства	3	3	—	—	24	41	71
арестовано окр «СМЕРШ» и О.Ч.О. лагеря	1	3	—	—	3	1	8
в лагеря ГУПВИ НКВД	—	—	—	—	9	—	9
в бегах	—	—	—	—	1	—	1
умерло	—	—	—	—	7	1	8
Итого убыло	21	111	1	3	591	231	958
Состояло на 1 января 1946 г.	—	9	—	1	292	5	307

	старост	полицей- ских	власов- цев	легио- - неров	служ. в нем. и других армиях противника	прочие служ. в кар. и адм. органах противника	итого 2-й группы
Прошло проверку	21	111	1	3	574	230	940
В т.ч. благополучно	20	108	1	3	571	229	932
%	95,2	97,3	100,0	100,0	99,5	99,6	99,1

Наконец, 3-я учётная группа – гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником. На 1 января 1945 года их в лагере имелось 689, с 1 января по 1 августа поступило 404, прошло проверку 498, в том числе арестовано 17 человек. То есть благополучно прошли проверку 96,6 %. На 1 августа их имелось 387, с 1 августа 1945 по 1 января 1946 года поступило 119, прошло проверку 481, в том числе арестован 1 человек – доля благополучно прошедших проверку возросла до 99,8 %.

Окончательные итоги проверки советских военнопленных и гражданских лиц, освобождённых после войны, выглядят следующим образом. К 1 марта 1946 года было репатрировано 4 199 488 советских граждан (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 1 846 802 поступило из зон действия советских войск за границей и 2 352 686 принято от англо-американцев и прибыло из других стран.

Результаты проверки и фильтрации репатриантов (по состоянию на 1 марта 1946 г.)

Категории репатриантов	гражданские	%	военнопленные	%
Направлено к месту жительства	2 146 126	80,68	281 780	18,31
Призвано в армию	141 962	5,34	659 190	42,82
Зачислено в рабочие батальоны НКВД	263 647	9,91	344 448	22,37
Передано в распоряжение НКВД	46 740	1,76	226 127	14,69
Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	61 538	2,31	27 930	1,81

Таким образом, из военнопленных, освобождённых после окончания войны, репрессиям подверглись лишь 14,69 %. Как правило, это были власовцы и другие пособники оккупантов. Так, согласно инструкциям, имевшимся у начальников проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду:

- руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций;
- рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей;
- бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника;
- бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов;
- сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов.

Какой же была дальнейшая судьба этих попавших в руки НКВД «борцов за свободу»? Большинству из них было объявлено, что они заслуживают самого сурового наказания, но в связи с победой над Германией Советское правительство проявило к ним снисхождение, освободив от уголовной ответственности за измену Родине, и ограничилось отправкой на спецпоселение сроком на 6 лет.

Такое проявление гуманизма явилось для пособников фашистов полной неожиданностью. Вот характерный эпизод. 6 ноября 1944 года в Мурманск прибыли два английских корабля, на борту которых находились 9907 бывших советских военнослужащих, сражавшихся в рядах немецкой армии против англо-американских войск и взятых ими в плен.

Согласно статье 193-22 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР: *«Самовольное оставление поля сражения во время боя, сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля, влекут за собою – высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества»*. Поэтому многие «пассажиры» ожидали, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные советские представители объяснили, что Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 году большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Вот характерное свидетельство живущего в Пудожском районе Карелии писателя и краеведа Е. Г. Нилова: *«Власовцев привезли в наш район вместе с военнопленными немцами и разместили их в тех же лагерных пунктах. Странный был у них статус – и не военнопленные, и не заключённые. Но какая-то вина за ними числилась. В частности, в документах одного жителя Пудожа, значилось: “Направлен на спецпоселение сроком на 6 лет за службу в немецкой армии с 1943-го по 1944-й год рядовым...”. Но жили они в своих бараках, за пределами лагерных зон, ходили свободно, без конвоя»*.

Всего в 1946–1947 гг. на спецпоселение поступили 148 079 власовцев и других пособников оккупантов. На 1 января 1953 года на спецпоселении оставались 56 746 власовцев, 93 446 были освобождены в 1951–1952 гг. по отбытии срока.

Что же касается пособников оккупантов, запятнавших себя конкретными преступлениями, то они были направлены в лагеря ГУЛАГа, составив там достойную компанию Солженицыну.

Пару слов следует сказать и о бывших советских военнопленных, зачисленных в рабочие батальоны. Многие недобросовестные исследователи и публицисты включают их в разряд репрессированных. Между тем это совершенно не так.

В 1945 году после увольнения в запас красноармейцев тех возрастов, на которые распространялся приказ о демобилизации, были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава

соответствующих возрастов. Вполне естественно и справедливо, что остальных военнопленных, сверстники которых продолжали служить в армии, следовало восстановить на военной службе. Однако война уже кончилась, и теперь стране были нужны рабочие, а не солдаты. Поэтому в соответствии с постановлением ГКО от 18 августа 1945 года часть из них была зачислена в рабочие батальоны.

По директиве Генерального штаба Вооружённых сил СССР от 12 июля 1946 года эти батальоны, являвшиеся аналогом современных стройбатов, были расформированы, а их личный состав получил статус *«переведённые в постоянные кадры промышленности»*. По Постановлению Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 года на них было полностью распространено действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий истроек. Они сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть установленное государством место работы.

В 1946–1948 гг. из Советской Армии были демобилизованы военнослужащие ряда возрастов. Соответственно их ровесники, ранее зачисленные в рабочие батальоны, получили разрешение вернуться в места, где они жили до войны.

Подведём итоги. Как мы могли убедиться, из военнопленных, освобождённых во время войны, подверглось репрессиям **менее 10 %**, из освобождённых после войны – **менее 15 %**, причем большинство репрессированных вполне заслужило свою участь. Имелись и пострадавшие безвинно, но это было исключением из правил, а отнюдь не правилом.

«Подвиг» майора Пугачёва

С хрущёвских времён в фольклор обличителей сталинизма прочно вошёл рассказ Варлама Шаламова «Последний бой майора Пугачёва», в котором изложена душещипательная история побега из колымского лагеря и героической гибели 12 бывших офицеров, невинно осуждённых сталинскими палачами. Вдохновившись этим волнующим сюжетом, режиссёр Владимир Фатьянов даже решил снять по нему художественный фильм:

«Владимир Фатьянов снимает фильм по рассказам Шаламова.

Таких людей, как герой Игоря Лифанова, – сражавшихся с немецкими захватчиками, прошедших через немецкий плен, вернувшихся на родину и осуждённых трибуналом на пребывание в сталинских лагерях, – было много... О них новый фильм режиссёра Владимира Фатьянова “Последний бой майора Пугачёва”. В основе сценария лежат “Колымские рассказы” Варлама Шаламова. В картине также заняты Игорь Волков, Виктор Молчан, Галина Бокашевская».

В результате фильм Фатьянова вышел на экраны к 9 мая 2005 года. Так сказать, ещё один ушат помоев к юбилею Победы.

Как мы уже убедились, основная масса освобождённых из плена советских военнослужащих благополучно проходила проверку. Но даже те из них, кто арестовывался органами НКВД, в большинстве своём отделялись ссылкой. Чтобы попасть на Колыму, надо было совершить что-то серьёзное, запятнать себя конкретными преступлениями на службе у гитлеровцев. Не стали исключением из этого правила и прототипы шаламовских «героев».

О том, как выглядел «подвиг майора Пугачёва» на самом деле, рассказал Александр Бирюков в телепередаче «Шаги победы», показанной по Магаданскому телевидению 5 сентября 1995 года. Оказывается, такой факт действительно имел место. Бежали, предварительно задушив вахтенного караульного. В перестрелках с преследующими их солдатами убили ещё несколько человек. И действительно, из 12 «героев» 10 являлись бывшими военными: 7 человек – власовцы, избежавшие высшей меры только потому, что после войны в СССР была отменена смертная казнь. Двое – полицаи, добровольно перешедшие на службу к немцам (один из них дослужился до чина начальника сельской полиции), расстрела или петли избежали по той же причине. И только один – бывший морской офицер, имевший до войны две судимости по уголовным статьям и попавший в лагерь за убийство милиционера при отягчающих обстоятельствах. При этом 11 из 12 имели отношение к лагерной администрации: нарядчик, повар и т. п. Характерная деталь: когда ворота «зоны» оказались широко распахнутыми, из 450 заключённых за беглецами не последовал больше никто.

Ещё один показательный факт. В ходе погони 9 бандитов были убиты, трое же уцелевших возвращены в лагерь, откуда, спустя годы, но ещё до окончания полученного ими срока, вышли на волю. После чего, вполне возможно, рассказывали внукам о том, как безвинно страдали в годы «культы личности». Остаётся лишь в очередной раз посетовать на излишнюю мягкость и гуманность сталинского правосудия.

«Простые крестьяне» или военные преступники?

Ещё один пример «пострадавших» из числа бывших советских военнопленных приводится Солженицыным в пресловутом «Архипелаге ГУЛАГ». Впрочем, данный «труд» содержит такое количество вранья, что, приди кому в голову пунктуально опровергнуть каждую отдельно взятую ложь нобелевского лауреата, глядишь – получится фолиант, не уступающий по толщине оригиналу.

Однако враньё вранью рознь. Есть ложь грубая, сразу бросающаяся в глаза – к примеру, насчёт десятков миллионов арестованных или 15 миллионов мужиков, якобы высланных во время коллективизации. Но встречается у Солженицына и ложь изысканная, неочевидная, которую легко принять за правду, если не знать фактов. Об одной такой лжи и пойдёт здесь речь.

«Поразительно, что на Западе, где невозможно долго хранить политические тайны, они неизбежно прорываются в публикации, разглашаются, именно тайна этого предательства отлично, тщательно сохранена британским и американским правительствами – воистину, последняя тайна Второй мировой войны или из последних. Много встречавшись с этими людьми в тюрьмах и лагерях, я четверть века поверить не мог бы, что общественность Запада ничего не знает об этой грандиозной по своим масштабам выдаче западными правительствами простых людей России на расправу и гибель. Только в 1973 (Sunday Oklahoman, 21 янв.) прорвалась публикация Юлиуса Эпштейна, которому здесь я осмеливаюсь передать благодарность от массы погибших и от немногих живых. Напечатан разрозненный малый документ из скрываемого донныне многотомного дела о насильственной репатриации в Советский Союз. “Прожив два года в руках британских властей, в ложном чувстве безопасности, русские были застигнуты врасплох, они даже не поняли, что их репатрируют... Это были главным образом простые крестьяне с горькой личной обидой против большевиков”. Английские же власти поступили с ними “как с военными преступниками: помимо их воли передали в руки тех, от кого нельзя ждать правого суда”. Они и были все отправлены на Архипелаг уничтожаться. В какой части мира и какой контингент западные правительства осмелились бы так выдать, не боясь в своих странах общественного гнева?» .

Жалкое зрелище! Душераздирающее зрелище! Кошмар!!! «Горько обиженные большевиками» «простые крестьяне» наивно доверились англичанам – исключительно по простоте душевной, надо полагать – и на тебе: вероломно выданы кровожадным чекистам на несправедный суд и расправу. Однако не спешите оплакивать их печальную судьбу. Чтобы разобраться с этим эпизодом, следует хотя бы вкратце вспомнить историю послевоенной репатриации советских граждан, оказавшихся в руках «союзников».

В октябре 1944 года было создано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Возглавил его генерал-полковник Ф. И. Голиков, бывший начальник Разведуправления Красной Армии. Задача, поставленная перед этим ведомством, состояла в полной репатриации оказавшихся за границей советских граждан – военнопленных, гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию и другие страны, а также отступивших с немецкими войсками пособников оккупантов.

С самого начала Управление столкнулось с трудностями и сложностями. Вызвано это было тем, что союзники отнеслись к идее полной репатриации советских граждан, мягко говоря, без энтузиазма и чинили всевозможные препятствия.

Вот, к примеру, цитата из сводки от 31 октября 1944 года Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-полковника Ф. И. Голикова на имя заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышёва:

«Англия: а) из числа военнопленных, подготавливаемых к отправке из Ливерпуля в Мурманск, изъят ряд сов. граждан, которые заменены другими лицами, не учтёнными нашими представителями. Из лагеря Борроуз Хау были 18.10 изъяты литовцы, латыши, эстонцы и один русский как не “советские подданные”, а 25.10 отправлено 8 армян в английскую контрразведку. До десяти человек русских с лейтенантом КРЫЛОВЫМ находятся на службе у англичан, что последние скрывают» .

А вот цитата из следующей сводки от 10 ноября 1944 года:

«При отправке 31.10 из Ливерпуля в Мурманск транспортов с репатрированными сов. гражданами англичане не доставили и не догрузили на корабли 260 сов. граждан. Из намечавшихся к отправке 10 167 чел. (о чем Британское Посольство официально заявило) прибыло и принято в Мурманске 9907 чел. Англичанами не были отправлены 12 человек изменников Родины. Кроме того, были задержаны отдельные лица из числа военнопленных, которые настойчиво просили отправить их с первым транспортом, а также изъяты граждане по национальности: литовцы, латыши, эстонцы уроженцы Западной Белоруссии и Западной Украины под предлогом, что они не являются советскими

подданными...» .

Тем не менее 11 февраля 1945 года на Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании были заключены соглашения относительно возвращения на Родину освобождённых войсками США и Великобритании советских граждан, а также возвращения военнопленных и гражданских лиц США и Великобритании, освобождённых Красной Армией. В этих соглашениях был закреплён принцип обязательной репатриации всех советских граждан.

После капитуляции Германии встал вопрос о передаче перемещённых лиц непосредственно через линию соприкосновения союзных и советских войск. По этому поводу в мае 1945 года состоялись переговоры в германском городе Галле. Как ни артачился возглавлявший делегацию союзников американский генерал Р. В. Баркер, пришлось ему 22 мая подписать документ, согласно которому должна была состояться обязательная репатриация всех советских граждан, как «восточников» (т. е. проживавших в границах СССР до 17 сентября 1939 года), так и «западников» (жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии).

Но не тут-то было. Несмотря на подписанное соглашение, союзники применяли насильственную репатриацию лишь к «восточникам», передавая советским властям летом 1945 года власовцев, казаков атаманов Краснова и Шкуро, «легионеров» из туркестанского, армянского, грузинского легионов и прочих подобных формирований. Однако ни одного бандеровца, ни одного солдата украинской дивизии СС «Галичина», ни одного служившего в немецкой армии и легионах литовца, латыша или эстонца выдано не было.

А на что, собственно, рассчитывали власовцы и другие «борцы за свободу», ища убежища у западных союзников СССР? Как следует из сохранившихся в архивах объяснительных записок репатриантов, большинство власовцев, казаков, «легионеров» и прочих «восточников», служивших немцам, совершенно не предвидело, что англичане и американцы будут насильно передавать их советским властям. Среди них царило убеждение, что скоро Англия и США начнут войну против СССР и в этой войне новым хозяевам понадобятся их услуги.

Однако здесь они просчитались. В то время США и Великобритания всё ещё нуждались в союзе со Сталиным. Чтобы обеспечить вступление СССР в войну против Японии, англичане и американцы готовы были пожертвовать какой-то частью своих потенциальных холуёв. Естественно, наименее ценной. «Западников» – будущих «лесных братьев» – следовало поберечь. Вот и выдавали понемногу власовцев да казаков, чтобы усыпить подозрения Советского Союза.

Следует сказать, что если насильственная репатриация советских граждан-«восточников» из американской зоны оккупации Германии и Австрии носила достаточно широкий размах, то в английской зоне она была весьма ограниченной. Офицер советской репатриационной миссии в английской зоне оккупации Германии А. И. Брюханов так охарактеризовал это различие:

«Прожжённые английские политиканы, видимо, ещё до окончания войны смекнули, что перемещённые лица им пригодятся, и с самого начала взяли курс на срыв репатриации. Американцы же в первое время после встречи на Эльбе соблюдали принятые на себя обязательства. Не мудрствующие лукаво фронтовые офицеры передавали Советской стране как честных граждан, стремившихся на Родину, так и подлежащих суду головорезов-изменников. Но это продолжалось очень недолго» .

Действительно, «это» продолжалось очень недолго. Стоило Японии капитулировать, как представители «цивилизованного мира» в очередной раз наглядно показали, что выполняют подписанные ими договоры лишь до тех пор, пока им это выгодно.

С осени 1945 года западные власти фактически распространили принцип добровольности репатриации и на «восточников». Насильственная передача Советскому Союзу советских граждан за исключением лиц, отнесённых к категории военных преступников, прекратилась. С марта же 1946 года бывшие союзники окончательно перестали оказывать какое-либо содействие СССР в репатриации советских граждан.

Однако военных преступников, хотя и далеко не всех, англичане и американцы Советскому Союзу всё-таки выдавали. Даже после начала «холодной войны».

Вернёмся теперь к эпизоду с «простыми крестьянами» , о трагической судьбе которых стелет Солженицын. В процитированном отрывке ясно сказано, что эти люди пробыли в руках англичан два года. Следовательно, они были переданы советским властям во второй половине 1946 года или же в 1947 году. То есть, уже во время «холодной войны», когда бывшие союзники никого, кроме военных преступников, насильно не выдавали. Значит, официальные представители СССР предъявили доказательства, что эти люди являются военными преступниками. Причем **доказательства, неопровержимые для британского правосудия** , – в документах Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации постоянно говорится, что бывшие союзники не выдают военных

преступников из-за недостаточной, по их мнению, обоснованности отнесения этих лиц к такой категории. В данном же случае сомнений в «обоснованности» у англичан не возникло.

Надо полагать, эти граждане вымещали свою «горькую обиду на большевиков», участвуя в карательных операциях, расстреливая семьи партизан и сжигая деревни. Властям Великобритании поневоле пришлось выдать «простых крестьян» Советскому Союзу. Ведь английским обывателям ещё не успели разъяснить, что СССР – «империя зла». «Общественный гнев» у них вызвало бы именно укрывательство лиц, участвовавших в фашистском геноциде, а не их выдача.

Зато «политически грамотный» Солженицын называет эту выдачу «предательством» и предлагает посочувствовать героям зондеркоманд. Впрочем, чего ещё ждать от человека, мечтавшего во время отсидки об американском ядерном ударе по своей родной стране:

«И, гуляя во дворе, мы запрокидывали головы к белёсо-знойному июльскому небу. Мы бы не удивились и нисколько не испугались, если бы клин чужеземных бомбардировщиков выполз бы на небо...

Мы накаляли друг друга таким настроением – и жаркой ночью в Омске, когда нас, распаренное, испотевшее мясо, месили и втхивали в воронки, мы кричали надзирателям из глубины: “Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!” ... И так уж мы изболелись по правде, что не жаль было и самим сгореть под одной бомбой с палачами».

В заключение этой главы следует сказать пару слов о моральной стороне вопроса. Вне зависимости от того, карается она Уголовным кодексом или нет, добровольная сдача в плен остаётся позорным поступком. Поэтому объявлять бывших военнопленных героями – значит глумиться над памятью тех советских солдат и офицеров, которые предпочли умереть, но не сдаться.

Глава 13. Заградительные отряды: вымысел и реальность

Начиная с хрущёвской «оттепели» в фольклор так называемых «шестидесятников» прочно вошли душераздирающие рассказы о том, как во время Великой Отечественной войны сталинские заградотряды якобы расстреливали наши отступающие подразделения. В сидящих на кухнях компаниях вольнодумствующих интеллигентов нередко можно было услышать исполняемую под гитару песню примерно такого содержания:

*«Эта рота наступала по болоту,
А потом ей приказали и она пошла назад.
Эту роту расстрелял из пулемёта
Свой же заградительный отряд».*

И сегодня те, кому не даёт покоя неоспоримый факт, что Победа в Великой Отечественной войне достигнута под руководством Сталина, продолжают активно эксплуатировать тему заградотрядов. Так, накануне 60-летия со дня нападения Германии на нашу страну некий Вадим Белоцерковский выплеснул со страниц «Новой газеты» очередной ушат помоев на Сталина и СССР. Утверждая, что «у огромной массы населения Советского Союза не было желания воевать за режим, принёсший им столько страданий», этот бывший сотрудник финансируемой ЦРУ радиостанции «Свобода» пишет:

«Не менее яркое доказательство и создание летом 1941 года заградительных отрядов, которые должны были стрелять в отступавших солдат».

В чём же состояло действительное предназначение заградотрядов и какие они имели полномочия?

Задержание подозрительного элемента

Следует сразу отметить, что сам по себе термин «заградительный отряд» – довольно-таки расплывчатый: «Заградотряд, или отряд заграждений, – постоянное или временное воинское формирование, создаваемое для выполнения боевой или специальной задачи».

Кем формируется заградотряд, кому он подчиняется, какие конкретно задачи выполняет – из данного определения не видно. Можно провести аналогию со столь модным ныне термином «спецназ»: очевидно, что милицейский спецназ – это одно, а, к примеру, спецназ ГРУ – совсем другое.

В ходе войны ведомственная принадлежность, состав и функции заградотрядов неоднократно менялись.

Как известно, в начале февраля 1941 года наркомат внутренних дел был разделён на собственно НКВД и наркомат государственной безопасности (НКГБ). При этом военная контрразведка согласно

постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1941 года была выделена из НКВД и передана наркоматам обороны и Военно-морского флота СССР, где были созданы Третье управления НКО СССР и НКВМФ СССР.

27 июня 1941 года Третье управление наркомата обороны СССР издаёт директиву № 35523 о работе своих органов в военное время. В ней, в частности, была предусмотрена:

«Организация подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т. д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников органов Третьего управления с задачами:

- а) задержания дезертиров;*
- б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта;*
- в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКО (1–2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности»* .

Как видим, первоначально заградительные отряды должны были осуществлять только задержание дезертиров, а также оказавшегося возле линии фронта подозрительного элемента и вести предварительное расследование, после чего передавать задержанных в соответствующие судебные органы.

В июле 1941 года происходит объединение НКВД и НКГБ. 17 июля 1941 года постановлением Государственного Комитета Обороны № 187сс органы Третьего управления НКО преобразуются в особые отделы и также переходят в подчинение НКВД. Помимо прочего, это способствовало установлению более тесной связи между ними и территориальными органами госбезопасности. При этом особым отделам предоставляется право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

На следующий день нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в своей директиве № 169 так разъяснил задачи особых отделов:

«Смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникёрами и дезорганизаторами.

Беспощадная расправа с паникёрами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной Армии, так же важна, как и борьба со шпионажем и диверсией» .

Для обеспечения оперативных мероприятий приказом НКВД СССР № 00941 от 19 июля 1941 года при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при особых отделах армий – отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов – отдельные стрелковые батальоны, укомплектованные личным составом войск НКВД.

Выполняя свои задачи, особые отделы, в частности, выставляли заградительные отряды в тылу наших войск:

«Инструкция для особых отделов НКВД Северо-Западного фронта по борьбе с дезертирами, трусами и паникёрами

...

§ 4

Особые отделы дивизии, корпуса, армии в борьбе с дезертирами, трусами и паникёрами осуществляют следующие мероприятия:

- а) организуют службу заграждения путём выставления засад, постов и дозоров на войсковых дорогах, дорогах движения беженцев и других путях движения, с тем чтобы исключить возможность какого бы то ни было просачивания военнослужащих, самовольно оставивших боевые позиции;*
- б) тщательно проверяют каждого задержанного командира и красноармейца с целью выявления дезертиров, трусов и паникёров, бежавших с поля боя;*
- в) всех установленных дезертиров немедленно арестовывают и ведут следствие для предания их суду военного трибунала. Следствие заканчивать в течение 12-часового срока;*
- г) всех оставших от части военнослужащих организуют повзводно (поротно) и под командой проверенных командиров в сопровождении представителя особого отдела направляют в штаб соответствующей дивизии;*
- д) в особо исключительных случаях, когда обстановка требует принятия решительных мер для немедленного восстановления порядка на фронте, начальнику особого отдела представляется право расстрела дезертиров на месте. О каждом таком случае начальник особого отдела доносит в особый отдел армии и фронта;*
- е) приводят в исполнение приговор военного трибунала на месте, а в необходимых случаях перед*

строим;

ж) ведут количественный учёт всех задержанных и направленных в части и персональный учёт всех арестованных и осуждённых;

з) ежедневно доносят в особый отдел армии и особый отдел фронта о количестве задержанных, арестованных, осуждённых, а также о количестве переданных в части командиров, красноармейцев и материальной части» .

Следующий документ – директива Управления особых отделов НКВД СССР № 39212 от 28 июля 1941 года об усилении работы заградительных отрядов по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта. В ней, в частности, сказано:

«...Одним из серьёзных средств выявления засылаемых к нам агентов германской разведки являются организованные заградительные отряды, которые должны тщательно проверять всех без исключения военнослужащих, неорганизованно пробирающихся с фронта в прифронтовую полосу, а также военнослужащих, группами или в одиночку попадающих в другие части.

Однако имеющиеся материалы говорят о том, что работа заградительных отрядов ещё недостаточно организована, проверка задержанных лиц проводится поверхностно, зачастую не оперативным составом, а военнослужащими.

В целях выявления и беспощадного уничтожения агентуры противника в частях Красной Армии предлагаю:

1. Усилить работу заградительных отрядов, для чего выделить в отряды опытных оперативных работников. Установить, как правило, что опрос всех без исключения задерживаемых должен производиться только оперработниками.

2. Всех лиц, возвратившихся из германского плена, как задержанных заградительными отрядами, так и выявленных агентурным и другим путём, арестовывать и тщательно допрашивать об обстоятельствах пленения и побега или освобождения из плена.

Если следствием не будут добыты данные о причастности их к органам германской разведки, таких лиц из-под стражи освободить и направлять на фронт в другие части, установив за ними постоянное наблюдение как со стороны органов особого отдела, так и со стороны комиссара части» .

Отстрел эстонских бандитов

О повседневной работе заградительных отрядов в первые месяцы войны даёт представление докладная записка начальника 3-го отдела Краснознамённого Балтийского флота дивизионного комиссара Лебедева № 21431 от 10 декабря 1941 года в Военный совет КБФ.

Заградительный отряд при 3-м отделе Балтийского флота был сформирован в июне 1941 года. Он представлял собой оснащённую автотранспортом манёвренную роту. Для её усиления по инициативе 3-го отдела на одном из предприятий Таллина были изготовлены два самодельных бронеавтомобиля.

Первоначально отряд действовал на территории Эстонии. В целях борьбы с дезертирством на дорогах, ведущих в Таллин и Ленинград, были выставлены заслоны. Однако поскольку сухопутный фронт в тот момент проходил достаточно далеко, случаев дезертирства в зоне ответственности наблюдалось мало. В связи с этим основные усилия заградотряда и приданной ему группы оперативных работников были направлены на борьбу с укрывавшимися в лесах и болотах бандами эстонских националистов.

Значительное количество мелких банд, состоявших главным образом из членов организации «Кайтселиит», оперировали на шоссе на дорогах, нападая на небольшие подразделения Красной Армии и отдельных военнослужащих.

В результате работы заградотряда в первые дни войны в районе Локса было поймано шесть бандитов, один из них при попытке к бегству был убит. По агентурным данным тогда же были арестованы три человека по обвинению в пособничестве бандитам.

Практика показала, что в районах действия банд очень важно иметь осведомителей в продуктовых магазинах, кафе и столовых небольших населённых пунктов, так как бандитские группы время от времени вынуждены были закупать продукты, спички, патроны и т. п., направляя для этого в посёлки своих представителей.

Во время одного из таких визитов в сельский продуктовый магазин четверо бандитов были обнаружены двумя разведчиками из состава заградотряда. Несмотря на численный перевес последние попытались их задержать. В результате один из бандитов был убит в перестрелке, двоим удалось скрыться, четвёртому же, хотя, как оказалось, в прошлом он был чемпионом Эстонии по бегу, удрать не удалось. Он был ранен, захвачен и доставлен в 3-й отдел.

Проведённые заградотрядом облавы, прочёсывания местности, секреты и заставы значительно затруднили действия эстонских банд, и случаи вооружённого нападения в тех районах, которые отряд контролировал, резко сократились.

Когда в результате контрудара 8-й армии в середине июля 1941 года был освобождён полуостров Виртсу, взвод заградотряда и группа оперативных работников выехали в этот район для проведения операции по очистке полуострова от лиц, враждебно относившихся к советской власти и оказывавших содействие фашистам. На пути в Виртсу взвод заградотряда внезапно на машинах врезался в заставу немцев, располагавшуюся на развилке дорог Виртсу – Пярну, на хуторе Карузе. Взвод был обстрелян ружейно-пулемётным и миномётным огнём противника, спешил и принял бой. В результате боя немцы, оставив противотанковую пушку, пулемёт и боезапас, поспешно отступили. Потери заградотряда составили 6 человек убитыми и 2 ранеными.

Передав оборону отбитого участка регулярным частям, взвод заградотряда прибыл в Виртсу. Оперативная группа немедленно развернула работу, в результате чего были задержаны руководитель местной организации «Кайтселиит», два бывших члена этой организации, состоявших в созданном немецким командованием формировании «самозащиты», владелец местного ресторана, использовавшийся немцами как переводчик, а также провокатор, предавший фашистским властям двух агентов нашей погранохраны. Среди населения Виртсу были завербованы 6 осведомителей.

В тот же период была проведена операция по очистке от банд м. Варбла и пос. Тыстамаа Пярновского уезда. Два взвода заградотряда, усиленные бронемашинами, совместно с истребительным батальоном с боем захватили указанные населённые пункты, разгромив штаб «самозащиты» и захватив станковый пулемет, 60 велосипедов, свыше 10 телефонных аппаратов, несколько охотничьих ружей и винтовок. Среди бандитов имелись убитые и раненые, захваченные в плен 4 бандита были расстреляны на месте. Наши потери – 1 убитый.

В Таллине заградотрядом была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная организация, занимавшаяся вербовкой местного населения в банды. При этом были изъяты оружие и взрывчатка.

Помимо борьбы с бандитизмом и дезертирством опергруппа заградотряда развернула работу по заброске нашей агентуры в немецкий тыл. Из заброшенных трёх агентов возвратились двое. Проникнув в оккупированный город Пярну, они выяснили размещение немецких военных объектов. Используя эти сведения, авиация Балтийского флота бомбила объекты противника, результаты бомбёжки оказались положительными. Кроме того, была собрана информация о местных прислужниках оккупантов из числа эстонских националистов.

Во время сражения за Таллин заградотряд не только останавливал и возвращал на фронт отступающих, но и удерживал оборонительные рубежи. Особенно тяжёлое положение сложилось днём 27 августа. Отдельные части 8-й армии, потеряв руководство, оставив последнюю линию обороны, обратились в бегство. Для наведения порядка был брошен не только заградотряд, но и весь оперативный состав 3-го отдела. Отступающие под угрозой оружия остановились и в результате контрудара отбросили противника на 7 километров. Это сыграло решающее значение в успешной эвакуации Таллина.

О том, что при этом бойцы НКВД не прятались за чужими спинами, свидетельствуют потери, понесённые заградотрядом в ходе боёв за Таллин – свыше 60 % личного состава, включая почти всех командиров.

Прибыв в Кронштадт, заградотряд немедленно приступил к доукомплектованию и уже 7 сентября 1941 года направил один взвод с двумя оперработниками для несения службы на южном берегу Финского залива, а к 18 сентября побережье от Ораниенбаума до дер. Устье полностью обслуживалось отрядом.

Всего с начала войны по 22 ноября 1941 года заградотрядом было задержано свыше 900 человек, из них арестовано и осуждено 77. При этом 11 человек были расстреляны на месте или перед строем.

Действовавшие по соседству с заградотрядом Балтийского флота их «сухопутные» коллеги также боролись с эстонскими националистами. Из спецсообщения особого отдела НКВД Северного фронта № 131142 от 24 июля 1941 года в Военный совет фронта о мероприятиях особого отдела НКВД 8-й армии по ликвидации бандитских групп на территории Эстонии:

«15 июля 1941 г. заградотрядом в районе расположения 320 сп пойманы два шпиона из местного населения, которые сообщили противнику о расположении наших частей. Шпионы расстреляны на месте» .

Четыре процента арестованных

К началу сентября 1941 года военная обстановка значительно ухудшилась. В этой ситуации Ставка Верховного главнокомандования директивой № 001650 от 5 сентября 1941 года удовлетворила просьбу командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта А. И. Ерёмко:

«Ставка ознакомилась с Вашей докладной запиской и разрешает Вам создать заградительные отряды в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как неустойчивые. Цель заградительных отрядов – не допускать самовольного отхода частей, а в случае бегства остановить, применяя при необходимости оружие» .

Неделю спустя подобная практика была распространена на все фронты:

«Директива Ставки ВГК № 001919 командующим войсками фронтов, армиями, командирам дивизий, главнокомандующему войсками Юго-Западного направления о создании заградительных отрядов в стрелковых дивизиях.

12 сентября 1941 года.

Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: “Нас окружили!” и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах. Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникёрские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии. Но беда в том, что твёрдых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много.

В целях предупреждения указанных выше нежелательных явлений на фронте Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надёжных бойцов, численностью не более батальона (в расчёте по 1 роте на стрелковый полк), подчинённый командиру дивизии и имеющий в своём распоряжении кроме обычного вооружения средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твёрдой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники и бегства, поддержку честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством.

3. Обязать работников особых отделов и политсостав дивизий оказывать всяческую помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины дивизии.

4. Создание заградительных отрядов закончить в пятидневный срок со дня получения настоящего приказа.

5. О получении и исполнении командующим войсками фронтов и армий донести.

Ставка Верховного главнокомандования

И. Сталин

Б. Шапошников» .

В отличие от продолжавших существовать заградительных отрядов при особых отделах НКВД, ориентированных в основном на задержание дезертиров и подозрительных элементов, армейские заградотряды создавались с целью не допускать самовольного отхода частей. Эти подразделения были значительно крупнее (батальон на дивизию вместо взвода), и их личный состав комплектовался не из военнослужащих НКВД, а из обычных красноармейцев. Они имели право применять оружие – не для расстрела отступающих частей и подразделений из пулемётов, а для ликвидации инициаторов паники и бегства.

Некоторое представление о функциях заградительных батальонов даёт постановление Военного совета Ленинградского фронта № 00274 от 18 сентября 1941 года «Об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов на территорию г. Ленинграда». В этом документе, подписанном командующим войсками Ленинградского фронта генералом армии Г. К.

Жуковым и членами военного совета фронта 1-м секретарём Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) А. А. Ждановым и 2-м секретарём А. А. Кузнецовым, в частности, предписывается:

«5. Начальнику ОВТ Ленинградского фронта генерал-лейтенанту тов. Степанову организовать для сосредоточения и проверки всех военнослужащих, задержанных без документов, четыре заградительных отряда.

Начальнику тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенанту тов. Мордвинову организовать при этих заградительных отрядах питательные пункты» .

Нынешние обличители тоталитарного прошлого уверяют нас, будто заградотряды только тем и занимались, что стреляли по своим. В таком случае совершенно непонятно, зачем при них организовывать питательные пункты? Неужели для того, чтобы кормить расстреливаемых перед казнью? Есть ли предел цинизму сталинских опричников?!

А вот итоговый документ о деятельности заградительных отрядов в первые месяцы войны:

«Сообщение комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейна народному комиссару внутренних дел Л. П. Берия о действиях Особых отделов и заградительных отрядов войск НКВД СССР за период с начала войны по 10 октября 1941 года

Совершенно секретно

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Генеральному комиссару государственной безопасности

товарищу БЕРИЯ

СПРАВКА

С начала войны по 10-е октября с.г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных, Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

- шпионов – 1505
- диверсантов – 308
- изменников – 2621
- трусов и паникёров – 2643
- дезертиров – 8772
- распространителей провокационных слухов – 3987
- самострельщиков – 1671
- других – 4371

Всего – 25 878

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, них расстреляно перед строем – 3321 человек.

По фронтам эти данные распределяются:

- **Ленинградский** : арестовано – 1044
- расстреляно – 854
- расстреляно перед строем – 430
- **Карельский** : арестовано – 468
- расстреляно – 263
- расстреляно перед строем – 132
- **Северный** : арестовано – 1683
- расстреляно – 933
- расстреляно перед строем – 280
- **Северо-Западный** : арестовано – 3440
- расстреляно – 1600
- расстреляно перед строем – 730
- **Западный** : арестовано – 4013
- расстреляно – 2136
- расстреляно перед строем – 556
- **Юго-Западный** : арестовано – 3249
- расстреляно – 868
- расстреляно перед строем – 280
- **Южный** : арестовано – 3599
- расстреляно – 919
- расстреляно перед строем – 191

- **Брянский** : арестовано – 799
- расстреляно – 389
- расстреляно перед строем – 107
- **Центральный** : арестовано – 686
- расстреляно – 346
- расстреляно перед строем – 234
- **Резервные армии** : арестовано – 2516
- расстреляно – 894
- расстреляно перед строем – 157

*Зам. нач. Управления ОО НКВД СССР
Комиссар гос. безопасности 3 ранга
Мильштейн
[октябрь] 1941 года».*

В битве за Москву

Оборона Москвы также не обошлась без участия заградительных отрядов. Как и прежде, большинство задержанных ими красноармейцев вновь направлялось на фронт. Например, 93-я стрелковая дивизия в конце октября 1941 года получила до 1000 человек пополнения за счёт бойцов, задержанных заградотрядами.

О том, как именно была организована заградительная служба в это время, даёт представление докладная записка «Об обстановке на фронте в районе города Тулы и о работе заградительных отрядов особого отдела НКВД 50-й армии» начальника 3-го отдела Управления ОО НКВД СССР майора госбезопасности Рогова от 2 ноября 1941 года на имя зам. наркома внутренних дел СССР В. С. Абакумова:

«По борьбе с дезертирами, трусами и паникёрами особым отделом НКВД 50-й армии организовано 26 заградительных отрядов в составе 111 человек и 8 патрульных групп в составе 24 человек. Работает группа оперативного состава в г. Туле на сборном пункте формирования.

По Вашему приказанию 30 октября в районе гор. Тулы заградительная работа была усилена. Непосредственно в районе гор. Тулы выставлено 6 заградительных отрядов.

По городу организовано патрулирование оперативным составом.

Дополнительно к группам, из состава роты, создано 2 патруля из оперативного состава особого отдела. Высланы заградительные отряды в г. Сталиногорск и гор. Венев. По шоссе на гор. Венев (основное движение воинских частей) выставлено 2 заградительных отряда и опер. чекистская группа.

Для связи с особыми отделами и оказания им помощи в борьбе с дезертирами выслано в дивизии 5 оперативных работников.

С 15 по 31 октября заград. отрядами задержано 2681 человек, из них арестовано 239 человек. В числе арестованных преобладающее большинство – дезертиры. В то же время задержан и изблещён ряд немецких шпионов» .

Как видим, параллельно с заградительными батальонами продолжали существовать заградотряды, сформированные особыми отделами. Кроме того, аналогичные подразделения создавались и территориальными органами НКВД. Так, с целью задержания красноармейцев, уходящих с Калининского фронта, 15 октября 1941 года УНКВД по Калининской области были организованы заградительные отряды в направлениях: Калинин – Кушалино, Кушалино – Горицы, Кушалино – Зайцево, Кимры – Кашин. Все они были подчинены 4-му отделу УНКВД по Калининской области. С 15 октября по 9 декабря 1941 года этими заградительными отрядами было задержано и передано 256-й стрелковой дивизии и другим воинским частям 6164 красноармейца и 1498 человек из состава строительных батальонов. Кроме того, задержано и привлечено к ответственности по ст. 193 УК РСФСР 172 дезертира.

В октябре 1941 года Северо-Западный фронт вместе с войсками Калининского и Западного фронтов сорвал план вражеского командования обойти Москву с севера. При этом согласно спецсообщению начальника особого отдела НКВД Северо-Западного фронта комиссара госбезопасности 3-го ранга В. М. Бочкова от 23 октября 1941 года на имя начальника Управления особых отделов НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга В. С. Абакумова, во время боёв под деревней Лобаново ряд военнослужащих бежал с поля боя. В течение 21 октября заградотрядом было задержано 27 человек. На другом участке под деревней Лобаново заградотряд задержал 100 человек, в том числе 5 младших командиров. Злостные дезертиры были арестованы, один расстрелян

перед строем.

На защите Сталинграда

Новый этап в истории заградотрядов начался летом 1942 года, когда немцы прорвались к Волге и Кавказу. 28 июля вышел знаменитый приказ № 227 Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина, который, в частности, предписывал:

«2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

...

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной» .

Во исполнение этого приказа командующий войсками Сталинградского фронта генерал-лейтенант В. Н. Гордов 1 августа 1942 года отдал свой приказ № 00162/оп, в котором предписывал:

«5. Командующим 21, 55, 57, 62, 63, 65-й армий в двухдневный срок сформировать по пять заградительных отрядов, а командующим 1-й и 4-й танковых армий – по три заградительных отряда численностью по 200 человек каждый.

Заградительные отряды подчинить Военным советам армий через их особые отделы. Во главе заградительных отрядов поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов.

Заградительные отряды укомплектовать лучшими отборными бойцами и командирами из дальневосточных дивизий.

Обеспечить заградотряды автотранспортом.

б. В двухдневный срок восстановить в каждой стрелковой дивизии заградительные батальоны, сформированные по директиве Ставки Верховного главного командования № 01919.

Заградительные батальоны дивизий укомплектовать лучшими достойными бойцами и командирами. Об исполнении довести к 4 августа 1942 г.» .

Из сообщения Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР от 14 августа 1942 года «О ходе реализации приказа № 227 и реагировании на него личного состава 4-й танковой армии»:

«Всего за указанный период времени расстреляно 24 человека. Так, например, командиры отделений 414 СП, 18 СД Стырков и Добрынин, во время боя трусили, бросили свои отделения и бежали с поля боя, оба были задержаны заград. отрядом и постановлением Особдива расстреляны перед строем.

Красноармеец того же полка и дивизии Огородников произвёл саморанение левой руки, в совершённом преступлении изобличён, за что предан суду военного трибунала.

...

На основании приказа № 227 сформированы три армейских заградотряда, каждый по 200 человек. Указанные отряды полностью вооружены винтовками, автоматами и ручными пулемётами.

Начальниками отрядов назначены оперативные работники особых отделов.

Указанными заградотрядами и заградбатальонами на 7.8.42 г. по частям и соединениям на участках армии задержаны 363 человека, из которых 93 чел. вышли из окружения, 146 – отстали от своих частей, 52 – потеряли свои части, 12 – пришли из плена, 54 – бежали с поля боя, 2 – с сомнительными ранениями.

В результате тщательной проверки: 187 человек направлены в свои подразделения, 43 – в отдел укомплектования, 73 – в спецлагеря НКВД, 27 – в штрафные роты, 2 – на медицинскую комиссию, 6 чел. арестованы и, как указано выше, 24 чел. расстреляны перед строем».

В соответствии с приказом НКО № 227 по состоянию на 15 октября 1942 года было сформировано 193 армейских заградительных отряда, в том числе 16 на Сталинградском фронте (несоответствие этой цифры процитированному выше приказу генерал-лейтенанта Гордова объясняется изменением состава Сталинградского фронта, из которого был выведен ряд армий) и 25 на Донском.

При этом с 1 августа по 15 октября 1942 года заградотрядами были задержаны 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных арестованы 3980 человек, расстреляны 1189 человек, направлены в штрафные роты 2776 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека.

Наибольшее число задержаний и арестов произвели заградительные отряды Донского и Сталинградского фронтов. По Донскому фронту были задержаны 36 109 человек, арестовано 736 человек, расстреляны 433 человека, направлены в штрафные роты 1056 человек, штрафные батальоны 33 человека, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 32 933 человека. По Сталинградскому фронту задержаны 15 649 человек, арестованы 244 человека, расстреляны 278 человек, направлены в штрафные роты 218 человек, в штрафные батальоны 42, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 14 833 человека.

Во время обороны Сталинграда заградительные отряды сыграли важную роль в наведении порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода с занимаемых рубежей, возвращении значительного числа военнослужащих на передовую линию фронта.

Так, 29 августа 1942 года штаб 29-й стрелковой дивизии 64-й армии Сталинградского фронта был окружён прорвавшимися танками противника, части дивизии, потеряв управление, в панике отходили в тыл. Заградотряд под командованием лейтенанта госбезопасности Филатова, приняв решительные меры, остановил отходящих в беспорядке военнослужащих и возвратил их на ранее занимаемые рубежи обороны. На другом участке этой дивизии противник пытался прорваться вглубь обороны. Заградотряд вступил в бой и задержал продвижение врага.

14 сентября противник предпринял наступление против частей 399-й стрелковой дивизии 62-й армии. Бойцы и командиры 396-го и 472-го стрелковых полков стали в панике отходить. Начальник заградотряда младший лейтенант госбезопасности Ельман приказал своему отряду открыть огонь над головами отступающих. В результате личный состав этих полков был остановлен и через два часа полки заняли прежние рубежи обороны.

20 сентября немцы заняли восточную окраину Мелеховской. Сводная бригада под натиском противника начала самовольный отход. Действиями заградотряда 47-й армии Черноморской группы войск в бригаде был наведён порядок. Бригада заняла прежние рубежи и по инициативе политрука роты этого же заградотряда Пестова, совместными действиями с бригадой противник был отброшен от Мелеховской.

В критические моменты заградительные отряды вступали непосредственно в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему потери.

Так, 13 сентября 112-я стрелковая дивизия под давлением противника отошла с занимаемого рубежа. Заградотряд 62-й армии под руководством начальника отряда лейтенанта госбезопасности Хлыстова занял оборону на подступах к важной высоте. В течение четырёх суток бойцы и командиры отряда отражали атаки автоматчиков противника, нанеся им большие потери. Заградотряд удерживал рубеж вплоть до подхода воинских частей.

15-16 сентября заградотряд 62-й армии в течение двух суток успешно вёл бой с превосходящими силами противника в районе Сталинградского железнодорожного вокзала. Несмотря на свою малочисленность, заградотряд не только отбивал атаки немцев, но и контратаковал, нанеся противнику значительные потери в живой силе. Свой рубеж отряд оставил только тогда, когда на смену подошли части 10-й стрелковой дивизии.

При этом зачастую наблюдалась другая крайность:

«Отмечен ряд фактов, когда заградительные отряды отдельными командирами соединений использовались неправильно. Значительное число заградотрядов направлялось в бой наравне с линейными подразделениями, которые несли потери, вследствие чего отводились на переформирование и служба заграждения не осуществлялась.

19 сентября с.г. (1942. – И.П.) командование 240 стр. дивизии Воронежского фронта одной из рот заградотряда 38-й армии дало боевое задание очистить рошу от группы немецких автоматчиков. В боях за рошу эта рота потеряла 31 человека, из них убитыми 18 человек.

Заградительный отряд 29-й армии Западного фронта, будучи в оперативном подчинении у командира 246 стр. дивизии, использовался как строевая часть. Принимая участие в одной из атак, отряд из 118 человек личного состава потерял убитыми и ранеными 109 человек, в связи с чем заново формировался.

По 6-й армии Воронежского фронта согласно приказу Военного совета армии 2 заградительных отряда 4-го сентября с.г. были приданы 174 стр. дивизии и введены в бой. В результате заградотряды в бою потеряли до 70 % личного состава, оставшиеся бойцы этих заградотрядов были переданы названной дивизии и таким образом расформированы. 3-й отряд этой же армии 10 сентября с.г. был поставлен в оборону.

В 1-й гвардейской армии Донского фронта по приказу командующего армией Чистякова и члена Военного совета Абрамова 2 заградительных отряда неоднократно направлялись в бой, как

обыкновенные подразделения. В результате отряды потеряли более 65 % личного состава и впоследствии были расформированы.

В связи с этим приказ Военного совета фронта о передаче 5 заградительных отрядов в подчинение 24-й армии не выполнен».

Во время Сталинградской битвы действовали три разновидности заградительных отрядов: созданные в соответствии с приказом № 227 армейские заградотряды, восстановленные заградительные батальоны дивизий, а также укомплектованные военнослужащими НКВД малочисленные заградотряды при особых отделах дивизий и армий. При этом армейские заградотряды и заградбатальоны дивизий несли службу заграждения непосредственно за боевыми порядками частей, не допуская паники и массового бегства военнослужащих с поля боя, в то время как взводы охраны особых отделов дивизий и роты при особых отделах армий использовались для несения заградслужбы на главных коммуникациях дивизий и армий с целью задержания трусов, паникёров, дезертиров и другого преступного элемента, укрывающегося в армейском и фронтовом тылу.

Впрочем, в обстановке, когда само понятие тыла было весьма условным, это «разделение труда» зачастую нарушалось. Так, 15 октября 1942 года в ходе ожесточённых боев в районе Сталинградского тракторного завода противнику удалось выйти к Волге и отрезать от основных сил 62-й армии остатки 112-й стрелковой дивизии, а также 115-й, 124-й и 149-й отдельных стрелковых бригад. При этом среди руководящего командного состава наблюдались неоднократные попытки бросить свои части и переправиться на восточный берег Волги. В этих условиях для борьбы с трусами и паникёрами особым отделом 62-й армии была создана оперативная группа под руководством старшего оперуполномоченного лейтенанта госбезопасности Игнатенко. Объединив остатки взводов особых отделов с личным составом 3-го армейского заградотряда, она провела исключительно большую работу по наведению порядка, задержанию дезертиров, трусов и паникёров, пытавшихся под разными предлогами переправиться на левый берег Волги. В течение 15 дней оперативной группой было задержано и возвращено на поле боя до 800 человек рядового и командного состава, а 15 военнослужащих по постановлению особорганов были расстреляны перед строем.

В датированной 17 февраля 1943 года докладной записке Особого отдела НКВД Донского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР «О работе особорганов по борьбе с трусами и паникёрами в частях Донского фронта за период с 1 октября 1942 года по 1 февраля 1943 года» приводится ряд примеров действий заградительных отрядов:

«В борьбе с трусами, паникёрами и восстановлении порядка в частях, проявивших неустойчивость в боях с противником, исключительно большую роль сыграли армейские заградотряды и заградбатальоны дивизий.

Так, 2 октября 1942 года, во время наступления наших войск, отдельные части 138 стр. дивизии, встреченные мощным артиллерийским и миномётным огнём противника, дрогнули и в панике бежали назад через боевые порядки 1 батальона 706 СП, 204 СД, находившиеся во втором эшелоне.

Принятыми мерами командованием и заградбатальоном дивизии положение было восстановлено. 7 трусов и паникёров были расстреляны перед строем, а остальные возвращены на передовую линию фронта.

16 октября 1942 года, во время контратаки противника, группа красноармейцев 781 и 124 стр. дивизий, в количестве 30 человек, проявила трусость и в панике начала бежать с поля боя, увлекая за собой других военнослужащих.

Находившийся на этом участке армейский заградотряд 21 армии, силою оружия ликвидировал панику и восстановил прежнее положение.

19 ноября 1942 года, в период наступления частей 293 стр. дивизии, при контратаке противника, два миномётных взвода 1306 СП вместе с командирами взводов, мл. лейтенантами Богатырёвым и Егоровым, без приказа командования оставили занимаемый рубеж и в панике, бросая оружие, начали бежать с поля боя.

Находившийся на этом участке взвод автоматчиков армейского заградотряда остановил бегущих и, расстреляв двух паникёров перед строем, возвратил остальных на прежние рубежи, после чего они успешно продвигались вперёд.

20 ноября 1942 года, во время контратаки противника, одна из рот 38 стр. дивизии, находившаяся на высоте, не оказав сопротивления противнику, без приказа командования стала беспорядочно отходить с занятого участка.

83 заградотряд 64 армии, неся службу заграждения непосредственно за боевыми порядками частей 38 СД, остановил в панике бегущую роту и возвратил её обратно на ранее занимаемый участок высоты, после чего личный состав роты проявил исключительную выносливость и упорство в

боях с противником» .

На Курской дуге

В соответствии с постановлением СНК СССР от 19 апреля 1943 года № 415-138сс Управление особых отделов НКВД было вновь передано в ведение наркоматов обороны и военно-морского флота и реорганизовано в Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР и Управление контрразведки «Смерш» НКВМФ СССР.

5 июля 1943 года началась битва на Курской дуге – последнее крупное наступление немцев на Восточном фронте. В этот день на участке входившей в состав Центрального фронта 13-й армии 2-й батальон 47-го стрелкового полка 15-й дивизии во главе с командиром батальона капитаном Ракитским самовольно оставил свой рубеж и панически отступил в тыл дивизии, где был задержан заградотрядом и возвращён в бой.

С 5 по 10 июля заградительные отряды Воронежского фронта задержали 1870 человек. Большинство из них составляли военнослужащие, потерявшие связь со своими подразделениями. В процессе их фильтрации было выявлено и арестовано 6 дезертиров, 19 членовредителей и 49 трусов и паникёров, бежавших с поля боя. Остальные задержанные были возвращены в строй.

Из спецсообщения начальника отдела контрразведки «Смерш» 69-й армии Воронежского фронта полковника Строилова от 18 июля 1943 года в Военный совет армии о работе заградотрядов с 12 по 17 июля 1943 года:

«В порядке выполнения задачи по задержанию рядового и командно-начальствующего состава соединений и частей армии, самовольно оставивших поле боя, Отделом контрразведки “Смерш” 69-й армии 12 июля 1943 г. из личного состава отдельной роты было организовано 7 заградотрядов, по 7 человек в каждом, во главе которых были поставлены по 2 оперативных работника.

Указанные заградотряды были выставлены в селах Алексеевка – Проходное, Новая Слободка – Самойловка, Подольхи – Большие Подяруги, хутор Большой – Коломийцево, Кащеево – Погореловка, Подкопаевка – южная окраина г. Короча – Пушкарное.

В результате проведённой работы заградотрядами с 12 по 17 июля с.г. включительно были задержаны 6956 человек рядового и командно-начальствующего состава, оставивших поле боя или вышедших из окружения войск противника.

Вышеуказанное число задержанных по соединениям и частям распределяется следующим образом:

92-я гсд – 2276 чел.

305-я сд – 1502 чел.

183-я сд – 599 чел.

81-я гсд – 398 чел.

89-я сд – 386 чел.

107-я сд – 350 чел.

93-я гсд – 216 чел.

94-я гсд – 200 чел.

290-й амп – 200 чел.

375-я сд – 101 чел,

Итого: 6228 чел.

Остальные 728 человек задержанных принадлежат другим частям и соединениям.

Наибольшее число задержанных из 92-й гсд – 2276 человек, и 305-й сд – 1502 человека.

Необходимо отметить, что число задержанных военнослужащих, начиная с 15 июля, резко сократилось по сравнению с первыми днями работы заградотрядов. Если за 12 июля были задержаны 2842 человека, а за 13 июля – 1841 человек, то за 16 июля были задержаны 394 человека, а уже за 17 июля были задержаны всего лишь 167 человек, и то вышедших из окружения войск противника. Начавшийся в пятом часу 12 июля 1943 г. массовый отход рядового, командно-начальствующего состава с поля боя организованными нами заградотрядами был в основном остановлен в 16 часов того же дня, а впоследствии совсем прекратился.

В процессе боевых действий имели место случаи самовольного оставления поля боя целыми подразделениями со стороны военнослужащих 92-й гсд, 305-й сд и 290-го мин[омётного] полка. Так, например, заградотрядом в районе с. Новая Слободка 14 июля с.г. были задержаны 3 подразделения 305-й сд, как то: батарея 76-мм пушек, гаубичная батарея и сапёрная рота.

Другим заградотрядом в районе дер. Самойловки были задержаны 3 миномётные батареи 290-го

армейского миномётного полка.

Заградотрядом в районе с. Кащеево были задержаны два обоза 92-й гсд в количестве 25 подвод с личным составом 200 человек.

Из числа задержанных арестованы 55 человек, из них:

подозрительных по шпионажу – 20 человек,

по террору – 2 “,

изменников Родине – 1 “,

трусов и паникёров – 28 “,

дезертиров – 4 “.

Остальные военнослужащие из числа задержанных были направлены в свои части.

Ввиду того что отход военнослужащих с поля боя прекращён, мной заградотряды сняты, и личный состав их направлен для выполнения своих непосредственных военных обязанностей» .

Как сообщал в докладной записке на имя В. С. Абакумова о результатах проверки подразделений контрразведки 13-й и 70-й армий Центрального фронта с 12 по 30 июля 1943 года помощник начальника Главного управления контрразведки «Смерш» полковник Ширманов:

«В целях предотвращения возможной паники и для борьбы с трусами, дезертирующими с поля боя, мной совместно с начальниками отдел[ов] “Смерш” 13-й и 70-й армий во всех дивизиях, бригадах и полках были организованы группы заграждения и заслоны под руководством оперативного состава армий, корпусов, дивизий.

В результате этих мероприятий на участке 13-й и 70-й армий было задержано неорганизованно отходивших с поля боя около 1300 человек военнослужащих, среди которых выявлены трусы и паникёры, дезертиры, членовредители и другой антисоветский элемент.

Большая же часть военнослужащих возвращена в организованном порядке на свои позиции и приняла участие в боях» .

Согласно справке отдела контрразведки «Смерш», входившей в состав 13-й армии 74-й стрелковой дивизии, от 14 августа 1943 года об агентурно-оперативной работе отдела за июль 1943 года:

«Служба заградительных отрядов дивизии по согласованию с командованием была расставлена так, чтобы каждый не только старший оперуполномоченный полка, а и уполномоченный батальона в любой момент мог поддержать связь и получить помощь от заградотряда» .

Из докладной записки начальника Управления контрразведки «Смерш» Центрального фронта генерал-майора А. Вадиса от 13 августа 1943 года об агентурно-оперативной работе органов «Смерш» фронта за июль 1943 года.

«Путём усиления заградительной службы как за боевыми порядками, так и в тылу частей в отчётном периоде задержан 4501 человек, из них:

- арестованы – 145 чел.,
- переданы в прокуратуры – 70 чел.,
- переданы в органы НКГБ – 276 чел.,
- направлены в спецлагеря – 14 чел.,
- направлены в части – 3303 чел.

Из указанного числа органами контрразведки “Смерш” только одной армии, где начальником Отдела полковник Пименов, задержано:

- старост – 35 чел.,
- полицейских – 59 чел.,
- служивших в немецкой армии – 34 чел.,
- бывших в плену – 87 чел.,
- подлежащих призыву в КА – 777 чел.

Из них арестовано и разоблачено 4 агента немецкой жандармерии» .

Как видим, подавляющее большинство военнослужащих, задержанных заградительными отрядами, по-прежнему возвращалось в свои части.

Конец пути

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и победы на Курской дуге в войне наступил перелом. Стратегическая инициатива перешла к Красной Армии. В этой обстановке заградительные отряды утратили своё былое значение. 25 августа 1944 года начальник политического управления 3-го Прибалтийского фронта генерал-майор А. Лобачёв направил начальнику Главного

Политического управления Красной Армии генерал-полковнику Щербакову докладную записку «О недостатках деятельности заградотрядов войск фронта» следующего содержания:

«По моему заданию работниками ПУ фронта в августе была проверена деятельность шести заградотрядов (всего 8 заградотрядов).

В результате этой работы установлено:

1. Заградотряды не выполняют своих прямых функций, установленных приказом Наркома обороны. Большая часть личного состава заградотрядов используется по охране штабов армий, охране линий связи, дорог, прочёсыванию лесов и т. д. Характерна в этом отношении деятельность 7-го заградотряда 54-й армии. По списку в отряде состоит 124 чел. Используются они так: 1-й автоматный взвод охраняет 2-й эшелон штаба армии; 2-й автоматный взвод придан 111 ск с задачей охранять линии связи от корпуса до армии; стрелковый взвод придан 7 ск с той же задачей; пулемётный взвод находится в резерве командира заградотряда; 9 чел. работают в отделах штаба армии, в том числе командир взвода ст. лейтенант ГОНЧАР является комендантом управления тыла армии; оставшиеся 37 человек используются при штабе заградотряда. Таким образом, 7-й заградотряд совершенно не занимается заградслужбой. Такое же положение и в других заградотрядах (5, 6, 153, 21, 50).

В 5-м заградотряде 54-й армии из 189 чел. штата только 90 чел. несут охрану КП армии и заградслужбу, а остальные 99 чел. используются на различных работах: 41 чел. – на обслуживании АХО штаба армии в качестве поваров, сапожников, портных, кладовщиков, писарей и проч.; 12 чел. – в отделах штаба армии в качестве связных и ординарцев; 5 чел. – в распоряжении коменданта штаба и 41 чел. обслуживают штаб заградотряда.

В 6-м заградотряде из 169 чел. 90 бойцов и сержантов используются по охране КП и линий связи, а остальные находятся на хозяйственных работах.

2. В ряде заградотрядов крайне разбухли штаты штабов. Вместо положенного штата 15 чел. офицерского, сержантского и рядового состава штаб 5-го заградотряда насчитывает 41 чел.; 7-го заградотряда – 37 чел., 6-го заградотряда – 30 чел., 153-го заградотряда – 30 чел. и т. д.

3. Штабы армий не осуществляют контроля за деятельностью заградотрядов, предоставили их самим себе, свели роль заградотрядов на положение обычных комендантских рот. Между тем личный состав заградотрядов подобран из лучших, проверенных бойцов и сержантов, участников многих боёв, награждённых орденами и медалями Советского Союза. В 21-м заградотряде 67-й армии из 199 чел. 75 % участников боёв, многие из них награждены. В 50-м заградотряде за боевые заслуги награждены 52 чел.

4. Бесконтрольность со стороны штабов привела к тому, что в большинстве заградотрядов воинская дисциплина стоит на низком уровне, люди распустились. За последние три месяца в 6-м заградотряде за грубые нарушения воинской дисциплины наложено на бойцов и сержантов 30 взысканий. Не лучше и в других отрядах...

5. Политотделы и зам. начальников штабов армий по политчасти забыли о существовании заградотрядов, не руководят партийно-политической работой...

О вскрытых недостатках в деятельности заградотрядов 15.8 доложил Военному совету фронта. Вместе с этим начальникам политотделов армий дал указания о необходимости коренного улучшения партийно-политической и воспитательной работы в заградотрядах; оживления внутрипартийной деятельности партийных организаций, усилении работы с партийным и комсомольским активом, проведения для личного состава лекций и докладов, улучшении культурного обслуживания бойцов, сержантов и офицеров заградотрядов.

Вывод: Заградотряды в своем большинстве не выполняют задач, определённых приказом Наркома обороны № 227. Охрана штабов, дорог, линий связи, выполнение различных хозяйственных работ и поручений, обслуживание командиров-начальников, надзор за внутренним порядком в тылах армии ни в коей мере не входит в функции заградотрядов войск фронта.

Считаю необходимым поставить вопрос перед Народным комиссаром обороны о реорганизации или расформировании заградотрядов как утративших своё назначение в настоящей обстановке».

Два месяца спустя вышел приказ Наркома обороны И. В. Сталина № 0349 от 29 октября 1944 года «О расформировании отдельных заградительных отрядов»:

«В связи с изменением общей обстановки на фронтах необходимость в дальнейшем содержании заградительных отрядов отпала.

Приказываю:

1. Отдельные заградительные отряды к 13 ноября 1944 года расформировать.

Личный состав расформированных отрядов использовать на пополнение стрелковых дивизий.

2. О расформировании заградительных отрядов донести к 20 ноября 1944 года» .

Итак, заградительные отряды задерживали дезертиров и подозрительный элемент в тылу фронта, останавливали отступающие войска. В критической ситуации они нередко сами вступали в бой с немцами, а когда военная обстановка изменилась в нашу пользу, стали выполнять функции комендантских рот. Выполняя свои прямые задачи, заградотряд мог открыть огонь над головами бегущих подразделений или расстрелять трусов и паникёров перед строем – но непременно в индивидуальном порядке. Однако никому из исследователей пока ещё не удалось найти в архивах ни одного факта, который подтверждал бы, что заградительные отряды стреляли на поражение по своим войскам. Не приводятся такие случаи и в воспоминаниях фронтовиков.

Генерал армии Герой Советского Союза П. Н. Лащенко:

«Да, были заградительные отряды. Но я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим, по крайней мере на нашем участке фронта. Уже сейчас я запрашивал архивные документы на этот счёт, таких документов не нашлось. Заградотряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были; наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты.

Скажу большие, фронт получал пополнение, естественно, необстрелянное, как говорится, пороку не нюхавшее, и заградительные отряды, состоявшие исключительно из солдат уже обстрелянных, наиболее стойких и мужественных, были как бы надёжным и сильным плечом старшего. Бывало нередко и так, что заградотряды оказывались с глазу на глаз с теми же немецкими танками, цепями немецких автоматчиков и в боях несли большие потери. Это факт неопровержимый» .

Из интервью кавалера ордена Александра Невского А. Г. Ефремова газете «Владимирские ведомости»:

«– Анатолий Григорьевич, сейчас много пишут и говорят о заградительных отрядах, которые будто много погубили бойцов? Был такой строгий приказ Верховного главнокомандующего?»

– Да, теперь сочиняют подобного рода небылицы те, кто знает о войне по книжным картинкам, – спокойно ответил он. – Действительно, на угрожающих участках выставлялись такие отряды. Эти люди не какие-то изверги, а обычные бойцы и командиры. Играли они две роли. Прежде всего готовили оборонительный рубеж, чтобы отступающие смогли на нём закрепиться. Во-вторых, пресекали паникёрство. Когда наступил перелом в ходе войны, я не видел больше этих отрядов» .

М. Г. Абдулин пошёл на войну добровольцем. Во время Сталинградской битвы служил в 293-й стрелковой дивизии:

«– Мансур Гизатулович, расскажите, как в окопах приняли знаменитый приказ № 227?»

– Это был суровый приказ. Он появился, когда отступление докатилось до Волги. И был он сильным отрезвляющим средством – “Ни шагу назад!”. Приказ остановил людей. Появилась уверенность в соседях справа и слева – не отступят. Хотя и непросто было сознавать: сзади тебя заградительный отряд.

– А как действовали эти отряды?

– Я не знаю случая, когда бы в отступающих стреляли. Под “новую метёлку” в первые недели после приказа попали виноватые, а кто-то и не очень виноватый. Меня, помню, командировали из роты наблюдать расстрел семнадцати человек “за трусость и паникёрство”. Я обязан был рассказать своим об увиденном. Видел позже и заградительный отряд при обстоятельствах весьма драматических. В районе высот Пять Курганов прижали нас немцы так, что драпали мы, побросав шинели, в одних гимнастёрках. И вдруг наши танки, а за ними лыжники – заградительный отряд. Ну, думаю, вот она, смерть! Подходит ко мне молодой капитан-эстонец. “Возьми, – говорит, – шинель с убитого, простудишься...”» .

Из интервью академика К. Я. Кондратьева газете «Новый Петербург»:

«– Интересно узнать Ваше мнение участника войны – объективное и честное.

Войну выиграл русский или советский патриотизм? И самое главное: был ли патриотизм? Уж слишком мы привыкли за последние годы слышать о том, что не было никакого патриотизма, а был просто страх перед наказанием в виде пресловутых заградотрядов НКВД и прочих репрессий...

К.Я.: Меня такое враньё очень шокирует. На самом деле солдаты в войну воевали за свою Родину. И я бы, конечно, назвал это советским патриотизмом. Потому что тогда не было чётко сформулировано само понятие русского патриотизма. Для нас не было различия между представителями разных наций Советского Союза.

Но это был никакой не страх. Я не знаю никаких заградительных отрядов. В моей практике такого не было. Мы сами лезли вперёд, и никто нас не толкал» .

Ветеран Великой Отечественной войны И. Ф. Чернявский:

«В мае 1944 года мы в качестве пополнения прибыли в лесной лагерь Белые Берега Брянской области в артиллерийские дивизии 4-го артиллерийского корпуса прорыва РВГК (Резерва Верховного главного командования), которые готовились к выдвигению на боевые позиции на одном из участков 1-го Белорусского фронта. Сталинградский артиллерийский учебный центр в Чебаркульском лагере обучал и готовил нас для артиллерийских частей в течение девяти месяцев. С приказом № 227 нас уже не знакомили, мы об этом приказе слышали только по рассказам бывалых солдат и офицеров-фронтовиков, прошедших от первых рубежей войны, от сталинградцев. С первых дней нашего пребывания на передовой о заградотрядах не имели понятия» .

Такова истинная, основанная не на домыслах и небылицах, а на документах история заградительных отрядов.

Глава 14. Штрафные батальоны

Наряду с заградительными отрядами в военный фольклор обличителей «тоталитарного прошлого» нашей страны прочно вошли штрафные батальоны. Если верить нынешней телевизионной стряпне вроде сериала «Штрафбат», создаётся впечатление, будто Великую Отечественную войну выиграла исключительно штрафники, подгоняемые сзади пулемётными очередями заградотрядов. В то время как остальная Красная Армия, надо полагать, только мешалась у них под ногами.

Давайте разберёмся, насколько подобные представления соответствуют действительности.

Как известно, штрафные роты и батальоны были созданы в Красной Армии согласно знаменитому приказу наркома обороны СССР И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 года, в котором предписывалось:

«1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтам:

...

в) сформировать в пределах фронта от одного до трёх (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

...

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной» .

При этом приказ ссылался на успешный опыт немцев, которые к тому времени якобы уже ввели штрафные части в своей армии. Но, может, это всего лишь сталинская пропаганда? Да нет, чистая правда. Возьмём дневник начальника штаба Сухопутных войск Германии Франца Гальдера. Вот запись от 9 июля 1941 года. Докладывает начальник организационного отдела ОКХ генерал-майор Вальтер Буле: *«Организация “штрафных батальонов” оказалась хорошей идеей» .* И здесь же примечание немецкого издательства: *«В “штрафных батальонах” солдаты, осуждённые военно-полевым судом, могли реабилитироваться» .*

А вот запись из дневника Гальдера за 1 августа того же года. Генерал для особых поручений Эрих Мюллер:

«г. Штрафной батальон до настоящего времени имел 25 процентов потерь, в качестве пополнения поступило 170 человек.

д. Особый полевой батальон (батальон, укомплектованный штрафниками) был использован на Западе для работ по разминированию. Для разминирования района прошедших боёв используются 450 человек» .

Запись за 25 сентября 1941 года. Накануне 16-я немецкая армия, наступавшая в районе Ладожского озера, потерпела неудачу, в результате чего 8-я танковая дивизия была отброшена. Фюрер принимает решение срочно стянуть туда войска, откуда только можно, в том числе и штрафной батальон.

Но вернёмся к советским штрафникам. 28 сентября нарком обороны отдал приказ № 298, в котором объявлялись положения о штрафных батальонах и штрафных ротах, а также штаты штрафного батальона, штрафной роты и заградительного отряда:

Положение о штрафных батальонах действующей армии

I. Общие положения

1. Штрафные батальоны имеют целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий.

2. Организация, численный и боевой состав, а также оклады содержания постоянному составу штрафных батальонов определяются особым штатом.

3. Штрафные батальоны находятся в ведении военных советов фронтов. В пределах каждого фронта создаются от одного до трёх штрафных батальонов, смотря по обстановке.

4. Штрафной батальон придаётся стрелковой дивизии (отдельной стрелковой бригаде), на участок которой он поставлен распоряжением военного совета фронта.

II. О постоянном составе штрафных батальонов

5. Командиры и военные комиссары батальона и рот, командиры и политические руководители взводов, а также остальной постоянный начальствующий состав штрафных батальонов назначаются на должность приказом по войскам фронта из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников.

6. Командир и военный комиссар штрафного батальона пользуются по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и военного комиссара дивизии; заместители командира и военного комиссара батальона – властью командира и военного комиссара полка; командиры и военные комиссары рот – властью командира и военного комиссара батальона, а командиры и политические руководители взводов – властью командиров и политических руководителей рот.

7. Всему постоянному составу штрафных батальонов сроки выслуги в званиях по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии сокращаются наполовину.

8. Каждый месяц службы в постоянном составе штрафного батальона засчитывается при назначении пенсии за шесть месяцев.

III. О штрафниках

9. Лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава направляются в штрафные батальоны приказом по дивизии или бригаде (по корпусу – в отношении личного состава корпусных частей или по армии и фронту – в отношении частей армейского и фронтового подчинения соответственно) на срок от одного до трёх месяцев.

В штрафные батальоны на те же сроки могут направляться также по приговору военных трибуналов (действующей армии и тыловых) лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, осуждённые с применением отсрочки исполнения приговора (примечание 2 к ст.28 Уголовного кодекса РСФСР).

О лицах, направленных в штрафной батальон, немедленно доносится по команде и военному совету фронта с приложением копии приказа или приговора.

Примечание. Командиры и военные комиссары батальонов и полков могут быть направлены в штрафной батальон не иначе как по приговору военного трибунала фронта.

10. Лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, направляемые в штрафной батальон, тем же приказом по дивизии или бригаде (корпусу, армии или войскам фронта соответственно) (ст.9) подлежат разжалованию в рядовые.

11. Перед направлением в штрафной батальон штрафник ставится перед строем своей части (подразделения), зачитывается приказ по дивизии или бригаде (корпусу, армии или войскам фронта соответственно) и разъясняется сущность совершённого преступления.

Ордена и медали у штрафника отбираются и на время его нахождения в штрафном батальоне передаются на хранение в отдел кадров фронта.

12. Штрафникам выдаётся красноармейская книжка специального образца.

13. За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафного батальона обязан применить все меры воздействия вплоть до расстрела на месте.

14. Штрафники могут быть приказом по штрафному батальону назначены на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

Штрафникам, назначенным на должности младшего командного состава, выплачивается

содержание по занимаемым должностям, остальным штрафникам – в размере 8 руб. 50 коп. в месяц. Полевые деньги штрафникам не выплачиваются.

Выплата денег семье по денежному аттестату прекращается, и она переводится на пособие, установленное для семей красноармейцев и младших командиров Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. и от 19 июля 1942 г.

15. За боевое отличие штрафник может быть освобождён досрочно по представлению командования штрафного батальона, утверждённому военным советом фронта.

За особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственной награде.

Перед оставлением штрафного батальона досрочно освобождённый ставится перед строем батальона, зачитывается приказ о досрочном освобождении и разъясняется сущность совершённого подвига.

16. По отбытии назначенного срока штрафники представляются командованием батальона военному совету фронта на предмет освобождения и по утверждении представления освобождаются из штрафного батальона.

17. Все освобождённые из штрафного батальона восстанавливаются в звании и во всех правах.

18. Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах и по выздоровлении направляются для дальнейшего прохождения службы, а инвалидам назначается пенсия из оклада содержания по последней должности перед зачислением в штрафной батальон.

19. Семьям погибших штрафников назначается пенсия на общих основаниях со всеми семьями командиров из оклада содержания по последней должности до направления в штрафной батальон.

Положение о штрафных ротах действующей армии

I. Общие положения

1. Штрафные роты имеют целью дать возможность рядовым бойцам и младшим командирам всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свою вину перед Родиной отважной борьбой с врагом на трудном участке боевых действий.

2. Организация, численный и боевой состав, а также оклады содержания постоянному составу штрафных рот определяются особым штатом.

3. Штрафные роты находятся в ведении военных советов армий. В пределах каждой армии создаются от пяти до десяти штрафных рот, смотря по обстановке.

4. Штрафная рота придаётся стрелковому полку (дивизии, бригаде), на участок которого она поставлена, распоряжением военного совета армии.

II. О постоянном составе штрафных рот

5. Командир и военный комиссар роты, командиры и политические руководители взводов и остальной постоянный начальствующий состав штрафных рот назначаются на должность приказом по армии из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников.

6. Командир и военный комиссар штрафной роты пользуются по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и военного комиссара полка, заместители командира и военного комиссара роты – властью командира и военного комиссара батальона, а командиры и политические руководители взводов – властью командиров и политических руководителей рот.

7. Всему постоянному составу штрафных рот сроки выслуги в званиях по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии сокращаются наполовину.

8. Каждый месяц службы в постоянном составе штрафной роты засчитывается при назначении пенсии за шесть месяцев.

III. О штрафниках

9. Рядовые бойцы и младшие командиры направляются в штрафные роты приказом по полку (отдельной части) на срок от одного до трёх месяцев.

В штрафные роты на те же сроки могут направляться также по приговору военных трибуналов (действующей армии и тыловых) рядовые бойцы и младшие командиры, осуждённые с применением отсрочки исполнения приговора (примечание 2 к ст.28 Уголовного кодекса РСФСР).

О лицах, направленных в штрафную роту, немедленно доносится по команде и военному совету армии с приложением копии приказа или приговора.

10. Младшие командиры, направляемые в штрафную роту, тем же приказом по полку (ст.9)

подлежат разжалованию в рядовые.

11. Перед направлением в штрафную роту штрафник ставится перед строем своей роты (батареи, эскадрона и т. д.), зачитывается приказ по полку и разъясняется сущность совершённого преступления.

Ордена и медали у штрафника отбираются и на время его нахождения в штрафной роте передаются на хранение в отдел кадров армии.

12. Штрафникам выдаётся красноармейская книжка специального образца.

13. За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафной роты обязан применить все меры воздействия вплоть до расстрела на месте.

14. Штрафники могут быть приказом по штрафной роте назначены на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

Штрафникам, назначенным на должности младшего командного состава, выплачивается содержание по занимаемым должностям, остальным – в размере 8 руб. 50 коп. в месяц. Полевые деньги штрафникам не выплачиваются.

15. За боевое отличие штрафник может быть освобождён досрочно по представлению командования штрафной роты, утверждённому военным советом армии.

За особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственной награде.

Перед оставлением штрафной роты досрочно освобождённый ставится перед строем роты, зачитывается приказ о досрочном освобождении и разъясняется сущность совершённого подвига.

16. По отбытии назначенного срока штрафники представляются командованием роты военному совету армии на предмет освобождения и по утверждении представления освобождаются из штрафной роты.

17. Все освобождённые из штрафной роты восстанавливаются в звании и во всех правах.

18. Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах и по выздоровлении направляются для дальнейшего прохождения службы, а инвалидам назначается пенсия.

19. Семьям погибших штрафников назначается пенсия на общих основаниях.

Итак, как видим, военнослужащие штрафных частей подразделялись на постоянный и переменный состав. Постоянный состав комплектовался *«из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников»*. За особые условия прохождения воинской службы они получали соответственные льготы. К постоянному составу штрафбата относилось командование батальона, офицеры штаба и управления, командиры рот, взводов, политические руководители рот и взводов, старшины, писари и санинструкторы рот. В штрафной роте к постоянному составу принадлежали командир и военный комиссар роты, писарь роты, командиры, политруки, старшины и санинструкторы взводов.

Что же касается переменного состава, то есть штрафников, то вне зависимости от прежнего воинского звания они служили рядовыми, а также могли быть назначены на должности младшего командного состава.

Помимо провинившихся военнослужащих, в штрафные части направлялись и лица, осуждённые судебными органами. Вот выдержка из приказа № 004/0073/006/23 от 26 января 1944 года *«О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направления осуждённых в действующую армию»*, подписанного заместителем наркома обороны СССР маршалом А. М. Василевским, наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берией, наркомом юстиции СССР Н. М. Рычковым и прокурором СССР К. П. Горшениным:

«Проверкой установлено, что судебные органы в ряде случаев необоснованно применяют отсрочку исполнения приговора с направлением осуждённых в действующую армию к лицам, осуждённым за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, ворам-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии.

Вместе с тем нет должного порядка в передаче осуждённых с отсрочкой исполнения приговоров в действующую армию.

Вследствие этого многие осуждённые имеют возможность дезертировать и снова совершать преступления.

В целях устранения указанных недостатков и упорядочения практики передачи осуждённых в действующую армию – приказываю:

1. Запретить судам и военным трибуналам применять примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик) к осуждённым за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, вора́м-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные выше преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии.

По остальным категориям дел при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора с направлением осуждённого в действующую армию судам и военным трибуналам учитывать личность осуждённого, характер совершённого преступления и другие обстоятельства дела.

...

7. Лиц, признанных годными к службе в действующей армии, военкоматам принимать в местах заключения под расписку и отправлять в штрафные батальоны военных округов для последующей отправки их в штрафные части действующей армии вместе с копиями приговоров.

При поступлении осуждённых в штрафные части сроки пребывания в них устанавливать командирам войсковых частей» .

Сколько было штрафников

Теперь давайте выясним, какое количество штрафных частей было сформировано в Красной Армии и сколько через них прошло штрафников.

Вот боевое расписание штрафных частей Красной Армии из Перечня № 33 стрелковых частей и подразделений (отдельных батальонов, рот и отрядов) со сроками вхождения их в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны (Приложение к Директиве Генерального штаба от 2 июня 1962 года):

Штрафные батальоны

- Отдельный штрафной батальон Брянского фронта, 1942–1943 гг.
- Отдельный штрафной батальон Воронежского фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон Закавказского фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон Западного фронта, 1942–1943 гг.
- Отдельный штрафной батальон Калининского фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон Карельского фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон Ленинградского фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон Северо-Западного фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон Северо-Кавказского фронта, затем Черноморской группы войск Закавказского фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон Северо-Кавказского фронта, 1943 г.
- Отдельный штрафной батальон Юго-Восточного фронта, затем Сталинградского фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон Юго-Западного фронта, 1942–1943 гг.
- Отдельный штрафной батальон Северной группы войск Закавказского фронта, 1942 г.
- Отдельный штрафной батальон 18-й армии, 1943 г.
- 1-й отдельный штрафной батальон Волховского фронта, 1942 г.
- 1-й отдельный штрафной батальон Волховского фронта, затем Ленинградского фронта, 1942–1944 гг.
- 1-й отдельный штрафной батальон Западного фронта, 1942–1943 гг.
- 1-й отдельный штрафной батальон Калининского фронта, 1942 г.
- 1-й отдельный штрафной батальон Калининского фронта, затем 39-й армии, 1943 г.
- 1-й отдельный штрафной батальон Северо-Кавказского фронта, 1943 г.
- 1-й отдельный штрафной батальон Сталинградского фронта, затем Донского фронта, 1942 г.
- 1-й отдельный штрафной батальон 2-й гвардейской армии, 1943 г.
- 2-й отдельный штрафной батальон Волховского фронта, 1942 г.
- 2-й отдельный штрафной батальон Западного фронта, 1942–1943 гг.
- 2-й отдельный штрафной батальон Калининского фронта, 1942 г.
- 2-й отдельный штрафной батальон Калининского фронта, затем 39-й армии, 1943 г.
- 2-й отдельный штрафной батальон Сталинградского фронта, затем Донского фронта, 1942 г.
- 2-й отдельный штрафной батальон 2-й гвардейской армии, 1943 г.
- 2-й отдельный штрафной батальон 56-й армии, затем 18-й армии, 1943 г.

3-й отдельный штрафной батальон Забайкальского фронта, 1945 г.
3-й отдельный штрафной батальон Калининского фронта, 1942 г.
3-й отдельный штрафной батальон Калининского фронта, затем 1-го Прибалтийского фронта, 1942–1944 гг.
3-й отдельный штрафной батальон Калининского фронта, затем 39-й армии, 1943 г.
3-й отдельный штрафной батальон 2-й гвардейской армии, 1943 г.
3-й отдельный штрафной батальон 56-й армии, 1943 г.
4-й отдельный штрафной батальон Карельского фронта, 1942–1944 гг.
4-й отдельный штрафной батальон 2-й гвардейской армии, 1943 г.
4-й отдельный штрафной батальон 56-й армии, 1943 г.
5-й отдельный штрафной батальон Калининского фронта, затем 39-й армии, 1943 г.
5-й отдельный штрафной батальон Северо-Западного фронта, 1942–1943 гг.
5-й отдельный штрафной батальон 2-й гвардейской армии, 1943 г.
5-й отдельный штрафной батальон 56-й армии, 1943 г.
6-й отдельный штрафной батальон 4-го Украинского фронта, затем 51-й армии, затем Приморской армии, 1944 г.
6-й отдельный штрафной батальон 2-й гвардейской армии, 1943 г.
6-й отдельный штрафной батальон 39-й армии, 1943 г.
6-й отдельный штрафной батальон 56-й армии, 1943 г.
7-й отдельный штрафной батальон Северной группы войск Закавказского фронта, затем 37-й армии, затем 56-й армии, затем 18-й армии, 1942–1943 гг.
7-й отдельный штрафной батальон 2-й гвардейской армии, 1943 г.
8-й отдельный штрафной батальон Донского фронта, затем Центрального фронта, затем Белорусского фронта, затем 1-го Белорусского фронта, 1942–1945 гг.
8-й отдельный штрафной батальон 2-й гвардейской армии, 1943 г.
9-й отдельный штрафной батальон, 1942–1945 гг.
10-й отдельный штрафной батальон, 1943–1945 гг.
11-й отдельный штрафной батальон Западного фронта, 1943 г.
11-й отдельный штрафной батальон 10-й армии, 1943–1944 гг.
12-й отдельный штрафной батальон, 1943–1945 гг.
13-й отдельный штрафной батальон, 1943–1945 гг.
14-й отдельный штрафной батальон, 1943–1944 гг.
15-й отдельный штрафной батальон, 1943–1945 гг.
16-й отдельный штрафной батальон, 1943–1945 гг.
28-й отдельный штрафной батальон Ленинградского фронта, затем 42-й армии, 1943 г.
33-й отдельный штрафной батальон, 1943–1944 гг.
38-й отдельный штрафной батальон, 1944–1945 гг.
39-й отдельный штрафной батальон, 1944–1945 гг.
40-й отдельный штрафной батальон, 1945 г.
76-й отдельный штрафной батальон Сталинградского фронта, 1942–1944 гг.

Штрафные роты

Отдельная штрафная рота Закавказского фронта, 1942 г.
Отдельная штрафная рота Приморской оперативной группы Ленинградского фронта, 1942 г.
Отдельная штрафная рота Ленинградского фронта, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 1-й ударной армии, 1943–1944 гг.
Отдельная штрафная рота 1-й танковой армии, 1943 г.
Отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии, 1942–1943 гг.
Отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии (при 6-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии (при 50-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии (при 53-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии (при 57-й гвардейской стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии (при 60-й гвардейской стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии (при 195-й стрелковой дивизии), 1943 г.

Отдельная штрафная рота 14-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 16-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 18-й армии, 1942–1943 гг.
Отдельная штрафная рота 18-й армии (при 71-й стрелковой дивизии), 1943–1944 гг.
Отдельная штрафная рота 19-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 20-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 20-й армии (при 312-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 20-й армии (при 336-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 21-й армии, 1943 г.
Отдельная штрафная рота 22-й армии, 1942–1943 гг.
Отдельная штрафная рота 22-й армии (при 155-й стрелковой дивизии), 1942–1943 гг.
Отдельная штрафная рота 22-й армии (при 185-й стрелковой дивизии), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 23-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 26-й армии, 1943 г.
Отдельная штрафная рота 26-й армии (при 186-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 26-й армии (при 61-й морской стрелковой бригаде), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 27-й армии, 1943–1944 гг.
Отдельная штрафная рота 28-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 30-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 31-й армии, 1943–1944 гг.
Отдельная штрафная рота 31-й армии (при 133-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 32-й армии, 1942–1943 гг.
Отдельная штрафная рота 37-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 37-й армии (при 392-й стрелковой дивизии), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 38-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 39-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 40-й армии, 1943 г.
Отдельная штрафная рота 42-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 43-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 44-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 46-й армии, 1942–1943 гг.
Отдельная штрафная рота 47-й армии, 1943 г.
Отдельная штрафная рота 50-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 51-й армии (при 91-й стрелковой дивизии), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 51-й армии (при 302-й стрелковой дивизии), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 52-й армии, 1942–1945 гг.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты старший лейтенант Сазонов), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты лейтенант Кислов), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты старший лейтенант Морозов), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты старший лейтенант Тонких), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты лейтенант Чичиванов), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты старший лейтенант Явров), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты старший лейтенант Волков), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты старший лейтенант Жила), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии (командир роты лейтенант Понухалин), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 54-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 55-й армии, 1942–1943 гг.
Отдельная штрафная рота 56-й армии, 1942–1943 гг.
Отдельная штрафная рота 57-й армии (при 19-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 57-й армии (при 303-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 58-й армии, 1943 г.
Отдельная штрафная рота 58-й армии, затем 37-й армии, 1943 г.
Отдельная штрафная рота 59-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 61-й армии, 1942 г.
Отдельная штрафная рота 63-й армии (при 5-й стрелковой дивизии), 1943 г.
Отдельная штрафная рота 63-й армии (при 127-й стрелковой дивизии), 1942 г.
Отдельная штрафная рота 63-й армии (при 129-й стрелковой дивизии), 1943 г.

2-я отдельная штрафная рота 40-й армии, 1942–1943 гг.
2-я отдельная штрафная рота 41-й армии, 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 42-й армии, 1943 г.
2-я отдельная штрафная рота 43-й армии, 1943 г.
2-я отдельная штрафная рота 44-й армии, 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 46-й армии, 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 47-й армии, 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 48-й армии, 1942–1943 гг.
2-я отдельная штрафная рота 49-й армии, 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 50-й армии (при 64-й стрелковой дивизии), 1943–1944 гг.
2-я отдельная штрафная рота 50-й армии (при 324-й стрелковой дивизии), 1943 г.
2-я отдельная штрафная рота 51-й армии (при 302-й стрелковой дивизии), 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 53-й армии, 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 54-й армии, 1944 г.
2-я отдельная штрафная рота 56-й армии, 1943 г.
2-я отдельная штрафная рота 58-й армии, затем Северо-Кавказского фронта, 1943 г.
2-я отдельная штрафная рота 58-й армии, 1943 г.
2-я отдельная штрафная рота 60-й армии, 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 61-й армии, 1943 г.
2-я отдельная штрафная рота 64-й армии, 1942 г.
2-я отдельная штрафная рота 65-й армии, 1943 г.
2-я отдельная штрафная рота 69-й армии, 1943 г.
3-я отдельная штрафная рота 1-й ударной армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 2-й ударной армии, 1942–1943 гг.
3-я отдельная штрафная рота 3-й ударной армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 3-й гвардейской армии (при 266-й стрелковой дивизии), 1943 г.
3-я отдельная штрафная рота 3-й армии, 1943–1944 гг.
3-я отдельная штрафная рота 4-й армии, затем 54-й армии, 1943–1944 гг.
3-я отдельная штрафная рота 6-й армии, 1942–1943 гг.
3-я отдельная штрафная рота 7-й отдельной армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 9-й армии, 1942–1943 гг.
3-я отдельная штрафная рота 11-й гвардейской армии, 1943–1944 гг.
3-я отдельная штрафная рота 13-й армии, затем 48-й армии, 1942–1943 гг.
3-я отдельная штрафная рота 18-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 20-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 22-й армии, 1943 г.
3-я отдельная штрафная рота 24-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 27-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 28-й армии, 1943–1944 гг.
3-я отдельная штрафная рота 30-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1943–1945 гг.
3-я отдельная штрафная рота 33-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 34-й армии, 1943 г.
3-я отдельная штрафная рота 37-й армии (при 2-й гвардейской стрелковой дивизии, затем при 213-й стрелковой дивизии), 1942–1943 гг.
3-я отдельная штрафная рота 37-й армии, затем 57-й армии, 1944–1945 гг.
3-я отдельная штрафная рота 39-й армии, 1942–1943 гг.
3-я отдельная штрафная рота 40-й армии, 1942–1943 гг.
3-я отдельная штрафная рота 41-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 43-й армии, 1943 г.
3-я отдельная штрафная рота 44-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 46-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 47-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 48-й армии, 1942–1943 гг.
3-я отдельная штрафная рота 51-й армии, 1943 г.
3-я отдельная штрафная рота 53-й армии, 1942 г.
3-я отдельная штрафная рота 56-й армии, 1943 г.

- 21-я отдельная штрафная рота 54-й армии, 1942 г.
- 22-я отдельная штрафная рота 54-й армии, 1942 г.
- 23-я отдельная штрафная рота 4-й армии, затем 54-й армии, 1943–1944 гг.
- 23-я отдельная штрафная рота 59-й армии, 1942–1945 гг.
- 24-я отдельная штрафная рота 59-й армии, 1942–1943 гг.
- 25-я отдельная штрафная рота 59-й армии, 1942 г.
- 26-я отдельная штрафная рота, 1942 г.
- 27-я отдельная штрафная рота, 1942 г.
- 28-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
- 29-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 30-я отдельная штрафная рота 42-й армии, 1942–1943 гг.
- 30-я отдельная штрафная рота 42-й армии, затем 67-й армии, затем 3-й ударной армии, затем 10-й гвардейской армии, затем 42-й армии, 1943–1945 гг.
- 31-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1945 г.
- 31-я отдельная штрафная рота 42-й армии, 1945 г.
- 31-я отдельная штрафная рота 55-й армии, 1942–1943 гг.
- 31-я отдельная штрафная рота 67-й армии, затем 3-й ударной армии, затем 10-й гвардейской армии, затем 42-й армии, 1944–1945 гг.
- 32-я отдельная штрафная рота Приморской оперативной группы Ленинградского фронта, затем 2-й ударной армии, затем 59-й армии, 1942–1944 гг.
- 32-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1945 г.
- 32-я отдельная штрафная рота 54-й армии, затем 1-й ударной армии, 1944–1945 гг.
- 33-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1945 г.
- 33-я отдельная штрафная рота Ленинградского фронта, затем 67-й армии, затем 2-й ударной армии, 1942–1943 гг.
- 34-я отдельная штрафная рота 7-й отдельной армии, затем 14-й армии, затем 9-й гвардейской армии, 1942–1945 гг.
- 34-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1945 г.
- 35-я отдельная штрафная рота 7-й отдельной армии, затем 14-й армии, затем 19-й армии, 1942–1945 гг.
- 35-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1945 г.
- 36-я отдельная штрафная рота 7-й отдельной армии, затем 14-й армии, затем 19-й армии, затем 43-й армии, 1942–1945 гг.
- 36-я отдельная штрафная рота литер «А» 7-й армии, 1944 г.
- 36-я отдельная штрафная рота литер «Б» 7-й армии, 1944 г.
- 36-я отдельная штрафная рота литер «В» 7-й армии, 1944 г.
- 36-я отдельная штрафная рота литер «Г» 7-й армии, 1944 г.
- 36-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1945 г.
- 37-я отдельная штрафная рота 3-й ударной армии, затем 6-й гвардейской армии, 1942–1945 гг.
- 37-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1945 г.
- 38-я отдельная штрафная рота 3-й ударной армии, затем 22-й армии, 1942–1945 гг.
- 38-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1945 г.
- 39-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 40-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 41-я отдельная штрафная рота 4-й ударной армии, 1944–1945 гг.
- 41-я отдельная штрафная рота 22-й армии, 1942–1943 гг.
- 42-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 43-я отдельная штрафная рота 39-й армии, 1942–1945 гг.
- 44-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 45-я отдельная штрафная рота 39-й армии, 1943–1945 гг.
- 45-я отдельная штрафная рота 41-й армии, 1942–1943 гг.
- 46-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
- 47-я отдельная штрафная рота 1942–1945 гг.
- 48-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
- 49-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 49-я отдельная штрафная рота 43-й армии, 1943–1944 гг.
- 50-я отдельная штрафная рота 19-й армии, 1942–1944 гг.

50-я отдельная штрафная рота 43-й армии, 1943–1944 гг.
51-я отдельная штрафная рота 26-й армии, 1942–1943 гг.
51-я отдельная штрафная рота 43-й армии, 1943–1944 гг.
52-я отдельная штрафная рота 32-й армии, затем 14-й армии, 1942–1945 гг.
52-я отдельная штрафная рота литер «А» 32-й армии, 1944 г.
52-я отдельная штрафная рота литер «Б» 32-й армии, 1944 г.
52-я отдельная штрафная рота 43-й армии, 1943–1944 гг.
53-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
54-я отдельная штрафная рота 11-й армии, 1942–1943 гг.
54-я отдельная штрафная рота 27-й армии, 1943 г.
55-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
56-я отдельная штрафная рота 3-й ударной армии, 1944–1945 гг.
56-я отдельная штрафная рота 34-й армии, затем 1-й ударной армии, 1942–1944 гг.
56-я отдельная штрафная рота 56-й армии, 1942 г.
57-я отдельная штрафная рота 53-й армии, 1942–1945 гг.
58-я отдельная штрафная рота 1942–1943 гг.
59-я отдельная штрафная рота 28-й армии, затем 44-й армии, 1942–1943 гг.
59-я отдельная штрафная рота 28-й армии, затем 5-й армии, 1943 г.
60-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
61-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
62-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
63-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
64-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
65-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
66-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
67-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
68-я отдельная штрафная рота 24-й армии, затем 4-й гвардейской армии, 1942–1945 гг.
68-я отдельная штрафная рота литер «А» 4-й гвардейской армии, 1944–1945 гг.
68-я отдельная штрафная рота 51-й армии, 1942–1943 гг.
69-я отдельная штрафная рота 24-й армии, затем 4-й гвардейской армии, 1942–1945 гг.
69-я отдельная штрафная рота 51-й армии, 1942–1943 гг.
70-я отдельная штрафная рота 9-й армии, 1943 г.
70-я отдельная штрафная рота 9-й армии, затем 18-й армии, затем 3-й гвардейской армии, 1943–1945 гг.
70-я отдельная штрафная рота 18-й армии, затем 56-й армии, 1943 г.
70-я отдельная штрафная рота 56-й армии, 1943 г.
71-я отдельная штрафная рота 2-й ударной армии, 1945 г.
71-я отдельная штрафная рота 9-й армии, 1942–1943 гг.
72-я отдельная штрафная рота 9-й армии, 1943 г.
72-я отдельная штрафная рота 51-й армии, 1942 г.
72-я отдельная штрафная рота 18-й армии, затем 56-й армии, 1943 г.
72-я отдельная штрафная рота 56-й армии, 1943 г.
73-я отдельная штрафная рота 2-й ударной армии, 1945 г.
73-я отдельная штрафная рота 9-й армии, 1943 г.
73-я отдельная штрафная рота 51-й армии, 1942 г.
74-я отдельная штрафная рота 2-й ударной армии, 1945 г.
74-я отдельная штрафная рота 37-й армии, 1942–1943 гг.
75-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
76-я отдельная штрафная рота 64-й армии, затем 7-й гвардейской армии, 1943–1944 гг.
76-я отдельная штрафная рота 37-й армии, 1943 г.
76-я отдельная штрафная рота литер «А» 37-й армии, 1943 г.
77-я отдельная штрафная рота 37-й армии, 1943 г.
78-я отдельная штрафная рота 37-й армии, 1943 г.
78-я отдельная штрафная рота 37-й армии, затем Северо-Кавказского фронта, 1943 г.
78-я отдельная штрафная рота 56-й армии, затем Приморской армии, 1943 г.
78-я отдельная штрафная рота Приморской армии, 1943–1944 гг.
79-я отдельная штрафная рота 37-й армии, 1943–1945 гг.

- 106-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 108-я отдельная штрафная рота 66-й армии, затем 5-й гвардейской армии, 1942–1945 гг.
- 108-я отдельная штрафная рота литер «А» 5-й гвардейской армии, 1944 г.
- 108-я отдельная штрафная рота литер «Б» 5-й гвардейской армии, 1944 г.
- 109-я отдельная штрафная рота литер «А» 5-й гвардейской армии, 1944 г.
- 109-я отдельная штрафная рота литер «Б» 5-й гвардейской армии, 1944 г.
- 109-я отдельная штрафная рота 66-й армии, затем 5-й гвардейской армии, 1942–1945 гг.
- 110-я отдельная штрафная рота 5-й гвардейской армии, 1943–1945 гг.
- 110-я отдельная штрафная рота литер «А» 5-й гвардейской армии, 1944 г.
- 114-я отдельная штрафная рота 18-й армии, 1944–1945 гг.
- 114-я отдельная штрафная рота 60-й армии, 1943–1944 гг.
- 114-я отдельная штрафная рота 38-й армии, 1942–1943 гг.
- 115-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 116-я отдельная штрафная рота 38-й армии, 1942–1943 гг.
- 116-я отдельная штрафная рота 38-й армии, затем 1-й гвардейской армии, 1944–1945 гг.
- 117-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 118-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
- 119-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
- 120-я отдельная штрафная рота 40-й армии, 1942–1945 гг.
- 121-я отдельная штрафная рота 40-й армии, 1942–1945 гг.
- 122-я отдельная штрафная рота 46-й армии, 1944 г.
- 122-я отдельная штрафная рота 6-й армии, затем 1-й гвардейской армии, затем 46-й армии, 1942–1945 гг.
- 123-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 124-я отдельная штрафная рота 6-й армии, 1943–1944 гг.
- 124-я отдельная штрафная рота 6-й армии, затем 37-й армии, затем 57-й армии, затем 26-й армии, 1942–1945 гг.
- 125-я отдельная штрафная рота 6-й армии, затем 8-й гвардейской армии, 1943–1944 гг.
- 125-я отдельная штрафная рота 42-й армии, 1942–1944 гг.
- 125-я отдельная штрафная рота 55-й армии, затем 42-й армии, затем 67-й армии, затем 3-й ударной армии, 1943–1945 гг.
- 126-я отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии, затем 6-й армии, затем 8-й гвардейской армии, 1943–1944 гг.
- 126-я отдельная штрафная рота 32-й армии, 1943–1944 гг.
- 127-я отдельная штрафная рота 6-й армии, затем 1-й гвардейской армии, затем 46-й армии, 1943–1945 гг.
- 127-я отдельная штрафная рота 32-й армии, 1943–1944 гг.
- 128-я отдельная штрафная рота 5-й армии, 1942–1944 гг.
- 128-я отдельная штрафная рота 5-й армии, 1943–1945 гг.
- 128-я отдельная штрафная рота 1-й гвардейской армии, затем 6-й армии, затем 8-й гвардейской армии, 1943–1944 гг.
- 128-я отдельная штрафная рота 10-й гвардейской армии, 1943–1944 гг.
- 129-я отдельная штрафная рота 5-й армии, 1942–1945 гг.
- 129-я отдельная штрафная рота Западного фронта, затем 10-й гвардейской армии, затем 5-й армии, 1943–1945 гг.
- 129-я отдельная штрафная рота 21-й армии, 1942–1943 гг.
- 130-я отдельная штрафная рота 3-й гвардейской армии, 1944–1945 гг.
- 130-я отдельная штрафная рота 10-й армии, 1943 г.
- 131-я отдельная штрафная рота 10-й армии, затем 49-й армии, затем 50-й армии, затем 3-й армии, 1942–1945 гг.
- 131-я отдельная штрафная рота 21-й армии, затем 5-й танковой армии, 1942–1943 гг.
- 132-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
- 134-я отдельная штрафная рота 20-й армии, затем 31-й армии, 1942–1943 гг.
- 134-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1943–1945 гг.
- 135-я отдельная штрафная рота 31-й армии, затем 20-й армии, 1942–1943 гг.
- 135-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1943–1945 гг.
- 136-я отдельная штрафная рота, 1942–1944 гг.

136-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1944–1945 гг.
137-я отдельная штрафная рота 3-й гвардейской армии, 1944–1945 гг.
137-я отдельная штрафная рота 29-й армии, затем 20-й армии, затем 31-й армии, 1942–1943 гг.
137-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1943 г.
138-я отдельная штрафная рота 29-й армии, затем Западного фронта, 1942–1943 гг.
138-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1943–1945 гг.
139-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
140-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1942–1945 гг.
141-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1943–1945 гг.
142-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1942–1945 гг.
143-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1942–1945 гг.
144-я отдельная штрафная рота 31-й армии, 1942–1944 гг.
145-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
146-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
148-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
149-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
150-я отдельная штрафная рота 33-й армии, затем 5-й армии, 1944–1945 гг.
150-я отдельная штрафная рота 49-й армии, затем 33-й армии, 1943–1944 гг.
150-я отдельная штрафная рота 50-й армии, 1942–1943 гг.
151-я отдельная штрафная рота 61-й армии, 1942–1945 гг.
152-я отдельная штрафная рота, 1942–1945 гг.
153-я отдельная штрафная рота 38-й армии, 1943–1945 гг.
154-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
155-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
156-я отдельная штрафная рота 55-й армии, затем 67-й армии, затем 1-й ударной армии, затем 10-й гвардейской армии, 1943–1945 гг.
156-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944 г.
156-я отдельная штрафная рота 67-й армии, 1942–1943 гг.
157-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944 г.
157-я отдельная штрафная рота 67-й армии, затем 10-й гвардейской армии, 1944–1945 гг.
158-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.
159-я отдельная штрафная рота 3-й гвардейской армии, 1944–1945 гг.
159-я отдельная штрафная рота 55-й армии, затем 67-й армии, затем 2-й ударной армии, 1943 г.
159-я отдельная штрафная рота 67-й армии, 1942–1943 гг.
160-я отдельная штрафная рота 8-й армии, 1944 г.
160-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944–1945 гг.
160-я отдельная штрафная рота 67-й армии, 1942–1945 гг.
160-я отдельная штрафная рота 67-й армии, затем Ленинградского фронта, 1943–1944 гг.
161-я отдельная штрафная рота 42-й армии, затем 67-й армии, 1943 г.
161-я отдельная штрафная рота 55-й армии, 1943 г.
161-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944–1945 гг.
162-я отдельная штрафная рота 32-й армии, 1943 г.
162-я отдельная штрафная рота 51-й армии, 1943 г.
162-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944 г.
163-я отдельная штрафная рота 51-й армии, 1943–1945 гг.
163-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944–1945 гг.
164-я отдельная штрафная рота 40-й армии, 1943 г.
164-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944–1945 гг.
165-я отдельная штрафная рота 18-й армии, затем 3-й гвардейской армии, 1944 г.
165-я отдельная штрафная рота 18-й армии, затем 38-й армии, 1944–1945 гг.
165-я отдельная штрафная рота 60-й армии, 1943–1944 гг.
166-я отдельная штрафная рота 2-й ударной армии, 1944–1945 гг.
166-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944–1945 гг.
167-я отдельная штрафная рота 2-й ударной армии, 1944–1945 гг.
167-я отдельная штрафная рота 57-й армии, 1944–1945 гг.
168-я отдельная штрафная рота 2-й ударной армии, 1944–1945 гг.
168-я отдельная штрафная рота 26-й армии, 1943 г.

336-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
337-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
338-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
339-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
340-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
341-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
342-я отдельная штрафная рота 4-й гвардейской армии, 1944–1945 гг.
342-я отдельная штрафная рота литер «А» 4-й гвардейской армии, 1944 г.
343-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
344-я отдельная штрафная рота 37-й армии, 1943–1945 гг.
344-я отдельная штрафная рота 67-й армии, 1943–1945 гг.
345-я отдельная штрафная рота 37-й армии, 1943–1945 гг.
345-я отдельная штрафная рота 67-й армии, 1943–1945 гг.
346-я отдельная штрафная рота, 1943–1945 гг.
347-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
348-я отдельная штрафная рота, 1943–1944 гг.
349-я отдельная штрафная рота, 1943–1944 гг.
350-я отдельная штрафная рота, 1943–1944 гг.
351-я отдельная штрафная рота, 1944 г.
352-я отдельная штрафная рота, 1944 г.
353-я отдельная штрафная рота, 1944 г.
354-я отдельная штрафная рота, 1944 г.
355-я отдельная штрафная рота, 1944 г.
356-я отдельная штрафная рота, 1944 г.
358-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
360-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
360-я отдельная штрафная рота литер «А», 1944–1945 гг.
361-я отдельная штрафная рота 8-й гвардейской армии, 5-й ударной армии, 1944–1945 гг.
361-я отдельная штрафная рота литер «А» 5-й ударной армии, 1944–1945 гг.
362-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
362-я отдельная штрафная рота литер «А», 1944–1945 гг.
363-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
365-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
365-я отдельная штрафная рота литер «А», 1944 г.
366-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
366-я отдельная штрафная рота литер «А», 1944 г.
367-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
368-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
369-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
370-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
371-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
372-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
373-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
374-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
375-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
376-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
377-я отдельная штрафная рота, 1944–1945 гг.
482-я отдельная штрафная рота, 1944 г.
612-я отдельная штрафная рота, 1942–1943 гг.

На первый взгляд список кажется весьма и весьма внушительным – 65 штрафных батальонов, 1037 штрафных рот. Однако обратите внимание на годы их существования. Более того, если в конце строки стоит, скажем, «1943 г.», это вовсе не значит, что данный батальон или рота существовали весь 1943 год. Например, 1-й и 2-й штрафные батальоны, сформированные к 25 августа 1943 года из бывших военнопленных, уже спустя два месяца были расформированы, а их личный состав восстановлен в правах.

Таким образом, количество одновременно существовавших штрафных частей оказывается гораздо меньшим. Если взять 1944 год, то общее число имевшихся в действующей армии штрафных

батальонов колебалось в пределах от 8 в мае до 15 в январе, а их среднемесячное число равнялось 11. Количество штрафных рот колебалось от 199 в апреле до 301 в сентябре, а их среднемесячное число было равно 243. При этом среднемесячная численность штрафников в штрафном батальоне составляла 225 человек, в штрафной роте – 102 человека, а их общая среднемесячная численность во всех штрафных частях – 27 326 человек. Для сравнения, среднемесячная списочная численность действующей армии в том же году – 6550 тыс. человек. Нетрудно подсчитать, что доля штрафников достигает всего лишь **0,42 %** численности действующей армии.

Однако справедливости ради следует учесть *бо* льшую «текучесть кадров» среди штрафников, поскольку время нахождения в переменном составе штрафной части не могло превышать трёх месяцев. Поэтому сравним данные за всю войну. Согласно архивным отчётно-статистическим документам, численность ежегодно направляемых в штрафные роты и батальоны составила:

	1942	1943	1944	1945	Всего
Количество штрафников	24 993	177 694	143 457	81 766	427 910

Итак, за всю войну в штрафные части было направлено 427 910 человек. С другой стороны, через советские Вооружённые силы за время войны прошли 34 476,7 тыс. человек. Получается, что доля военнослужащих, побывавших в штрафных ротах и батальонах составляет всего лишь **1,24 %**. Таким образом, вопреки уверениям недобросовестных публицистов, вклад штрафников в Победу оказывается относительно скромным.

Остаётся выяснить вопрос о потерях. Поскольку штрафникам, как правило, поручались наиболее сложные боевые задачи, потери как постоянного, так и переменного состава штрафных частей были довольно высокими. Так, в 1944 году среднемесячные потери переменного состава убитыми, умершими, ранеными и заболевшими достигали 10 506 человек, постоянного – 3685 человек. Это в 3–6 раз больше, чем уровень потерь личного состава обычных войск в тех же наступательных операциях.

Однако не следует считать штрафников обречёнными на неминуемую гибель смертниками. Например, в уже цитированной выше статье И. В. Кузьмичёва рассказывается о красноармейце, трижды (!) попадавшем в штрафную роту, но тем не менее оставшемся в живых. Также можно вспомнить судьбу Александра Васильевича Пыльцына, с декабря 1943 по май 1945 года воевавшего в постоянном составе 8-го отдельного штрафного батальона.

Глава 15. О наших потерях

Непременной частью потока антисоветской пропаганды, вот уже два десятилетия в изобилии льющегося на головы жителей нашей страны, являются злорадные разглагольствования по поводу «огромных потерь», якобы понесённых Красной Армией в Великую Отечественную войну. Тон, как и положено, задают «властители дум» вроде Солженицына, для которых СССР – империя зла, а советский период – чёрная полоса в истории России:

«Профессор Курганов приводит другую цифру; сколько мы потеряли во Второй мировой войне. Этой цифры тоже нельзя представить. Эта война велась, не считаясь с дивизиями, с корпусами, с миллионами людей. По его подсчётам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного и неряшливого её ведения 44 миллиона человек!» .

До поры до времени подобные домыслы и спекуляции сходили им с рук, поскольку официальные сведения на этот счёт оставались засекреченными. Ситуация изменилась после выхода в 1993 году книги «Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Авторский коллектив во главе с генерал-полковником Г. Ф. Кривошеевым в течение нескольких лет провёл комплексное статистическое исследование архивных документов и других материалов, содержащих сведения о людских потерях. Выяснилось, что вопреки расхожему мнению потери советских и немецких войск оказались примерно сопоставимы, а *бо* льший размер наших потерь в изрядной степени вызван сознательным уничтожением немцами наших пленных – смертность в немецком плену была гораздо выше, чем в советском.

Понятно, что цифры, названные Кривошеевым, не являются окончательными. Они ещё будут уточняться. Однако это первая серьёзная работа, опирающаяся не на умозрительные заключения, а на архивные документы.

Разумеется, тех, кто привык кричать, будто Красная Армия не умела воевать, будто мы завалили немцев трупами собственных солдат, подсчёты Кривошеева устроить никак не могут. Поэтому время

от времени появляются публикации, авторы которых пытаются дискредитировать приведённые в «Гриф секретности» результаты. Характерным почерком подобных «опровергателей», как правило, являются недобросовестность, многочисленные натяжки и передержки.

В качестве типичного примера рассмотрим статью с лаконичным названием «Генерал армии М. А. Гареев не приемлет факты и продолжает тиражировать мифы о Великой Отечественной войне», опубликованную в 10-м выпуске журнала «Военно-исторический архив». Полемизируя со злокозненным генералом Гареевым, её автор – отставной полковник В. М. Сафир – пытается «развенчать» полководческие таланты маршала Жукова, а попутно поставить под сомнение цифры потерь, опубликованные Кривошеевым.

Приведём соответствующий фрагмент статьи, сохраняя авторские выделения, сноски и орфографию:

«Что касается Великой Отечественной войны, то людские потери нашей армии из-за грубейших ошибок как партийного руководства страны (в первую очередь Сталина), так и военного (в том числе и Жукова) оказались столь огромны и трудно объяснимы, что данные по ним (дабы скрыть от своего народа правду) надолго превратились в государственную тайну.

Сразу же после войны было объявлено, что армия потеряла **7 млн** человек. После работы нескольких комиссий (Штеменко – 1946-68 гг., Гареева – 1987-88 гг., Моисеева и др.) в начале 90-х годов[27] эта цифра подросла до **8 млн 688 тыс. 400 человек**. Приведённая смешная “точность” в 400 человек на основании якобы “данных персонального (поимённого) учёта потерь” только подтверждает абсолютную недостоверность этих подсчётов, так как именно “персональный” учёт потерь в нашей стране (армии) был организован безобразно. Судите сами:

– приказ об организации учёта был издан всего за 3 месяца до начала войны – 15 марта 1941 года [28] (в войсках Южного фронта, например, стал известен только в декабре (!) 1941 г.);

– колоссальный недоучёт безвозвратных потерь Красной Армии в период общего отступления в начальном периоде войны (утеря документов, преднамеренное их изъятие и др.);

– в начале войны рядовой и сержантский состав вообще не имели красноармейских книжек (введены только 7.10.41);

– спецмедальоны (личные) по указанию Сталина отменены 17.11.42 (знаменитый “социалистический учёт” в данном случае вождю был не нужен, как как подобное “уточнение” приносило бы только вред);

– даже в 1944 году этот учёт должным образом не был налажен[29].

Картина, как видите, плачевная, если не сказать хуже. Да и сами авторы книги “Гриф секретности снят” признают, например, неполный учёт санитарных потерь, которые они определили в 14 686 тыс. поражённых в боях и 7641 тыс. больных. Однако если заглянуть в архив Военно-медицинского музея, то обнаружим, что там хранятся не 22 327 тыс. карточек военнослужащих, поступивших в годы войны в военно-медицинские учреждения, а более 32 миллионов [30].

Кстати, на таком же “уровне” проведена фиксация потерь и в ходе войны в Афганистане (1979–1989). По подсчётам генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева в ходе боевых действий погибли якобы 14 445 чел. и ранены 54 тысячи. Но опять получают “чудеса в решете” – в очереди за протезами, по данным Минздрава СССР, стоит как минимум в 2 раза больше – свыше 100 тысяч инвалидов [31]. Исходя из этих цифр остается предположить, что реальные потери (по традиции!) и в данном случае значительно уменьшены.

Но “процесс пошёл” – учитывая очевидные неточности данных слагаемых (битвы, сражения, бои и т. п.), составляющих в этом уравнении сумму, равную “8 млн 688 тыс. 400 чел.”, начались попытки как-то эти недостоверные цифры подкорректировать. Вначале сам Г. Ф. Кривошеев в “Вестнике границ России” (1995, № 5) расчёт безвозвратных боевых потерь, проведённый ранее с точностью до “400” человек, без излишнего шума увеличил на 500 000! Но вот в июне 1998 года объявляется величина потерь на этот раз уже с точностью до “100” человек – **11 млн 944 тыс. 100**. Эта новая цифра наших безвозвратных потерь в Великой Отечественной войне, конечно, не последняя (известно, что в настоящее время работы по её уточнению продолжаются), больше предыдущей (8 млн 688 тыс. 4 чел.) ни много ни мало аж на **3 млн 275 тыс. 700**! Но в недостоверности и этой “уточнённой” цифры убедиться несложно. Для этого достаточно соотнести её с вполне достоверными данными о безвозвратных потерях офицерского состава – “**1 млн 23 тыс. 93**” (поскольку эти данные определялись по личным делам, сохранившимся спискам окончивших курсы, училища, академии и др.).

Ответ подтверждает указанные предположения, так как доля безвозвратных потерь офицерского состава равна совершенно нереальным 8,6 % (!) от общих, т. е. на каждые 100 погибших приходится

8–9 офицеров! Полученный высокий процент свидетельствует о том, что объявленные суммарные потери (порядка 12 млн) явно занижены и не соответствуют действительности, так как, судя по отдельным боевым донесениям Сухопутных войск, приблизительный процент офицерских потерь колеблется где-то в пределах 3,5–4,5 %. Если даже предположить, что потери офицеров составляют 5 %, то общие потери должны быть не менее 20 млн человек, ну а при 4-х процентном и того больше. Но эту трудоёмкую работу по изучению, анализу и систематизации огромного количества боевых донесений частей следует провести тщательней, чтобы процент офицерских потерь рассчитать более точно, ибо только он и даст возможность определить не количество потерь (что с учетом отмеченных выше недостатков является теперь практически невыполнимой задачей), а верный их порядок цифр (т. е. не “порядка 12 млн”, а например, “порядка менее 20 млн”, “порядка 20 млн” или другие значения). Между тем известно, что в XX веке ни одна армия развитых государств такого высокого процента офицерских потерь (8,6 %) не имела и, согласно опубликованным данным, рубежа 4–5 % не переступала.

Что же касается немецкой армии, то согласно опубликованным данным с 1 сентября 1939 г. до 1 мая 1945 года вермахт на всех фронтах потерял (безвозвратно) 3950 тыс. человек, в том числе офицеров 119 тыс. – 3 %. На Восточном фронте потери составили соответственно (тыс. чел.): 2608 – 62,3–2,38 % [32] (низкие потери немецких офицеров, как и общие (по сравнению с нашими) объясняются не столько разницей “штатных расписаний” противоборствующих сторон (у нас офицеров было больше), сколько несколько иной манерой ведения боевых действий и отношением к личному составу, объявленным Гитлером “дефицитом, достоянием нации...”).

Таким образом, учитывая приведенные выше факты, а также сделанное в 1942 году заявление зам. наркома обороны Е. А. Щаденко (в то время начальник Главного управления формирования и комплектования войск КА) о том, что **на персональном поимённом учёте состояло “не более одной трети действительного учёта убитых”** и такое положение сохранилось до конца войны [33], можно сделать вывод, что многие научные работы, диссертации и различные “расчёты”, опирающиеся, как правило, на данные книги “Гриф секретности снят” и ей подобным, достоверными признаны быть не могут.

...

27. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. 1993. Руководитель авторского коллектива Г. Ф. Кривошеев.

28. Русский архив. М.: “Терра”, 1994. Т.13 (2-1). С. 258–281.

29. Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 28–31.

30. Вопросы истории. 1990. № 6. С.187.

31. Российские вести. 1991. № 6. С. 9–10.

32. По состоянию на 22.04.45 (данные немецкого Генштаба СВ) соответственно (тыс. чел.): 2375 – 56,7–2,39 %. Цит. по: Чёрный хлеб истины // Вечерняя Москва. 1997. № 25. С.3.

33. Б.Соколов. Правда о Великой Отечественной войне. 1998. С.286».

Итак, Сафир пытается создать у читателя впечатление, будто данные Кривошеева «абсолютно недостоверны» и, более того, постоянно корректируются в сторону увеличения: сперва 8 688 400 человек (1993 год), затем на 500 000 больше (1995), и, наконец, 11 944 100 (1998). Правда, при этом можно заметить такую интересную деталь: все эти цифры, выделенные, надо полагать, для пущей убедительности жирным шрифтом, даны без ссылок на источник. Хотя, как видно из приведённого текста, в других местах автор щедро расставляет сноски, как и положено в научных публикациях (всего их в статье свыше ста). Что это, случайность? Небрежность?

Нелицеприятная правда состоит в том, что в работах Кривошеева эти три цифры с самого начала фигурируют **одновременно**. Вот только обозначают они разные вещи. В этом легко убедиться – достаточно взять в руки «Гриф секретности снят»:

«По результатам подсчётов, за годы Великой Отечественной войны (в том числе и кампанию на Дальнем Востоке против Японии в 1945 году) **общие безвозвратные демографические потери** (убито, пропало без вести, попало в плен и не вернулось из него, умерло от ран, болезней и в результате несчастных случаев) советских Вооружённых сил вместе с пограничными и внутренними войсками **составили 8 млн 668 тыс. 400 чел.** При этом армия и флот потеряли 8 млн 509 тыс. 300 чел., внутренние войска – 97 тыс. 700 чел., пограничные войска и органы госбезопасности – 61 тыс. 400 человек.

В это число не вошли 939 тыс. 700 военнослужащих, учтённых в начале войны как пропавшие без вести, но которые в 1942–1945 гг. были вторично призваны в армию на освобождённой от оккупации территории, а также 1 млн 836 тыс. бывших военнослужащих, возвратившихся из плена после войны.

Эти военнослужащие (2 млн 775 тыс. 700 чел.) из числа общих потерь исключены.

Все безвозвратные потери Красной Армии, Военно-морского флота, пограничных и внутренних войск представлены в таблице 56 (в тыс. чел.).

	Виды потерь	Всего	Красная Армия и ВМФ	Пограничные войска, в т.ч. войска и органы госбезопасности	Внутренние войска
	Убито и умерло от ран на этапах эвакуации (по донесениям войск)	5226,8	5187,2	18,9	20,7
1	Умерло от ран в госпиталях (по данным ЦВМУ МО)	1102,8	1100,3		2,5
	Итого	6329,6	6287,5	18,9	23,2
2	Умерло от болезней, погибло в результате происшествий и несчастных случаев, осуждено к расстрелу (небоевые потери)	555,5	541,9	7,1	6,5
	Пропало без вести, попало в плен (по донесениям войск и данным органов репатриации)	3396,4	3305,6	22,8	68
3	Неучтённые потери первых месяцев войны: погибло, пропало без вести в боевых операциях, когда донесений от фронтов и армий не поступало (выявлено по отдельным архивным документам, в том числе и немецкого военного командования)	1162,6	1150	12,6	
	Итого	4559	4455,6	35,4	68
	Всего потеряно в ходе ВОВ	11444,1	11285	61,4	97,7
	Исключено из числа потерь: Призвано на освобождённой территории и направлено в войска из числа военнослужащих, ранее попавших в окружение или пропавших без вести	939,7			
	Вернулось из плена по окончании войны (по данным органов репатриации)	1836			
	Итого	2775,7			
	Фактическое число безвозвратных потерь	8668,4	8509,3	61,4	97,7
	В том числе не вернулось из плена (погибло, умерло, эмигрировало в другие страны)	1783,3			

Неучтённые потери, показанные в пункте 3 таблицы 56, отнесены к числу пропавших без вести и включены в сведения соответствующих фронтов и отдельных армий, не представивших донесения в третьем и четвёртом кварталах 1941 г.

...

Как указано в таблице 56, фактическое число безвозвратных (демографических) потерь составило 8668,4 тыс. чел., однако с военно-оперативной точки зрения в ходе Великой Отечественной войны с учётом пропавших без вести и оказавшихся в плену из строя безвозвратно выбыли 11 444,1 тыс. военнослужащих».

Итак, согласно Кривошееву, **11 444,1 тыс.** – общие потери Вооружённых сил СССР убитыми, умершими от ран и болезней, пропавшими без вести и попавшими в плен и **8668,4 тыс.** – собственно количество погибших военнослужащих, получающееся из предыдущей цифры после вычета тех, кто попал в плен, но был освобождён или был объявлен пропавшим без вести, но затем оказался живым.

А вот и «дополнительные» 500 тысяч:

«Кроме того, в начальный период войны было захвачено противником около 500 тыс. военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в войска».

«Кроме того, в первые недели войны, когда в стране проводилась всеобщая мобилизация, большая часть граждан, призванных военкоматами Белоруссии, Украины, Прибалтийских республик, была захвачена противником в пути следования, то есть ещё до того, как они стали солдатами. В учётные документы фронтов (армий) они не попали, но оказались в плену. По справке Мобилизационного управления Генерального штаба, разработанной в июне 1942 г., число военнообязанных, которые были захвачены противником, составило более 500 тыс. чел.»

То есть 500 тыс. – это призывники, **мобилизованные** военкоматами, но **не зачисленные** в

войска и захваченные немцами. Следует ли их отнести к потерям Вооружённых сил? Вопрос спорный. Поэтому Кривошеев и говорит о них отдельно.

Как мы видим, в «Грифе секретности...» изначально присутствовали все три приведённые Сафиром цифры:

8668,4 тыс. – безвозвратные потери советских Вооружённых сил;

8668,4 тыс. + 500 тыс. – безвозвратные потери с учётом захваченных немцами призывников; и, наконец,

11 444,1 тыс. + 500 тыс. = 11 944,1 тыс. – безвозвратные потери, включая тех, кто был взят в плен, но затем освобождён или объявлен пропавшим без вести, но оказался жив, с учётом захваченных немцами призывников.

Эти же самые цифры повторяются и в более поздних публикациях Кривошеева:

«... за годы войны общие безвозвратные потери (убито, пропало без вести, умерло от ран, болезни, в результате несчастных случаев) советских Вооружённых сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 11 444 100 человек.

В это число не вошли 500 тыс. военнообязанных, призванных по мобилизации в первые дни войны и пропавших без вести до прибытия в воинские части. О них некому было докладывать. Вместе с ними безвозвратные потери Красной Армии, Военно-морского флота, пограничных и внутренних войск составили 11 944 100 человек...

При определении демографических потерь личного состава армии и флота цифра в 11 444 100 человек была уменьшена на количество оказавшихся живыми после войны. Это, во-первых, 1 836 000 вернувшихся из плена бывших военнослужащих и, во-вторых, 939 700 вторично призванных на освобождённой территории – тех, кто ранее значился пропавшим без вести (из них 318 770 бывших в плену и отпущенных немцами из лагерей, и 620 930 без вести пропавших). Таким образом исключены из числа безвозвратных потерь 2 775 700 человек.

С учётом этого **общие демографические безвозвратные потери Вооружённых сил СССР составили 8 668 400 человек военнослужащих списочного состава** (из них россиян 6 537 100 человек) и 500 000 призывников, которые без вести пропали в первые дни войны».

Итак, либо Сафир не сумел разобраться в статистике военных потерь, заблудившись в трёх цифрах как в трёх соснах, либо, что более вероятно, он сознательно вводит своих читателей в заблуждение.

Пытаясь скомпрометировать расчёты Кривошеева, Сафир утверждает, что они были сделаны «на основании якобы “данных персонального (поимённого) учёта потерь”». Разумеется, опять без ссылки, потому как у Кривошеева говорится совсем другое:

«Число потерь личного состава Красной Армии и Военно-морского флота определено путем анализа и обобщения статистических материалов Генерального штаба, донесений фронтов, флотов, армий, военных округов и отчетов Центрального военно-медицинского управления».

«По приказам № 450 (1941 г.), № 138 (24.06.1941), № 023 (от 4.02.1944) полк представлял донесения о потерях личного состава 6 раз в месяц: на 5, 10, 15, 20, 25, 31 или 30 число каждого месяца. В эти же числа он представлял и именной список безвозвратных потерь л/с полка с 1 по 5, 6-10, 11-15, 16-20, 21-25, 26-31 число в штаб дивизии. Дивизия представляла донесения о потерях л/с дивизии тоже 6 раз в месяц в армию, а именные списки безвозвратных потерь л/с дивизии 3 раза в месяц: сержантов и рядовых – в Унраформ КА, т. е. в Генштаб, а офицеров – в ГУК».

То есть одновременно велись две статистики потерь: списочная и именная (персональная). Недостатки, перечисленные в статье Сафира, действительно имели место, но они относятся к персональному учёту. А данные Кривошеева базируются на списочном учёте потерь.

Недоумение внимательного читателя вызовет и выделенный жирным шрифтом пассаж о «заявлении зам. наркома обороны Е. А. Щаденко», который, надо полагать, обладая провидческим даром, сумел предсказать в 1942 году, что персональный учёт убитых так и не будет налажен вплоть до конца войны. На самом деле всё очень просто: эта «цитата» дана Сафиром с грубым искажением как по смыслу, так и по содержанию. Подлинная же цитата из приказа наркома обороны СССР № 0270 от 12 апреля 1942 года «О персональном учёте безвозвратных потерь на фронтах», подписанного зам. наркома Е. Щаденко, выглядит так:

«В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учёта потерь. На персональном учёте состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых».

То есть Сафир пытается создать впечатление, что действительное число убитых не учтено вообще

и в три раза превышает учтённое, а на самом деле имелось в виду, что персональный учёт убитых охватывает лишь одну треть их списочного учёта. Самое интересное, что Сафир должен быть знаком с приказом Щаденко, поскольку тот опубликован в статье, на которую отставной полковник ссылается в другом месте (см. его сноску 29), причём как раз на тех же страницах.

Теперь насчёт «недоучёта потерь» начального периода войны. На самом деле они все тоже учтены:

«Мне могут задать вопрос, “всегда ли были доклады от соединений и отдельных частей?” И что делать, если не было таких докладов? Какая бы сложная обстановка ни складывалась, доклады представлялись, за исключением тех случаев, когда соединение или часть попадали в окружение или были разгромлены, т. е. когда некому было докладывать. Такие моменты были, особенно в 1941 году и летом 1942-го. В 1941-м, в сентябре, октябре и ноябре 63 дивизии попали в окружение и не смогли представить донесения. А численность их по последнему докладу составляла 433 999 человек. Возьмём, например, 7 стрелковую дивизию Юго-Западного фронта. Последнее донесение от нее поступило на 1.09.1941 о том, что в составе имеется: нач. состава 1022, мл. нач. сост. 1250, рядовых 5435, всего – 7707 человек. С этим личным составом дивизия попала в окружение и не смогла выйти. Мы этот личный состав и отнесли к безвозвратным потерям, притом к без вести пропавшим. А всего в ходе войны 115 дивизий – стрелковых, кавалерийских, танковых – и 13 танковых бригад побывали в окружении, и численность их по последним донесениям составляла 900 тыс. человек. Эти данные, или, точнее, эти цифры мы отнесли к **неучтённым потерям войны**. Так нами были рассмотрены буквально все соединения и части, от которых не поступили донесения. Это очень кропотливая работа, которая заняла у нас несколько лет.

Эти неучтённые потери войны составили за весь её период 1 162 600 человек. Таким образом, 11 444 100 человек включают в себя и этих людей».

Итак, составить поимённый список всех погибших воинов мы сегодня, увы, действительно не можем, однако цифру безвозвратных потерь можем определить достаточно точно.

Перейдём к следующему «аргументу» Сафира – насчёт учёта раненых. Не будем задерживаться на его утверждении, что *«Да и сами авторы книги “Гриф секретности снят” признают, например, неполный учёт санитарных потерь»* – естественно, приведённом без ссылки, поскольку ничего подобного авторы «Грифа секретности...» не пишут. Лучше разберёмся с архивом Военно-медицинского музея. Поскольку мы уже неоднократно ловили Сафира на недобросовестном цитировании, заглянем в журнал «Вопросы истории», на который он ссылается:

«Даже в архиве ВММ МО СССР, хранящем в своих фондах свыше 20 млн историй болезни, более 32 млн карточек учёта военнослужащих, поступивших в годы Великой Отечественной войны во все медицинские учреждения...» .

В чем здесь разница? История болезни заводится на пациента – больного или раненого – один раз, поэтому количество историй болезни соответствует количеству больных и раненых, которое определено Кривошеевым в 22 326 905 человек. Расхождение в 2 млн, очевидно, вызвано тем, что часть историй болезни была утрачена.

Учётные же карточки заполнялись при **каждом** поступлении больного или раненого в медицинское учреждение. А поскольку во время войны многие военнослужащие были ранены неоднократно (или неоднократно заболели), количество этих карточек должно существенно превышать цифру санитарных потерь.

Вот конкретный пример. На 1 октября 1945 г. среди оставшихся в строю военнослужащих Советской Армии имели ранения:

Количество ранений	Офицеры	Сержанты	Солдаты	Всего	Включено в число раненых
1 ранение	242 422	398 839	836 318	1 477 579	1 477 579
2 ранения	135 352	230 164	374 646	740 162	1 480 324
3 ранения	64 613	106 698	137 762	309 073	927 219
4 ранения	23 104	35 119	40 780	99 003	396 012
5 ранений	7 864	10 759	11 334	29 957	149 785
6 ранений	2 496	3 395	3 234	9 125	54 750
7 и более ранений	1 226	1 552	1 200	3 978	27 846
Всего	477 077	786 526	1 405 274	1 405 274	4 513 515

Как видим, количество полученных ранений в 1,7 раза превышает количество раненых. Таким

образом, данные из архива Военно-медицинского музея не опровергают, а наоборот, подтверждают сведения Кривошеева.

Рассмотрим следующий пункт, по которому Сафир «опровергает» Кривошеева – наши потери в Афганистане. Дескать, в «Грифе секретности...» утверждается, что было ранено 54 тысячи, в то время как «по данным Минздрава СССР» в очереди за протезами стоит свыше 100 тысяч инвалидов.

Очевидно, расчёт Сафира строится на том, что читатель, увидев ссылку на официальную газету «Российские вести», решит, что 100 тысяч инвалидов афганской войны – тоже официальные данные Минздрава СССР, а идти в библиотеку и проверять первоисточник, естественно, не будет. Между тем, источником «данных Минздрава» является публицистическая статья «Молох», автор которой – некий Вадим Первышин, разглагольствуя о непосильном для СССР бремени военных расходов, приводит собственные умозрительные выводы:

«Следовательно, война в Афганистане нам стоила не менее 50 тысяч убитыми и не менее 170 тысяч ранеными. Причём большинство из них – это тяжелораненные – без ног, без рук, подорвавшиеся на минах. Эти расчёты косвенно подтверждаются скорбной, длинной очередью молодых калек за протезами, в которой – по однажды оброненным словам руководства Минобороны и Минздрава – числится сто тысяч инвалидов – безруких и безногих “афганцев”, ждущих в настоящее время протезов».

Не правда ли, «убедительный» аргумент? Для опровержения данных, основанных на документальных материалах Министерства обороны, используется заявление журналиста, который якобы однажды где-то слышал, как некто неизвестный из «руководства Минобороны и Минздрава» «обронил слова» о 100 тысячах инвалидов-«афганцев».

И, наконец, последний «аргумент» Сафира: процент офицерских потерь – 8,6 % от общих – якобы «совершенно нереален» и «свидетельствует о том, что объявленные суммарные потери явно занижены». В доказательство его «нереальности» автор ссылается на пример других «армий развитых государств».

Начнём с того, что из числа развитых государств, по логике Сафира, следует исключить Францию. Поскольку в ходе боевых действий на Западном фронте в мае-июне 1940 года 30 % всех потерь французской армии убитыми и ранеными составляли офицеры.

Что же касается Красной Армии, то любому непредубеждённому исследователю должно быть ясно, что прежде чем рассуждать о «реальности» или «нереальности» доли офицерских потерь, следует выяснить, какова была доля офицеров среди военнослужащих. Однако именно об этом Сафир старательно умалчивает. Между тем согласно «Грифу секретности...», откуда он взял цифру «1 млн 23 тыс. 93» (хотя и включил в неё 122 905 военнослужащих, не имевших офицерских званий, но занимавших офицерские должности), средняя численность офицеров в Красной Армии и Военно-морском флоте составляла 14,32 %.

По сравнению с другими государствами наша армия была самой насыщенной начсоставом. Так, если взять штаты армий европейских стран накануне 2-й мировой войны, то наименьший процент офицеров (3,2 %) был в немецкой армии, наибольший (6,2 %) – в польской. Если в 1939 году на одного офицера РККА приходилось 6 рядовых, то в вермахте – 29, в английской армии – 15, во французской – 22, японской – 19.

Известно, что на войне офицеров стараются беречь: как ни цинично это звучит, но жизнь командира стоит дороже жизни рядового бойца. Поэтому процент офицеров в безвозвратных потерях обычно ниже, чем их процент в армии. И чем бережнее относится командование к офицерским кадрам, тем больше разрыв между этими двумя цифрами. Посмотрим, как соотносится процент офицеров в армии с их процентом в безвозвратных потерях для вермахта и РККА. Для Красной Армии это будет $14,32 / 8,6 = 1,67$, для немецкой (на Восточном фронте) – $3,2 / 2,38 = 1,34$. Получается, что наших офицеров берегли больше, чем немецких, особенно если учесть, что в этих расчётах у нас к офицерам причислены и неофицеры, занимавшие офицерские должности (доля собственно офицеров в безвозвратных потерях советских Вооружённых сил – 7,98 %), а у немцев процент офицеров в войсках взят по штатному расписанию (фактически же, в связи с постоянной убылью комсостава, он наверняка был ниже).

Что же получается? Вопреки исполненным пафоса рассуждениям Сафира именно в Красной Армии, а не в вермахте к офицерам относились как к «дефициту, достоянию нации».

В целом же статья Сафира заставляет вспомнить пресловутую евангельскую притчу о соринке в чужом глазу и бревне в собственном. Обличая генерала Гареева, сам он как раз и занимается «тиражированием мифов о Великой Отечественной войне», подтасовывая и передёргивая факты.

Вопрос же о потерях наших Вооружённых сил в Великой Отечественной войне, естественно,

требует дальнейшего изучения.

Глава 16. «Винтики»

Итак, война закончена, враг разгромлен. 25 июня 1945 года на Красной площади состоялся Парад Победы. Однако нынешние доморощенные борцы с тоталитаризмом, которым не даёт покоя тот неоспоримый факт, что победа была достигнута под руководством Сталина, готовы и тут выплеснуть очередное ведро помоев на Верховного главнокомандующего.

Например, вот что пишет в своей книге некая Е. С. Сенявская:

«Безусловно, победа в войне укрепила авторитет Сталина внутри страны и за рубежом, тем более что и он сам, и вся пропагандистская машина делали всё, чтобы представить его спасителем Отечества, приписать ему все заслуги в войне. Миллионы простых солдат и офицеров были для генералиссимуса всего лишь “винтиками”, как он обмолвился в своём тосте в честь Парада Победы. Оскорбительный характер этого тоста с обидой вспоминают многие фронтовики» .

После последней фразы у Сенявской стоит ссылка: «Афанасьев А., Бордюгов Г. Украденная победа // Комсомольская правда. 1990. 5 мая». Как мы уже убедились, верить на слово обличителям сталинизма не стоит. Поэтому давайте не поленимся и заглянем в подшивку «Комсомольской правды» за май 1990 года.

Вот и статья, на которую ссылается Елена Спартаковна – беседа политического обозревателя «Комсомольской правды» Александра Афанасьева с ведущим сотрудником ИМЛ Геннадием Бордюговым. Сразу же обнаруживаем дежурный набор перестроечных штампов: «выкошенные» в результате репрессий генералитет и офицерство, впавший 22 июня в прострацию Сталин и т. п. А вот и то, что нам нужно:

«Обычно цитирую его (Сталина. – И.П.) знаменитый майский – 45-го года – тост за многотерпеливый русский народ... Мало ведь кто вспоминает, что буквально через месяц, в день Парада Победы, он внёс небольшую, но существенную коррективу в тост: добавил одно только подлое словечко, назвал народ-победитель... винтиком. Это не упражнение в стилистике. И не простое оскорбление. Это куда серьёзнее: коррекция запечатлела совершаемый крутой сдвиг в государственной политике» .

Позвольте, а где же «многие фронтовики», якобы оскорблённые сталинским тостом? Оказывается, это всего лишь личное мнение Бордюгова. Который к фронтовикам никакого отношения не имеет, поскольку родился в 1954 году. Таким образом, предчувствия меня не обманули. Оказалось, что Сенявская с этой ссылкой просто-напросто сжульничала.

Впрочем, соответствующая глава книги Сенявской прямо-таки пестрит ссылками на перестроечную прессу. Нет, я вовсе не хочу сказать, что всё опубликованное в газетах является заведомой ложью. Тем не менее ссылками на газетные публикации, в особенности перестроечной и послеперестроечной поры, можно «обосновать» любую чушь. Начиная от «100 миллионов жертв сталинских репрессий» и кончая прилётом НЛО с зелёными человечками на борту.

Вот Елена Спартаковна тут же пишет: «например, среди мужчин 1923 г. рождения уцелело всего 3 %» . Само по себе утверждение, мягко говоря, сомнительное. Ведь согласно демографической статистике, накануне Великой Отечественной войны в СССР имелось 8,6 млн мужчин 1919–1923 годов рождения, а в 1949 году их оставалось в живых 5,05 млн. На что же ссылается Сенявская, обосновывая свой тезис? На документы из архивов министерства обороны? Или, может быть, на демографические данные? Разумеется, нет. На статью, опубликованную 9 мая 1986 года в газете «Советская Россия». Что весьма красноречиво свидетельствует о методах работы, используемых данной исследовательницей.

Но вернёмся к пресловутым «винтикам». 25 июня 1941 года после Парада Победы в Кремле состоялся приём в честь его участников. Были подняты тосты за Сталина, за командующих фронтами и армиями, за командующих советской артиллерией, за здоровье Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, в честь правительства, Генерального штаба. Не были забыты и начальник тыла Красной Армии генерал Хрулёв, и присутствующие на приёме академики и конструкторы.

После этого и выступил Сталин. Приведу его тост полностью:

«Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают “винтиками” великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо “винтик” разладился – и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за

“винтики”, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей» .

И что же здесь оскорбительного? Попытки переиначить этот тост в сторону неуважения к простым людям просто несерьёзны, хотя нередко встречаются.

Впрочем, не исключено, что кто-то из фронтовиков действительно счёл себя оскорблённым этими сталинскими словами. Подавляющее большинство ветеранов войны – люди достойные и уважаемые. Но, увы, в семье не без урода. Расстрелянный за шпионаж в пользу США и Англии предатель Олег Пеньковский, Солженицын или Астафьев тоже являются фронтовиками.

Стремилась ли сталинская пропаганда превратить граждан Советского государства в безропотных «винтиков»? Вспомним фильмы того времени. В большинстве из них мы встречаем физически и духовно сильных, энергичных людей, не боящихся отстаивать своё мнение. Вот фильм 1941 года – «Валерий Чкалов». Там герой и легенда поколения 1930-х, нарушая все инструкции и запреты, пролетает под Троицким мостом в Ленинграде. За это его сажают под арест и отстраняют от полётов. Но киношный Чкалов, как, впрочем, и реальный, уверен в оправданности своего поступка. И действительно, в условиях войны практика ведения воздушного боя на предельно малой высоте оказалась исключительно эффективной и спасла немало жизней наших лётчиков.

Подобных примеров можно привести множество. Все средства пропаганды «тоталитарного режима» были направлены на воспитание по-настоящему свободного и гордого человека, чуждого угодливости и презирающего бюрократическую рутину. Не послушный винтик системы, а гордая и непокорная личность служила примером для подражания молодёжи в сталинском СССР. Только с такими людьми, не боящимися проявлять инициативу, принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность, и можно было победить в той великой войне.

Использованная литература

- 1941 год: В 2 кн. Книга 1 / Сост. Л. Е. Решин и др. М., 1998.
1941 год: В 2 кн. Книга 2 / Сост. Л. Е. Решин и др. М., 1998.
XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчёт. М., 1934.
Амосов И., Почтарёв А. Цель – уничтожить Балтфлот // Независимое военное обозрение. 21–27 января 2005 г. № 2 (410).
Антанта и Врангель. Сборник статей. Выпуск 1. М.; Пг., 1923.
Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб., 2003.
Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1945. СПб.; Хельсинки, 2002.
Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919 / Перевод и примечания Е. С. Берловича. М.; Л., 1927.
Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
Бешанов В. В. Танковый погром 1941 года. (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?) Мн.; М., 2000.
Бобров Н. Н. Дважды Герой Советского Союза В. Д. Лавриненков. М., 1950.
Бокарев Ю. П. Директива № 21 // Россия XXI. 1997. № 1–2.
Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны / Пер. с англ. А. Н. Павлова. М., 2001.
Большая советская энциклопедия. 1-е издание. Т.20. М., 1930.
Большая советская энциклопедия. 1-е издание. Т.61. М., 1934.
Большая советская энциклопедия. 2-е издание. Т.21. М., 1953.
Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т.14. М., 1973.
Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т.22. М., 1975.
Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т.27. М., 1977.
Бородин В. П. День Победы. К 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1996.
Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб., 1905.

- Брюханов А. И. Вот как это было: О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. М., 1958.
- Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981.
- Буслаев А. А., Мазур К. А., Шумейко Ю. И. Неоплаченный долг // Военно-исторический журнал. 1992. № 9.
- Вакар Н.П. П. Н. Милюков в изгнании // Новый журнал (The New Review). Нью-Йорк, 1943. VI. С.375.
- Валентинов А. Болото Анахрон // Валентинов А. Созвездье Пса: Избранные произведения. М., 2002.
- Владимиров О. В. Деятельность советской военно-морской разведки в Германии. 1939–1941 годы // Отечественная история. 2004. № 3.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.
- Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960.
- Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 79–80.
- Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 39–40.
- Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М. М. Загоруйко, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская / Под ред. М. М. Загоруйко. М., 2000.
- Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х книгах. Кн. II. Ч.1. М., 1989.
- Вопросы истории. 1990. № 6. С.187.
- Гальдер Ф. Военный дневник. Т.2 (1.07.1940-21.06.1941) / Пер. с нем. И. Глаголева и Л. Киселёва; под ред. и с предисл. Д. Прозектора. М., 1969.
- Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. В 2-х кн. Книга первая (22.06.1941-30.09.1941) / Пер. с нем. И. Глаголева; под ред. и с предисл. генерал-лейтенанта П. А. Жилина. М., 1971.
- Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1.
- Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т.1. М., 1987.
- Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. Т.1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. М., 1990.
- Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. Т.2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. М., 1990.
- Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001.
- Горлов С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. М., 2001.
- Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987.
- Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф.Кривошеева. М., 1993.
- Гришин Я. Я. Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932–1939 гг. Казань, 1999.
- Данилов В. Сталин опоздал... // Родина. 1995. № 7.
- Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т.1. Подготовка и развёртывание нацистской агрессии в Европе 1933–1941. М., 1973.
- Девятаев М. П. Побег из ада. Казань, 2000.
- Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / Публ. А.Г.Фесюна. СПб.; М., 2000.
- Дипломатический словарь в трёх томах. Т.1. М., 1984; Т.2. М., 1985; Т.3. М., 1986.
- Документы внешней политики СССР. Т.1. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М., 1957.
- Документы внешней политики СССР. Т.3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М., 1959.
- Документы внешней политики СССР. Т.17. 1 января – 31 декабря 1934 г. М., 1971.
- Документы внешней политики СССР. Т.18. 1 января – 31 декабря 1935 г. М., 1973.
- Документы внешней политики СССР. Т.19. 1 января – 31 декабря 1936 г. М., 1974.
- Документы внешней политики СССР. Т.20. Январь – декабрь 1937 г. М., 1976.
- Документы внешней политики СССР. Т.21. 1 января – 31 декабря 1938 г. М., 1977.
- Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т.2. Январь – август 1939 г. М., 1981.
- Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времён до наших дней. Варшава, 1995.
- Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер.

- Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992.
- Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1914 года. Пг., 1914.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 13-е, исправленное и дополненное по рукописям автора. В 2-х т. Т.1. М., 2002.
- Журавель В. А. Технологии Третьего рейха на службе СССР // История науки и техники. 2002. № 5.
- Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6, 7.
- Земсков В. Н. Заключённые, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5.
- Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5, 6.
- Земсков В. Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4.
- Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Интриги. Вражда. Заговоры. М., 2000.
- Зенькович Н. А. Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплёка. М., 2004.
- Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. М., 1998.
- Зимонин В. П. Новый труд о мировых войнах XX века // Отечественная история. 2004. № 1.
- Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
- Ивашутин П. И. Докладывала точно. Воспоминания о минувшей войне // Военно-исторический журнал. 1990. № 5.
- Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 216–220.
- Изнанка революции – вооружённое восстание в России на японские средства. СПб., 1906.
- Исаев А. В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2004.
- Исторический архив. 1992. № 1. С.56.
- Исторический архив. 1996. № 2–4.
- История Второй мировой войны 1939–1945. Т.3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974.
- История отечественного судостроения. В пяти томах. Т.4: Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925–1945 гг. СПб., 1996.
- История Первой мировой войны 1914–1918. В двух томах. Т.1. М., 1975.
- Казakov М. И. Над картой былых сражений. М., 1971.
- Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л.А.Киршнер. Л., 1991.
- Керсновский А. А. История русской армии в 4 томах. Т.2. М., 1999.
- Киселев В. Н., Раманичев Н. М. Последствия оценок // Военно-исторический журнал. 1989. № 7.
- Коваль В. С. «Барбаросса»: истоки и история величайшего преступления империализма. Киев, 1989.
- Кожин В. В. Великая война России. М., 2005.
- Кокурин А., Петров Н. НКВД: структура, функции, кадры. Статья вторая (1938–1941) // Свободная мысль. 1997. № 7.
- Кокурин А., Петров Н. НКВД-НКГБ-Смерш: структура, функции, кадры. Статья четвертая (1944–1945) // Свободная мысль. 1997. № 9.
- Командование корпусного и дивизионного звена советских Вооружённых сил периода Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1964.
- Корнюхин Г. Ф. Советские истребители в Великой Отечественной войне // Спик М. Асы союзников. Смоленск, 2000.
- Красная Армия за год до фашистской агрессии // Военно-исторический журнал. 1996. № 3.
- Кривошеев Г. Ф. Некоторые новые данные анализа сил и потерь на Советско-германском фронте // Доклад на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны 29.12.1998.
- Кузьмичёв И. В. Штрафники // Сержант. 2000. № 1 (14).
- Лашенко П. Н. Продиктован суровой необходимостью // Военно-исторический журнал. 1988. № 8.
- Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940–1942. М., 2005.
- Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России / Сост. А.Т.Жадобин и др. М., 2002.
- Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999.
- Маслов М. С. Германский флот от Версаля до Нюрнберга. М., 2004.

- Матиясевич А. М. По морским дорогам. Л., 1978.
- Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. М., 2002.
- Меженко А. В. Военнопленные возвращались в строй... // Военно-исторический журнал. 1997. № 5.
- Мельников Д. Е., Чёрная Л. Б. Тайны гестапо. Империя смерти. М., 2000.
- Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001.
- Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения.) М., 2002.
- Мильштейн М. А. По данным разведки... Ещё раз о 22 июня 1941 года // Новое время. 1990. № 26.
- Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война / Сокр. пер. с англ. Е. Федотова. М., 1972.
- Мэйсон Д. «Странная война» // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992.
- Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2003.
- На стапелях под огнём. Сборник воспоминаний и очерков. Л., 1986.
- Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М., 1993.
- Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.
- Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995.
- Некрич А. М. 1941, 22 июня. 2-е изд. М., 1995.
- Нилов Е. Г. Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4–5.
- Новобранец В. А. Накануне войны // Знамя. 1990. № 6.
- О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущёва Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.
- Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1913 год. Часть I / Издание Департамента Таможенных Сборов. СПб., 1914.
- «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. М., 2003.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1. Накануне. Книга 1. Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. М., 1995.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1. Накануне. Книга 2. 1 января – 21 июня 1941 г. М., 1995.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 1. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 2. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000.
- Оружие победы / Под ред. В. Н. Новикова. Изд. 2-е. М., 1987.
- Первышин В. Молох // Российские вести. 1991. Июнь. № 6.
- Песков В. Шёл солдат... // Братишка. Май 2002. № 5 (53).
- Петров В., Тихонов Ю. А был ли Геринг? // Родина. 2004. № 1.
- Петров В., Тихонов Ю. Советский полигон люфтваффе // Родина. 2004. № 1.
- Поздеева Л. В. Англия и ремилитаризация Германии. 1933–1936. М., 1956.
- Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М., 1983.
- Похлёбкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Вып. II. Войны и мирные договоры. Кн.3: Европа в 1-й половине XX в. Справочник. М., 1999.
- Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы / Под ред. и с предисл. П.А.Жилина. М., 1987.
- Приказы народного комиссара обороны СССР: 1937 – 22 июня 1941 г. / Сост. Емелин А. С. и др. М., 1994.
- Приказы народного комиссара обороны СССР: 22 июня 1941–1942 г. / Сост. Барсуков А. И. и др. М., 1997.
- Приказы народного комиссара обороны СССР: 1943–1945 гг. / Сост. Барсуков А. И. и др. М., 1997.
- Прозектор Д. М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во

Второй мировой войне. М., 1972.

- Пыльцын А. В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошёл до Берлина. СПб., 2003.
- Пыхалов И. В. Государство из царской пробирки // Спецназ России. 2005. № 1–4.
- Радзинский Э. С. Сочинения в семи томах. Т.2. Сталин. М., 1998.
- Размеров В. В. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии (1933–1935 гг.). М., 1958.
- Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. Измена Родине. М., 1995.
- Розанов Г. Л. Сталин – Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М., 1991.
- Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.
- Сафир В. М. Генерал армии М. А. Гареев не приемлет факты и продолжает тиражировать мифы о Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. Вып.10. М., 2000.
- Сахаров В. Крушение мифа. (Если бы Сталин поверил Зорге...) // Молодая гвардия. 1991. № 10.
- Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917.
- Секистов В. А. Война и политика. М., 1970.
- Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и её крах. М., 1991.
- Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
- Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5.
- Сиполс В. Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939–1941. М., 1997.
- Смирнов А. Большие манёвры // Родина. 2000. № 4.
- Соболев Д.А., Хазанов Д. Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М., 2000.
- Советская военная энциклопедия. Т.6. М., 1978.
- Советская кавалерия. Военно-исторический очерк / А.Я.Сошников, П. Н. Дмитриев, А. С. Арутюнов и др. М., 1984.
- Соколов Б. Необходимое дополнение // Знание – сила. 2002. № 10.
- Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Том первый. М., 1989.
- Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Том третий. М., 1989.
- Сошнев В.С. С верой в победу. М., 1981.
- Стаднюк И. Ф. Исповедь сталиниста. М., 1993.
- Сталин И. В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т.13. М., 1951.
- Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / Сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, Ю. В. Сигачёв. М., 2000.
- Статистический ежегодник России. 1914 г. (год одиннадцатый). СПб., 1915.
- Стенограмма февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) // Военно-исторический журнал. 1993. № 1.
- Суворов В. День «М»: Когда началась Вторая мировая война? М., 2002.
- Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940 / Пер. с англ. В. Д. Кайдалова. М., 2003.
- Тейлор А. Вторая мировая война // Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995.
- Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1999.
- Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. М.; СПб., 2002.
- Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 15 ноября 1940 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1940.
- Уильямс Н., Уоллер Ф., Роуэтт Д. Полная хронология XX века. М., 1999.
- Урланис Б. Ц. История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери Вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994.
- Усов М. Военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами // Техника и вооружение. 2004. № 7.
- Федосеев С. Танки в Первой мировой войне. Великобритания, Франция, Германия (1916–1918 гг.) // Техника и вооружение вчера, сегодня, завтра... Ноябрь-декабрь 2001. № 11–12.
- Финкельштейн Ю. Подвиг разведчика // Знание – сила. 2002. № 10.
- Фон Штрандман Х. П. Обостряющиеся парадоксы: Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи. 1939–1941 // Война и политика, 1939–1941. М., 1999.
- Фоулер Дж. Кавалерийские части Германии и её союзников во Второй мировой войне / Пер. с англ. Г.Г.Вершубской. М., 2003.

- Фролов М. И. Адольф Гитлер: «Ядовитое гнездо Петербург... должен исчезнуть с лица Земли» // Военно-исторический журнал. 2001. № 9.
- Фуллер Дж. Ф. Ч. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор / Пер. с англ. В. А. Герасимова и Н. Н. Яковлева. Под ред. полковника А. Д. Багреева. М., 1956.
- Хайэм Ч. Торговля с врагом / Пер. с англ. М., 1985.
- Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.
- Хрущёв Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания.) Кн.1. М., 1999.
- Челышев И. А. СССР – Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999.
- Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003.
- Черушев Н. С. Статистика антиармейского террора // Военно-исторический архив. 1998. № 3.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Т.1: Надвигающаяся буря. М., 1997.
- Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992.
- Шабаев А. А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 1998. № 3.
- Шавров В. Б. История конструкций самолётов в СССР до 1938 года. 4-е изд., исправл. М., 1994.
- Шахурин А. И. Крылья победы. Изд. 3-е, доп. М., 1990.
- Шевяков А. А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования. 1995. № 5.
- Шелленберг В. Мемуары / Пер. с нем. М., 1991.
- Ширер У. Взлёт и падение Третьего рейха. В 2-х томах. Т.1. М., 1991.
- Широкоград А. Б. Гений советской артиллерии: Триумф и трагедия В. Грабина. М., 2002.
- Широкоград А. Б. Северные войны России. М.; Минск, 2001.
- Шмелёв И. П. Бронетанковая техника Германии во Второй мировой войне // Техника и вооружение вчера, сегодня, завтра... Ноябрь-декабрь 2000. № 11–12.
- Штейнберг М. Когда слово «военнопленный» звучит гордо // Независимое военное обозрение. 14–20.01.2005. № 1 (409).
- Щеглов Д. А. В ополчении. М., 1960.
- Эмери Л. Моя политическая жизнь / Сокр. пер. с англ. А. О. Зелениной, С. О. Митиной и А. Л. Миранского. М., 1960.
- Энциклопедический словарь. Т. XXXVI. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1902.
- Якобсен Г. –А. 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995.
- Dorgeles R. La drole de guerre 1939–1940. Paris, 1957.
- Hall D.I. «Black, White and Grey»: Wartime Arguments for and against the Strategic Bomber Offensive // Canadian military history. 1998. Volume 7. ?1.
- Highham Charles. Trading with the Enemy: An Expose of the Nazi-American Money Plot 1933–1949. New York, 1983.
- The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949. New Haven; London, 2003.
- Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. Т. III. Warszawa, 1968.

Газетные публикации

- 22 июня 1941 года. Могло ли всё быть по-иному? // Красная Звезда. 16 июня 2001. № 108 (23409).
- Агентство Гавас о военных действиях Франции // Правда. 10 сентября 1939. № 251 (7936).
- Академик К. Я. Кондратьев: «Солдаты сами шли вперёд» // Новый Петербургъ. 8 мая 2001. № 19 (486).
- Англо-германская война // Правда. 9 сентября 1939. № 250 (7935).
- Анфилов В. А. Начало... // Красная Звезда. 22 июня 1988. № 143 (19630). С.2.
- Баранец Д. Русская невеста Германа Геринга // Комсомольская правда. 27 февраля 1998. № 38 (21772).
- Бегство польского правительства // Правда. 19 сентября 1939. № 260 (7945).
- Безудержная наглость польских фашистов // Правда. 1938. 27 сентября. № 267 (7592).
- Белоцерковский В. Война. Гитлер. Сталин // Новая газета. 21 июня 2001. № 42.
- Бомбардировка Альмерии германскими военными кораблями // Известия. 1 июня 1937. № 127 (6289).
- Военные действия между Германией и Францией // Правда. 9 сентября 1939. № 250 (7935).
- Военные действия между Германией и Францией // Правда. 11 сентября 1939. № 252 (7937).

- Военные действия на франко-германской границе // Правда. 8 сентября 1939. № 249 (7934).
- Кирсанов С. В городе Вильно // Правда. 27 сентября 1939. № 268 (7953).
- Козлов А. Офицеры и солдаты // Правда. 27 сентября 1939. № 268 (7953).
- Мухин Ю. И. Подонки от истории // Дуэль. 10 августа 1999. № 32 (123).
- Налёты английской авиации на германскую территорию // Правда. 7 сентября 1939. № 248 (7933).
- Переброска германских военных сил на Западный фронт // Правда. 11 сентября 1939. № 252 (7937).
- Польские фашисты готовят путч в Тешинской Силезии // Правда. 24 сентября 1938. № 264 (7589).
- Попов Ю. План «Барбаросса» рассекретила «Альта». Кто первым сообщил в Москву о приказе Гитлера напасть на СССР // Труд. 20–26 июня 2002. № 104 (24062).
- Последнее решение Лиги Наций. Сообщение ТАСС // Правда. 16 декабря 1939. № 346 (8031).
- Последний бой Игоря Лифанова // Панорама ТВ Петербурга. 2005. № 10(606).
- Правда. 18 сентября 1939. № 259 (7944). С.1.
- Правда. 25 октября 1939. № 296 (7981). С.1.
- Правда. 28 октября 1939. № 299 (7984). С.1.
- Правда. 30 октября 1939. № 301 (7986). С.1.
- Правда. 2 ноября 1939. № 304 (7989). С.1.
- Правда. 3 ноября 1939. № 305 (7990). С.1.
- Приём в Кремле в честь участников Парада Победы // Правда. 27 июня 1945. № 152 (9923).
- Провокации агрессоров не прекращаются. «Инциденты» на границах // Правда. 30 сентября 1938. № 270 (7595).
- Провокации польских фашистов // Правда. 28 сентября 1938. № 268 (7593).
- Размышления по поводу двух гражданских войн. Интервью А. И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 4 июня 1991. № 125 (20125).
- Сеппяля Х. Как проходили сражения // За рубежом. 1989. № 48 (1533).
- Украденная победа. Беседа политического обозревателя «Комсомольской правды» Александра Афанасьева с ведущим сотрудником ИМЛ Геннадием Бордюговым // Комсомольская правда. 5 мая 1990. № 104 (19804).
- Фомин В. История одной бомбардировки // Красная Звезда. 23 июня 2001. № 113 (23414).
- Чернявский И. Ф. «Ни шагу назад!» – второе дыхание Победы // Дуэль. 23 июля 2002. № 30 (275).
- Яковлев А. Н. Жириновскому и другим «патриотам» в жирных кавычках // Известия. 25 апреля 1995. № 76 (24435).